ВНУТРЕННЯЯ ВОЙНА

Александр

ШИРОКОРАД

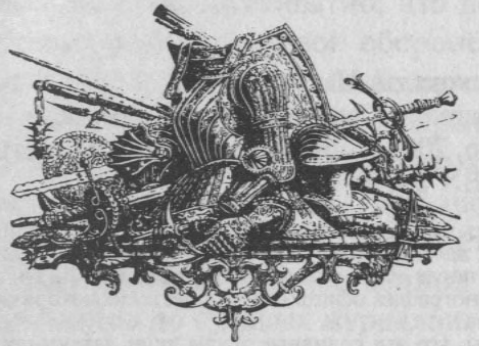

ТРАГЕДИИ
Севастопольской крепости

КРЕПОСТИ

ВНУТРЕННЯЯ ВОЙНА

АЛЕКСАНДР
ШИРОКОРАД

Трагедии
Севастопольской крепости

Москва
Эксмо
«Яуза»
2005

ББК 63.3(2)622.11
Ш 64

Оформление серии художника *В. Щербакова*

Широкорад А.И.

Ш 64 Трагедии Севастопольской крепости. — М.: Яуза, Эксмо, 2005. — 544 с. — (Бунич. 500-летняя война).
ISBN 5-699-10622-7

Есть ли у Севастопольской крепости своя тайна? Конечно, есть, и даже не одна. Но, с другой стороны, какие могут быть тайны после «Севастопольских рассказов» Л. Толстого и десятков монографий официальных советских историков от Тарле до Ванеева?

Увы, все эти солидные труды лишь затемнили картину двух оборон Севастополя. До сих пор остаются не выясненными десятки важных вопросов. Мог ли, например, русский флот в 1854 г. атаковать перегруженную десантом англо-французскую эскадру, или самозатопление наших кораблей было неизбежно? Верно ли, что адмирал Октябрьский весь 1941 г. воевал с итальянским флотом, не покидавшим пределы Средиземного моря? Генерал-полковник Манштейн утверждал, что при вторжении германских войск в Крым у него не было ни одного танка, а в июне 1942 г. в последнем штурме Севастополя участвовал... только один танковый батальон. Советские же историки, наоборот, говорят в обоих случаях о танковых армадах в 400—500 и более танков. Кто же прав? Кто планировал начать химическую войну в Крыму в 1942 г.? Как в послевоенное время в Севастополе возник подземный город со стартовыми позициями крылатых ракет, базами подводных лодок, рядом предприятий от судоремонтных заводов и электростанций до хлебопекарен и госпиталей?

Об этом и о многом другом читатель узнает из предлагаемой книги.

ББК 63.3(2)622.11

ISBN 5-699-10622-7

© А. Б. Широкорад, 2005
© ООО «Издательство «Яуза», 2005
© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Вместо предисловия

О Севастополе и двух его оборонах в 1854—1855 гг. и в 1941—1942 гг. написаны сотни книг и сняты сотни кинофильмов. Любопытно, что первый художественный фильм о первой обороне Севастополя снят в 1905 г. И тем не менее история Севастопольской крепости до сих пор покрыта тайной. По сей день секретны планы береговых укреплений, даже тех, что построены при царе Горохе (в 1876—1917 гг.). Секретны и совсекретны документы времен Великой Отечественной войны от директив Сталина до судовых журналов. Секретны сведения о минных постановках в 1941—1944 гг. и послевоенном тралении их. До сих пор не установлены достоверно причины гибели линкоров «Императрица Мария» и «Новороссийск» и БПК «Отважный».

Понятно, что уж совсем покрыто тайной строительство с 1949 г. подземного города в районе Севастополя с ракетными базами, скальной стоянкой подземных лодок, заводом, штабами, складами и т. д. Наконец, почему 40 лет был закрыт от советского народа прекрасный уголок Южного берега Крыма от Фороса до Севастополя? Там проходили сверхсекретные испытания различных видов оружия от баллистических ракет до противолодочных торпед.

С 1990 г. в России и на Украине вошли в моду публикации разоблачительных сенсационных материалов, среди которых были и содержащие неопровержимые факты, и наполненные безудержной фантазией автора. В предложенной монографии приведены только достоверные факты, взятые из рассекреченных архивных материалов или из мемуаров непосредственных участников событий.

Раздел I

Черноморская твердыня империи

Глава 1

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА И ОСНОВАНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ

В апреле 1783 г. Екатерина II издала манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу». В нем говорилось: «В прошедшую с Портой Оттоманскую войну, когда силы и победы оружия Нашего давали Нам полное право оставить в пользу Нашу Крым, в руках Наших бывший, Мы сим и другими пространными завоеваниями жертвовали тогда возобновлению доброго согласия и дружбы с Портою Оттоманскую, преобразив на тот конец народы татарские в область вольную и независимую, чтобы удалить навсегда случаи и способы к распрям и остуде, происходившим часто между Россиею и Портою в прежнем татар состоянии... Но ныне... по долгу предлежащего нам попечения о благе и величии Отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством, навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир между империями Российскою и Оттоманскою заключенный, который мы навсегда сохранить искреннее желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков Наших, решилися Мы взять под державу Нашу полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону».

Как и почему Крым был присоединен к России? Этот вопрос с 1991 г. стал куда более актуальным, чем в предшествующие два века.

История почти трех столетий войн России с Турцией и крымскими ханами сложна и противоречива[1]. Здесь же я хотел бы отметить лишь ряд принципиальных моментов.

Начну с того, что в IX—XI веках Черное море называлось Русским морем. Согласно Византийской хронике, начиная с VII века флотилии русских судов неоднократно появлялись у стен Константинополя. Со времен Александра I и до брежневских времен каждый школьник знал историю о щите Олега Вещего, прибитом к стенам Царьграда.

Многие из походов русских на Византию, включая взятие Херсонеса Таврического Владимиром Святым, кончались подписанием мирных договоров с империей ромеев. Большая часть этих договоров посвящалась условиям торговых отношений между Русью и Византией. Тексты договоров и прямо, и косвенно показывают огромный (для тех времен) товарооборот Руси с Византией[2]. С конца X века к торговле добавились и церковные связи. Замечу, что в то время и купцы, и попы путешествовали исключительно по Черному морю, а не сухим путем через Балканский полуостров или Кавказ.

Но вот в середине XIII века Причерноморье было занято татарами, а в XV веке под ударами турок-османов погибла Византийская империя. В итоге русская торговля со странами Восточного Средиземноморья приходит в полный упадок. С начала XVI века крымские татары становятся бичом Московии и Малой России[3].

[1] Подробнее об этом рассказано в моей книге «Русско-турецкие войны» (Минск, Харвест; М., АСТ, 2000).

[2] Не будем забывать, что в то время в составе Византии было почти все Восточное Средиземноморье.

[3] Термин «Малая Русь» появился в конце XIII в. в Галицком королевстве, а термин «Украина» применительно к Малой Руси — лишь в XVII в.

В советской исторической литературе истории Крыма с античных времен до XIII века посвящены десятки изданий, а по истории Крымского ханства не было издано ни единой книги до 1990 года. В изданиях же по русской истории авторы лишь вскользь касались Крымского ханства.

Это было связано как с депортацией крымских татар в 1944 г., так и с несоответствием истории ханства теории марксизма-ленинизма. Марксисты считали, что в Средние века существовало два класса — феодалы и крепостные крестьяне. Причем первые жили за счет непосильного труда вторых. Но Маркс утверждал это, имея в виду феодальные отношения в Западной Европе, а вот Ленин и К°, не мудрствуя лукаво, перенесли это положение на народы всего мира.

Когда говорят «феодализм», «капитализм» или «социализм», автоматически подразумевается, что основной способ производства — феодальный, капиталистический или, соответственно, социалистический. В Крымском же ханстве феодальный способ производства имел место, но он не приносил и половины валового дохода ханства. Основным же способом производства был грабеж соседей. Такой способ не описан Марксом по той простой причине, что подобных государств в Западной Европе в XIII—XIX веках вообще не было. Вот, к примеру, Швеция и Русь провели между собой почти два десятка больших и малых войн. В ходе боевых действий обе стороны жгли и грабили деревни, насиловали женщин, убивали мирных жителей. Но все это было побочными продуктами войны. Целью же войны было подписание мира, сопряженного с территориальными приобретениями, льготами в торговле и т. п. Средством достижения мира было уничтожение вооруженных сил неприятеля. За несколькими годами войны между Швецией и Рос-

сией следовали лет 50 мира, а то и 100—200 лет. То же самое было и у других европейских государств, например у Франции и Испании.

Крымские же татары совершали набеги на соседей практически ежегодно. Они никогда не осаждали крепостей и вообще не стремились к генеральным сражениям с основными силами противника. Стратегическая и она же тактическая цель их войны — награбить и благополучно увезти награбленное. Регулярных войск крымские ханы практически не имели. Войско в поход собиралось из добровольцев. Как писал историк Д.И. Яровицкий: «Недостатков в таких охотниках между татарами никогда не было, что зависело главным образом от трех причин: бедности татар, отвращения их к тяжелому физическому труду и фанатической ненависти к христианам, на которых они смотрели, как на собак, достойных всяческого презрения и беспощадного истребления»[1].

Историк Скальковский подсчитал, что общее число татар в XVIII веке в Крыму и ногайских степях — 560 тысяч человек обоего пола или 280 тысяч мужского пола. Историк Всеволод Коховский полагал, что крымский хан для больших походов в христианские земли поднимал почти треть всего мужского населения своей страны.

А в середине XVI века Девлет Гирей вел с собой на Русь и по 120 тысяч человек. Таким образом, в разбоях участвовали не крымские феодалы, как утверждали советские историки, а, собственно, все без исключения мужское население Крыма. Это, кстати, подтверждают запорожские и донские казаки, нападавшие на Крым во время походов хана на Россию. В Крыму они видели очень мало мужчин, кроме, разумеется, десятков тысяч рабов, угнанных из России, Украины, Польши и других стран.

[1] Яровицкий Д.И. История запорожских казаков. Киев, Наукова думка, 1990. Т. 1. С. 322.

Между прочим, Маркс и Энгельс не стеснялись называть крымских татар разбойниками. Но вот наши отечественные марксисты так и не решились выговорить это слово ни при Ленине, ни при Сталине, ни при Хрущеве.

Сейчас официальные украинские историки на своих картах XV—XVII веков показывают расселение «украинцев» в современных границах. На самом же деле около трети современной Украины в результате татарских набегов до второй половины XVIII века были дикой степью.

В XVI—XVIII веках Русское государство пыталось защититься от татар системой укреплений — засек и крепостей, на что уходила значительная часть бюджета России, но не спасало от набегов. До Екатерины II Россия фактически платила дань крымским ханам. Другой вопрос, что наши правители именовали дань подарками, но Гиреи считали себя правопреемниками золотоордынских ханов, а «подарки» русских — продолжением выплаты дани Золотой Орде.

С конца XV века крымские ханы стали вассалами турецких султанов, а турки начали строительство крепостей в устьях Дона и Днепра, дабы навсегда предотвратить возможность выхода русских судов в Черное море.

В такой ситуации у России не было иной возможности обеспечить безопасность своих южных границ, кроме как присоединить Крым. До сих пор ни один самый ярый русофоб не предложил альтернативы этому.

10 июля 1774 г. Россия и Турция подписали Кючук-Кайнарджийский мир. Этот договор привел Крым в метастабильное положение. Формально Крымское ханство было объявлено независимым. Но турецкий султан по-прежнему был духовным главой татар. Крымский хан, вступающий на престол, должен был быть утвержден султаном. Профиль султана по-прежнему чеканил-

ся на крымских монетах. За него продолжали молиться во всех мечетях.

С другой стороны, в нескольких районах Крыма остались русские войска, а из Петербурга в Крым не пересыхал золотой ручеек, заканчивавшийся в бездонных кошельках татарских мурз. Естественно, что в Крыму образовались две враждующие между собой партии: русская, стоявшая за дружбу с Петербургом, и турецкая, призывавшая татар вернуться в подданство Турции.

Екатерина действует в Крыму по классической схеме, ведя политику кнута и пряника. Кнут — это русские войска в Крыму, а пряник — сотни тысяч, если не миллионы, золотых рублей, ушедших на подкуп турецких феодалов.

Турецкая партия в Крыму неоднократно просила султана о посылке турецких войск.

И вот рескриптом Екатерины Великой Крым присоединен к России. Екатерина блестяще закончила дело Дмитрия Донского, Ивана III и Ивана Грозного. Екатерина писала, что по приобретении Крыма «исчезает страх от татар, которых Бахмут, Украйна и Елисаветград поныне еще помнят».

Тем не менее еще в начале XX века старики на юге Украины ругались: «Чтоб тебя крымская сабля посекла».

За прошедшие 200 лет нашлось немало историков как за рубежом, так и у нас, осуждавших Екатерину Великую за «захват Крыма и лишение татар независимости». Не будем напоминать, как в XVIII и XIX веках Англия и Франция захватывали территории в Африке и Азии, не будем вспоминать истребление индейцев в Америке. Скажем лишь, что даже по меркам современной морали и права Екатерина поступила вполне лояльно с татарами, принесшими столько горя Руси.

Григорий Потемкин в ордере командующему русскими войсками в Крыму генералу де Бальмену от 4 июля 1783 г. указал: «Воля ее императорского величества есть, чтобы все войска, пребывающие в Крымском полуострове, обращались с жителями дружелюбно, не чиня отнюдь обид, чему подавать пример имеют начальники и полковые командиры».

Великая императрица была и великой конформисткой. Она без лишней огласки, даже не спросив мнения русского дворянства, дала все дворянские права всем татарским мурзам. Позже русские историки XIX века острили, что в первые годы после присоединения Крыма дворянство давалось каждому, кто носил саблю на боку и орал, что он «балшой человек».

Мало того, многие из татар были поставлены военными и гражданскими чиновниками. Так, Метша бей Ширинский был временно назначен областным предводителем дворянства и получил чин коллежского советника (чин VI класса, соответствовавший военному званию полковника).

Согласно «Очерку военной службы крымских татар с 1783 по 1899 г.» татарского историка Измаила Мурзы Муфтийзаде, опубликованному в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» № 30, 1899 г.: «В январе 1787 г. были произведены в Крыму первые дворянские выборы, на которые съехались со всего Крыма до ста мурз, и закрытыми шарами были избраны

уездными предводителями дворянства:
симферопольским — Абдувели ага Топечокракский;
феодосийским — майор Атай мурза Ширинский (владелец д. Учкуй);
перекопским — Уссин бей Мансурский;
евпаторийским — Арсланша мурза Ширинский;

уездными судьями:
симферопольским — Черкес Мегмед ага;

феодосийским — Мамбет мурза Ширинский;
перекопским — Мердимша мурза Мансурский;
евпаторийским — Батыр ага (владелец д. Кабач);

уездными исправниками:
симферопольским — капитан Болат бей;
феодосийским — Темирша мурза;
перекопским — Сеит Ибрам ага Тащи-оглу;
евпаторийским — капитан Абдураман ага Мамайский.

Все места депутатов, заседателей как дворянских опек, так и верхних и нижних земских судов были замещены молодыми мурзами с чинами. Перечень их имен сильно лишним помещать здесь, но позволю себе упомянуть, что до 1840 года большинство выборных мест по Крыму было занято мурзами».

Екатерина II отменила для крымских татар все рекрутские наборы, распространенные на все губернии, заселенные этническими славянами. С другой стороны, для всех татар, желавших добровольно служить в русской армии, согласно указу военной коллегии от 1 марта 1784 г. было создано Национальное татарское войско в составе 5 дивизионов.

По штату в каждом дивизионе положено было иметь по одному майору, по 2 ротмистра, 2 поручика, 2 прапорщика, 10 наказных и 195 рядовых с жалованьем в год: майору — 300 руб., ротмистру — 200 руб., поручику — 150 руб., прапорщику — 120 руб., наказному — 40 руб. и рядовому — 35 руб.

Могли ли о таком мечтать русские крестьяне? Причем замечу, что даже для старших офицеров из татар не требовалось перехода в православие. До 1917 г. в русской армии постоянно служило несколько генералов мусульманского вероисповедания.

Риторический вопрос: мог ли какой-либо западноевропейский монарх в той же Англии и Франции в конце

XVIII века дать дворянство и чины вождям и знати племен на вновь присоединенных территориях, например арабам, готектотам, бушменам и др.?

Наконец, крымским татарам было оставлено собственное судопроизводство. Им предоставлялось право разбирать взаимные тяжбы у улемов. Мусульманское духовенство навсегда освобождалось от уплаты податей.

Итак, татары в Крыму получили те же права, что и остальные жители империи, но были избавлены от рекрутских наборов и ряда других тягот. Никто не покушался на их веру, на их скот, на их земли. Но у них отняли самое главное их право — грабить соседей и торговать рабами. Этого они никогда не простят русским.

Любопытный момент — ни татары, ни другие народы не строили крупных населенных пунктов в Севастопольской бухте. Согласно одной из легенд, татары считали берега Севастопольской бухты проклятыми. К 1778 г. на берегах бухты было лишь маленькое селение Ахт-Яр[1] из нескольких домишек, да и располагались они не у воды, а высоко на холмах. По названию этого селения будущая Севастопольская бухта получила название Ахтиарской.

В мае 1778 г. 10 турецких судов под командованием Гаджи-Мегмета бросили якоря в Ахтиарской бухте (на месте будущего Севастополя). 7 июня высадившиеся на берег турки атаковали русский дозор и убили казака. Туда немедленно поскакал Суворов и первым делом потребовал у турецкого адмирала найти и наказать убийцу. В ожидании ответа генерал-поручик поехал осматривать Ахтиарскую бухту. Его внимание привлек сравнительно узкий вход в бухту. Там он приказал построить земляные укрепления для «приличной артиллерии».

[1] Иногда его называли Ат-Яр и Ак-Яр.

Как и следовало ожидать, Гаджи-Мегмет прислал письмо с уверениями в дружбе, но наказывать виновных не собирался. Суворов не стал вступать в полемику с турком. А в ночь на 15 июня по обеим сторонам бухты шесть пехотных батальонов приступили к постройке укреплений. Поутру разъяренный Гаджи-Мегмет разглядывал в трубу укрепления русских, закрывавшие ему выход в море. Немедленно к Суворову был отправлен посыльный с письмом, где запрашивалось, зачем русским понадобилось строить столь мощные укрепления. Ответ Суворова не замедлил себя ждать: «Дружески получа ваше письмо, удивляюсь нечаянному вопросу, не разрушили ли мы обосторонней дружбы... к нарушению взаимного мира никаких намерений у нас нет, а напротив, все наше старание к тому одному устремлено, чтобы отвратить всякие на то неприязненные поползновения и чтоб запечатленное торжественными великих в свете государей обещаниями содружество сохранить свято. Итак, мой приятель, из сего ясно можете видеть мою искреннюю откровенность и что сумнение ваше выходит из действий вашей внутренности...»

Мало того, по всей бухте были расставлены многочисленные конные и пешие посты русских, которые под угрозой оружия не разрешали туркам высаживаться на берег. Офицерам это Суворов объяснил карантином против чумы, свирепствовавшей в Турции. Оставшись без воды, Гаджи-Мегмет приказал уходить в Синоп. Больше турецкие корабли здесь не появятся до 1918 года.

Еще в войну 1768—1774 гг. на Днепре и его притоках Икорец и Хопер было основано несколько верфей — Икорецкая, Новохоперская и Гнильтонская (в устье Дона на его притоке Гнилая Тоня). Там были построены 11 «новоизобретенных» кораблей и 8 фрегатов, составивших ядро Азовской флотилии.

В апреле 1783 г. капитан 2 ранга И.М. Берсенев на фрегате «Осторожный» осмотрел Ахтиарскую бухту и предложил создать там военно-морскую базу. 2 мая 1783 г. в Ахтиарскую бухту вошли пять фрегатов и восемь малых судов Азовской флотилии под командованием вице-адмирала Клокачева.

Сразу же на берегах Ахтиарской бухты началось строительство офицерских домов, казарм для матросов и солдат. В августе освятили первую небольшую каменную церковь.

Было создано несколько новых береговых батарей, а построенные в 1778 г. Суворовым редуты значительно усилили.

10 февраля 1784 г. последовал рескрипт Екатерины II: «Нашему Генерал-фельдмаршалу, военной коллегии президенту, Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Потемкину... с распространением границ Империи Всероссийской необходимо... и обеспечение оных, назнача по удобностям новые крепости... Крепость большую Севастополь, где ныне Ахтиар и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение...»

Севастополь быстро строился. В Артиллерийской бухте возвели пристань и склады. Вокруг южной оконечности Южной бухты возник поселок купцов и ремесленников. В Крым и в Севастополь Потемкин привлекал все категории переселенцев — иностранцев, беглых крестьян, старообрядцев и т. д. Вспомним, что в те времена крестьяне не имели права покидать своих помещиков, а дворяне вовсе не жаждали ехать в Крым, даже если Потемкин бесплатно раздавал там пустующие земли.

Матушка-императрица прекрасно знала и о беглых, и о раскольниках, но лишь в нескольких письмах к Потемкину, соглашаясь с его политикой, просила его не афишировать наличие таких переселенцев в Крыму.

Любопытна топонимика названий Севастопольской бухты. Так, в 1785 г. капитан 1 ранга Ф.Ф. Ушаков выбрал для своего корабля «Святой Павел» стоянку у безымянного мыса на восточном берегу Южной бухты. С тех пор мыс стал именоваться Павловским.

Знаменитая Графская пристань обязана своим названием графу Марку Ивановичу Войновичу. Капитан 1 ранга Войнович командовал эскадрой, базировавшейся на Севастополь, и каждый день в одно и то же время садился на причале в шлюпку и отправлялся на корабли. В честь приезда императрицы было решено назвать главную пристань города Екатерининской, но это название не прижилось, и пристань осталась Графской.

В известном фильме «Адмирал Ушаков» Потемкин упрекает Ушакова за отсутствие титула, а граф Войнович представлен аристократом. На самом же деле Ушаков происходит из старинного русского дворянского рода, а Марк (Марко) Войнович... пират и сын пирата. Далматинцы Марк и Иван Войновичи в 1770 г. поступили на русскую службу и каперствовали в Средиземном море на своих кораблях с греческими экипажами. Нанимаясь же на русскую службу, лихие флибустьеры объявили, что они графы. Граф Алексей Орлов спорить не стал — графы так графы. Благо сам он получил титул за устроение «геморроидальных колик» императору Петру Федоровичу. И вот юный граф, он же мичман российского флота Марко Войнович с сотней головорезов — греков, албанцев и славян — на полаке[1] «Ауза» отправляется «добывать зипуны».

[1] Полака (полакра) — быстроходное двух- или трехмачтовое судно. Паруса прямые или косые. При необходимости использовались весла. Полаки получили распространение в Средиземноморье в XVII — первой половине XIX века и применялись в качестве торговых или военных судов. Они были любимыми кораблями средиземноморских пиратов (корсаров). Вооружение полаков — мелкокалиберные пушки и фальконеты. Греческие корсарские полакры, присоединившиеся к русскому флоту в Архипелаге в 1770—1774 гг., ранее были греческими торговыми судами или были захвачены корсарами в Средиземном море.

22 мая 1787 г., завершая свое знаменитое путешествие, Екатерина II прибывает в Севастополь. Специально для нее в Инкермане на возвышенности, откуда хорошо просматривается Севастопольская бухта, Потемкин приказал возвести дворец. Екатерина вместе со свитой, куда входили знаменитые европейские аристократы и несколько послов, прибыла в Инкерман ночью, и до обеда никто не видел Севастопольской бухты.

Во время торжественного обеда по знаку Потемкина упал большой занавес, и императрица и все присутствующие увидели эскадру в составе трех кораблей, двенадцати фрегатов, трех бомбардирских и двадцати малых судов. Громыхнул салют из сотен орудий. Восхищенная Екатерина провозгласила тост за здравие Черноморского флота.

За два года до этого, 10 августа 1785 г., Потемкин направил императрице донесение, в основу которого лег документ, подготовленный инженером Корсаковым: «Краткая идея об укреплении Севастопольского пристанища». В документе определялись три главные задачи: первая — «чтобы устье Севастопольского пристанища защитить сильным огнем и в то же время закрыть от огня противника прилегающие к нему заливы; вторая — стенами сего укрепления оградить морские магазины, доки для строения и починки кораблей; третья — сие место должно быть столь сильно укреплено, что хоть неприятель и высадит на берег превосходящие силы, облечь крепость с земли и с моря, чтобы она была в состоянии его нападением противиться, доколе из других пределов России не прибудет помощь».

По проекту планировалось строительство каменной плотины на южном и северном мысах длиной до 150 саженей (320 м) и на конце каждой «замок о двух рядах пушек, чтобы нижними очищать морскую поверхность, а верхними вредить неприятелю на дальнем расстоянии...» После окончания работ расстояние между двумя мысами для прохода в бухту будет всего 300 саженей (640 м). На плотине предполагалась установка «светильника» (маяка).

Екатерина II проект утвердила, особо отметив роль Севастополя и необходимость превращения его в «крепость чрезвычайной силы».

В 1786 г. императрица одобрила добавление к проекту, предусматривающее укрепление береговой обороны не только главной Севастопольской бухты, но и большинства смежных с ней бухт. Проект включал в периметр крепости почти весь Херсонесский полуостров. Планировалось построить: «первую северную батарею» на 28 орудий на Константиновском мысу и «вторую северную батарею» на 10 орудий на втором мысу от Константиновского мыса, а также «первую южную батарею» на 24 орудия на мысу между Карантинной и Песочной бухтами и еще три батареи, вооруженные 28 орудиями, на побережье между Артиллерийской и Южной бухтами.

Все эти батареи должны быть сомкнутыми, неправильной формы, временными, с одеждами из плетней и туров. На северных батареях и «первой южной» проектировалась двухъярусная оборона. По предварительным подсчетам, сумма проекта превышала 6 млн. рублей.

В 1792 г. была учреждена Экспедиция строения южных крепостей, в ведомстве которой находились крепости Кинбурн, Очаков, Симферополь, Феодосия, Севастополь и др. Указом Екатерины II от 10 ноября 1792 г. Экспедицию возглавил граф А.В. Суворов, который был назначен командующим войсками, расквартированными в Екатеринославской губернии, Таврической области, в том числе и в Крыму.

В начале 1793 г. генерал прибыл в свою штаб-квартиру в Херсоне и начал знакомиться с составленными до его приезда проектами. В феврале 1793 г. Суворов посетил Севастополь, осмотрел крепость и проверил состояние инженерных работ.

По указанию Суворова его заместитель инженер-подполковник Ф.П. де Волан разрабатывает новый план строительства севастопольских укреплений. При-

чем стоимость их резко снижена с 6 миллионов до 231 752 рублей.

Согласно этому проекту намечалось строительство пяти береговых фортов с ярусами и казематами, имевшими в горже сухой ров. Их планировалось построить на мысах, выступающих в Севастопольскую бухту. Это были северный форт — Константиновский — в форме неправильного шестиугольника с каменными одеждами и напротив, на южной стороне, южный форт — Александровский — в виде круглой каменной башни. Дальше, на северной стороне, на мысу за Константиновской батареей, еще одна, похожая на последнюю, батарея с земляной горжей. Напротив, на западном мысу, у входа в Артиллерийскую бухту — открытая двухъярусная батарея с бастионным фронтом в горже.

Между Артиллерийской и Южной бухтами на мысу предполагалось построить форт «Николай», на котором планировалось сосредоточить морские запасные и пороховые магазины, морской и крепостной арсеналы.

Кроме этих береговых укреплений авторы проекта доказывали необходимость строительства усиленных сухопутных фортов на возвышенных местах южной и северной сторон Севастопольской бухты. Это были южный форт «Екатерина» в тылу батареи «Николай» и северный форт «Елизавета» в тылу форта «Константин» на северной стороне.

На вооружение всех перечисленных укреплений предполагалось поставить 270 орудий, в том числе на береговые батареи — 152 орудия, а на сухопутные — 118.

По приказу Суворова предварительные работы в крепости были начаты в апреле 1793 г., еще до Высочайшего утверждения.

Ко времени смерти Екатерины (1796 г.) в Севастополе было построено 8 береговых батарей: Константиновская, Александровская, Николаевская, Павловская, а также батареи № 1, 2, 4 и 5, расположенные на мысах

тех же названий. Это были земляные временные укрепления, большей частью открытые, состоящие из двух или трех фасов, изломанных по направлению берега. Батареи № 2 и № 3 на северном берегу и Николаевская батарея на южном берегу были в виде редутов.

На возвышении за Константиновской батареей находилось довольно обширное земляное укрепление неправильной формы для охраны батарей «Константин» и № 1.

К строительству сухопутных фортов на северной и южной сторонах бухты не приступали.

По данным последнего отчета Экспедиции строения южных крепостей, на все постройки и работы начиная с 1792 г. было израсходовано 1 534 046 руб. 27 коп.

10 января 1797 г. согласно Указу императора Павла I Экспедиция строения южных крепостей России была упразднена. Вскоре строительные работы в Севастопольской крепости были приостановлены, а затем прекращены вовсе, инженера же де Волана уволили со службы.

Стоит отметить, что де Волан прозорливо предусматривал строительство береговых батарей во всех крупных бухтах рядом с Севастополем, до Балаклавы включительно, дабы исключить использование этих бухт неприятелем. Увы, мнение фортификатора было проигнорировано, за что Россия жестоко поплатилась в ходе Крымской войны.

Павла бесило все, что было создано его матерью. Как-то Павел патетически спросил Попова, бывшего секретаря Потемкина, как «исправить все зло, свершенное одноглазым»? «Отдать Крым туркам!» — быстро нашелся Попов. По зрелому размышлению Павел отдавать Крым не стал, но специальным указом переименовал Севастополь в Ахтиар. Увы, в ночь на 12 марта 1801 г. Павла Петровича «хватил апоплексический удар». По этому случаю уже к полудню следующего дня в петербургских лавках исчезло шампанское, а вечером горожане устроили иллюминацию. В Ахтиаре же был двойной праздник — по случаю «удара» и в связи с возвращением славного имени Севастополь.

Глава 2

ФИАСКО НЕПОБЕДИМОЙ АРМАДЫ

В 1834 г. Николай I утвердил план строительства новых и реконструкции старых береговых батарей Севастополя. Работы были начаты уже 1 августа того же года.

Для возведения укреплений было решено использовать не инкерманский камень, как это делалось раньше, а известняк со складов Килен-балки. Ежегодно в Килен-балке добывали тысячи кубометров камня. Для транспортировки его была построена «самокатная железная дорога» от карьера до причала в Киленбалочной бухте. На местности через 3 м установили опорные стойки, а поверху, в гнездах стоек, закрепили чугунные вращающиеся на осях колеса. По этим колесам двигались деревянные грузовые платформы длиной 8 м и шириной 2,5 м, а так как пути имели небольшой уклон к причалу, то платформы с камнем придерживали при помощи канатов. Загрузка барж производилась сбрасыванием известняка непосредственно в трюм, после чего суда отводили буксиром к небольшому причалу на приморской батарее, где камень выгружали и перемещали вручную к рабочим местам.

Для береговых батарей толщина оборонительных стен была установлена в 1,8 м, минимальная для тыльных и продольных — 1,2 м. На верхний свод толщиной 0,9 м насыпался грунт слоем до 1,8 м. Размеры казематов позволяли размещать в них все виды орудий, принятых на вооружение в русской армии: высота устанавливалась 4,2 м, ширина 5 м, расстояния между центрами амбразур 6 м, сектор обстрела 26 м. Открытый ярус защищался парапетом высотой и шириной 1,8 м. Удаление дыма и пороховых газов при стрельбе предполагалось ускорить при помощи специальных продухов, закладываемых в стенах над амбразурами. Однако при частой стрельбе система продухов оказалась неэффективной, что резко снижало скорострельность орудий.

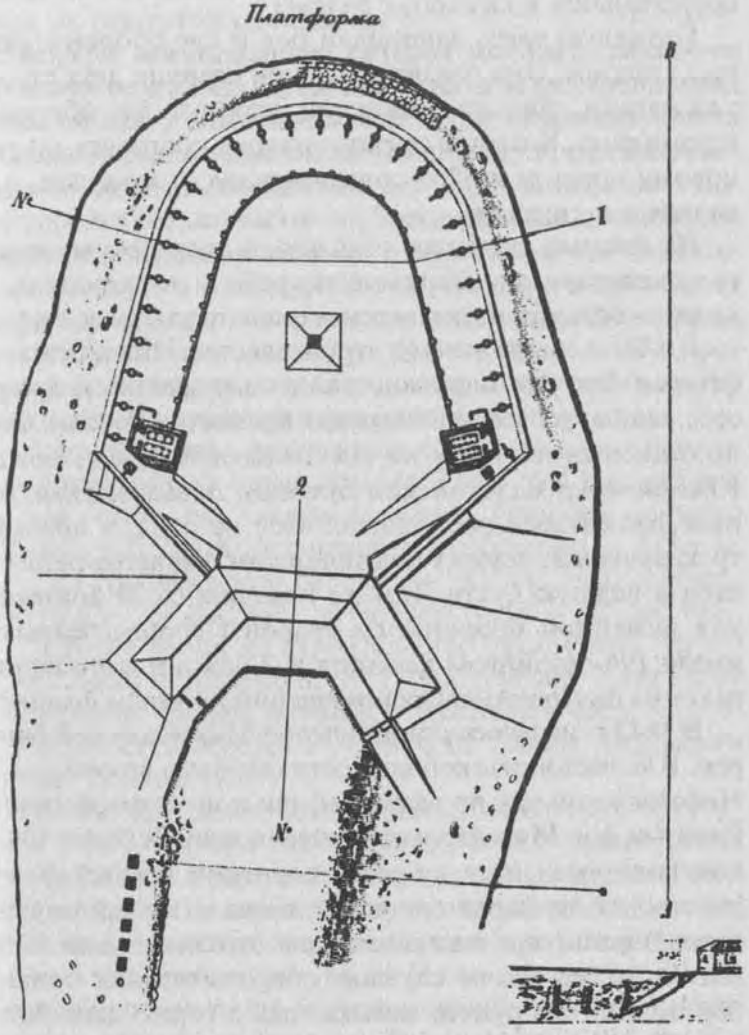
Устроить же принудительную вентиляцию деятели из Инженерного департамента не удосужились то ли из экономии, то ли от скудоумия.

Александровская батарея располагалась на Южной стороне на узком длинном мысу у входа в Севастопольскую бухту. Очертания длинного узкого мыса, на котором стояла батарея, обусловили форму всех ее сооружений. На самой оконечности мыса высилась круглая двухэтажная башня диаметром более 20 м. Ее своды защищала насыпь из грунта, покрытая кровлей из черепицы. 12 орудий из амбразур держали под прицелом акваторию перед рейдом и сам проход в бухту. К башне примыкали одноярусные казематы с открытой платформой для стрельбы через банк. Их выстрелы защищали подходы к рейду. Основания башни и казематов возвышались над уровнем моря на 6 м, а на отметке 14 м возводилась земляная батарея с двумя фасами для размещения 18 орудий.

По проекту Александровская батарея должны была быть вооружена тридцатью четырьмя 24-фунтовыми пушками, тридцатью четырьмя 1-пудовыми длинными единорогами, четырьмя $^1/_2$-пудовыми длинными единорогами, шестью 5-пудовыми мортирами, двумя 6-дюймовыми кугорновыми мортирами и одной 12-фунтовой карронадой.

В 1836 г. началось строительство Константиновской батареи на северной стороне на мысу, напротив Александровской батареи. В плане укрепление повторяло очертания берега мыса и имело форму подковы. Правый фас укрепления обстреливал акваторию перед рейдом, центральная закругленная часть — вход в бухту, левая назначалась для поражения прорвавшихся на рейд кораблей противника. В двух ярусах размещалось 54 каземата, а над ними платформа для открытой обороны.

На этой батарее было обеспечено постоянное присутствие артиллерийской прислуги в казематах. Каземат длиной 12 м разделялся сквозным проходом на орудийную и жилую части. В последней устанавливали нары и

Константиновская батарея. План третьего яруса открытой обороны (платформы).

печи в круглых железных футлярах (печи в любое время года обеспечивали положительную температуру для проживавших в казематах солдат).

Горжевую часть защищали ров и две оборонительные казармы. Они соединялись при помощи двух стен с казематами, образуя замкнутую, удобную для обороны территорию. Казармы предполагалось построить по типовому проекту на 250 солдат каждая, с кухнями, пекарнями и складами.

На флангах казематов находились трехэтажные хорошо защищенные пороховые погреба, а во внутреннем дворе — большая металлическая емкость для запаса воды.

В 1837 г. было начато строительство Николаевской батареи. Это фортификационное сооружение не имело себе равных во всех приморских крепостях России. Оно протянулось на 460 м на Николаевском мысе, между Южной и Артиллерийской бухтами. Левый двухъярусный фас батареи обстреливал вход на рейд, а правый, трехъярусный, держал под прицелом фарватер рейда и вход в Южную бухту. Там же находились 24 бойницы для ружейной обороны со стороны города. Батарея имела 194 орудийных каземата и 7 бойниц для запуска ракет из полуподвальных помещений на левом фланге.

В 1842 г. началось строительство Михайловской батареи. В Севастопольской крепости она была второй после Николаевской как по размерам, так и по огневой мощи. Главный фас Михайловской батареи длиной более 100 м контролировал вход на рейд, короткий южный фланг действовал по фарватеру рейда, а аналогичный ему северный фланг предназначался для отражения атак с суши. Этим же целям служила оборонительная стена с бойницами для ружей, замыкавшая с горжи двор батареи. Укрепление опоясывал ров, примыкавший к берегам бухты. Он находился под фланговым огнем восьми пушек, установленных в казематах, и большого количества ружей, для которых в стенах боковых крыльев батареи были прорезаны бойницы. Всего на батарее было до

115 орудий разного калибра. Они укрывались в 58 казематах на первом и втором ярусах, а также устанавливались на открытой платформе.

Внутри Михайловской батареи мог быть размещен большой гарнизон. Здесь, как и на других укреплениях Севастополя, в каждом каземате были установлены печи и сделаны деревянные нары. По проекту предусматривалось оборудовать помещения для 750 нижних чинов Артиллерийского ведомства и 23 каземата для проживания офицеров. При необходимости можно было дополнительно разместить батальон пехоты. На первом этаже имелись две кухни с пекарнями и цейхгаузы. В северном крыле, более защищенном от прямых попаданий снарядов, находились склады боезапасов. Для стрельбы каленными ядрами соорудили две ядрокалильные печи.

Всего за 10 лет строительства севастопольских береговых батарей было израсходовано 2 млн. 484 тыс. рублей. В том числе на Александровскую батарею — около 135 тыс. руб., на Константиновскую батарею — 425 тыс. руб., на Николаевскую батарею — 985 тыс. руб., на батарею № 2 — 264 тыс. руб., на батарею № 10 — 341 тыс. руб.

За то же время на строительство сухопутных укреплений было истрачено всего 17 тыс. рублей. Хотя военная история свидетельствует, что большая часть береговых крепостей берется с суши, а не с моря. Вспомним тот же Тулон в 1793 г.

Боевое крещение севастопольских батарей состоялось 5 (17) октября 1854 г., когда англо-французский флот атаковал Севастополь с моря. У нас принято считать, что русские моряки, затопив свои корабли у входа в Севастопольскую бухту, сделали невозможным проход вражеских кораблей внутрь ее. На самом же деле затопленные корабли лишь затруднили вход в бухту, и, подавив береговые батареи русских, союзники без особых проблем провели бы свои корабли между затопленных кораблей, а при желании даже могли их подорвать.

К великому сожалению, до сих пор ни один историк не сумел объяснить, почему вместо затопления кораблей у входа в бухту нельзя было поставить минное за-

граждение, управляемое с берега? Ведь мины имелись и использовались против союзников на Балтике и в Днепро-Бугском лимане. Ну а в крайнем случае почему нельзя было за несколько месяцев между началом войны с Англией и Францией и приходом союзного флота к Севастополю построить из бревен и цепей надежное боновое заграждение? Ведь даже в гимназиях знали, что византийцы и турки неоднократно перегораживали цепями Золотой Рог и Босфор.

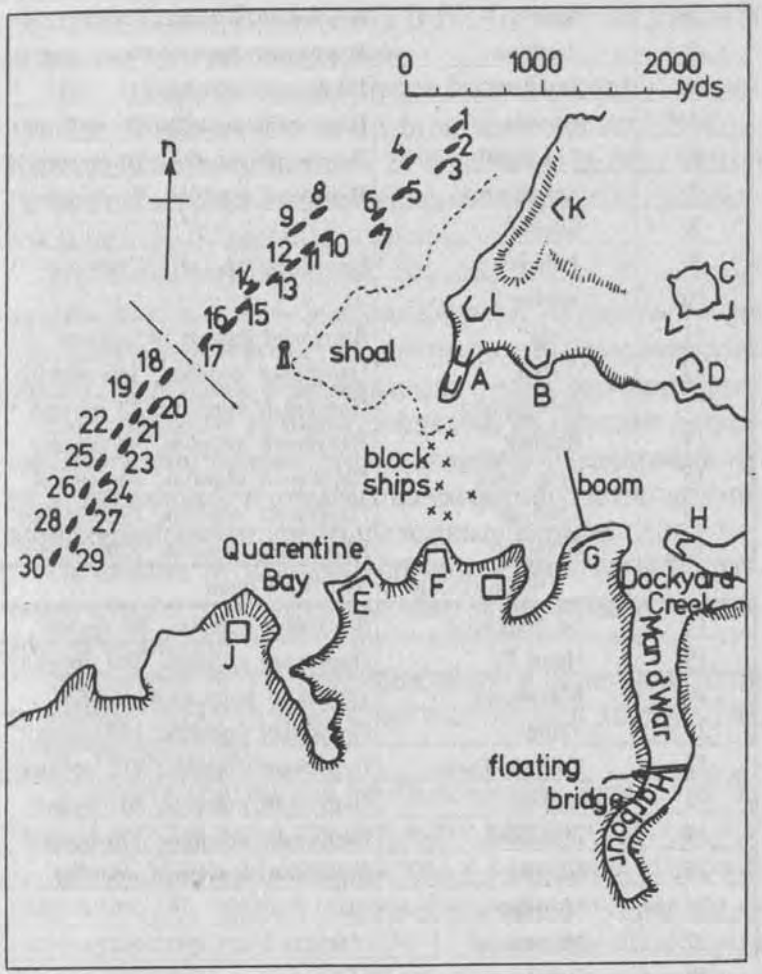
Именно с Севастополя у нас пошла дурная традиция «героически» топить свои собственные корабли. «Сами взорвали «Кореец», нами потоплен «Варяг», в 1918 г. героические моряки затопили эскадру в Новороссийске по мудрому указанию самого Ленина. Об этом ставились спектакли и был снят фильм «Гибель эскадры».

5 октября союзники решили одновременно атаковать Севастополь с моря и с суши. В 7 часов утра сухопутные батареи открыли огонь по укреплениям города. Однако флот не смог своевременно занять позиции у русских береговых батарей. Дело в том, что с утра был штиль, а большинство кораблей союзников были парусными и потребовалось много времени для буксировки их малыми пароходами. Поскольку союзники считали выход русских кораблей из бухты маловероятным, они сняли значительную часть такелажа со своих кораблей. Это существенно увеличивало живучесть кораблей в бою, но парусные корабли при этом потеряли способность двигаться под парусами и стали фактически плавбатареями, которые могли передвигаться лишь с помощью буксирных пароходов. Любопытно, что пароходы буксировали британские парусные корабли[1] не на канатах сзади, а боком (буксиры крепились канатами к левому борту кораблей).

[1] Авторы, именующие парусные или парусно-паровые корабли линейными кораблями, допускают грубую ошибку. Под кораблем тогда понималось судно, имевшее на вооружении от 64 до 130 пушек, далее шли фрегаты, корветы, бриги и т. д. Термин «линейный корабль» появился уже в XX веке.

Согласно заранее разработанному плану французские суда должны были обстреливать укрепления южной стороны, а английские — северной. Между французскими находились и немногочисленные турецкие корабли.

Расположение союзных кораблей видно на схеме.

Расположение союзных судов при бомбардировке Севастопольских береговых батарей.

Таблица 1

РАСПОЛОЖЕНИЕ СОЮЗНЫХ КОРАБЛЕЙ 5 ОКТЯБРЯ 1854 Г.

№ на схеме	Название корабля	Примечание
Британские силы		
1	Terrible	Пароходо-фрегат, 21 орудие
2	Albion	Парусный корабль, 91 орудие
3	Arethusa	Парусный фрегат, 50 орудий
4	Sampson	Парусный корабль
5	London	Парусный корабль, 90 орудий
6	Sanspareil	Винтовой корабль, 70 орудий
7	Agamemnon	Винтовой корабль, 91 орудие
8	Sphinx	
9	Tribune	Винтовой фрегат, 31 орудие
10	Spitfire	
11	Lynx	Винтовой фрегат, 4 орудия
12	Queen	Парусный корабль, 116 орудий
13	Bellerophon	Парусный корабль, 80 орудий
14	Rodney	Парусный корабль, 90 орудий
15	Vengeance	Парусный корабль, 84 орудия
16	Trafalgar	Парусный корабль, 120 орудий
17	Britannia	Парусный корабль, 120 орудий
Французские и турецкие силы		
18	Le Napoleon	Винтовой корабль, 90 орудий
19	Henri IV	Парусный корабль, 100 орудий
20	Махмудие	Турецкий парусный корабль
21	Valmy	Парусный корабль, 120 орудий
22	Ville de Paris	Парусный корабль, 112 орудий
23	Jupiter	Парусный корабль, 86 орудий
24	Friedland	Парусный корабль, 120 орудий
25	Шериф	Турецкий парусный корабль
26	Marengo	
27	Montebello	
28	Suffren	
29	Jean Bart	
30	Charlemanne	Паровой корабль

Итого вооружение одного борта союзных кораблей состояло из 1244 орудий. 5 октября союзный флот атаковал Севастополь с моря. Ему могли отвечать только пять батарей — Александровская, Константиновская, № 10, № 13 и № 12 (Картошевского). Огонь остальных батарей был малоэффективен. Батареи Николаевская, Михайловская, Павловская и № 4 поначалу открыли огонь, но вскоре прекратили.

На Александровской батарее было 56 орудий, из них: две 3-пудовые бомбовые пушки, одиннадцать 36-фунтовых пушек, шестнадцать 24-фунтовых пушек, четыре 18-фунтовые пушки, девятнадцать 1-пудовых единорогов и четыре 5-пудовые мортиры.

На Константиновской батарее было 91 орудие, из них: пятьдесят 24-фунтовых пушек, тридцать четыре 1-пудовых единорога, четыре полупудовых единорога, одна 12-фунтовая карронада, две 5-пудовые мортиры.

На батарее № 10 было 58 орудий, из них: две 3-пудовые бомбовые пушки, двадцать девять 36-фунтовых пушек, двенадцать 1-пудовых единорогов, девять полупудовых единорогов, шесть 5-пудовых мортир.

На батарее № 12 было 5 орудий, из них: одна 36-фунтовая пушка, три 1-пудовых единорога и один полупудовый единорог.

На батарее № 13 , расположенной в каменной башне Волохова, было 10 пушек, из них: восемь 36-фунтовых и две 18-фунтовых.

Корабли союзников бомбардировали береговые батареи Севастополя в течение всего светового дня (около 12 часов). Огонь 11 французских и 2 турецких кораблей, имеющих 746 орудий одного борта, был направлен по преимуществу на батарею № 10 и Александровскую с дистанций 800 сажен (1707 м). Корабли подвергались действию 73 орудий батарей № 10, Александровской и Константиновской.

На следующий день корреспондент британской газеты «Таймс» писал: «Огонь был ужасен. На расстоянии шести миль шум был похож на грохот локомотива, несущегося на полной скорости, только много сильнее. День был абсолютно безветренным, корабли и батареи окутывал пороховой дым, и зачастую противники не видели друг друга. Огонь время от времени прерывался, чтобы дать рассеяться густому дыму».

5 английских кораблей, стоявших против правого фланга Константиновской батареи, действовали из 259 орудий одного борта с дистанции 650 сажен (1387 м). Они же подверглись действию 54 орудий батарей Константиновской, Александровской и № 10. Из них 18 орудий Константиновской батареи действовали с 650 сажен (1387 м), другие две батареи с 900—950 сажен (1921—2027 м), 4 английских корабля к северо-западу от Константиновской батареи в необороняемом секторе действовали из 169 орудий одного борта с дистанции 450 сажен (960 м). По ним действовали только 2 орудия Константиновской батареи, 13 орудий батареи № 10 и Александровской, которые стреляли в них с 900—950 сажен (1921—2027 м).

Корабль «Аретуза» с 25 орудиями одного борта действовал по Константиновской батарее с 300 сажен (640 м), и корабль «Альбион» с 45 орудиями действовал по башне Волохова с 450 сажен (960 м).

В бою британская эскадра потеряла 44 человека убитыми и 266 ранеными. Согласно рапорту вице-адмирала Дандаса, командовавшему британской эскадрой, «корабли, мачты, такелаж повреждены в большей или меньшей степени, в основном бомбами и раскаленными ядрами. «Альбион» получил повреждения как корпуса, так и рангоута. «Родней» сел на мель и был снят при помощи «Спайтфула»... Все корабли за исключением «Аретузы» и «Альбиона», которые отправлены в Константинополь на ремонт, будут отремонтированы за 24 часа».

Замечу, что «Аретузу» и «Альбион» в Константинополе отремонтировать не удалось, и их отправили на Мальту — главную британскую военно-морскую базу на Средиземном море.

Французская эскадра потеряла убитыми и ранеными 212 человек. Французские корабли получили сильные повреждения: «Виль де Пари» получил 50 пробоин, «Наполеон» — опасную подводную пробоину, «Шарлемань» — повреждение машины.

На турецкие корабли севастопольские артиллеристы не обращали особого внимания, и турки отделались всего парой раненых.

Повреждения же русских батарей оказались невелики. На батарее № 10 было подбито 3 орудия и у 7 повреждены лафеты. На Александровской батарее подбито 3 орудия и столько же лафетов. На башне Волохова поврежден один лафет. Сильно пострадала батарея Константиновская из-за неудачного расположения. Хотя она находилась на выдающемся мысе, у нее только половина орудий могла стрелять по кораблям. А 27 орудий на верхнем ярусе не были прикрыты от тыльных и продольных выстрелов, поэтому там остались неповрежденными только 5 орудий.

Из 152 береговых орудий было сделано 16 тысяч выстрелов. Союзники из 1244 орудий выпустили 50 тысяч снарядов.

На береговых батареях убыло: 16 убитых и 122 раненых.

После неудачной попытки 5 октября союзный флот ни разу не предпринимал решительных действий против береговых батарей Севастополя и ограничивался только редкими действиями отдельных судов против русских укреплений на больших дистанциях.

Так два сильнейших в мире флота оказались бессильны против береговых батарей Севастополя.

Глава 3

РАЗРУХА В ГОЛОВАХ. ИЛИ ПОЧЕМУ БЫЛ СДАН СЕВАСТОПОЛЬ

Почему Россия столь позорно проиграла Крымскую войну? Классический ответ на это дан в книге Л. Горева «Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя: «Отсталость экономическая и политическая обусловила отсталость военную... Крепостная Россия, конечно, не могла победить в войне с двумя развитыми капиталистическими странами, исход войны был предрешен до ее начала. Причина неизбежного поражения крепостной России крылась в ее общей отсталости»[1].

Примерно такое же объяснение причин поражения можно найти в любом издании, хотя бы вскользь касающемся Крымской войны, от школьных учебников по истории до академических изданий.

Оспорить подобные утверждения невозможно. Тут все верно. Русские парусные корабли не могли сражаться с пароходами противника. Пароход даже с более слабой артиллерией мог зайти с кормы парусника и почти безнаказанно расстрелять его бортовым огнем.

Кстати, именно так бриг «Меркурий», шедший под веслами в штиль, 21 мая 1789 г. атаковал шведский фрегат «Венус». На «Венусе» было 44 пушки, на «Меркурии» — двадцать две 24-фунтовые карронады. При нормальном ветре «Венус» разнес бы противника, не входя в зону эффективного огня его карронад. Но в штиль «Меркурий» зашел с кормы и в упор начал расстреливать «Венус», бортовые пушки которого не могли отвечать на огонь. В итоге «Венус» был вынужден спустить флаг перед слабейшим противником.

На суше русская пехота была вооружена гладкоствольными ружьями, а вражеская — нарезными. Со-

[1] Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. М., Воениздат, 1955. С. 484.

юзники стреляли из винтовок почти в три раза дальше и более метко. Основным снарядом русской полевой артиллерии была картечь. Но с введением винтовок вражеские стрелки выбивали прислугу и лошадей русских батарей прежде, чем они приближались на картечный выстрел.

Оружие, боеприпасы, продовольствие и личный состав в Англии и Франции доставлялись в порты по железным дорогам, а оттуда морем до крымских баз союзников — Балаклавы, Камышовой бухты и Евпатории. Русские же на телегах, запряженных лошадьми или волами, везли все необходимое в Севастополь через всю Россию.

Казалось бы, теорема доказана: отсталость политическая, экономическая и военная были основной причиной поражения России в 1854—1855 гг. А вот тут-то я позволю себе усомниться и опровергнуть эту теорему.

Давайте подумаем. В 1861 г. в России были освобождены крестьяне, началась череда реформ: административные, судебные и др. Быстрыми темпами шло развитие капитализма как в городе, так и в деревне. Строились заводы и железные дороги.

В 1863—1867 гг. была принята система орудий образца 1867 г. — нарезных, заряжаемых с казенной части. В этом отношении мы опередили Англию почти на 20 лет — на британском флоте орудия главного калибра заряжались с дула вплоть до середины 1880-х годов. Я думаю, не надо повторять, что заряжание с дула тяжелых орудий крайне затрудняло систему заряжания, снижало скорострельность и приводило к частым разрывам снарядов в канале ствола.

Но вот в 1877 г. начинается война с Турцией. К войне с «больным человеком Европы» Россия готовилась почти три года, пока турки подавляли восстание славян на Балканах. Наконец капиталистическая Россия, осна-

щенная более современными орудиями отечественного производства, нападает на феодальную Турцию.

В итоге Россия получила подряд три жесточайших поражения под Плевной. Затем, правда, ценой огромных жертв русские войска выходят к Константинополю. Но вдруг в Дарданеллы входят три британских броненосца адмирала Горнби. «Дымки трех броненосцев подействовали сокрушительно на нашу талантливую дипломатию, столь высоко державшую русское знамя... Мы капитулировали по всему фронту, победоносные полки были остановлены в полупереходе от заветной цели»[1].

Зато в русско-японской войне можно говорить лишь о значительной отсталости полуфеодальной Японии перед Россией в экономике и в военных областях. Русские военный бюджет, армия, флот имели превосходство над японскими как минимум в три раза. Результат — Порт-Артур, Мукден и Цусима!

На самом же деле Крымская и Японская войны были проиграны царской Россией 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади. И дело не в том, что были повешены и сосланы в Сибирь лучшие офицеры Российской армии и флота. Стране требовались кардинальные реформы, а вместо них Николай I решил законсервировать существующие порядки. Царь боялся мыслящих самостоятельно генералов и офицеров. Романовым не были нужны думающие офицеры и профессионалы: Бонапарты, Пестели, Орловы и Потемкины. Их наши два Николая и три Александра боялись как огня. Они предпочитали вымуштрованных болванов, которые слепо и бездумно выполняли любой царский приказ. В январе 1905 г. они будут расстреливать из магазинных винтовок народ, идущий с иконами

[1] Это цитата из книги эмигрантского историка монархиста Керсновского А.А. История русской армии. В 4 т. Т. 2. От взятия Парижа до покорения Средней Азии 1814—1881 гг. М., Голос, 1993. С. 245.

просить у царя лучшей жизни, а в 1914 г. с сигаретой в зубах поведут свои полки церемониальным маршем на германские пулеметы.

И Романовы были абсолютно правы. Кстати, Романовыми я называю царскую династию исключительно по традиции, как говорят, что ток идет от плюса к минусу, а на самом деле все наоборот. Последние цари России никакого отношения к вымершей династии бояр Романовых не имели. Последним Романовым был Петр Алексеевич, внук Петра I и сын убитого царевича Алексея. Даже в Готском альманахе[1] наша династия называлась «Гольштейн-Готторпы — Романовы». За это Николай II хотел запретить сие издание в России, но сановники его отговорили. Мол, это вызовет насмешки на Западе и нежелательные толки в стране.

На самом деле потомки Павла I принадлежали к Гольштейн-Готторпам лишь в том случае, если Екатерина действительно родила ребенка от Петра III, который, впрочем, неоднократно отрицал свое отцовство. В противном случае династия пошла либо от Салтыкова — тогдашнего любовника Екатерины, либо от безвестного чухонца, сына которого принесли Екатерине и назвали Павлом.

Повторяю, действительно, наши цари были правы. Талантливый полководец всегда будет коситься на ничтожество на троне, особенно если политика монарха идет вразрез с прогрессом и интересами страны. Так, например, князь Долгоруков в начале 60-х годов XIX века писал: «Наивны Гольштейн-Готторпы, если они думают свековать при своих штыках и пушках. Не все же военные будут олухами, как были по сию пору, поймут же они, наконец, свою пользу и еще более пользу дорогой своей родины»[2].

[1] Наиболее авторитетный в XIX в. — начале XX в. генеалогический справочник.

[2] Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860—1867. М., «Новости», 1992. С. 90.

И правительство делало все, чтобы не появлялось талантливых офицеров, о которых мечтал князь Долгоруков. Замечу, что среди декабристов хватало князей Рюриковичей, имевших юридически куда больше прав на престол, чем Готторпы. Кстати, и позднейшие диссиденты, те же Петр Долгоруков и Петр Кропоткин, тоже князья Рюриковичи, и оба они неоднократно в полушутливой форме писали о своих правах на престол.

Вот, к примеру, на фоне ничтожеств появился знаменитый «белый генерал» Михаил Дмитриевич Скобелев — герой русско-турецкой войны и завоеватель Средней Азии. Надо ли говорить, что герой попадает в немилость к Александру II. И наоборот, руководители «Народной воли» ищут с ним контакта[1]. Через некоторое время М.Д. Скобелев скончался в московской гостинице при до сих пор не выясненных обстоятельствах. Многие историки говорят об отравлении генерала.

Итак, в 1854 г. в русской армии и флоте не оказалось ни Суворовых, ни Орловых, ни Потемкиных. Перевозка союзных войск в Турцию (в зону Проливов) началась 18 (30) марта 1854 г. В июне того же года союзные войска перебазировались в порт Варна на Черном море, принадлежавший тогда Турции. Союзный же флот вошел в Черное море еще 22 декабря 1853 г. (3 января 1854 г. по новому стилю). Как видим, времени на подготовку к союзному вторжению у русского командования было более чем достаточно.

В мае 1854 г. союзники имели на Черном море 15 парусных кораблей, 2 парусных фрегата, 8 винтовых кораблей, 6 винтовых фрегатов и 6 пароходо-фрегатов (то есть фрегатов с колесным движителем), а также несколько малых пароходов и парусных транспортов.

[1] А по некоторым данным, сумели вступить с ним в контакт.

К этому времени в составе Черноморского флота состояли 15 парусных кораблей, 7 парусных фрегатов, 7 пароходо-фрегатов и 21 вооруженный малый колесный пароход. Винтовое судно на Черноморском флоте имелось лишь одно — шхуна «Аргонавт». Кроме того, было большое число парусных судов различных типов: корветов — 5 (90 орудий), бригов — 12 (166 орудий), шхун — 6 (80 орудий), тендеров — 7 (42 орудия), яхт — 2 (20 орудий), транспортов — 28 (156 орудий).

Формально по числу вымпелов и пушек Черноморский флот превосходил силы союзников, но с учетом мощи английских и французских орудий, а главное, из-за числа их паровых кораблей и фрегатов, шансы русских на победу в генеральном сражении «а ля Трафальгар» были равны нулю.

Наши храбрые адмиралы провели несложные расчеты и решили: драться нельзя, надо самим топиться с горя. Ну а что, если отступить от шаблона и от заученных наставлений? Сразу оговорюсь: не следовало изобретать что-то новое, надо было пустить в ход то, что имелось под рукой.

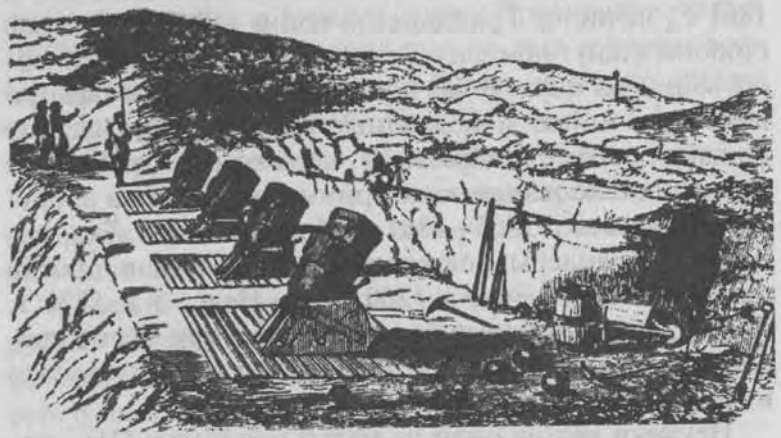
Всего через 7 лет после описываемых событий, в 1861 г., начнется Гражданская война в США. Там обе стороны станут применять самые разнообразные способы войны на море. В ход пойдут и брандеры, и таран, и шестовые мины, и подводные минные заграждения. Никаких особых изобретений, необходимых для создания и использования этих примитивных типов вооружений, делать в 1855—1861 гг. было не надо. Так, например, брандеры новгородцы использовали против шведских судов еще в 1300 г. на Неве, а в 1770 г. граф Орлов с помощью брандеров сжег при Чесме превосходящие силы турецкого флота. Но вот Орловых-то в 1854 г. в России и не оказалось.

Неужели нельзя было из малых пароходов (21) , находившихся в составе Черноморского флота, сформировать несколько штурмовых флотилий? Можно было

мобилизовать еще как минимум два десятка речных пароходов, принадлежавших различным гражданским ведомствам и частным лицам. Эти пароходы плавали ранее в Азовском море, по Днепру и Дону.

В принципе можно было мобилизовать пароходы даже на Волге, где к 1854 г. их насчитывалось десятки. Так, например, с 1850 г. между Тверью и Астраханью ходили буксирные пароходы «Минин» и «Пожарский» с машинами мощностью 200 номинальных лошадиных сил, принадлежавшие обществу «Меркурий». В январе 1854 г. три парохода с машинами мощностью 50 номинальных л.с. были доставлены в разобранном виде с завода Коккериль (Бельгия) в Тверь, и с апреля того же года они находились в плавании.

Риторический вопрос: при необходимости эти пароходы по частям или целиком могли перетащить с Волги на Дон в районе современного Волго-Донского канала? Замечу, что в этом месте суда перетаскивали уже не менее тысячи лет.

Осадная французская мортирная батарея № 22. 1854 г.

Спору нет, речные пароходы были неспособны нести регулярную службу на Черном море. Но от них требовалось совершить один или два рейса, чтобы быть использованными в качестве брандеров.

Русские колесные пароходы если и уступали в скорости хода, то совсем немного союзным винтовым кораблям и фрегатам, не говоря уж о больших колесных пароходах. Зато они были маневреннее больших пароходов.

В 1854 г. не было мелкокалиберных скорострельных орудий (они появятся только через 15—20 лет), а пушки больших и средних калибров имели малую скорострельность. Эти орудия были рассчитаны на линейный бой с неподвижным или малоподвижным кораблем противника и в подавляющем большинстве не имели поворотных устройств. Таким образом, в ночном бою малые пароходы, используемые в качестве брандеров и носителей шестовых мин, были малоуязвимы для огня артиллерии противника. Вспомним, что в 1877—1878 гг. ни одна русская миноноска не была потоплена артиллерийским огнем турецкого корабля, причем не только в ночных, но и в дневных атаках.

Защиту команд малых пароходов от ружейного огня организовать было проще простого. Для этого годилось все: от мешков с песком до железных щитов.

Разумеется, был риск потерять несколько пароходов и несколько десятков человек из их команд. Поэтому команды должны были состоять исключительно из охотников, как тогда называли добровольцев. А их явно хватало среди десятков тысяч офицеров и матросов Черноморского флота, да и матросов гражданских судов.

Увы, в Российской империи, как и позже в СССР, тратились огромные средства на вооружение, а героям, спасавшим страну, платили медяки. До царей и генсеков не доходило, что, если человек идет на смерть за

Родину, он должен быть уверен, что члены его семьи будут пожизненно обеспечены и защищены от произвола чиновников.

В применении к 1854 г. это должно было означать, что команда малого парохода, потопившая большой пароход, получала бы как минимум треть стоимости потопленного судна. Офицеры подлежали производству через чин, а нижние чины получали бы наследственное дворянство.

Надо ли говорить, что при таких условиях команды из охотников сами бы бросались в огонь и в воду.

Внезапность операции штурмовых флотилий можно было бы обеспечить элементарной дезинформацией. Так, сбор большого числа малых, в том числе и речных пароходов можно было объяснить необходимостью буксировки парусных кораблей, фрегатов и корветов Черноморского флота к месту боя и в самом бою. Такой прием, как уже говорилось, использовали союзники при бомбардировке Севастополя, да и до войны во всех флотах Европы практиковалась буксировка малыми пароходами больших военных парусных судов.

Любопытный момент: 18 марта 1854 г. вице-адмирал Корнилов издал подробную инструкцию командирам судов Черноморского флота на случай появления союзного флота у Севастополя. Из восьми страниц инструкции три посвящены действиям брандеров! «Ах! Какой прозорливый адмирал! — воскликнет квасной патриот. — А Широкорад еще говорит, что у нас не было Орловых!»

Увы, Корнилов подробно расписывал возможные действия союзных (!) брандеров против Черноморского флота. В инструкции Корнилов вспоминал успешные действия брандеров при Чесме, на Баскском рейде в 1809 г., но ему даже не пришло в голову самому атаковать врага брандерами, тараном и шестовыми минами. Уж лучше всем героически затопиться на Севастополь-

ском рейде! Глядишь, и вице-адмиралу, и затопленным кораблям памятник красивый поставят.

Чтобы не быть обвиненным в пристрастности в описании действий союзного флота, я предоставлю слово известному морскому теоретику германскому адмиралу Альфреду Штенцелю: «...самое удивительное — это план, выработанный союзниками для перевозки войск. Вместо того чтобы заблокировать русский флот в Севастополе и тем обезопасить переход транспортов с войсками, они решили только прикрыть их конвоем из военных судов. Конечно, эта роль выпала лишь на долю английских кораблей, т. к. французские были битком набиты войсками. Не было даже организовано наблюдение за стоявшим в гавани неприятельским флотом. Странным кажется то, что старшие флагманы остались на парусных линейных кораблях, между тем как младшие находились на винтовых судах. Столь же фантастичен, как переход морем, был и план десантирования: предполагалось высадить сразу 30 000 человек, без палаток, всего с несколькими батареями артиллерии и небольшим количеством припасов, несмотря на то что у западного берега Крыма часто бывал довольно сильный прибой.

В Варне были посажены на суда 28 000 французов плюс 3000 лошадей, 24 000 англичан и 8000 турок. Для перевозки войск французы предоставили 15 линейных кораблей (из них 4 винтовых), 5 парусных фрегатов, 35 военных пароходов, 80 парусных транспортов и 40 судов для перевозки провианта, англичане — 150 больших коммерческих судов, в том числе много паровых, турки — 9 линейных кораблей и 4 парохода. Прикрытие осуществляли 12 английских линейных кораблей и столько же фрегатов. Вся эскадра состояла их 350 судов...

...Посадка на суда французских экспедиционных войск продолжалась с 31 августа по 2 сентября. Некоторые линейные корабли приняли сверх 1000 человек собственной команды еще около 2000 десантных войск

и были ввиду этого почти совсем не способны к бою. Англичане, задержанные плохой погодой, закончили посадку лишь 7 числа. Несмотря на это, первый эшелон французских транспортов из 14 парусных судов покинул рейд уже 5 сентября без всякого конвоя и находился трое суток в море совершенно беззащитным. Из английских линейных кораблей, назначенных для охраны транспортного флота, только на одном имелась паровая машина...

...8 сентября англичане догнали французов и турок у Змеиного острова. Здесь произошел инцидент, как нельзя лучше осветивший все недостатки совместных операций союзников, не имеющих общего начальника. Среди французских генералов вдруг возникли сомнения: они почему-то нашли более удобным высадиться не у Качи, а у Феодосии, к западу от Керчи. Движение же на Севастополь они считали слишком опасным. Прямо во время перехода все генералы и адмиралы собрались на совет и пришли опять к согласию лишь благодаря дипломатическому искусству лорда Раглана. Решили произвести новую рекогносцировку западного берега Крыма, что и было сделано 10 числа целой комиссией. Флот в это время стоял на якоре в открытом море. Образ действий совершенно непонятный, если принять во внимание предшествовавшие всему этому основательные дискуссии, тянувшиеся целыми месяцами!..

...По позднейшим данным, русский флот не мог выполнить своего намерения атаковать транспорты во время перехода и высадки из-за того, что в эти дни у западных берегов Крыма был штиль или господствовали слабые противные ветры. Вернее же причиной было отсутствие дальновидности и энергии у начальников. Таким образом, весь переход и высадка десанта сопровождались редкостно удачным стечением обстоятельств»[1].

[1] Штенцель А. История войн на море с древнейших времен до конца XIX века. В 2 т. М., Изографус, ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 487—491.

Итак, союзникам крупно повезло из-за «отсутствия дальновидности и энергии» у Корнилова, Нахимова и Истомина. Что же касается штиля, то он не только мешал русским парусникам, но и парализовывал парусники союзников, которых было большинство в союзной армаде. Можно легко представить, что было бы, если бы не 40, а только два десятка русских малых пароходов атаковали ночью это огромное скопище слабо охраняемых судов. Что же касается семи русских пароходо-фрегатов, то они могли связать боем наиболее активные суда охранения противника.

Среди союзного командования и так существовали серьезные разногласия относительно целесообразности высадки в Крыму. Поэтому если бы в результате ночного боя погибло хотя бы 10% судов и личного состава десанта, вопрос о высадке был бы окончательно решен. Одна ночь и двадцать смелых капитанов могли изменить весь ход войны.

Под стать морскому действовало в Крыму и сухопутное начальство. На суше причиной поражения стала косность мышления русских генералов, которые забыли собственную военную историю. Почему Карл XII в 1708 г. не дошел до Смоленска 14 верст и повернул на юг? Убоялся петровских войск? Да нет, он жаждал сражения, а русские, наоборот, бежали перед шведами. Карл испугался генерала Голода, который через сто лет погубит великую армию Наполеона.

Дело в том, что по приказу Петра русские разоряли собственную страну так же, как и Польшу. Чтобы не быть голословным, приведу цитату из указа Петра: «Ежели же неприятель пойдет на Украйну, тогда идти у оного передом и везде провиант и фураж, також хлеб стоячий на поле и в гумнах или в житницах по деревням (кроме только городов)... польский и свой жечь, не жалея, и строенья перед оным и по бокам, также мосты портить, леса зарубить и на больших переправах держать по возможности». Нарушителей ждала суровая кара: «...сказать везде, ежели

кто повезет к неприятелю что ни есть, хотя за деньги, тот будет повешен, також равно и тот, который ведает, а не скажет». В другом указе царь велел не вывезенный в Смоленск хлеб «прятать в ямы», а «мельницы, и жернова, и снасти вывезть все и закопать в землю, или затопить где в глубокой воде, или разбить», чтобы «не досталось неприятелю для молонья хлеба». Генерал-поручик Боур получил аналогичный приказ Петра: «...главное войско обжиганием и разорением утомлять».

Поэтому-то Карл и не пошел на Москву, а повернул на Украину, где надеялся найти большие запасы продовольствия и союзные войска гетмана Мазепы.

Высадка союзников в Крыму вовсе не была неожиданностью для русского командования. Еще 5 марта 1854 г. военный министр писал командующему русским флотом в Крыму князю А.С. Меншикову: «По полученным здесь сведениям подтверждается, что соединенный англо-французский флот намеревается сделать высадку на Крымских берегах, чтобы атаковать Севастополь с сухопутной стороны... Государь император поручил мне сообщить о сем вашей светлости с нарочным фельдъегерем и покорнейше просить вас принять все зависящие от вас меры, дабы быть готовым встретить и отразить угрожающие Крыму и в особенности Севастополю неприятельские покушения».

Неужели за 6 месяцев светлейший князь не мог подготовиться к защите Крыма? Неужели русские генералы и адмиралы не понимали, где могли высадиться союзники? Может, князь Меншиков думал, что они полезут по горным дорогам и тропинкам в Балаклаве, Алупке, Ялте или Судаку? Было только два удобных места высадки столь крупного десанта — район Евпатории и район Феодосии. Но Феодосия слишком удалена от Севастополя. Поэтому был лишь один десантоопасный район, и именно там нужно было строить укрепления и там попытаться задержать врага. Ну а если бы союзники прорвали оборону наших войск? Вопрос первый — куда бы они пошли? К Северной стороне Севастополя,

чтобы взять город с ходу? Это надо быть сумасшедшим. Северная сторона еще до войны была относительно хорошо укреплена, взять ее с ходу было нереально.

Нужна длительная осада, а как прикажете в этом случае снабжать огромную армию? Из Евпатории? Так она слишком далека от Севастополя, а главное, там нет защищенной от бурь стоянки кораблей, тем более для огромного флота. У союзников был единственный путь — пройти вдоль побережья к Инкерману, а затем расположиться южнее Севастополя, получив, таким образом, вполне приемлемые места базирования для флота — Балаклаву и Камышовую бухту.

И тут-то у Меншикова оказалось меньше ума, чем у неграмотных татарских беев во времена Миниха. Вспомним, почему тогда русская армия без сражений была вынуждена покинуть Крым с большими потерями? Правильно! Потому что татары оставляли русским выжженную землю. Неужто Меншиков за 6 месяцев не мог подготовить к взрыву мосты и крупные каменные здания? Все жители в районе Балаклавы подлежали выселению, домашний скот следовало забить и бросить в водоемы. Особых сложностей это не представляло, так как Южный берег Крыма был очень мало заселен. К примеру, в Ялте насчитывалось всего 86 душ обоего пола! На «выжженной земле» союзников неминуемо ждала бы судьба наполеоновской армии в 1812 г.

Но, увы, светлейший князь Меншиков был слишком галантным кавалером. Он дал возможность союзникам захватить в Евпатории 12 тысяч кубометров зерна, которые еще до войны были собраны для вывоза за рубеж. Этого зерна хватило союзникам на 4 месяца.

В XIX веке не существовало специальных десантных судов, и союзники высадили сравнительно большую армию, но практически без обоза. То есть они могли провести успешное сражение у места высадки, что, кстати, и сделали 8 сентября 1854 г. на реке Альме, но наступать они не могли, не имея достаточного количества лошадей и телег.

И тут на помощь союзникам пришли крымские татары. Сразу после высадки первого небольшого отряда в Евпатории английские офицеры увидели с пристани 350 татарских телег и несколько сотен лошадей. Видимо, кто-то заранее организовал сбор транспортных средств. Затем татары стали ежедневно пригонять в район Евпатории десятки, а то и сотни лошадей и телег.

После неудачного сражения на реке Альме князь Меншиков растерялся: то он хотел прикрыть своей армией Севастополь, то Бахчисарай. Предотвратить же единственно возможный, я бы сказал, спасительный марш союзников к Балаклаве русские даже не пытались.

Итак, союзная армия с помощью татар сумела обогнуть с юга Севастополь и получила отличные места стоянки для боевых кораблей и транспортов почти рядом с Севастополем.

В ходе всей Крымской войны вооруженные татарские отряды, точнее банды, не представляли непосредственной угрозы для наших регулярных войск. Однако татары вместе с десантными отрядами союзников сильно нервировали русское командование, которое чувствовало себя в Крыму, как в осажденной со всех сторон крепости.

Татары терроризировали русское население почти во всех частях Крыма, вне расположения наших войск. Уже 5 сентября 1854 г. к имению помещика Ракова у деревни Майрык приехали татары из деревни Тузлы и заявили, что «посланы англичанами забирать у русских помещиков весь скот; но когда им ответили, что скота не дадут, то они сказали, что скоро прибудут другие подобные им и разделаются иначе»[1].

[1] Здесь и далее я привожу факты из аполитичной книги «Известия Таврической ученой архивной комиссии (год девятнадцатый) № 37» под редакцией правителя дел Арсения Маркевича, изданной в 1905 г. в Симферополе. Книга эта представляет собой просто изложение губернских архивных дел без всяких комментариев и тем более без выводов.

Из отчета губернатору евпаторийского исправника графа Мамуна: «Некоторые из татар в угождение неприятелю приняли на себя обязанность за условное вознаграждение выдавать чиновников в руки неприятеля, разыскивая их по уезду...

3 сентября Евпаторийский уездный судья Стойкович с делами уездного суда отправился в Перекоп. Ночью с 4 на 5 сентября в д. Бейбулат госпожи Фесенковой, где он остановился с семейством, произошло нападение взбунтовавшихся татар, причем дела и книги уездного суда были разбиты и почти уничтожены. Сам Стойкович был избит, взят в плен и увезен в Евпаторию...

2 сентября татары задержали в Кара-Чора-Молда дворянского заседателя Комаровского и не пустили в Перекоп под угрозой смерти. Вооруженные ружьями, они разъезжали в большом числе по всем дорогам и говорили, что поступили на службу к своему султану»[1].

Комаровского татары отвезли в Евпаторию, занятую союзниками. Там он узнал, что «уездный судья Стойкович взят татарами в плен и отвезен в Евпаторию, что имение его разграблено, постройки разрушены и находившиеся там дела уездного суда уничтожены».

Комаровскому удалось спрятать от татар часть денег, и в Евпатории он дал взятку 60 рублей какому-то турецкому чиновнику, представлявшему «новую власть». Турок велел освободить Комаровского, и через несколько часов тот оказался под защитой эскадрона русских улан.

В губернаторском отчете за сентябрь—октябрь 1854 г. говорится о грабежах «имений русских помещиков и нападения буйными толпами на проезжающих до самого Армянского Базара... Большое имение генеральши Поповой Караджа в Евпаторийском уезде было совершенно разграблено татарами. Они отняли весь рогатый

[1] «Известия Таврической ученой архивной комиссии...». С. 17.

скот, овец, лошадей, забрали весь хлеб урожая двух лет, смолоченный в амбарах и немолоченный в скирдах, разорили виноградный и фруктовый сад, рыбный завод, разграбили имущество, мебель, серебро. Убытку было сделано свыше чем на 17 000 р. 4 сентября было разграблено татарами имение Аджи-Байчи, а владелец Весинский с братом отведены в Евпатории»[1].

Обратим внимание, данных о нападениях на военных нет, татары нападали лишь на мирных граждан.

«Исполняющий должность ялтинского уездного стряпчего Щербак 17 сентября доносил прокурору, что производство дел в ялтинских присутственных местах приостановилось, в присутствии никто не бывает и многие чиновники выехали из города после того, как неприятель взял Балаклаву и Байдары. «Слухи носятся, что тамошние татары начали заниматься грабежом, а 16 сентября доставлен в Ялту из Байдарского поста раненый татарами донской казак». Прокурор, со своей стороны, доносил министру юстиции, что, «как видно из поступающих сведений, некоторые из крымских татар в местах, занятых неприятелем, поступают предательски, доставляя во враждебный стан на своих подводах фураж, пригоняя туда для продовольствия стада овец и рогатого скота, похищаемые насильственно в помещичьих экономиях, указывают неприятелю местности, предаются грабежу и вооруженной рукой противоборствуют нашим казакам»[2].

Замечу, что осенью 1854 г. в Крыму массовый грабеж творили не только татары, но и «просвещенные европейцы». Так, 22 сентября в Ялте высадилось около тысячи англичан, «до 1000 человек неприятелей пошли по домам и преимущественно по присутственным местам, следуя указанию татар, и начали грабить казенное и частное имущество, а затем 23 числа ушли. Стряпчий

[1] «Известия Таврической ученой архивной комиссии...». С. 18.
[2] Там же. С. 21.

доносил прокурору, что у него сожжено было много дел, но дела, как оказалось, были почти все целы, а сожжена белая бумага, которой неприятели поджигали дрова посреди двора, чтобы жарить кур и уток, взятых у стряпчего и его соседей»[1].

Те же бесчинства продолжались и в следующем, 1855 г. Вот, к примеру, «25 июня целый эскадрон французской кавалерии был в Мшатке, 2 июля снова. Отсюда французы, числом в 140 человек, с двумя пушками под начальством генерала отправились в имение графа Перовского Мелас. Провожатыми были татары. Там они обедали, пили кофе и экономическое вино, взяли из экономии два плана и одну картину и ушли в Байдары»[2].

«6 июня французы пытались высадиться в Мухалатской бухте, но казаки вовремя открыли огонь. В то же время французы постоянно съезжали на берег за вином, обобрали имения князя Голицына (Форос), Перовского, графа Кушелева-Безбородко и др. Проводниками везде были татары...

18 июля имения графа Перовского Мелас, Сабурова — Ай-Юри и Кушелева-Безбородко — Мшатка были разграблены неприятелем. Мухалатские татары имения Шатилова держали в это время цепь и следили за казаками»[3].

Выведенный из себя бесчинствами татар, император Николай I приказал всех «подозрительных» татар выслать на жительство в Курскую или иную губернии. Однако смерть императора и успехи союзников помешали провести это мероприятие в полном объеме. В Курск было выслано около 100 татар, в екатеринославскую тюрьму отправлено 78 татар и т. д.

Но вернемся к союзным войскам. После неудачного для русских сражения на реке Альме 20 сентября 1854 г.

[1] «Известия Таврической ученой архивной комиссии...». С. 21.
[2] Там же. С. 26.
[3] Там же. С. 27.

князь Меншиков не знал, что делать. Отступая от Альмы, он приказал собрать войска на Каче, а затем построить их левым флангом к верховью Большой бухты, правым — к Бельбеку, фронтом — к морю, чтобы прикрыть дорогу на Бахчисарай. Но утром 9 сентября он изменил приказ: войска должны были следовать в Севастополь и расположиться на Куликовом поле (на Южной стороне города).

Союзники также не имели определенного плана операции и вовсю импровизировали. Поначалу их армия двинулась вдоль моря за армией Меншикова к Северной стороне Севастополя. При этом союзники не имели контакта с русской армией и в большинстве случаев не знали о ее перемещениях. Но 12 сентября французский командующий Канробер и английский командующий лорд Раглан приказали войскам двинуться к реке Бельбек. На следующий день по единственной дороге союзники прошли через хутор Макензия, а 14 сентября перешли через Черную речку, после чего французы расположились на Федюхинских высотах, а англичане с турками — в окрестностях Балаклавы.

Одновременно с союзниками совершила фланговый марш и армия Меншикова. 12 сентября русские выступили с Южной стороны Севастополя и через два дня достигли реки Качи в 5 км южнее Бахчисарая. В «Военной энциклопедии»[1] об этой ситуации говорилось: «Таким образом, лишь обоюдная неосведомленность противников предотвратила их столкновение». Добавим от себя, что и Раглан, и Канробер, и Меншиков боялись нового сражения. А ведь дело происходило в горной местности. Завалы на дорогах, засады, фугасы, наскоки кавалерии могли надолго задержать союзников. Но светлейший князь предпочел «потерять» противника.

[1] Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др., в 18 томах. Петербург, 1911—1915.

Разительным контрастом с действиями русских генералов, решивших «потерять» противника, являются действия Балаклавского греческого батальона. Собственно, даже не батальона, а его 4-й роты. В сентябре 1854 г. две роты батальона находились на Кавказе, третья рота — в Бахчисарае, и лишь четвертая рота в составе 110 солдат, из которых 30 были отставными инвалидами, встала на пути английской армии.

Князь Меншиков даже не подумал укрепить Балаклаву, что было очень легко сделать с учетом гористой местности. Вспомним, что планы обороны Балаклавы были составлены инженером де Воланом еще при Суворове.

Утром 14 (26) сентября английские войска двинулись к Балаклаве, но у входа в город были встречены метким ружейным огнем греков. Через час подошли основные силы англичан и артиллерия. Защитники города были вынуждены отступить в старую генуэзскую крепость. Там стояли четыре маленькие полупудовые медные мортиры. Разрывы первых же мортирных гранат остановили противника. Англичане выдвинули вперед свою артиллерию. «В это же время на горе Кефаловриси показалась голова второй вражеской колонны, численностью в 5000 человек, которая также стала устраивать артиллерийскую батарею, а со стороны моря подошли более 20 английских пароходов, которые выстроились в боевую линию. Несмотря на численное превосходство противника, мортирная батарея продолжала действовать в трех направлениях. С открытием огня с батарей неприятеля вперед вышел английский винтовой трехдечный линейный корабль и бортовыми залпами стал стрелять по генуэзской крепости. Несмотря на усиленное бомбардирование с трех сторон, командир мортирной батареи поручик Иван Марков продолжал вести неравную артиллерийскую дуэль до тех пор, пока не закончились снаряды.

Видя, что батарея прекратила стрелять, осмелевшие англичане бросились на штурм укрепления, однако греки, вступив с ними в рукопашную схватку, защищались до последней возможности. Раненый командир Балаклавского греческого батальона полковник Матвей Афанасьевич Манто, 6 офицеров и около 60 израненных солдат попали в плен. Одному офицеру и двум солдатам удалось уйти от врага горными тропами и спасти знамя батальона, которое так и не досталось победителям. В 14 часов 30 минут над укреплением был поднят английский флаг, однако взятие Балаклавы стоило противнику до 100 человек убитыми и 100 ранеными. На допросе спросили командира роты капитана Стефана Михайловича Стамати, неужели он надеялся с горсткой храбрецов остановить целую армию? И в ответ изумленные враги услышали: «Безусловно, своей сдачею я навлек бы на себя и гнев моего начальства, и ваше презрение; теперь же совесть моя спокойна, потому что я исполнил свой долг»[1].

Сразу же после занятия Балаклавы англичане провели там этническую чистку, принудительно выселив всех русских и греков. Ну и что?.. Просвещенным англосаксам можно все, что не позволено русским и немцам, и этнические чистки производить, и концлагеря строить. Отечественные либералы всему найдут оправдание.

Бой роты греков красноречиво показывает, что стало бы с союзниками, если бы Меншиков попытался остановить их в горном Крыму и не дать выйти к удобным бухтам — Балаклавской и Камышовой.

Замечу, что в честь греков, защищавших Балаклаву, нет ни памятника, ни даже мемориальной доски, зато по всей стране стоят памятники в честь героев-самозатопленцев от Корнилова до Руднева[2].

[1] Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. / Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872. С. 128—132.

[2] Руднев В.Ф. — капитан 1 ранга, командир крейсера «Варяг».

Глава 4

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ КРЕПОСТЬ В ВОЙНУ 1877—1878 ГГ.

Вопреки стенаниям наших историков возрождению Севастопольской крепости, как и флота, статьи Парижского мира ничуть не мешали. Были и деньги в казне. Мешало лишь скудоумие министров и генералов, и не в последнюю очередь — болтовня престарелого канцлера Горчакова.

Всем известно, что при строительстве береговых батарей очень много времени и сил затрачивается на прокладку дороги и инженерное оборудование позиции. Все это могло быть скрытно произведено заранее, под соусом строительства купеческих складов, вилл и т.д.

В итоге до 1876 г. для обороны Севастополя было сделано крайне мало.

В городе с начала 60-х годов стояли гарнизоном два пехотных полка 13-й пехотной дивизии и 13-я артиллерийская бригада. С 1865 г. в Севастополе тайно началась заготовка компонентов подводных мин, был организован склад Керченской крепостной артиллерии (78 970 пудов пороха и 143 467 снарядов).

Для строительства и ремонта зданий и сооружений Военного ведомства была создана Симферопольская инженерная дистанция, управление которой находилось в Севастополе.

После отмены в 1871 г. «нейтрализации Черного моря» у России формально были развязаны руки для строительства флота и береговой обороны. Но и потом и Военное, и Морское министерства практически ничего не делали. Замечу, что Лондонский договор от 1 марта 1871 г. окончательно решил вопрос о строительстве железной дороги Лозовая — Севастополь длиной 613 км. А ведь Парижским миром не возбранялось строительство дорог хоть по всему периметру Черного моря. Так, в Харьков поезда пошли из Москвы в 1869 г., а со станции Лозовая в Севастополь первый поезд прошел лишь в январе 1875 г.

В начале 70-х годов престарелый генерал-лейтенант граф Тотлебен составил план строительства семи береговых батарей в Севастополе. Однако к реализации его приступили лишь в 1876 г., когда Александр II окончательно принял решение ввязаться в войну на Балканах.

Ниже представлен скорректированный на 15 октября 1876 г. перечень укреплений Севастополя.

Вооружение Севастополя к 15 октября 1876 г. (все эти батареи строящиеся):

Северная сторона:

Батарея № 1: две 6-дюймовые мортиры обр. 1867 г.
четыре 24-фунтовые чугунные пушки

Батарея № 2: две 6-дюймовые мортиры обр. 1867 г.

Батарея № 3: две 6-дюймовые мортиры обр. 1867 г.

Южная сторона:

Батарея № 5 (бывшая Александровская): четыре 9-дюймовые пушки обр. 1867 г.
две 24-фунтовые чугунные пушки

Батарея № 6 (бывшая № 10): четыре 9-дюймовые пушки обр. 1867 г.
четыре 24-фунтовые чугунные пушки

Батарея № 7 (бывшая № 8): четырнадцать 6-дюймовых мортир обр. 1867 г.

В запасе: шесть 12-фунтовых чугунных пушек обр. 1867 г.

Все береговые батареи в Севастополе, включая стационарные, уже в конце 1876 г. были связаны между собой телеграфной линией.

Как писал крымский историк В.В. Крестьянников: «Этим проектом предполагалось создать в Севастополе сильную сухопутную крепость»[1].

Но фактически из всех указанных орудий боевую ценность в борьбе с броненосцами противника представляли лишь восемь 9-дюймовых пушек обр. 1867 г., установленных на Южной стороне. 24-фунтовые пушки не могли пробить броню большинства турецких броненосцев, не говоря уж об английских. Что же касается 6-дюймовых мортир обр. 1867 г., как, кстати, и мортир большего калибра, то они хороши лишь для стрельбы по кораблям в узкостях — на Дунае, в Днепро-Бугском лимане и, разумеется, в Босфоре. Там даже 37-миллиметровые чугунные снаряды 6-дюймовых мортир могли нанести серьезные повреждения любому броненосцу, состоявшему в строю или строившемуся в Англии и других странах. Дело в том, что тогда основное внимание уделялось бортовой броне, а навесная стрельба с кораблей противника практически исключалась. Вследствие этого броненосцы имели очень слабую палубную броню, а то и не имели ее вовсе.

[1] Крестьянников В.В. Воссоздание крепости «Севастополь» во второй половине XIX — начале XX в./«Крымский архив» № 3/1997. С. 16.

Так, например, 29 апреля 1877 г. из Мачинского рукава Дуная вышел броненосный корвет «Люфти Джелиль» и направился к Браилову. Две осадные батареи открыли по нему огонь. Первые 30 снарядов были выпущены мимо, но затем в корвет одновременно попало два снаряда, выпущенные из 24-фунтовой осадной пушки и из 6-дюймовой мортиры. Немедленно за попаданиями последовал взрыв корабля. Из 218 человек экипажа корвета спасся лишь один матрос, который вместе с флагом корвета был подобран русскими минными катерами.

Об эффективности стрельбы 9-дюймовых пушек в Севастополе можно судить по результатам учебных стрельб зимой 1877/78 г. Было выпущено тридцать шесть 9-дюймовых снарядов, из которых семь (то есть 20%) попали в щиты, установленные на расстоянии 1900—2400 саженей (4055—5122 м) от батареи.

Следует заметить, что береговых орудий ни для Севастополя, ни для Одессы, Николаева и Очакова впрок не было запасено, их собирали с бору по сосенке из сухопутных крепостей, полигонов и т. д.

Так, 15 сентября 1876 г. вышел приказ военного министра отправить в Севастополь двенадцать 9-дюймовых пушек обр. 1867 г. Из них восемь решено было взять из Кронштадтской крепости, три — с полигона Волково поле под Петербургом и одну — из отделываемых Орудийным заводом в Петербурге.

5 октября 1876 г. из крепости Динабург (с 1893 г. Двинск) были отправлены в Севастополь четыре 6-дюймовые мортиры обр. 1867 г.

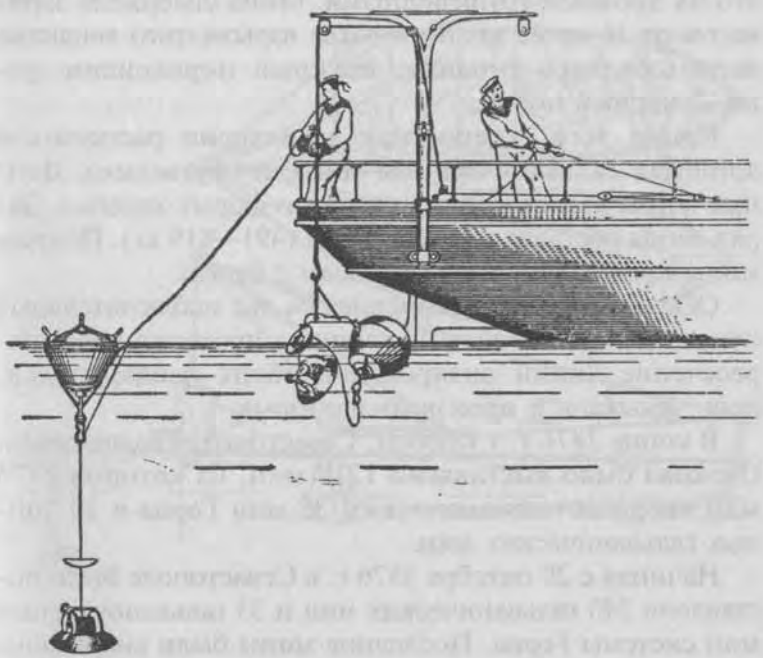
2 ноября 1876 г. десять 24-фунтовых чугунных пушек с лафетами были доставлены в Севастополь из Киевской крепости.

В начале 1879 г. из Варшавы в Севастополь были доставлены три системы нового типа — 11-дюймовые пушки Круппа, стрелявшие снарядами не со свинцовой оболочкой, как обр. 1867 г., а с двумя медными пояскаами, как у современных пушек. Позже эти системы назвали орудиями обр. 1877 г. Вместе с пушками было доставлено четыре лафета Круппа.

В 1876 г. было решено выставить минные заграждения вблизи Севастополя. К этому времени в России на вооружении состояли мины двух типов: гальваноударные (их часто называли автоматическими) и гальванические[1]. Обе мины ставились на глубине 0,9—1 м с помощью чугунных якорей весом от 9 до 16 пудов (130—260 кг). Постановка мин была возможна лишь на мелководье, где глубина не превышала 40 м.

Гальванические мины приводились в боевое положение с берега с помощью кабеля (магистрального проводника), подключенного к электрической батарее. К одному магистральному проводнику присоединялось десять гальванических мин. Основным преимуществом этих мин была возможность прохода собственных судов по минам, находящимся в небоевом положении. При

[1] Классификация мин дается по терминологии 70—80-х годов XIX века.

Постановка мин системы Герца с малых пароходов в 1876—1877 гг. на Черном море.

необходимости минер замыкал контакт, и мины становились гальваноударными, то есть могли взрываться при ударе о корпус корабля.

Гальванические мины имели форму цилиндра, корпус их был оцинкован. Вес заряда составлял 5—7 пудов (82—115 кг) взрывчатого вещества (обычно черного пороха).

Гальванические мины системы Герца были закуплены Россией в Германии. С ноября 1876 г. по июль 1878 г. Морское и Военное ведомства получили из Германии 4035 мин (2100 и 1935 соответственно). Из них на Черное море и Дунай было направлено лишь 860 мин Герца, а остальные начальство, убоявшись англичан, оставило на Балтике.

Гальваноударные мины были сфероконическими, за что их прозвали грушевидными. Мина содержала заряд весом от 16 до 25 кг. В качестве взрывчатого вещества использовались динамит, влажный пироксилин, реже — черный порох.

Кроме того, крепостная артиллерия располагала донными гальваническими минами (фугасами). Донные мины имели цилиндрическую форму корпуса. Заряд мины составлял 30—50 пудов (491—819 кг). Подрыв мины производился по проводам с берега.

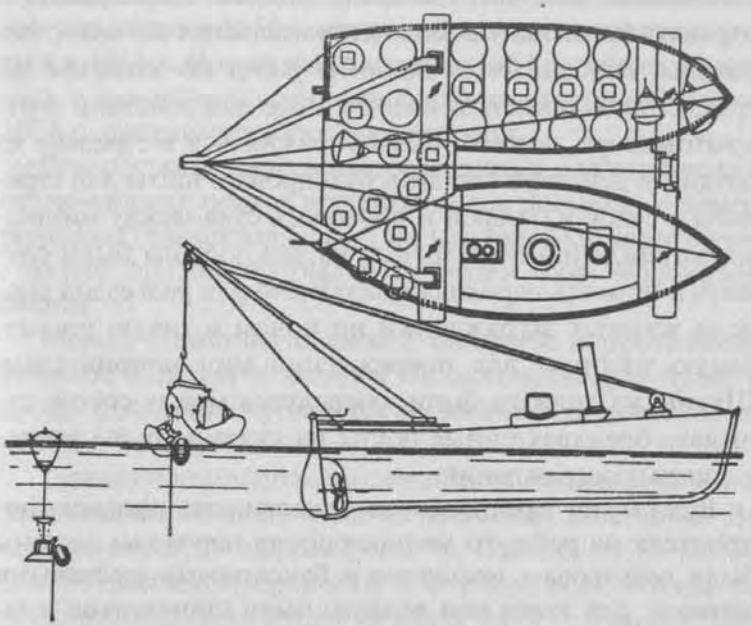
Обычно на берегу размещалось два наблюдательных пункта. Когда корабль противника проходил через пересечение линий визирования обоих наблюдателей, цепь замыкали и производился взрыв.

В конце 1876 г. у Одессы, Севастополя, Балаклавы и Очакова было выставлено 1218 мин, из которых 1175 мин якорных гальванических, 35 мин Герца и 10 донных гальванических мин.

Начиная с 20 октября 1876 г. в Севастополе было поставлено 240 гальванических мин и 35 гальваноударных мин системы Герца. Последние мины были снаряжены пироксилином. Кроме того, 23 гальванические мины выставили у входа в Балаклавскую бухту. Замечу, что все мины принадлежали Военному ведомству и их ставили армейские саперы. Постановка мин производилась со специальных баркасов.

Из мобилизованных коммерческих судов была создана целая флотилия вооруженных судов для защиты минных заграждений в Одессе, Очакове и других крепостях.

Так, в Севастополе минные заграждения охраняли: пароходы «Голубчик» (водоизмещение 263 т; построен в Ньюкастле в 1859 г., в 1876 г. куплен Морведом у РОПИТа; вооружен двумя 4-фунтовыми пушками обр. 1867 г.) и «Матушка» (водоизмещение 110 т, колесный, машина мощностью 35 номинальных л. с.; построен в 1857 г. в Англии (Биркехед), в 1876 г. куплен Морведом; вооружен двумя 3-фунтовыми пушками обр. 1867 г.). А также

Постановки мин с баркасов.

шхуна «Соук-су» (3 пушки. Длина 39,4 м. Ширина 6,2 м. Водоизмещение 326 т. Машина мощностью 60 номинальных л.с. Винтовая. Построена в Англии в 1857—1859 гг. Вооружена одной 9-фунтовой пушкой обр. 1867 г. и двумя 4-фунтовыми пушками обр. 1867 г.).

Интересно, что суда, охранявшие минные заграждения, помимо артиллерийского вооружения были снабжены «еще носовыми и буксирными минными шестами, показавшими в Севастополе хорошие результаты. Эти шесты предназначены для действия минами против неприятельских судов в случае намерения их форсировать минные заграждения и прорваться на рейд. Днем пароходы, предназначенные для постановки и охранения мин, должны были находиться на рейде и способствовать саперным офицерам устраивать или исправлять

минные заграждения, а по ночам занимать поочередно сторожевые дежурства впереди минных заграждений и охранять их от покушения неприятельских шлюпок; пароходы, свободные от дневных работ по минным заграждениям, особенно назначенные для действий в открытом море, должны были упражняться в стрельбе из орудий и действий минами, буксировать щиты для стрельбы с судов и батарей и проводить суда между минными заграждениями. Паровые катера должны были служить в помощь пароходам, особенно для разъездов впереди минных заграждений по ночам в тихую погоду, самую удобную для повреждения мин неприятелем. Шхуны же должны были, очередуясь между собой, занимать брандвахтенные посты на указанных им местах у минных заграждений.

Если будет предвидеться возможность прорыва неприятеля на рейд, то мелкосидящие пароходы должны были действовать носовыми и буксирными шестовыми минами; для этого они должны были становиться в закрытое от неприятельских выстрелов место и приготовиться действовать как брандеры, т. е. вызвать 2 охотников — одного на руль и одного для управления машиной, остальную команду свезти на берег и, выждав, когда неприятель придет на траверз маяка или мола, за которым стоит пароход, стараться столкнуться с ним и, таким образом, взорвать обе мины разом. Подобный маневр признавалось возможным исполнить без помощи минеров, которых тогда было мало, приготовив предварительно гальванические батареи для действия и прирастив к ним проводники от мин, взрывающихся автоматически. Хотя многие из этих пароходов были ветхи и плохи, но в крайности могли быть годны для предназначенной цели»[1].

[1] Из книги В. Чубинского «Об участии моряков в войне с Турцией 1877—1878 гг.». Цит. по: Развитие минного оружия в русском флоте/Под ред. А.А. Самарова и Ф.А. Петрова. М., Военно-морское издательство Военно-морского министерства Союза ССР, 1951. С. 202.

ходы можно обратить в носители шестовых мин и в брандеры? Замечу, что по своим характеристикам малые пароходы в 1876 г. мало отличались от своих собратьев в 1854 г. Но вот действовать в 1854 г. против колесных пароходов союзников было куда проще, чем в 1877 г. против турецких броненосцев.

Для обороны минных заграждений в ночное время в черноморских портах использовалась новинка — электрические прожекторы. Так, на Северной стороне Севастополя прожектор был установлен близ Волоховой башни.

Между Константиновской батареей и противоположным берегом у входа в Севастопольскую бухту в конце 1876 г. было установлено боновое заграждение из цепей и бревен.

Турецкое командование знало или, по крайней мере, догадывалось о подготовке Севастополя к обороне. Во всяком случае, никаких попыток нападения на район Севастопольской крепости в течение всей войны не предпринималось. Лишь 26 июля 1877 г. в виду Севастополя появились четыре турецких судна — три броненосца и один деревянный винтовой фрегат. Они постояли некоторое время на горизонте и ушли.

11 августа из Очакова в крейсерство отправилась бывшая царская яхта «Ливадия», вооруженная двумя 6,03-дюймовыми, двумя 9-фунтовыми, двумя 4-фунтовыми пушками и одной 6-дюймовой мортирой.

В районе Варны ей удалось захватить и уничтожить четыре небольших турецких судна. Но вскоре «Ливадия» напоролась на корвет «Ассари Тевфик». Временами расстояние между кораблями доходило до 30 кабельтов (5556 метров). Турок не мог вести огонь в носовом секторе и норовил повернуться к «Ливадии» бортом, чтобы она вошла в сектор обстрела 9-дюймовых пушек барбета и каземата. За счет каждого поворота корвета «Ливадия» увеличивала дистанцию. Чтобы увеличить ход, с яхты выбросили уголь и вылили воду. Погоня

длилась 18 часов, пока «Ливадия» не укрылась в Севастопольской бухте. Турки увлеклись погоней и вошли в зону действия береговых 9-дюймовых пушек. Но наши артиллеристы открыли огонь с предельной дистанции и, естественно, не попали. «Ассари Тевфик» не остался в долгу и... тоже не попал. Не желая испытывать судьбу, турки развернулись и ушли полным ходом. Это была единственная стрельба нашей береговой артиллерии по морским целям за всю войну.

Глава 5

ТРЕТЬЕ РОЖДЕНИЕ КРЕПОСТИ

Через несколько недель после ратификации царем Берлинского конгресса (15 июля 1878 г.) Военное министерство принимает решение разоружить батареи Севастопольской крепости. Официальная формулировка — по финансовым причинам, «дабы не давать Севастополю статуса крепости».

Решение это было более чем спорно. Англия, на Берлинском конгрессе фактически лишившая Россию плодов победы в войне, продолжала готовиться к агрессии против России. Во всех государствах мира основные силы флота базировались в отечественных военно-морских базах, кроме Англии. Основные силы владычицы морей в 1870—1904 гг. базировались на Мальте. Оттуда британские эскадры могли нанести удар как по Средиземноморскому побережью Франции, так и по Черноморскому побережью России.

В таких условиях разоружение Севастополя фактически было преступлением. Тем более что деньги на содержание крепости в Севастополе были. Другой вопрос, что очень многие высокопоставленные чиновники имели огромные доходы в виде взяток с коммерческой деятельности Севастопольского порта. Товарооборот Севастопольского коммерческого порта непрерывно рос

с 1859 г. и к 1888 г. только по заграничным перевозкам достиг 31 млн. рублей, а вместе с каботажными перевозками составил свыше 47 млн. рублей. В 1888 г. в Севастопольский порт прибыл 42 981 пассажир и убыло 39 244.

Естественно, что чиновники мечтали превратить Севастополь во вторую Одессу и всеми силами препятствовали милитаризации города.

Замечу, что и самому Александру II в 1879—1881 гг. было совсем не до Севастополя и не до Черного моря. Его беспокоили административные преобразования, террористическая деятельность «Народной воли», а главное — надо было устроить личную жизнь с Екатериной Долгоруковой, которой он дал титул светлейшей княгини Юрьевской. Царь даже начал готовиться к коронации Екатерины, но 1 марта 1881 г. бомба народовольца Гриневицкого поставила точку в этих далеко идущих планах.

Новый император Александр III проявил гораздо больше интереса к состоянию обороны «мягкого подбрюшья» России, как называли Причерноморье у нас и за рубежом до 1917 г.

В 1883 г. в Николаеве и Севастополе закладываются три однотипных броненосца «Екатерина II», «Чесма» и «Синоп» (водоизмещение 11 050 т, скорость хода 16 узлов). Это были первые крупные военные суда, заложенные на Черном море после Парижского мира. И это при том, что ограничения Парижского мира на строительство кораблей были отменены еще в 1870 г. Несколько позже, в 1891 г., заложили близкий к ним по типу броненосец «Георгий Победоносец».

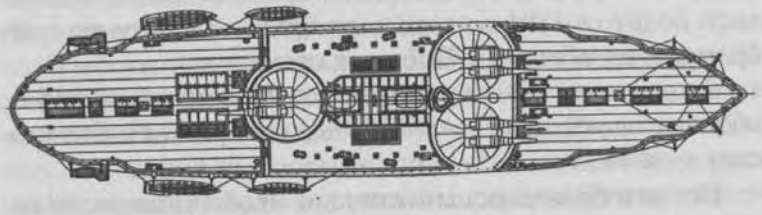
Броненосец «Екатерина II» вошел в строй в 1888 г., «Синоп» и «Чесма» — в 1889 г., «Георгий Победоносец» — в 1893 г.

Все эти броненосцы отличало необычное расположение артиллерии. Шесть 305-мм пушек были расположены в трех барбетных установках, две на носу и одна

на корме. Броненосцы всех стран были спроектированы так, чтобы обеспечить максимальную мощь огня на борт. Кстати, корабли даже характеризовались весом бортового залпа (точнее, весом снарядов). У русских же броненосцев типа «Екатерина II» на борт могло стрелять только четыре из шести 305-мм орудий. Зато вперед могли вести огонь четыре 305-мм пушки. Дело в том, что эти броненосцы были специально спроектированы для встречного боя в Проливах. Во встречном бою огневая мощь «Екатерины II» была по меньшей мере в два раза больше, чем у любого английского, французского или немецкого броненосца.

В конце 1884 г. в связи с продвижением русских войск в Средней Азии разразился новый кризис, который в печати того времени окрестили «военной тревогой 1884—1885 гг.». Действительно, Англия и Россия оказались на грани войны.

В начале 1885 г. афганский эмир Абдуррахман-хан, подстрекаемый Англией, двинулся войной против русских. 12 марта четырехтысячный отряд афганцев под командованием Наиб-Салара при 8 пушках выступил к реке Кушке. Фактически отрядом командовал британский капитан Иетта с советниками. В 60 км от реки Кушки находился уже отряд регулярных британских войск под командованием генерала Лемсдена.

Эскадренный броненосец «Синоп». Хорошо видны две передние башни, обеспечивающие сильный продольный огонь.

Дорогу афганцам преградил отряд генерала Комарова численностью 1800 человек при четырех горных пушках. Комаров попытался вступить в переговоры с Иетта, но британцы и афганцы восприняли эту попытку как проявление слабости и продолжили движение. 18 марта 1885 г. русские войска пошли в атаку. Как позже написал в своей биографии Абдуррахман-хан, «первыми побежали англичане». Около 500 афганцев было убито, все 8 пушек стали трофеями русских. Недалеко от места сражения русские основали город и крепость Кушку. В том же 1885 г. в Ашхабад пришел первый железнодорожный состав.

Весна и начало лета 1885 г. стали апогеем русско-британского конфликта, и лишь 29 августа (10 сентября) в Лондоне было достигнуто соглашение о разделе сфер влияния России и Англии.

С начала 1885 г. Севастополь начал готовиться к обороне. 12 апреля 1885 г. вышло Высочайшее повеление, по которому в Севастополе должны были быть восстановлены 7 старых (то есть построенных в 1876—1877 гг.) и построены 2 новые батареи. Причем на восстановление старых батарей давалось 2 недели, а на постройку новых — 6 недель. На расходы по инженерной части выделено 160 тыс. рублей.

28 апреля 1885 г. напуганное севастопольское начальство стало искать пушки, складированные в 1879 г. На складе артиллерийского имущества в Севастополе было обнаружено: три 11-дюймовые пушки обр. 1877 г., двенадцать 9-дюймовых пушек обр. 1867 г., шестнадцать 24-фунтовых длинных чугунных пушек, шесть 12-фунтовых чугунных пушек, две 9-дюймовые стальные мортиры обр. 1867 г. и двадцать четыре 6-дюймовые медные мортиры обр. 1867 г. Кроме того, на минном складе Военного ведомства оказалось 400 мин.

Согласно Высочайшему повелению от 12 апреля 1885 г. в Севастополь должны были доставить семь 11-дюймовых пушек обр. 1867 г. и семь 9-дюймовых мортир обр.

1867 г. из Керченской крепости и девять 9-дюймовых пушек обр. 1867 г. из крепости Поти. Благо 9 марта 1885 г. вышло Высочайшее повеление об упразднении крепости Поти.

Работы по восстановлению старых и постройке новых батарей велись главным образом силами 5-й саперной бригады Одесского военного округа.

На основании заключения Особого совещания от 3 мая 1886 г. под председательством военного министра было решено возвести вокруг Севастополя сухопутные укрепления временного характера.

Для несения службы на батареях в апреле 1886 г. в Севастополе было сформировано управление крепостной артиллерии и один крепостной артиллерийский батальон пятиротного состава.

В итоге к марту 1888 г. в Севастополе для вооружения береговых батарей имелось: тринадцать 11-дюймовых пушек (3 обр. 1877 г. и 10 обр. 1867 г.), двадцать одна 9-дюймовая пушка обр. 1867 г., две 6-дюймовые пушки весом в 190 пудов, четыре 11-дюймовые мортиры и девять 9-дюймовых мортир обр. 1867 г.

Для вооружения сухопутных батарей (то есть батарей, защищавших крепость с тыла) имелось: шесть 6-дюймовых пушек в 190 пудов, сорок 24-фунтовых длинных и шесть 24-фунтовых коротких пушек, тринадцать 6-дюймовых медных мортир обр. 1867 г. и несколько орудий меньшего калибра.

На бумаге все выглядело гладко — десятки крепостных орудий защищали Севастополь с тыла. На самом же деле все орудия сухопутной обороны мирно лежали на складе. Это вскрылось лишь 30 мая 1889 г. В 5 ч 30 мин утра по неизвестной причине (видимо, это была диверсия) на артиллерийском складе в Лабораторной балке возник пожар. Замечу, что наши гениальные генералы решили в целях экономии и для собственного удобства построить рядом со складом орудий пороховой погреб на 45 тыс. пудов пороха.

Пожар превратился в катастрофу. Севастопольское начальство попыталось скрыть ее размер даже от руководства Военного ведомства в Петербурге. Поэтому о масштабах катастрофы можно судить лишь по косвенным данным, найденным мною в Военно-историческом архиве. Так, получившие серьезные повреждения 6-дюймовые пушки в 190 пудов 6 сентября 1891 г. были отправлены на капитальный ремонт аж в Пермь, а тридцать восемь 24-фунтовых чугунных длинных пушек, четыре 24-фунтовые короткие пушки, двадцать шесть 9-фунтовых пушек обр. 1867 г. и одиннадцать 6-дюймовых мортир обр. 1867 г. были отправлены на ремонт в Брянский арсенал. Как видим, тяжелые повреждения получили 83 орудия.

17 мая 1890 г. Севастополь был официально причислен к крепостям 3-го класса. Несколько слов стоит сказать о структуре Севастопольской крепости.

В 1890 г. для устройства и содержания в военное время подводных минных заграждений минная 4-я рота была переформирована в Севастопольскую крепостную минную роту. В сентябре следующего года Севастопольская инженерная дистанция была преобразована в крепостное инженерное управление. Непосредственно возведением новых батарей, крепостных сооружений, а также перестройкой и ремонтом зданий Инженерного ведомства занималось хозяйственное отделение через подрядчиков. Было создано временное управление строительства Севастопольской крепости во главе с начальником инженеров крепости.

В 1891 г. был сформирована Севастопольская крепостная саперная рота, в 1893 г. — военно-голубиная станция IV разряда. В 1892 г. был сформирован крепостной артиллерийский батальон. А в январе 1894 г. «открыла свое действие» Севастопольская жандармская команда, которая предназначалась для надзора за чинами крепости.

В 1895 г. для перевозки тяжестей и улучшения снабжения береговых батарей построили крепостное шоссе от Артиллерийской бухты до батарей № 12 и № 13 над Карантинной бухтой, а на Северной стороне проложили узкоколейную железную дорогу Дольберга.

В 1896 г. Севастопольская крепость была переведена во 2-й класс.

Какие же орудия защищали Севастополь?

Для начала следует разобраться с наименованиями русских корабельных пушек.

В 1860-х годах в Европе и Америке испытывались десятки различных систем нарезов орудий, а также их затворов. Российское же Военное ведомство испытывает несколько образцов английских и французских орудий, но отдает предпочтение прусской системе нарезов и клиновым затворам Круппа. Дело в том, что сразу после Крымской войны Военное и Морское ведомства наладили плодотворное сотрудничество с фирмой Круппа.

Не будет преувеличением сказать, что российские деньги создали империю Круппа, а Крупп создал русскую нарезную артиллерию. Проекты пушек создавались совместно русскими офицерами из Арткомитета Главного артиллерийского управления (ГАУ) и инженерами фирмы. Заводы Круппа изготавливали опытные образцы орудий, а затем запускали их в серийное производство, параллельно передавая технологию русским казенным артиллерийским заводам — Обуховскому сталелитейному и Пермскому[1].

Орудия прусской системы стреляли продолговатыми снарядами длиной 2,4—2,8 калибра со свинцовой оболочкой, в которую врезывались нарезы канала орудия.

В начале 1877 г. от фирмы Круппа в Россию стали поступать орудия с новой системой нарезов, из которых стреляли снарядами с двумя медными поясками. Фактически это были первые в мире орудия, имевшие канал современного типа. И сейчас, в начале XXI века, из новейших орудий можно стрелять снарядами обр. 1877 г. С тех пор канал орудия претерпел лишь незначительные изменения.

[1] Подробнее см.: Широкорад А.Б. Тевтонский меч и русская броня (Русско-германское военное сотрудничество). М., Вече, 2003.

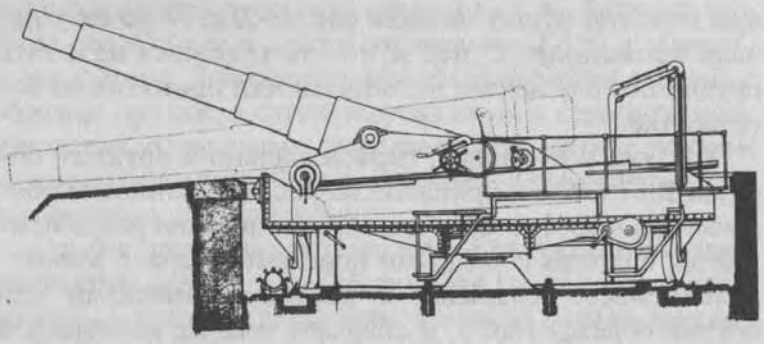
Чтобы подчеркнуть разницу между орудиями с новым и старым каналами, в конце 1877 г. выходит приказ по Военному ведомству, согласно которому орудия с каналами старого типа следует именовать образца 1867 г., а с новыми каналами — образца 1877 г. Увы, многие наши историки со второй половины XX века наивно считают, что все орудия обр. 1867 г. были приняты на вооружение именно в этом году, а обр. 1877 г. соответственно в 1877 г. На самом деле орудия обр. 1867 г. принимались на вооружение с 1865 г. по 1877 г. включительно, а обр. 1877 г. — примерно по 1887 г. Почему примерно? Да потому, что в 1887 г. были разработаны новые орудия с длиной ствола 35 калибров, и их начали называть обр. 1887 г. Это название не прижилось, но последующие пушки перестали называть обр. 1877 г. Хотя канал у них у всех продолжал оставаться образца 1877 г. И в 1902 г. новую 3-дюймовую полевую пушку назвали обр. 1900 г. — по году начала испытаний. С нее и пошла традиция называть орудия по году начала испытаний или принятия на вооружение.

Как уже говорилось, первоначально к орудиям образца 1867 г. были приняты снаряды со свинцовой оболочкой, а в 1880-х годах для них специально разрабатываются снаряды с медными поясками. Однако взаимозаменяемости снарядов с медными поясками для орудий образца 1867 г. и снарядов того же калибра для орудий образца 1877 г. не было, так как пояски их имели разную конструкцию.

Самым крупным калибром до конца 20-х годов XX века оставался калибр 280 мм, то есть 11 дюймов. На вооружении Севастопольской крепости состоя-

ли три типа 11-дюймовых пушек: 11-дюймовые обр. 1867 г., 11-дюймовые обр. 1877 г. и 11-дюймовые в 35 калибров (последние поначалу именовались 11-дюймовыми пушками обр. 1887 г., но это название не прижилось). С середины 80-х годов XIX века и вплоть до 1 января 1918 г. на вооружении Севастопольской крепости состояли десять 11-дюймовых пушек обр. 1867 г.[1].

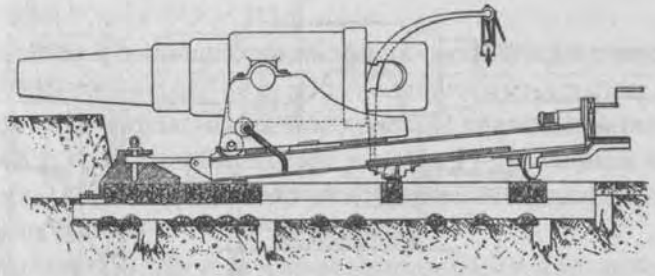
Эти десять пушек были изготовлены на заводе Круппа и поначалу стояли на лафетах обр. 1870 г. системы Семенова с максимальным углом возвышения 15°. К 1895 г. такой угол возвышения, ограничивавший дальность стрельбы 5,3 километрами, был признан малым, и в 1897 г. на Главном артиллерийском полигоне успешно прошел испытания станок Семенова, переделанный полковником Дурляхером для стрельбы под углами до +35°. Соответственно дальность стрельбы снарядом весом 224 кг возросла с 5,3 км до 10,3 км, то есть почти в 2 раза. Первые 6 лафетов обр. 1870 г. убыли из Севастополя на переделку в Петербург на Металличе-

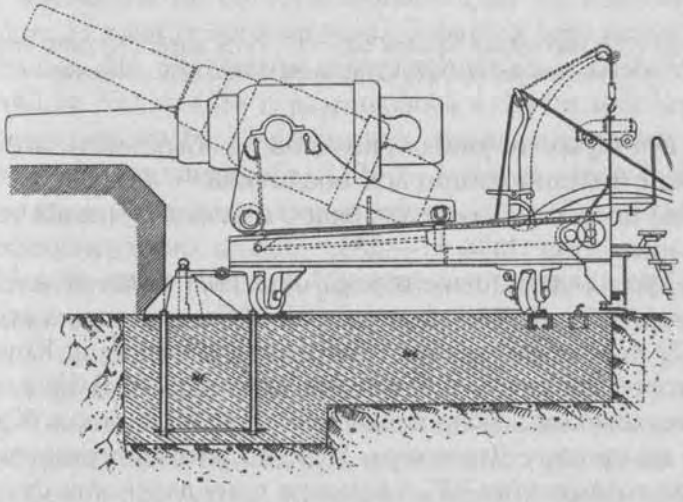
11-дм пушка длиной в 35 клб.

[1] В 1885 г. из Севастополя морем во Владивосток отправили четыре 11-дюймовые пушки обр. 1867 г., а в 1889 г. взяли из Очакова три такие же пушки.

а)

б)

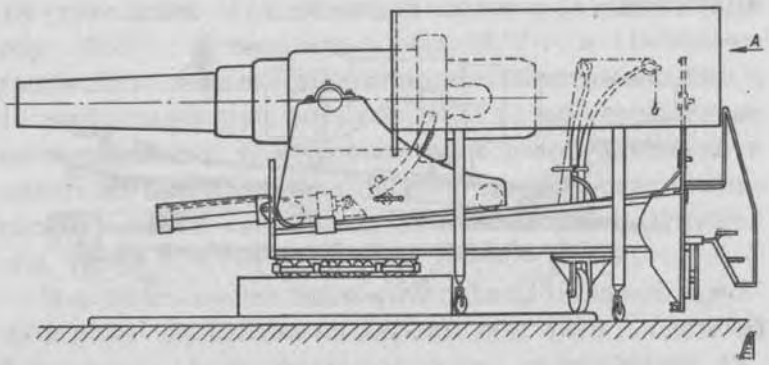

а) 11-дм пушка обр. 1867 г. на станке Семенова;
б) 11-дм пушка обр. 1877 г. на станке Круппа.

ский завод в 1897 г. К 1 июля 1908 г. все десять 11-дюймовых пушек обр. 1867 г. стояли на станках с углом возвышения 35°.

К 1 января 1891 г. в Севастополе для 11-дюймовых пушек обр. 1867 г. имелось:

а) старых бронебойных снарядов из закаленного чугуна с тонкой свинцовой оболочкой — 1762;

11-дм (280-мм) пушка Круппа обр. 1877 г. на лафете Круппа, переделанном по проекту Дурляхера. (Рис. А. Е. Лютова)

б) старых чугунных снарядов из обыкновенного чугуна с толстой свинцовой оболочкой — 450;

в) новых стальных снарядов с центрирующим утолщением[1] обр. 1888 г. — 255.

Три 11-дюймовые пушки обр. 1877 г. изготовления завода Круппа были доставлены в Севастополь в конце 1879 г. Первоначально они стояли на станках Круппа «второй доставки» с углом возвышения 24°. В 1895 г. на Путиловском заводе началась переделка станков Круппа по проекту Дурляхера. Переделанные станки имели угол возвышения 35°, благодаря чему дальность стрельбы возросла с 8,5 км до 12 км.

К 1 июля 1908 г. все три пушки обр. 1877 г. стояли на переделанных станках, а три непеределанных станка Круппа оставались в резерве до конца 1911 г., когда их отправили на лом.

К 1 января 1891 г. в Севастополе для трех 11-дюймовых пушек обр. 1877 г. имелось:

а) старых чугунных снарядов — 296;

[1] Снарядов с ведущими поясками, близких к снарядам обр. 1877 г.

б) старых бронебойных снарядов закаленного чугуна — 734;

в) новых стальных бронебойных снарядов (доставлены в 1889 г.) — 162.

В связи с упразднением Батумской крепости в начале 1911 г. из Батума прибыли восемь 11-дюймовых пушек обр. 1877 г. производства Обуховского сталелитейного завода.

К 1 марта 1888 г. в Севастополь было доставлено пять 11/35-дюймовых пушек завода Круппа. Первую из них поставили на батарею в июне 1889 г., а последнюю — 10 августа того же года. Однако к ним не было снарядов. Но Журналом Артиллерийского комитета (ЖАК) № 592 от 1888 г. разрешалось в случае надобности стрелять из 11/35-дюймовых пушек снарядами от 11-дюймовых пушек обр. 1877 г., хотя от этого будут выгорать стволы, поскольку у пушек обр. 1877 г. не было обтюрирующих колец.

24 и 26 июля 1891 г. в Севастополе прошла учебная стрельба из четырех 11/35-дюймовых пушек (№ 1, 2, 3 и 4). У пушки № 2 произошел преждевременный разрыв снаряда в канале.

К 1 января 1891 г. в Севастополе имелось пять 11/35-дюймовых пушек и к ним только 496 бомб из обыкновенного чугуна, то есть снарядов, которые формально считались осколочно-фугасными, но из-за малой мощности взрывчатого вещества таковыми не являлись.

Позже в Севастополь доставили еще три 11/35-дюймовые пушки изготовления Обуховского завода с лафетами. В конце 1910 г. из разоружаемой крепости Либава прибыли пять 11/35-дюймовых пушек (из них 4 были изготовлены на Обуховском заводе и одна — на Пермском заводе). В 1911 г. одна из этих пушек убыла на Главный артиллерийский полигон в Петербург.

В 1912 г. Путиловскому заводу были заказаны новые станки к 11/35-дюймовым орудиям. Однако жулики на Путиловском заводе к 1 января 1918 г. не сделали ни одного станка, и большая часть 11/35-дюймовых пушек всю войну 1914—1918 гг. провалялась на складах.

Как уже говорилось, ГАУ России сильно переоценивало роль береговых мортир в 70-х годах XIX века, а к началу XX века мортиры стали абсолютно бесполезными при стрельбе по кораблям, за исключением узкостей. Тем не менее военное ведомство тратило огромные средства на производство 9-дюймовых и 11-дюймовых береговых мортир и сооружение мортирных береговых батарей.

С середины 80-х годов XIX века в Севастопольской крепости состояла двадцать одна 9-дюймовая мортира обр. 1867 г. Из них 16 мортир были с клиновым замком производства Обуховского завода, а пять — с поршневым замком производства Пермского завода. Все 9-дюймовые мортиры были установлены на лафеты Семенова, допускавшие максимальный угол возвышения 17°. Кроме того, на складе имелось еще 2 запасных лафета.

К 1 января 1891 г. к 9-дюймовым пушкам и мортирам в крепости хранилось снарядов:

а) обыкновенного чугуна с толстой свинцовой оболочкой — 569;

б) закаленного чугуна с тонкой свинцовой оболочкой — 5177;

в) стальных с тонкой свинцовой оболочкой — 105.

К началу 1905 г. в крепости состояло семнадцать 9-дюймовых пушек обр. 1867 г. Причем 12 из них, с клиновым замком, были установлены на новых станках системы Дурляхера с гидравлическим компрессором вместо компрессоров трения у лафетов Семенова и с углом возвышения 40°. Все двенадцать

9-дюймовых пушек находились на батарее № 1 в боеготовом состоянии.

К этому времени пять 9-дюймовых пушек с поршневым затвором лежали на подкладках, а отдельно хранились 13 лафетов Семенова. Это старье было сдано на лом в конце 1911 г.

В первой половине 1915 г. четыре 9-дюймовые пушки обр. 1867 г. были отправлены из Севастополя в Керченскую крепость, а во второй половине 1915 г. еще четыре такие пушки отправили на Дунай в город Рени.

К началу 1888 г. в Севастопольской крепости состояло девять 9-дюймовых мортир обр. 1867 г. В 1893 г. из Перми прибыли первые восемь 9-дюймовых мортир обр. 1877 г. В 1897 г. из Перми прибыло еще 8 таких мортир. В итоге к 1905 г. все 9-дюймовые мортиры обр. 1867 г. были вывезены из Севастополя, а число 9-дюймовых мортир обр. 1877 г. доведено до 40.

После обследования в 1907 г. три 9-дюймовые мортиры были признаны негодными и взамен их прислано три новые 9-дюймовые мортиры. Однако из официальных отчетов негодные мортиры не были исключены, и считалось, что в Севастопольской крепости имеется 43 мортиры.

Все мортиры были установлены на станках Дурляхера, которые производились с 1899 г.

Во второй половине 1915 г.[1] боеготовые 9-дюймовые мортиры были вывезены из Севастополя: 24 мортиры вместе с лафетами — в крепость Гродно, а 16 мортир — в крепость Петра Великого на Балтику. Три оставшиеся негодные мортиры вывезли из Севастопольской крепости в первой половине 1916 г.

К началу 1888 г. в Севастополь доставили первые четыре 11-дюймовые мортиры обр. 1877 г., изготовленные

[1] Здесь и в других местах под «второй половиной» имеется в виду отрезок времени с 1 июля по 1 января.

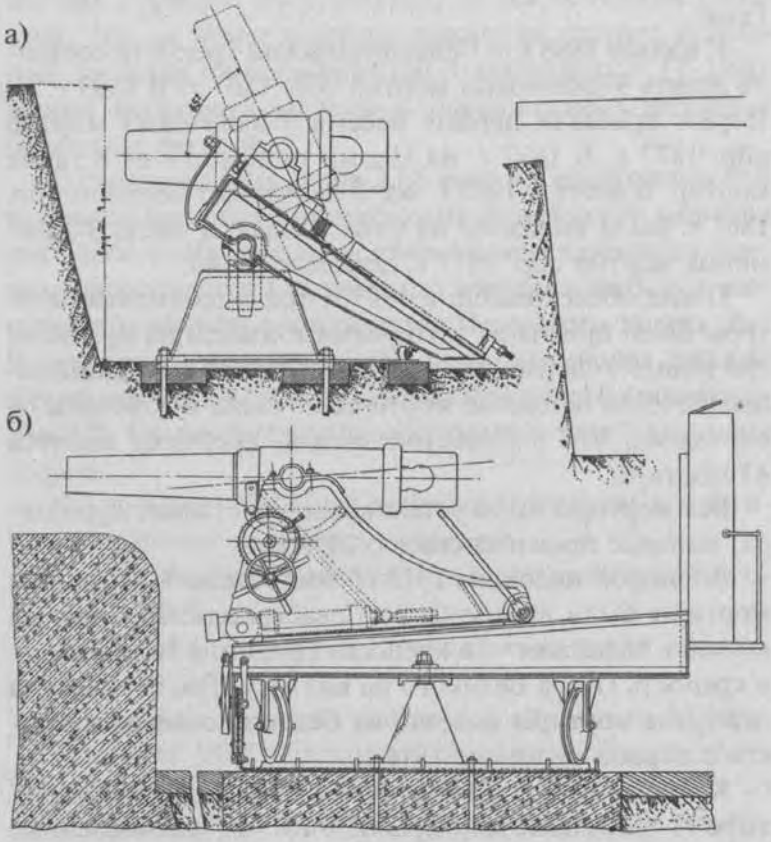
Обуховским заводом. На том же заводе к ним были изготовлены уникальные станки системы лейтенанта Разсказова.

Основное отличие станка Разсказова от других пушечных и мортирных лафетов — наклон поворотной рамы не вперед, а назад с целью уменьшить давление на раму при откате.

Станок состоял из собственно станка системы Вавалера и рамы брусчатой системы.

а)

б)

а) 11-дм мортира на станке Разсказова;
б) 6-дм пушка в 190 пудов на станке Дурляхера.

Кроме гидравлического компрессора для уменьшения отката служили бальвилевские пружины, они же обеспечивали самонакат станка после выстрела. На каждый шток компрессора надевалось по 209 пружин.

При выстреле мортира со станком вследствие отдачи скользила вниз по поворотной раме, а после окончания наката бельвилевские пружины, разжимаясь, поднимали станок. При этом возникали сложности с регулировкой пружин при уменьшении зарядов.

Устройство станков было крайне сложным, и они стали нормально функционировать лишь после модернизации, произведенной в 1895 г. на Севастопольском морском заводе. Больше станки Разсказова не изготавливались.

К 1905 г. в Севастопольской крепости имелось шестнадцать 11-дюймовых мортир, из которых 4 стояли на станках Разсказова, а 12 — на станках системы Кокорина. Такое положение сохранялось, по крайней мере, до 15 сентября 1917 г., после чего уже никакой отчетности в Севастопольской крепости не велось.

Восемь 11-дюймовых мортир находились на батарее № 3 на Северной стороне и восемь мортир — на батарее № 12 у Карантинной бухты.

Самыми слабыми пушками, состоявшими с 1885 г. на вооружении береговых батарей Севастополя, были 6-дюймовые пушки весом 190 пудов обр. 1877 г. Начну с объяснения такого названия пушки. В 1875—1878 гг. было произведено около ста 6-дюймовых пушек обр. 1867 г., которые весили 190 пудов. С начала 1880-х годов их стали изготавливать с каналом обр. 1877 г. и параллельно делали более легкие 6-дюймовые пушки весом 120 пудов. Обе системы предназначались для осадной крепостной артиллерии и, чтобы различать их, в название ввели вес — 190 пудов и 120 пудов. В конце 1880-х — начале 1890-х годов все пушки 190 пудов с каналом обр. 1867 г. были переделаны встав-

кой новой трубы с каналом обр. 1877 г. После этого слова «обр. 1877 г.» исчезли из названия пушек 190 и 120 пудов.

К марту 1888 г. на береговых батареях Севастополя должно было быть восемь, а фактически имелось две 6-дюймовые пушки 190 пудов, а для обороны сухопутного фронта крепости имелось шесть 6-дюймовых пушек в 190 пудов, но последние стояли не на батареях, а ржавели на складах.

К 1907 г. число 6-дюймовых пушек в 190 пудов, переданных для береговых батарей, было доведено до 20.

Первоначально 6-дюймовые пушки в 190 пудов устанавливались на высоких крепостных лафетах обр. 1878 г., не имевших поворотного механизма. Понятно, что стрелять по движущемуся кораблю, поворачивая вручную весь лафет с высокими колесами, было крайне неудобно. Поэтому в 1889 г. был испытан береговой лафет системы Дурляхера. Поворотная рама нового лафета вращалась на тумбе, что допускало быстрое горизонтальное наведение и круговой обстрел.

К 1907 г. из двадцати 6-дюймовых в 190 пудов пушек 14 находилось на лафетах Дурляхера, а шесть на станках от 9-дюймовых легких мортир. Эти станки были перечислены в ведение севастопольской крепостной артиллерии в 1906 г. из части Особого запаса, находившейся в Севастополе. Особый запас был создан еще в 1880-х годах и предназначался для десанта в Босфор[1]. Всего с лафетами в имущество Севастопольской крепости было перечислено четыре 9-дюймовые легкие мортиры. Замечу, что предельная дальность стрельбы из такой мортиры 160-кг снарядом составляла всего 3 км. И ни на что другое, кроме стрельбы в Проливах, сие орудие не годилось. Поэтому четыре 9-дюймовые легкие мортиры остались на том же складе, где и были, и лишь чисто

[1] Подробнее об этом рассказано в моей книге «Россия — Англия: неизвестная война 1857—1907» (М., АСТ, 2003).

формально числились за Севастопольской крепостью. Куда они исчезли между 1 июля 1913 г. и 1 июля 1914 г., автору установить не удалось.

Но вернемся к 6-дюймовым пушкам весом 190 пудов. Проку от них в береговой обороне из-за плохой баллистики и малой скорострельности не было. В начале 1915 г. их отправили в Ригу и в Рени.

Приказом по Военному ведомству № 31 от 28 февраля 1892 г. на вооружение принимается 57-мм береговая пушка Норденфельда. У читателей возникнет резонный вопрос: а что могла сделать такая «хлопушка» не то что с броненосцем, а даже с крейсером? Совершенно верно, но дело тут в другом. Руководство Военного министерства отчаянно цеплялось за старые береговые системы обр. 1877 г. и 1867 г. и вместо замены их новыми скорострельными орудиями с улучшенной баллистикой шло на различные ухищрения, дабы улучшить возможности старых пушек. Так как 8—11-дюймовые орудия обр. 1867 г. и 1877 г. могли сделать один выстрел за 3—5 минут, то ГАУ решило ввести на вооружение крепостей 57-мм скорострельные пушки с хорошей баллистикой для использования их в качестве пристрелочных. Поскольку к 1890 г. наши генералы планировали вести бой с вражескими броненосцами на дистанциях от 0,5 км до 5 км, то 57-мм пушки могли обеспечить пристрелку на всех «реальных» дистанциях боя. Кроме того, 57-мм береговые пушки планировалось использовать для борьбы с миноносцами и десантом противника.

К 24 ноября 1906 г. по штату в Севастополе должны были быть 24 береговые 57-мм пушки Норденфельда, а состояло только 2, и еще 18 перечислили из Особого запаса. 57-мм пушки Норденфельда устанавливались на батареи тяжелых орудий или рядом с ними.

А теперь мы перейдем к береговым орудиям второго поколения, созданным в 1895—1907 гг. Эти орудия

играли главную роль в Первой мировой войне, а также активно участвовали в Великой Отечественной войне.

Переходным орудием между первым и вторым поколением можно считать 254/45-мм береговую пушку. Эта пушка стала плодом интриг морских и сухопутных бюрократов. Дело началось с того, что в 1890 г. в Англии были заложены два броненосца типа «Центурион», у которых вместо классического вооружения броненосцев (четыре 305-мм пушки) имелись четыре 254-мм пушки. В 1893 г. англичане заложили еще один такой броненосец «Ренаун», но вскоре поняли свою ошибку, и все последующие броненосцы закладывались с традиционным вооружением — четырьмя 305-мм пушками.

Но наши адмиралы обрадовались и решили строить свои броненосцы с 254-мм пушками — и от моды не отстать, и в деньгах сэкономить. 254-мм орудия поступили на вооружение трех эскадренных броненосцев и трех броненосцев береговой обороны на Балтике и на Черном море на броненосец «Ростислав». Пушки эти имели разную конструкцию и даже разную баллистику. Но все были неудачны, хотя и в разной степени.

В середине 1890-х годов ГАУ решило ввести на вооружение 10/45-дюймовые береговые пушки, которые вместе с 6/45-дюймовыми пушками Кане должны были обеспечивать береговую оборону страны. На выбор максимального калибра 10 дюймов для береговой артиллерии повлияло несколько факторов. Во-первых, 10-дюймовые пушки были приняты во флоте, и уже в 1892 г. Обуховский завод получил первый заказ на восемь 10/45-дюймовых пушек. Во-вторых, в описываемое время Артиллерийский комитет как черт ладана боялся всяких нововведений в артиллерии и счел, что 10-дюймовый калибр предельный, где подача боеприпасов и наведение орудий может осуществляться мускульной силой прислуги. К слову заметим, что к 1895 г. в различных флотах уже существовали артустановки крупного калибра с электроприводами наведения и подачи, а аналогичные гидравлические приводы стояли на вооружении корабельных артустановок двадцать с лишним лет как в России, так и за рубежом.

В середине 1890-х годов в иностранных флотах наблюдался непрерывный рост тоннажа броненосцев, калибра и длины орудий, толщины брони. Совершенствовались системы обеспечения непотопляемости кораблей. И уже в 1895 г. было ясно, что принятие 10/45-дюймовой пушки запоздало на 7—10 лет и что лет через 5 она безнадежно устареет. Тем не менее техническая безграмотность генералов взяла верх над интересами обороны страны.

Забегая вперед, скажу, что если у 6/45-дюймовых пушек Кане Морского и Военного ведомств было хоть какое-то единообразие, то генералы ГАУ для 10-дюймовых орудий с самого начала решили делать принципиально иной ствол и станок-лафет. Дело застопорилось из-за консерватизма генералов. Морское ведомство делало современную пушку с откатом по оси канала ствола, гидравлическим компрессором и гидропневматическим накатником. Гидравлический компрессор уже 10 лет использовался в сухопутной артиллерии, и генералы скрепя сердце согласились. Но что такое гидропневматический накатник, среди бородатых генералов никто не знал. Посему было решено делать лафет по образцу лафетов 1870-х годов, где станок откатывался по наклонной поворотной раме, а затем накатывался под действием силы тяжести. Соответственно орудие пришлось делать с цапфами. Это была последняя отечественная береговая артсистема с откатывающимся станком. Таким образом, была полностью нарушена взаимозаменяемость по стволу и лафету с морскими артсистемами и осталась лишь частичная взаимозаменяемость по боеприпасам. Поэтому в отличие от 6-дюймовых пушек Кане 10/45-дюймовые корабельные пушки никогда не устанавливались на береговых батареях.

10/45-дюймовые пушки устанавливались на станках системы Дурляхера, причем лафеты первых серий имели угол возвышения 14—15°. В 1903 г. начали выпускать лафеты с углом возвышения 20°.

В 1905 г. в Артиллерийском комитете под руководством Дурляхера был составлен проект переделки станка 10/45-дюймовой пушки с увеличением угла возвышения с 20° до 30°. Тем самым дальность стрельбы возросла с 14 до 17 верст.

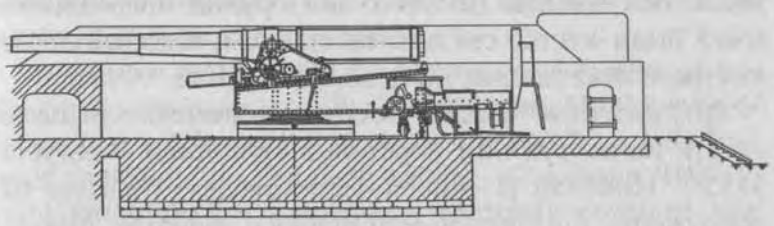
Первые четыре 10/45-дюймовые пушки прибыли в Севастопольскую крепость в 1904 г. В конце 1907 г. прибыли еще 4 пушки. К этому времени в крепости находилось уже 13 станков Дурляхера к ним. Однако к 1 марта 1908 г. все восемь 10-дюймовых пушек по-прежнему валялись на Царской пристани в Южной бухте.

К 1 января 1913 г. в готовности было двенадцать 10/45-дюймовых пушек. Из них 4 находились на батарее № 16 на Северной стороне в районе Учкуевки и 8 — на батарее № 15 на Южной стороне западнее Стрелецкой и восточнее Песочной бухты.

На батарее № 16 у меня произошел любопытный инцидент. В последних числах августа 2002 г. мы с женой отправились на 305-мм башенную батарею № 30. Обратно к автостраде мы возвращались через винсовхоз им. Софьи Перовской. Да, да! Той самой правнучки гетмана Кирилла Разумовского, которая командовала отрядом бомбометателей на Екатерининском канале 1 марта 1881 г. Винсовхоз и поныне носит ее имя. И правда, надо ценить свою марку! Там даже функционирует музей Софьи Перовской.

В винсовхозе мы купили 2 литра превосходного гамбургского муската, естественно, его попробовали и поехали обратно в Севастополь.

По пути мы остановились у бензозаправочной станции, где находится батарея № 16. И вот буквально в 50 м от шоссе и автозаправки и примерно в 100 м от забора пансионата им. Мокроусова я обнаружил практи-

10-дм орудие на береговой батарее № 16.

чески невредимую батарею (естественно, со снятыми орудиями). Я отснял несколько видов батареи, а затем решил сфотографировать супругу на фоне батареи.

И вот уже в дождливой сентябрьской Москве мы с женой сидим на мягком диване и с удовольствием разглядываем крымские фотографии. И вдруг с одного из снимков у выхода из снарядного погреба на нас смотрит нечто.... розовое, грустное и, как нам показалось, очень одинокое. Кто он, невидимый страж заброшенной батареи? Заблудший странник с другой планеты, нашедший приют в темных сырых казематах? Или землянин, прошедший совсем иной путь эволюции?

Позже в севастопольских сайтах я прочитал о том, что привидения периодически появляются и на других заброшенных батареях и в подземельях.

Но вернемся к 10-дюймовым орудиям. Во время боя с «Гебеном» одно из них разорвало, но вскоре из Петербурга прислали новую 10-дюймовую пушку.

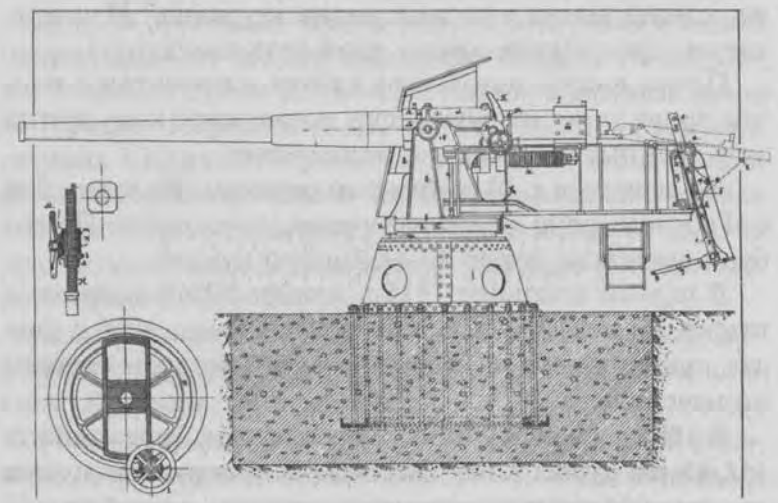
В первой половине 1915 г. четыре 10/45-дюймовые пушки убыли в Брест, а в первой половине 1916 г. еще две пушки убыли на формирование «батареи особого назначения».

В 1891 г. на вооружение нашего флота была принята 152/45-мм пушка Кане. Это была первая русская пушка среднего калибра с противооткатными устройствами современного типа, где ствол откатывался по люльке

вдоль оси канала. До этого все орудия посредством цапф были жестко связаны со станком, который после выстрела откатывался по поворотной раме.

Аналогичные пушки Военное ведомство решило ввести на вооружение береговых крепостей. 7 августа 1895 г. Николай II «высочайше повелел» принять на вооружение 6/45-дюймовую пушку с лафетом. Аналогичный приказ по артиллерии последовал 17 августа 1895 г.

Береговые и морские 152-мм установки Кане должны были быть одинаковыми, но вышли разными. Особенно различались их станки. Основным же различием в орудиях был способ заряжания: у береговых — унитарным патроном, а у морских — раздельно-гильзовое. Кстати, и у моряков первоначально было унитарное заряжание. Кроме того, Военное ведомство производило снаряды собственной конструкции, а Морское ведомство — свои снаряды. Однако эти снаряды были

152/45-мм пушка Кане на береговом лафете.

взаимозаменяемыми у обеих пушек, хотя и нуждались в различных Таблицах стрельбы.

К 1 июля 1906 г. в Севастопольской крепости по табелю должно было состоять шестнадцать 152/45-мм пушек Кане, а фактически имелось 6, и еще 6 предполагалось передать из Особого запаса. С января 1908 г. по 1 июля 1914 г. в крепости состояли двадцать две 152/45-мм пушки. С началом войны началось их разбазаривание. Первые две пушки убыли в конце 1914 г. В первой половине 1915 г. шесть пушек убыло в Одессу и четыре в Ковно. В первой половине 1916 г. восемь 152/45-мм пушек убыло из Севастопольской крепости на формирование «батарей особого назначения».

Первые восемь 120/50-мм пушек производства Обуховского завода прибыли в Севастополь в первой половине 1913 г. Конструктивно они были близки к морским 120/50-мм пушкам, совпадали и их баллистические данные. Во второй половине 1916 г. из Севастопольского порта в крепостную артиллерию были переданы 4 корабельные 120/50-мм пушки.

Таким образом, Севастополь с 1885 г. был одной из сильнейших береговых крепостей России, уступая лишь Кронштадту и, в отдельные временные периоды Порт-Артуру и Владивостоку.

Глава 6

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ КРЕПОСТЬ В ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ

28 июня 1914 г. в Сараево гимназист Гаврила Принцип выпустил из револьвера семь пуль в наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу. Поначалу сей теракт не вызвал особого интереса ни в мире, ни в самой Австро-Венгерской империи. Помните, у Швейка: «Семь пулек, как в Сараево». Родственникам императора Франца Иосифа I крупно

не везло. Его сын Рудольф застрелился, брат Максимилиан поехал в Мексику, чтобы стать местным императором, но его расстреляли туземцы. Жену Франца Елизавету проткнул напильником итальянский анархист Люкени.

Почти семь недель после убийства Фердинанда не только обыватели, но и большинство политиков Европы были уверены, что никакой войны не будет.

Прозорливей всех оказались младотурки, находившиеся у власти в Стамбуле. Учуяв запах жареного, турецкие руководители заметались по Европе. В конце июня Энвер-паша отправился в Берлин, а Джемаль-паша — в Париж. Вопрос у пашей был один — сколько дадут за участие Турции в войне? Программа-минимум — греческие острова в Эгейском море и часть Болгарии. В программе-максимум упоминался и Кавказ. Для начала Карс, Ардаган, Батум и далее... везде. Вариант, что туркам за вступление в войну могут дать по шее, и причем очень больно, паши просто не рассматривали.

В Париже Джемаля-пашу встретили торжественно. Дали орден Почетного Легиона, а ни Фракии, ни Имброса, ни Хиоса, ни Лемноса, ни даже Лесбоса не дали. По сему поводу Джемаль-паша убыл в Стамбул чрезвычайно расстроенным.

Зато Энверу-паше в Берлине крайне повезло — немцы предложили подписать секретную конвенцию.

Одним из результатов этой конвенции стал прорыв в Константинополь двух германских крейсеров, ранее базировавшихся на Средиземном море.

Водоизмещение линейного крейсера «Гебен» составляло 25 400 т, скорость хода 28 узлов, вооружение: десять 280/50-мм, двенадцать 150/45-мм и двенадцать 88/45-мм пушек и четыре торпедных аппарата. Водоизмещение «Бреслау» 5600 т, скорость хода 28 узлов, вооружение: двенадцать 105/45-мм пушек и два торпедных аппарата. По скорости они почти не уступали новейшим русским эсминцам типа «Гневный», но значительно превосходили их своей артиллерией. Таким образом, всего 2 немецких корабля, прорвавшихся в Черное море, радикально меняли соотношение сил в пользу Турции.

Оба корабля немцы продали Турции. Естественно, эта продажа была фикцией. На крейсерах были подняты турецкие флаги, немецкие офицеры сменили форменные фуражки на фески. Разумеется, крейсера были переименованы. «Гебен» стал «Грозным султаном Селимом» («Явуз Султан Селим»), а «Бреслау» — «Мидилли». В 1920-х годах кемалисты еще раз переименовали «Гебен» в «Явуз», то есть просто «Грозный». Немецкий контр-адмирал Сушон был назначен командующим всем турецким флотом.

Немцы интенсивно готовили турецкий флот к нападению на Россию. Но нельзя возлагать ответственность за вероломное нападение лишь на немецких «советников». Еще в начале 1914 г. в Морском штабе Османской империи разрабатывались варианты внезапного нападения на русский флот. Фрегат-капитан Али Риза-бей предложил устроить атаку миноносцев на Севастополь так же, как японцы атаковали русскую эскадру в Порт-Артуре. После же уничтожения или повреждения русских броненосцев в Севастополе лихие вояки планировали высадить десант в районе Одессы. Таким образом, если Сушону и К° приходилось давить на седобородых чиновников во главе с великим визирем, подталкивая их к войне, то наглых молодцов из Морского штаба типа Али Риза-бея или Рыза Шанир-бея, наоборот, приходилось окорачивать. Немцы объясняли последним, что морской десант в Одессе — это бред; минная атака на Севастополь будет самоубийством, зато можно использовать миноносцы в Одессе.

Военные приготовления турок и немцев не были тайной для русского начальства. Сотрудники посольства за несколько лет создали широкую сеть осведомителей

среди военного и гражданского руководства Турции. В саду русского посольства была мощная радиостанция, с помощью которой не только поддерживалась бесперебойная связь с Севастополем, но и осуществлялся радиоперехват турецких, германских и иных радиостанций. В русском посольстве читали все радиотелеграммы германского посольства и наиболее ценные выдержки из них отправляли в Министерство иностранных дел Сазонову, причем посол Вагенгейм в донесениях именовался «Павловым», а германское посольство — «отсюда». Вот, к примеру, 27 сентября русский посол Гирс передает в Петербург расшифрованный текст сообщения германского посла: «Накануне Энвер сказал, что по приказанию султана флот выйдет в Черное море 30 сентября, причем просил хранить это в строгой тайне. Энвер считает высадку в Одессе возможною только в случае уничтожения русского флота». На следующий день Гирс опять предупреждает Сазонова: «Отсюда» телеграфируют 29 сентября: «Из беседы с Энвером и Талаатом, от коих ныне все зависит в Турции, выяснилось, что они имеют твердое желание приступить к военным действиям и считают настоящую минуту для этого подходящей».

А вот уже и сам Гирс пишет 22 сентября Сазонову: «Объявление всеобщей мобилизации и связанное с нею обращение всей страны в военный лагерь привели к подчинению гражданских властей военным, к преобладающему влиянию воинственной партии с Энвером-пашою во главе, назначенным генералиссимусом армии и флота и фактически захватившим в свои руки все управление страною... В Турцию стали направляться крупными партиями германские офицеры и нижние чины, приходить целые транспорты оружия, военных припасов и даже денег... по моему мнению, война неизбежна».

10 октября Гирс докладывает министру: «В своем увлечении идеею величия ислама турки доходят до того, что вполне сознательно верят, что в случае войны

Турции с этими державами она найдет поддержку мусульман Индии, Египта, Туниса, Алжира, Кавказа, Туркестана и проч. Наряду с этим они наивно воспринимают самые нелепые, распространяемые среди них слухи, вроде того, что император Вильгельм принял мусульманство и что немцы исповедуют религию, ничем от ислама не отличающуюся. Мне сообщили, что в некоторых местах Константинополя происходили моления за германского императора, причем его поминали особенным присвоенным ему турецким именем».

22 сентября великий князь Николай Николаевич из Ставки предупредил телеграммой главнокомандующего Черноморским флотом адмирала Андрея Августовича Эбергарда: «Получаемые из Константинополя известия почти не дают надежды на сохранение мира. Надо ожидать выступления Турции. Весьма вероятна минная атака или постановка заграждения у Севастополя до объявления войны».

Наконец, 28 сентября в 17 ч 30 мин Эбергард получает телеграмму от Сазонова: «По достоверным сведениям, Турция решила 28 октября немедленно объявить войну».

27 октября в 20 ч 35 мин в Севастополь радировал русский почтовый пароход, обнаруживший крейсера «Гебен», «Бреслау» и «Гамидие» с миноносцами, выходящими из Босфора.

28 октября в 10 ч 20 мин в Севастополе получили радио с парохода «Александр Михайлович»: «Видим «Гебен» с двумя миноносцами». В 13 ч 30 мин флаг-капитан по оперативной части штаба командующего флотом капитан 1 ранга Кетлинский запросил по радио пароход «Александр Михайлович»: «Уверены ли, что видели «Гебен»?» В 16 часов был получен ответ: «Гебена» прекрасно знаю».

Я умышленно донимаю читателя перечислением предупреждений адмиралу Эбергарду. А что поделыва-

ет наш командующий? В 14 часов 28 октября он приказывает немедленно изготовиться к походу... минному заградителю «Прут». Заградитель должен был идти в Ялту за батальоном солдат 62-й пехотной дивизии, которая отправлялась на фронт. Ну, как говорится, чтобы побыстрее и экзотичнее. Каково солдатикам плыть на судне, в трюмах которого находилось 750 мин, причем мин лучших образцов. Все остальные заградители Черноморского флота — «Ксения» «Алексей», «Георгий» и «Константин» — вместе имели на себе запас около 800 мин. Таким образом, «Прут» один заключал в себе 50% «заградительных возможностей Черноморского флота». Первая операция, которую должен был осуществить флот при наличии уже угрожающих симптомов, это постановка минного заграждения, как и предусматривалось планом кампании. Поэтому даже отсутствие «Прута», не говоря уже о риске его потери, ослабляло осуществление первых мер предосторожности.

От Ялты до Севастополя 80 км, сейчас рейсовый автобус идет около полутора часов (сам ездил). Пешим порядком батальон дошел бы за 36 часов. Можно было мобилизовать ялтинских извозчиков и частные экипажи (погуляли бы курортницы денек пешком) и доставить батальон за 6 часов.

В 17 часов 28 октября «Прут» вышел в Ялту. Перед Севастополем имелось несколько минных полей, поставленных минными заградителями крепости (то есть Военного ведомства). Эти мины переводились в боевое положение включением электрических цепей на берегу. При размыкании цепей мины становились безопасными для кораблей. В связи с выходом «Прута» цепи разомкнули, а вновь замыкать не стали, ведь «Прут» должен был вернуться через несколько часов.

29 октября в 4 ч 15 мин утра судами флота была принята открытая радиограмма из Одессы от дежурного парохода РОПИТа: «Турецкий миноносец взорвал

«Донец», ходит в Одесском порту и взрывает суда». Получив это извещение, командующий флотом дал радио: «Война началась». На том Эбергард и ограничился. Никаких распоряжений о возможности похода не делается, не делается никаких распоряжений и по крепости. Минное заграждение по-прежнему остается разомкнутым.

В 5 ч 30 мин на наблюдательном посту на мысе Сарыч заметили прожектор в море. В 5 ч 58 мин пост Лукулл донес, что в виду поста по направлению к Севастополю идет двухтрубное двухмачтовое судно.

В 6 ч 12 мин тот же пост дополнительно сообщил, что замеченное судно имеет башенные установки крупного калибра. Около судна два миноносца, которые кружатся в районе Лукулла. Три минуты спустя (6 ч 15 мин) начальник партии траления донес, что видит «Гебен» в 35 кабельтовых (около 6,5 км) от себя и одновременно с этим, не ожидая приказаний, поворачивает с партией на траверзе Херсонесского монастыря в Севастополь.

В 6 ч 28 мин береговые батареи Севастопольской крепости по собственной инициативе первыми открыли огонь по «Гебену». Через 2 минуты крейсер открыл ответный огонь по береговым батареям с дистанции 7800 м. Затем «Гебен» перенес огонь на суда, стоящие в порту, на арсенал и военный порт (12 км), ведя огонь залпами артиллерией крупного и среднего калибра. Всего было выпущено 47 снарядов 280-мм и 12 снарядов 150-мм. «Гебен» следовал зигзагообразным курсом. После десятого залпа он получил три попадания снарядами крупного калибра около кормовой дымовой трубы. Однако, несмотря на множество осколков, повреждения на верхней палубе оказались незначительными. Осколок перебил трубку в одном из котлов, и тот выбыл из строя

Считая, что стрельба по береговым целям вследствие плохой видимости будет иметь незначительные резуль-

таты и принимая во внимание сильный огонь береговых батарей, направленный и на эскадренные миноносцы (падения ложились большей частью перелетами, при которых можно лишь удивляться ничтожному количеству попаданий), «Гебен» отвернул и отошел 22-узловым ходом.

Снаряды «Гебена» легли большей частью на Севастопольский рейд, причем осколки разрывающихся снарядов попадали на корабли, в том числе и на заградители. Один из снарядов попал в морской госпиталь, было убито и ранено несколько больных. Два снаряда попали в береговые батареи, не причинив им вреда.

В записях минных станций отмечено, что за время с 6 ч 35 мин до 6 ч 40 мин «Гебен» маневрировал на крепостном заграждении, так как станции определенно отметили в этот период ряд замыканий на двух магистралях, что совпадает с путем следования «Гебена», то есть минные заграждения были приведены в боевое положение буквально через несколько секунд, как по ним прошли «Гебен» с миноносцами. Подрыв «Гебена» даже на одной мине неизбежно привел бы к его расстрелу береговыми батареями. Севастопольская крепость одна, без флота, сумела бы уничтожить противника, если бы не преступные действия адмирала Эбергарда.

А флот в Севастополе стоял в полном бездействии. Лишь с устаревшего броненосца «Георгий Победоносец», служившего брандвахтой, сделали три выстрела из 152/45-мм орудий.

Адмирал Эбергард через 7 минут после начала стрельбы «Гебена» прибыл на флагманский броненосец «Евстафий». А где он был раньше? Русскую эскадру от огня «Гебена» спасли береговые батареи. Ведь если бы Сушон пострелял еще минут 15 и взорвал бы любой из четырех минных заградителей, Эбергарду мало бы не показалось.

Как писал немецкий адмирал Г. Лорей, служивший советником в турецком флоте: «Гебену» не удалось выполнить своей первоначальной задачи: предполагалось держаться возможно дальше от 305-мм двухорудийных башен». Это показывает, как плохо работала разведка у немцев и турок. К началу войны для двух башенных 305-мм батарей были только отрыты котлованы, тела орудий лежали рядом на земле, а сами башни еще изготавливались на Петербургском Металлическом заводе. В строй одна батарея вошла лишь в 1928 г., а другая — в 1932 г.

Но вернемся к «Гебену», уходившему из-под огня береговых батарей. Вскоре после поворота на «Гебене» увидели подходивших с юго-запада три русских миноносца («Лейтенант Пущин», «Живучий» и «Жаркий»). Эти миноносцы с ночи находились в дозоре вблизи Севастополя, но проспали «Гебен». Теперь они получили приказ Эбергарда прикрыть возвращавшийся «Прут». Как могли три малых миноносца драться с линейным крейсером? Эбергард ставил заведомо невыполнимую задачу. Тем не менее миноносцы пошли в атаку. С дистанции 70 кабельтовых (13 км) «Гебен» открыл огонь из 150-мм орудий. Четвертый залп накрыл головной миноносец «Лейтенант Пущин». На «Пущине» было убито 7 человек и ранено 11. Корабль потерял управление, начался сильный пожар. Управляясь машинами, миноносец вышел из боя и с трудом дошел до Севастополя. «Живучий» и «Жаркий» вынуждены были отказаться от продолжения атаки.

Еще до нападения «Гебена» Эбергард приказал «Пруту» не заходить в Ялту, а продержаться до рассвета в море и после идти в Севастополь. Но затем адмирал даже не соизволил уведомить «Прут», что у входа в Севастополь находится «Гебен». В 7 часов утра командир «Прута», озабоченный звуком канонады, решил напомнить командующему о себе по радио. Он сообщил свои координаты и спросил: «Что делать?»

В 7 ч 16 мин радиограмма с «Прута» была расшифрована и передана Эбергарду. Но тот так ничего и не ответил. Не зная ситуации, командир «Прута» решил идти в Севастополь.

В 7 ч 35 мин «Гебен» обнаружил «Прут» и открыл огонь. Вскоре заградитель загорелся, и командир приказал открыть кингстоны. В 8 ч 40 мин «Прут» скрылся под водой. Турецкие миноносцы подошли к месту гибели «Прута» и начали спасать людей. Из 250 человек команды было спасено 75, включая и командира.

И после гибели «Прута» «Гебен» продолжал пиратствовать на виду (в буквальном смысле) у всего Черноморского флота. Около 9 часов утра «Гебен» остановил грузовой пароход «Ида», шедший из Мариуполя в Севастополь, высадил на него призовую команду и отправил в Стамбул.

До 10 часов утра «Гебен» был хорошо виден с Севастопольского бульвара, а затем медленно ушел на юг.

Стоит добавить, что незадолго до похода «Гебена» турецкий минный заградитель «Нилуфер», не замеченный русскими дозорными кораблями, поставил 60 мин непосредственно перед входом на рейд. Самый вход удалось точно определить благодаря наличию световой завесы. На обратном пути заградитель потопил пароход Добровольного флота «Великий князь Александр». 30 октября в 8 ч 15 мин «Нилуфер» вошел в Босфор. 31 октября после полудня «Гебен» также вернулся к Константинополю.

Этот позорный эпизод русские моряки окрестили «Севастопольской побудкой».

Позже адмирал Эбергард несколько раз имел возможность поймать «Гебен», обладая подавляющим превосходством в силах, но не сумел или не захотел этого делать. Офицеры Черноморского флота чуть ли не в глаза называли командующего флотом «Гебенгард».

После злосчастной «Севастопольской побудки» турецкие корабли ни разу не показывались в районе Севастополя, и соответственно началось частичное разоружение Севастопольской крепости.

В 1916 г. «Гебенгард» был снят, а новым командующим флотом стал энергичный и честолюбивый адмирал А.В. Колчак. В конце 1916 г. Черноморский флот начал готовиться к десанту в Босфор. Я не стану останавливаться на технических деталях операции, отмечу лишь два момента.

В Центральном Военно-морском архиве я нашел интересные документы о поставках на Черноморский флот большого числа химических снарядов. Так, к 25 ноября 1916 г. в штатном боекомплекте русских дредноутов положено было иметь на одну 305/52-мм пушку 400 выстрелов, из которых 20 со шрапнелью и 37 с «удушающим снарядом». Часть «удушающих» снарядов была заказана в Центральной части России, а 300 «удушающих» 305-мм снарядов изготовлены в Севастополе из практических (учебных) снарядов. Кроме того, Севастопольский морской завод из практических снарядов изготовил 4000 «удушающих» 120-мм снарядов и 3000 таких же снарядов для 152/45-мм пушек Кане.

В Петрограде для Черноморского флота было изготовлено 4000 «удушающих» снарядов для 102/60-мм пушек эскадренных миноносцев. Кроме того, на Черноморский флот поступило большое число 305-, 203-, 152-, 120- и 101,2-мм шрапнельных снарядов, произведенных в России, США и Японии. Никогда ранее шрапнель не входила в боекомплект русских корабельных орудий крупного и среднего калибра.

Понятно, что стрелять шрапнелью, а тем более химическими снарядами по морским целям бессмысленно. Они предназначались исключительно для стрельбы по берегу. Поэтому нетрудно представить себе план операции. Русские корабли должны были буквально забросать укрепления Босфора химическими снарядами.

Замолчавшие батареи захватывались десантом. А по подходящим полевым частям турок корабли должны были открыть огонь шрапнелью.

Однако в Военно-историческом архиве я нашел не менее интересный документ, датированный январем 1917 г. Там говорилось о создании «Тяжелой артиллерийской бригады специального боевого назначения». Материальная часть бригады должна быть взята из Севастопольской крепости. Причем бралось все подчистую. Оставались лишь 11/35-дюймовые пушки, имевшие плохие станки, и древние 9-дюймовые пушки обр. 1867 г. Таким образом, Севастопольская крепость должна была быть полностью разоружена.

Куда направляется бригада, в документе не говорится. Но есть фраза, что снятие вооружения Севастопольской крепости должно произойти «в случае полного владения Черным морем».

Легко догадаться, что в 1917 г. хотели повторить план операции 1897 г., то есть проливы подлежали быстрому захвату, а затем на их берегах планировалось установить мощные береговые батареи. А предназначались эти батареи для стрельбы не по туркам и немцам, а по англичанам и французам, если бы они сунулись в проливы. Увы, Февральская революция и разложение личного состава армии и флота сорвали эту операцию.

Несколько слов надо сказать и об авиации в Севастопольской крепости. Еще в 1910 г. для Севастопольской крепости была сформирована 8-я воздухоплавательная рота для корректировки и наблюдения учебных стрельб артиллерийских батарей крепости. Она размещалась в помещениях бывшей Константиновской батареи. В 1912 г. рота была переформирована во 2-ю авиационную роту в составе 14-го и 15-го корпусных авиационных отрядов, а имущество ее переправлено в Петербург. В конце 1913 г. авиационную роту перебросили в Варшаву.

В годы Первой мировой войны в крепости базировался отряд дирижаблей, для обслуживания которого прикомандировались роты дружин Государственного ополчения.

К 1 октября 1916 г. ПВО Севастополя состояло из восьми 75/50-мм корабельных пушек Кане. Эти пушки были на переделанных станках системы Меллера, допускавших стрельбу при углах возвышения до +75° . Кроме того, имелось восемь 122-мм полевых гаубиц на импровизированных зенитных установках.

С началом Гражданской войны в Севастопольской крепости воцарился хаос. Естественно, никакой отчетности не велось. Красные и белые, по очереди владевшие Крымом, тащили все, что могли унести. Особый интерес у обеих сторон вызывали 152/45-мм пушки Кане и 120/50-мм пушки, которые отправлялись на вооружение тяжелых бронепоездов. Несколько бронеплощадок со 152/45-мм пушками было изготовлено на «Севморзаводе».

В 1920 г. белые перетащили часть тяжелых орудий к Перекопу.

После окончательного занятия Крыма в ноябре 1920 г. красные начали восстановление почти полностью разрушенной системы береговой обороны Севастополя. В итоге к осени 1923 г. им удалось воссоздать крепостную артиллерию трехдивизионного состава.

В первый дивизион входили три береговые батареи на Северной стороне. Батарея № 1 располагалась у мыса Лукулл и была вооружена двумя 152/45-мм морскими пушками Кане[1]. Батарея № 2 разместилась в районе

[1] Следует заметить, что как белые офицеры, так и краскомы в подавляющем большинстве весьма смутно представляли разницу между 152-мм пушками Кане Морского и Военного ведомств, из-за чего часто возникала путаница. Я же привожу данные, найденные в архивных документах. Другой вопрос, что идентифицировать орудия легко можно было по выбитым буквам на казенной части: МА — морская артиллерия и СА — сухопутная артиллерия, но, увы, не у всех начальников хватило ума смотреть на клеймо.

Шталь — Учкуевка. Там было три 10/45-дюймовых пушки. Батарея № 3 у Северной косы была вооружена четырьмя 152/45-мм морскими пушками.

Во второй дивизион входили батареи Южной стороны: батарея № 4 на Александровском мысу на две 120/50-мм пушки; батарея № 5 между бухтами Стрелецкая и Песочная на четыре 152/45-мм морские пушки; батарея № 6 на западном берегу Стрелецкой бухты на три 10/45-дюймовые пушки (на левом фасе старой батареи).

В третий дивизион входили четыре батареи: батарея № 7 между Казачьей и Камышовой бухтами на три 152/45-мм морские пушки; батарея № 8 в Казачьей бухте; батарея № 8 на мысе Фиолент (четыре 152/45-мм пушки) и батарея № 10 у входа в Балаклавскую бухту на две 152/45-мм пушки и два деревянных макета.

В конце 1920-х годов Советская республика приступила к строительству кораблей и подводных лодок для Черноморского флота. Параллельно шло третье возрождение Севастопольской крепости.

Раздел II

1941 - 1942 гг. Слава и трагедия

Глава 1

СООТНОШЕНИЕ СИЛ НА ЧЕРНОМ МОРЕ

К 22 июня 1941 г. корабли Черноморского флота дислоцировались следующим образом:

В Севастополе базировались эскадра в составе: линейного корабля «Парижская Коммуна», бригады крейсеров («Красный Кавказ», «Червона Украина», «Красный Крым») и Отряда легких сил (крейсера «Ворошилов», «Молотов», лидеры «Москва» и «Харьков», эсминцы «Бойкий», «Быстрый», «Безупречный», «Беспощадный», «Бодрый», «Смышленый», «Сообразительный», «Незаможник» и «Шаумян»)[1];

1-я бригада подводных лодок (13 подводных лодок, находившихся в строю): Л-5, Д-5, С-31, С-32, С-33, С-34, Щ-204, Щ-205, Щ-206, Щ-208, Щ-209, Щ-210, Щ-211;

2-я бригада подводных лодок (8 подводных лодок, находившихся в строю): М-31, М-32, М-33, М-34, М-35, М-36, М-58, М-62; в ремонте: М-59, М-60, А-1, А-2, А-3, А-5;

1-я бригада торпедных катеров (в числе которых имелось 10 катеров Г-5 «волнового управления», которые должны были наводиться на противника с самолетов МБР-2), бригада траления, сторожевые корабли и катера охраны водного района (ОВР) Главной базы. В текущем ремонте (на заводе № 201): крейсер «Красный Крым», эсминец «Железняков»; подводные лодки Л-4 и Щ-207.

---

[1] Данные кораблей см.: Широкорад А.Б. Корабли и катера ВМФ СССР 1939—1945 гг. Минск, Харвест, 2002.

В капитальном ремонте подводные лодки Л-6, Д-4 и Д-6. Проходили заводские испытания подводные лодки Л-24 и Щ-216. Достраивались эсминцы «Способный» и «Совершенный».

В Одессе базировались дивизион канонерских лодок в составе: «Красный Аджаристан», «Красная Армения», «Красная Грузия», а также старый крейсер «Коминтерн» (бывший «Кагул»).

На порт Очаков базировалась 2-я бригада торпедных катеров.

На военно-морскую базу (ВМБ) Новороссийск базировались:

корабли ОВР, 10-й отдельный учебный дивизион подводных лодок (7 единиц, из которых в строю в Новороссийске подводные лодки Щ-201 и М-52; подводная лодка Щ-202 — в Феодосии на испытании торпед; подводные лодки Щ-203, М-51 и М-55 — в различных видах ремонта в Севастополе, и подводная лодка М-54 — в среднем ремонте в Херсоне).

В ВМБ Поти находились: подводная лодка А-4 из состава 6-го дивизиона подводных лодок 2-й бригады подводных лодок, базировавшегося на Поти (остальные четыре подводные лодки находились на ремонте в Севастополе).

На ВМБ Батуми базировались: эскадренные миноносцы «Фрунзе» и «Дзержинский», временно выведенные из состава эскадры и приданные ВМБ Батуми.

На ремонте в Николаеве находились: лидер «Ташкент» (на нем производилась замена вооружения: щитовые установки Б-13 заменяли на башенные Б-2ЛМ, а 45-мм пушки 21К — на автоматы 70К), эсминец «Бдительный», канонерская лодка «Красная Абхазия» и подводные лодки Щ-212, Щ-213, Щ-214 и Щ-215.

Там же, в Николаеве, на плаву достраивались:

легкие крейсера проекта 68 «Фрунзе» (техническая готовность 33%, плановый срок ввода в строй 1942 г.), «Куйбышев» (27%, 1942 г.);

лидеры проекта 48 «Киев» (48,9%, 1942 г.) и «Ереван» (25,4%, 1942 г.);

эсминец проекта 7У «Свободный» (83,8%, 1941 г.);

эсминцы проекта 30 «Огневой» (50,8%, 1942 г.) и «Озорной» (21,2%, 1942 г.);

подводные лодки проекта XIIIбис: Л-23 (89,9%, 1941 г.), Л-25 (63,2%, 1941 г.);

подводная лодка проекта IXбис: С-35 (40,4%, 1941 г).

Кроме того, на стапелях находились линкор «Советская Украина», тяжелый крейсер «Севастополь», легкие крейсера «Свердлов» и «Орджоникидзе», пять эсминцев проекта 30, четыре сторожевых корабля проекта 29, три подводные лодки проекта IXбис и три подводные лодки проекта XVI.

Итого к 22 июня 1941 г. Черноморский флот имел в строю и ремонте 1 линкор, 5 крейсеров, 17 лидеров и эсминцев, 2 сторожевых корабля, 44 подводные лодки, 4 канонерские лодки, 2 минных заградителя, 12 тральщиков, 78 торпедных катеров, 24 охотника за подводными лодками.

Следует заметить, что сразу же после начала Великой Отечественной войны Черноморский флот стал пополняться катерами морпогранохраны НКВД, а также торговыми и рыболовецкими судами. Всего к 18 июля от погранохраны было принято 94 катера, а от гражданских ведомств — 147 судов.

В составе флотской авиации находилось 625 самолетов, из них 167 — гидросамолеты. (По другим данным, всего было 624 самолета, из них 138 бомбардировщиков, 346 истребителей, 140 разведчиков.)

В подавляющем большинстве истребители были представлены старыми машинами типа И-16. Лишь перед самой войной авиация Черноморского флота получила новые истребители: 16 МиГ-3 и 7 Як-1.

ВВС Черноморского флота состояли из 63-й бомбардировочной авиабригады (40-й бомбардировочный авиаполк, 2-й минно-торпедный авиаполк, две отдель-

ные бомбардировочные эскадрильи), 62-й истребительной авиабригады (8, 9-й и 32-й истребительные авиаполки), трех отдельных истребительных авиаэскадрилий, морского разведывательного авиаполка, пяти отдельных морских разведывательных авиаэскадрилий и отдельного морского авиаотряда.

Командованию Черноморского флота подчинялась Дунайская речная флотилия, созданная летом 1940 г. в дельте Дуная после занятия советскими войскам Бессарабии. К 22 июня 1941 г. в состав флотилии входили: 5 мониторов («Ударный», «Железняков», «Ростовцев», «Мартынов», «Жемчужин»), 2 канонерские лодки («Буг» и «Днестр»), 22 бронекатера проекта 1125, 7 катеров-тральщиков, отряд глиссеров и несколько вспомогательных судов.

Помимо того в состав Дунайской флотилии входили 96-я отдельная авиаэскадрилья (6 истребителей И-154 и 8 истребителей И-15), зенитные и береговые артиллерийские батареи, стрелковая и пулеметная роты. С началом войны флотилии был придан 4-й Черноморский отряд погрансудов НКВД (4 пограничных сторожевых катера типа «МО» и несколько малых катеров других типов).

Корабли флотилии базировались на порты левого берега Дуная: Измаил (главная база), Рени, Килия, Вилков. Все базы просматривались с противоположного румынского берега, что затрудняло скрытую перегруппировку сил и средств.

К 22 июня Черноморский флот располагал довольно приличной системой береговой обороны. Естественно, лучше всего была защищена главная база флота. С двух сторон (у деревни Любимовка и у мыса Херсонес) район Севастополя прикрывали две мощные башенные 305-мм батареи (№ 30 и № 35). В каждой батарее было по 4 орудия в двух башнях.

Остальные орудия стояли открыто (или с коробчатыми щитами) в бетонированных орудийных двориках.

Батарея № 10 была вооружена четырьмя 203/50-мм пушками. Батареи № 12, № 18 и № 19 имели по четыре 152/45-мм пушки Кане; батарея № 28 — три 152-мм пушки; батареи № 26 и № 32 — по три 130-мм пушки; батарея № 13 — четыре 120/50-мм пушки; батарея № 2 — четыре 100-мм пушки.

Дунайская флотилия располагала двумя подвижными батареями № 724 и № 725 (по четыре 152-мм пушки МЛ-20), двумя стационарными батареями № 717 (три 130/55-мм пушки у села Жебрияны) и № 7 (75/50-мм пушки в городе Вилков).

Одесская ВМБ была прикрыта шестью 180-мм пушками МО-1-180 (батареи № 41 и № 412), тремя 203/50-мм пушками (батарея № 21), тремя 152-мм пушками (батарея № 1) и шестью 130-мм пушками (батареи № 39 и № 718).

Вход в Днепро-Бугский лиман прегражадали восемь 203/50-мм пушек (батареи № 15 и № 22).

Керченский пролив контролировали три 203/50-мм пушки (батарея № 33), четыре 180-мм установки МО-1-180 (батарея № 29) и четыре 152/45-мм пушки (батарея № 48).

Новороссийскую ВМБ прикрывали железнодорожная батарея № 16 (4 транспортера ТМ-1-180), восемь 152/45-мм пушек (батареи № 23 и № 31) и три 130-мм пушки (батарея № 714).

ВМБ Батуми прикрывали четыре 203/50-мм пушки (батарея № 52), четыре 180-мм установки МО-1-180 (батарея № 431) и четыре 152/45-мм пушки (батарея № 51).

Из иностранных государств самым сильным флотом на Черном море обладала Турция — извечный соперник России.

Флагманом турецкого флота был линейный крейсер «Явуз» («Yavuz»). История его довольно интересна. С началом Первой мировой войны германский крейсер «Гебен», спасаясь от союзного флота, пришел в Стам-

бул. Турция была нейтральна, и, чтобы соблюсти законы морского права, турки формально купили крейсер и назвали его «Явуз султан Селим». С 1918 г. по 1926 г. крейсер находился в небоеспособном состоянии. В 1926—1930 гг. он был восстановлен под названием «Явуз Селим». В 1936 г. название его вновь укоротили, и он стал просто «Явуз».

Стандартное водоизмещение корабля составляло 23 100 т. Скорость хода 25,5 уз. (фактически на 1941 г. он развивал меньший ход). Главный калибр крейсера представляли десять 280/50-мм орудий, средний калибр — десять 150/45-мм орудий. Зенитное вооружение состояло из четырех 88/45-мм орудий и двенадцати 40-мм автоматов.

К 1941 г. в составе флота турки сохранили два легких крейсера, введенных в строй в 1904 г. Однако они не имели никакого боевого значения. Крейсер «Гамидие» имел водоизмещение 3830 т, скорость хода 18 уз., вооружение: два 150/45-мм, восемь 75/50-мм орудий и несколько 20-мм зенитных автоматов. С 1940 г. «Гамидие» служил учебным кораблем кадет, а в 1945 г. был переведен в стационарный учебный корабль.

Крейсер «Меджидие» водоизмещением 3500 т в 1914 г. затонул у берегов России, был поднят и введен в состав Черноморского флота. В 1918 г. немцы, захватив Севастополь, вернули крейсер туркам. К 1941 г. на вооружении «Меджидие» оставалось шесть 130/55-мм русских пушек, а также четыре 75/50-мм пушки и несколько 20-мм зенитных автоматов. С 1940 г. «Меджидие» служил стационарным (то есть не имел хода) учебным кораблем для кадет в порту Гельджюк-Измир.

К 1941 г. в составе турецкого флота было четыре эсминца, построенных в Италии в 1930—1932 гг., — «Тинацтепе» («Tinaztepe»), «Зафер» («Zafer»), «Адатепе» («Adatepe») и «Косатепе» («Kocatepe»). Их полное водоизмещение составляло 1650 т, скорость хода до 38 уз.; вооружение: 4 — 120/50-мм, 2 — 40/45-мм и 2 — 20-мм пушки, 6 — 533-мм торпедных аппаратов и 40 мин в перегруз.

Стремясь увеличить боевую мощь турецкого флота, турецкое правительство в 1937—1939 гг. заказало Англии и Германии четыре эсминца и шесть подводных лодок. Однако в связи с началом войны большинство их было реквизировано ВМФ стран-изготовителей.

Так, из четырех эсминцев, строившихся на верфях фирмы «Виккерс» (водоизмещение 1360 т, скорость хода 35 уз.; вооружение: четыре 120/50-мм, шесть 40/45-мм, одна 20-мм орудие, восемь 533-мм торпедных аппаратов) «Муавенет» («Muavenet») и «Гайрет» («Gayret») были мобилизованы в британский флот, а «Денингисар» («Denirhisar») и «Султангисар» («Sultanhisar») переданы Турции.

Также были мобилизованы и строившиеся на верфях фирмы «Виккерс» четыре подводные лодки типа «Рейс» («Reis») водоизмещением 683/856 т[1], со скоростью надводного хода 13,7 уз., подводного хода 9 уз., вооруженных одной 75/50-мм пушкой и пятью 533-мм аппаратами. Две из них — «Мурат Рейс» («Murat Reis») и «Орук Рейс» («Oruc Reis») — были переданы Турции в 1942 г., а подводная лодка «Бурак Рейс» («Burak Reis») — в 1945 г. Подводная же лодка «Улук Али Рейс» («Uluc Ali Reis»), воевавшая в составе английского флота под названием P-615, была потоплена в апреле 1943 г. германской подводной лодкой U-123.

В Киле на верфи «Германия» для Турции были построены две подводные лодки «Илдирай» («Yildiray») и «Сатирай» («Satiray») водоизмещением 934/1284 т, со скоростью 18/8,4[2] уз., вооруженных одной 102/35-мм, одной 20-мм пушкой и шестью 533-мм торпедными аппаратами. Первая лодка была доставлена в Турцию, а вторая мобилизована кригсмарине и вступила в строй под названием «UA».

Еще две подводные лодки — «Салдирай» («Saldiray») и «Атилай» («Atilay») были построены по гер-

[1] Надводное/подводное.
[2] Надводного хода/подводного хода.

манским чертежам на верфи в Стамбуле. Однако «Атилай» погибла 14 июля 1942 г. в ходе испытаний у Чанаккале.

Кроме того, у турок были и старые подводные лодки:

«Гюр» («Gьr»), построенная в 1930—1932 гг. в Кадиксе. Куплена у Испании в 1935 г. (750/960 т; 18/9 уз.; одна 102/35-мм, одна 20-мм пушки; шесть 533-мм торпедных аппаратов).

«Сакария» («Sakarya») — построена в 1929—1931 гг. в Монфальконе в Италии (610/940 т; 16/9,5 уз.; одна 102/35-мм, одна 20-мм пушки; шесть 533-мм торпедных аппаратов).

«Биринси Инону» («Birinci Inonu») и «Икинк Инону» («Ikinc Inonu»). Построены в 1926—1928 гг. в Роттердаме (505/620 т; 14,5/9,5 уз.; одна 75/50-мм, одна 20-мм пушки; шесть 450-мм торпедных аппаратов).

Кроме того, у турок был один подводный минный заградитель «Дюмлюпинар» («Dumlupinar») (920/1150 т; 17,5/9 уз.; одна 102/35-мм, одна 20-мм пушки; шесть 533-мм торпедных аппаратов; 48 мин заграждения). Построен в 1929—1932 гг. в Монфальконе.

В советских военных справочниках того времени числились и два турецких сторожевых судна «Берк» (Berk») и «Пейк» («Peyk»), построенные в 1906—1908 гг. в Киле. На самом деле они с 1938 г. были учебными судами. После модернизации 1938—1939 гг. их водоизмещение составило 840 т, скорость хода 22 уз. Вооружение: две 88/45-мм зенитные пушки, четыре 57/40-мм пушки, три 450-мм торпедных аппарата.

«Пейк» был исключен из состава флота в 1944 г., а «Берк» — в 1945 г.

К 1941 г. в составе турецкого флота имелось три торпедных катера, построенных в Италии в 1926 г. (32 т, 34 уз., два 450-мм торпедных аппарата), и еще три торпедных катера было построено в Турции в 1942 г. (20 т, 40 уз., два 533-мм торпедных аппарата).

Турецкий флот имел всего три тральщика — «Хизир Рейс» («Hizir Reis»), «Ксемал Рейс» («Xemal Reis») и «Иза Рейс» («Isa Reis») (413 т; 14 уз.; три 75/50-мм, две 47-мм пушки). Оба тральщика были построены в 1912 г. во Франции и в Первую мировую войну использовались в качестве канонерских лодок.

Кроме того, имелось 2 катера-тральщика водоизмещением по 32 т, 7 малых минных заградителей (от 250 т до 616 т, вместимостью от 25 до 50 мин) и 8 сторожевых катеров (от 12 до 25 т).

Таким образом, к 22 июня 1941 г. в составе турецкого флота имелись (не считая учебных судов) 1 линейный крейсер, 6 эсминцев, 4 подводные лодки и 3 торпедных катера.

Главными базами турецкого флота были Стамбул, Гельджюк-Измид и Измир. Порты Черного моря могли служить только промежуточными базами. Да и вообще турецкие корабли предпочитали не соваться в Черное море.

Следующим за турецким по боевой мощи флотом был румынский. Главную его силу составляли 4 эсминца итальянской постройки. Эсминцы «Регеле Фердинанд» и «Регеле Мария» были построены в Неаполе в 1927—1930 гг. Их водоизмещение составляло 1821 т, скорость хода 38 уз. Вооружение состояло из пяти 120/50-мм орудий, одной 76/40-мм зенитной пушки, двух 40-мм пушек и шести 533-мм торпедных аппаратов. В годы войны зенитное вооружение было заменено на германское: одну 88-мм, три 37-мм, одну 20-мм пушки и два 13,2-мм пулемета.

Эсминцы «Маращти» и «Марасести» были построены в Неаполе в 1913—1920 гг. Водоизмещение 1723 т, скорость хода 40 уз. Вооружение: пять 120/45-мм, две 76-мм зенитные пушки, четыре 450-мм торпедных аппарата. В ходе войны зенитное вооружение заменили на германское: две 37-мм, пять 20-мм пушек и четыре 13,2-мм пулемета.

Кроме того, в румынском флоте имелось три малых миноносца «Сборул», «Иалуна» и «Смеул», построенные в 1913—1915 гг. в Фиуме (Италия) и доставшиеся Румынии при разделе австро-венгерского флота. Их водоизмещение составляло 262 т, скорость хода 24 уз. Вооружение: две 66-мм пушки и два 450-мм торпедных аппарата.

Румынский подводный флот состоял из трех лодок:

Подводные лодки S-1 «Решинул» и S-2 «Марсунул» были заложены в 1938 г. на государственной верфи в Галаце, спущены на воду соответственно 4 мая 1941 г. и 22 мая 1941 г, а в строй вступили в августе и сентябре 1943 г. Водоизмещение их 636/860 т. Скорость хода 16,6/8 уз. Вооружение: одна 88-мм и одна 20-мм пушка и шесть 533-мм торпедных аппаратов.

Предполагалось построить еще две такие же лодки, но в строй их ввести не удалось.

Таким образом, к 1941 г. в строю была единственная подводная лодка «Дельфинул», построенная в 1929—1931 гг. в Фиуме. В апреле 1936 г. Румыния купила ее у итальянского флота. Водоизмещение «Дельфинула» около 650/900 т, скорость 14/9 узлов, вооружение: одна 102/35-мм пушка и восемь 533-мм торпедных аппаратов.

В 1938—1940 гг. на государственной верфи в Галаце было построено два минных заградителя «Сететеа Альба» и «Амирал Мургулеску». Их водоизмещение 812 т, скорость 16 уз., вооружение: две 102/50-мм и две 37-мм пушки, а также 135 морских якорных мин.

В 1920 г. Румыния приобрела во Франции четыре малые канонерские лодки, построенные в 1916 г. Их водоизмещение 344—443 т, скорость 12,6 уз., вооружение: одна 100/40-мм пушка и два пулемета. В годы войны эти канонерки были перевооружены германскими орудиями: они получили по одной 88-мм, 37-мм и 20-мм пушке.

К 1941 г. в строю оставалось только три канонерки: «Сублокотенент Чугулеску», «Капитан Думитреску» и «Локотенент — командир Стини Евген». А «Локотенент Лепри Ремус» погибла 11 января 1940 г. на Дунае.

Торпедных катеров у румын было всего три: «Висковул», «Вифорул» и «Внелиа». Водоизмещение 35 т, скорость 40 уз., вооружение: два пулемета и два 533-мм торпедных аппарата. Все они были построены в Англии в 1938—1940 гг.

Для охраны побережья и дельты Дуная к 1941 г. румыны имели около 25 катеров водоизмещением от 50 до 3,5 т.

Итак, к 22 июня 1941 г. ударную силу румынского флота представляли четыре эсминца и одна подводная лодка.

Однако на Дунае румыны имели довольно мощную речную флотилию, ядро которой составляли семь мониторов.

Четыре монитора — «Александру Лаховари», «Михаил Когальничеану», «Ласкор Катараджиу», «Ион Братиану» — были заложены в Триесте в 1906 г. по заказу Румынии и спущены на воду в 1907 г. в Галаце (Румыния). В 1937—1938 гг. они прошли модернизацию. Их полное водоизмещение 750 т, скорость 13 уз., вооружение: три 120/50-мм пушки. К 1941 г. их зенитное вооружение состояло из одного 37-мм автомата Рейнметалл и трех 13,2-мм пулеметов Гочкиса, а к 1943 г. — из четырехпяти 37-мм и четырех 20-мм автоматов.

Остальные три монитора достались Румынии при разделе речной австро-венгерской Дунайской флотилии.

Монитор «Буковина» (бывший «Сава») был построен в Линце в 1915 г. В 1936—1937 гг. он прошел модернизацию. Водоизмещение монитора 550 т, скорость 12 уз. Вооружение: четыре 120/50-мм, пять 37-мм и две 20-мм пушки.

Монитор «Бессарабия» (бывший «Инн») построен в 1913—1915 гг. в Будапеште. Прошел модернизацию в 1940—1942 гг. Данные после модернизации: водоизмещение 770 т, скорость 12 уз. Вооружение: четыре 120/50-мм, пять 37-мм и две 20-мм пушки.

Монитор «Ардеал» (бывший «Темез») построен в 1903—1905 гг. в Будапеште. Прошел модернизацию в 1939 г. Водоизмещение полное 650 т, скорость 10 уз. Вооружение: три 120/50-мм, четыре 37-мм и четыре 20-мм пушки.

К 22 июня 1941 г. по формальным признакам румынская Дунайская флотилия превосходила советскую флотилию. Так, наши авторы утверждают, что вес залпа румынской флотилии был в 2 раза больше, чем советской. На самом же деле в случае генерального сражения наши мониторы и шесть канонерских лодок вдребезги разнесли бы румын. Советские корабли были более новой конструкции, имели более скорострельные орудия, обладали лучшей маневренностью, экипажи были лучше обучены и т. д.

К сентябрю 1940 г. на вооружении ВВС Румынии состояло 276 боевых самолетов, в их числе 121 истребитель (польские PAL-11, немецкие Хе-112 и английские «Харрикейн» Mk1); 55 бомбардировщиков (итальянские SM-79, германские «Блох» М.В.210, французские «Потез-63», английские «Бристоль» и «Блейнхем»); 82 разведчика румынского производства IAR-37, 38 и 39 и 18 итальянских летающих лодок «Савойя».

Кроме того, 440 самолетов имелось в летных школах и учебных частях.

Осенью 1940 г. Антонеску обратился к Германии с просьбой помочь в реорганизации румынских ВВС. С конца 1940 г. немцы начали отправку в Румынию более современных боевых самолетов: Ме-109Е и Хе-111Е.

Также в Германию в срочном порядке были посланы экипажи для прохождения двухмесячных курсов повышения квалификации. В программу подготовки входило обучение летчиков ночным полетам, полетам при нулевой видимости (в сложных метеорологических условиях), навигации, полетам в сложных метеорологических условиях с использованием радиолокационных систем «Фичен» («Fischen») и «Роланд» («Roland»), а также посадкам с использованием радиомаяка «Лоренц» («Lorenz»).

Всего за период с октября 1940 г. по июнь 1941 г. было подготовлено как в Румынии, так и в Германии более 2000 военных специалистов, из которых 1500 для ВВС и 500 для зенитной артиллерии.

Однако, несмотря на помощь немцев, румынская авиация к 22 июня 1941 г. не представляла серьезной угрозы Черноморскому флоту.

Таким образом, даже объединенные флоты Турции и Румынии были в несколько раз слабее советских сил на Черном море. Да Черноморский флот и не готовился к борьбе с ними.

С начала 1920-х годов советское руководство жило под страхом образования коалиции капиталистических государств и ожидало появление англо-французского флота на Балтике и Черном море, то есть повторения событий 1854—1855 гг. и 1918—1920 гг. Отсюда главной задачей советских Военно-морских сил был бой на минно-артиллерийской позиции в районе собственных военно-морских баз. И лишь в случае нанесения тяжелых потерь противнику планировался выход в открытое море легких сил флота — быстроходных крейсеров и эсминцев. Главной задачей подводных лодок на Балтийском и Черноморском флотах была атака боевых надводных кораблей противника.

Следствием такой доктрины стало полное пренебрежение десантными операциями флота и поддержки флотом действий сухопутных сил. Десантные суда и корабли для обстрела побережья (мониторы, канонерские лодки и т. д.) не строились, за исключением судов для речных флотилий.

В Красной Армии же господствовала наступательная доктрина. С легкой руки Хрущева совковые историки, как попугаи, повторяют выдернутую из контекста фразу маршала Тухачевского: «Новая мировая война будет войной моторов», но опускают продолжение цитаты: «...против классово-неоднородного противника». А суть-то была именно в последних словах! Главное — напугать противника, а дальше рабочие и крестьяне в солдатских шинелях поднимут вверх руки и будут ждать своих освободителей от «капиталистического ярма».

Именно для этого Тухачевский и К° заставили заводы производить тысячи танков с противопульной броней (Т-26, БТ всех типов, Т-38 и т. д.), несмотря на то что уже в начале 1930-х годов в Англии и Франции пошли в производство танки с противоснарядной броней.

В 1930-е годы в СССР огромные средства тратились на неуемные фантазии разного рода авантюристов, пользовавшихся поддержкой малограмотных руководителей армии и промышленности, Тухачевского; наркома тяжелой промышленности Орджоникидзе; замнаркома обороны по вооружению И.П. Павлуновского; руководства Артуправления во главе с комкором Ефимовым и т. д.

Так, авантюрист В.И. Бекаури, возглавлявший «Остехбюро», выдвинул идею войны телеуправляемых роботов — самолетов, кораблей, подводных лодок, танков и др. В течение примерно 10 лет были созданы многочисленные образцы телеуправляемых самолетов, танков, торпедных катеров, сверхмалых подводных лодок и т. д. Ряд образцов был принят на вооружение и запущен в серийное производство.

Увы, проку от этих телеигрушек оказалось мало, и с началом войны все «штучки» Бекаури отправили на склады, а сам он к этому времени был репрессирован.

Другой авантюрист Л.В. Курчевский задумал перевооружить всю артиллерию на динамореактивные, то есть

безоткатные пушки. Речь шла и о сухопутных, и о корабельных, и об авиационных пушках. Было изготовлено свыше 5 тысяч подобных орудий, и все они пошли на лом еще до войны[1].

Группа артиллеристов предложила создать сверхдальнобойную 180-мм корабельную пушку. 180-мм пушка стреляла на дистанцию до 38 км снарядами весом 97 кг, причем бронебойный снаряд содержал около 2 кг взрывчатого вещества, а фугасный — около 7 кг. Понятно, что серьезных повреждений вражескому крейсеру, не говоря уж о линкорах, такой снаряд нанести не мог. Хуже всего было то, что попасть в движущийся линкор, а тем более в крейсер с дистанции свыше 150 кабельтовых (27,5 км) можно было только случайно. Кстати, «Общие таблицы стрельбы» (ОТС) для 180-мм пушек были рассчитаны лишь до дистанции 189 кабельтовых (34,6 км), при этом срединное отклонение по дальности составляло свыше 180 м, то есть не менее кабельтова. Таким образом, из таблиц стрельбы следует, что красные военморы из 180-мм орудий не собирались стрелять даже по береговым целям.

Вероятность рассеивания по дальности составляла свыше 220 м, а боковое рассеивание — свыше 32 м, и то теоретически. А практически у нас тогда не было ПУСов[2], чтобы стрелять на такие дистанции.

Тем не менее такими тяжелыми, дорогими и обладавшими низкой живучестью пушками был вооружен крейсер «Красный Кавказ» и все новые крейсера проектов 26 и 26-бис.

Но «дальнобойщики» не унимались, и в 1930-е годы было испытано несколько десятков орудий с каналами, переделанными для стрельбы нарезными, полигональными и подкалиберными снарядами. Но огромное рас-

[1] Подробнее см.: Широкорад А.Б. Гений советской артиллерии. Триумф и трагедия В. Грабина. М., АСТ, 2002.

[2] ПУС — приборы управления стрельбой.

сеивание, слабое фугасное действие, сложность изготовления и заряжания этими снарядами исключали их принятие на вооружение[1].

И Тухачевский, и руководство Артуправления уделяли недостаточно внимания созданию автоматических зенитных пушек, считая, что для борьбы с воздушным врагом достаточно 7,62-мм пулеметов «максим» и универсальных (дивизионно-зенитных) пушек. На флоте же для борьбы с авиацией были составлены таблицы зенитной стрельбы для всех орудий калибра 180, 152, 130, 102, 76, 75 мм и т. д., а также созданы осколочные снаряды с дистанционными взрывателями для всех этих калибров.

Кстати, за всю войну известен лишь один случай, когда был сбит самолет (из 130-мм пушки Б-13 с эсминца Северного флота) незенитными орудиями. В остальных случаях стрельба из 180-мм и 130-мм орудий производилась лишь для утешения экипажей.

Только после устранения Тухачевского и большей части руководства Артуправления в 1938—1939 гг. были созданы образцы 37-мм и 45-мм автоматов, содранные с 40-мм автомата Бофорс. Эти автоматы отличались низкой скорострельностью, нерациональной схемой автоматики[2]. Но, как гласит французская пословица, «за неимением лучшего спят с женой».

37-мм автомат 61К с воздушным охлаждением более или менее устраивал руководство Красной Армии. Но флоту нужен был его 45-мм аналог и с водяным охлаждением. Но, увы, из-за экономии и стремления к унификации на вооружение был принят 37-мм автомат 70К[3] с воздушным охлаждением. Автоматы 70К начали

[1] Подробнее см.: Широкорад А.Б. Тайны русской артиллерии. М., Яуза, ЭКСМО, 2003.

[2] Подробнее см.: Широкорад А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск, Харвест, 2000.

[3] Его качающаяся часть практически не отличалась от 61К.

поступать во флот лишь в начале 1940 г. и до 1945 г. были единственными корабельными зенитными автоматами, серийно выпускавшимися в СССР.

Не лучше дело обстояло и с сухопутной артиллерией. Игнорируя опыт Первой мировой войны, советское руководство не уделяло должного внимания навесному огню артиллерии, зациклившись на настильном огне. Для сравнения скажу, что германские дивизии не имели пушек, за исключением зенитных и противотанковых. Полковая артиллерия состояла из 7,5-см и 15-см пехотных орудий, а дивизионная — из 10,5-см и 15-см гаубиц. Пушки имела только тяжелая артиллерия. Все полевые и дивизионные орудия вермахта могли вести эффективно навесную стрельбу за счет больших углов возвышения и раздельно-гильзового заряжания, что позволяло, варьируя заряды, менять крутизну траектории снаряда.

Наши же полковые и дивизионные пушки не имели возможности вести навесной огонь.

Поражения РККА в 1941 г. до смерти Сталина объяснялись у нас исключительно внезапностью нападения. Со времени XX съезда КПСС стало модно во всем винить Сталина, Берию, Жданова и т. п., которые-де не слушали наших разведчиков и гениальных полководцев, таких как Жуков. На самом же деле именно руководство РККА в первую очередь несет ответственность за поражения. В нашем Генштабе не были сделаны должные выводы из кампании на Западном фронте летом 1940 г. Уровень офицеров и генералов в РККА был немного ниже, чем в вермахте. А уровень подготовки рядового состава явно несопоставим. Можно ли сравнить казаха или туркмена, едва-едва понимающего русский язык, с немецким парнем, окончившим среднюю школу и прошедшим военную и спортивную подготовку в гитлерюгенде? Наши военные историки и так и сяк вертят данные по числу самолетов и танков в РККА и вермахте, но почему-то никто не говорит об уровне грамотности личного состава армий. Каюсь, я этих сведений и сам не на-

шел. Но, по данным Советской энциклопедии, с 1918 по 1941 год в СССР среднее образование получили 3829 тысяч человек. Если отбросить женщин, умерших и негодных к военной службе мужчин, то среди военнослужащих к 22 июня 1941 г. было не более 1,5 миллиона человек со средним образованием. Нельзя отрицать, что Советское правительство сделало очень многое. Так, в 1913 г. среди рядового состава русской армии было 1480 человек со средним образованием. А всего грамотных в армии было 604 тысячи человек, малограмотных — 302 тысячи, а неграмотных — 353 тысячи человек. Так что качественный скачок в грамотности за первые 20 лет советской власти налицо, но, увы, мы по-прежнему здорово отставали в этом плане от Германии.

Самым же важным фактором поражения, на мой взгляд, стало столкновение отмобилизованной воевавшей армии с неотмобилизованной и невоевавшей 20 лет армией. Финская война и ввод войск на территорию Польши в сентябре 1939 г. в силу своей специфики в счет не идут. Войска же, участвовавшие в боях с японцами на реке Халхин-Гол, в основном так и остались на Дальнем Востоке. Германская же армия менее чем за два года победным маршем прошла по всей Европе от Бреста на Буге до Бреста на берегах Атлантики и от Нарвика до Крита. Был накоплен огромный опыт боевых действий, у противника захвачены тысячи танков, самолетов и артиллерийских орудий. Заводы всей континентальной Европы работали на вермахт.

Как уже говорилось, к 22 июня 1941 г. Черноморский флот имел 78 торпедных катеров, то есть больше, чем к тому времени имели флоты Германии, Италии, Румынии и Турции, вместе взятые. Но проку от них было мало.

Нападение английских торпедных катеров на Кронштадт в 1919 г., так называемая кронштадтская побудка, произвело огромное впечатление на наших военморов. И они решили создать огромный «москитный флот», состоящий из маленьких, но очень быстроходных катеров. Проектирование их было поручено КБ Туполева, который о кораблях и море имел весьма смутное представление. В результате туполевские катера Ш-4 и Г-5 имели очень плохую мореходность, малый радиус действия, корпуса их были подвержены коррозии и т. д. Они могли действовать лишь вблизи своих баз и то при волнении моря не выше 3—4 баллов. К началу войны катера Ш-4 и Г-5 были вооружены лишь 7,62-мм пулеметами и становились легкой добычей германских самолетов, а затем и торпедных катеров.

Кроме этих катеров на Черноморском флоте было два опытных катера КБ Туполева — Г-6 и Г-8. Но Г-6 числился вспомогательным судном. Фактически единственными боеспособными катерами был деревянный катер Д-3, вступивший в строй 6 августа 1940 г., и его стальной аналог СМ-3, вступивший в строй 12 июля 1941 г.

Между тем, если бы у нас строили не авиационные игрушки Туполева, а нормальные килевые катера, как в Германии, уже в первые дни войны базировавшиеся на Севастополь и Балаклаву катера могли действовать у берегов Румынии и Босфора и фактически прервать судоходство противника на Черном море.

Разумеется, подробный анализ поражений 1941 г. выходит за рамки работы. Я коснулся лишь нескольких аспектов, предопределивших события предстоявшей кампании.

Глава 2

НОРВЕГИЯ И КРИТ. ШОК — ЭТО ПО-НАШЕМУ!

С началом Второй мировой войны вероятность вторжения в Черное море англо-французского флота не только не исчезла, но в начале 1940 г. даже возросла. Однако после вступления в войну Италии и капитуляции Франции опасность нападения на СССР со стороны западных держав была полностью исключена.

Казалось бы, следовало немедленно менять всю морскую доктрину, так как появление сильного противника на Черном море исключалось, а флоты Турции и Румынии, как мы уже знаем, ничего серьезного из себя не представляли. Но, увы, наши адмиралы придумали себе новую страшилку — итальянский флот.

Советское руководство ввела в заблуждение пропаганда итальянской военной мощи. К примеру, значительная часть мировых авиационных рекордов принадлежала Италии. Самые быстроходные в мире крейсера и эсминцы состояли в итальянском флоте.

К июню 1940 г. итальянский флот имел в своем составе два современных линкора «Литторио» и «Витторио Венето» (полное водоизмещение 45 тыс. т, главный калибр — девять 380/50 мм/клб пушек), а также четыре линкора времен Первой мировой войны, прошедших модернизацию в 1930-х годах. Их полное водоизмещение составляло 29 тыс. т, вооружение — десять 320/43,8 мм/клб пушек.

Кроме того, итальянские ВМС имели 8 тяжелых и 12 легких крейсеров, 70 подводных лодок и сотни других кораблей.

Другой стороной медали была навязчивая итальянская идея оккупации Крыма. Советские лидеры хорошо знали историю и вполне могли предположить, что король Виктор Эммануил III решит пойти по стопам своего деда.

Но существовали еще более весомые контраргументы, о которых не могло не знать советское руководство. Итальянцы действительно имели первоклассные боевые корабли и самолеты, но они... не умели воевать. В годы Первой мировой войны ходил анекдот: «Бог пожалел австро-венгерскую армию, которую били все, кому не лень, и, чтобы исправить несправедливость, создал итальянскую армию». В годы Второй мировой войны германские генералы тешились другим анекдотом, где инженеры представляют новый тип танка итальянскому

генералу: «Танк имеет пять скоростей назад и одну — вперед». Генерал: «А зачем вперед?» Инженер: «А вдруг враг зайдет с тыла?!»

12 ноября 1940 г. устаревшие английские бипланы «Суодфиш» торпедировали в порту Торонто итальянские линкоры «Литторио», «Андреа Дориа» и «Конте де Кавур», причем последний итальянцы не сумели ввести в строй до самого конца войны. А в марте 1941 г. в сражении у мыса Матапан англичане потопили новейшие крейсера «Зара», «Пола» и «Фиуме», а линкор «Витторио Венето» был серьезно поврежден и едва дотянул до берега. Модернизация же старого линкора «Андреа Дориа» еще не была закончена.

К 22 июня 1941 г. погибли тяжелый крейсер «Сан Джоржио», легкие крейсера «Армандо Диас» и «Бартоломео Колеони». Из 70 подводных лодок к 22 июня 1941 г. англичане потопили 19, а еще 15 действовали в Атлантике.

В итоге к июню 1941 г. итальянский флот с большим трудом удерживал свои коммуникации с Ливией. Дело дошло до обстрелов британскими линкорами Генуи и других итальянских городов.

Оставшиеся в строю итальянские линкоры и крейсера боялись даже атаковать британские конвои, регулярно пересекавшие Средиземное море от Гибралтара до Александрии и Порт-Саида.

В такой ситуации посылка итальянского флота в Черное море стала бы катастрофой для Италии и лично для Бенито Муссолини. Для этого нужно было пожертвовать итальянской армией в Африке и оставить без защиты итальянское побережье.

Наконец, англичане вряд ли упустили бы шанс уничтожить итальянский флот на пути в Дарданеллы. В Черном море у турок не было мест базирования для большого флота, да и порты Стамбул и Измир не имели достаточно хорошей ПВО.

Я уж не говорю о том, что турецкое правительство смертельно боялось вовлечения страны в войну. В Стамбуле хорошо помнили уроки Первой мировой войны и понимали, что вступление в войну раз и навсегда лишит страну контроля над проливами, а то и вообще положит конец существованию турецкого государства. Другой вопрос, что турки были готовы и «невинность соблюсти, и капитал приобрести», то есть закрыть глаза на небольшие, по их мнению, нарушения нейтралитета.

Кстати, появления итальянского флота на Черном море не хотела... Германия. Да, да, именно Германия! Современные историки смотрят на события 1941 г. сквозь призму победы 1945 г. А тогда и Гитлер, и руководители других европейских государств мыслили совсем иными категориями. По их мнению, заключение общеевропейского мира должно было произойти если не в 1941 г., то, по крайне мере, в 1942 г. Причем Гитлер уже в июне 1941 г. всерьез был озабочен тем, как ограничить захватнические планы Муссолини. По этой причине немцы не дали Италии оккупационной зоны во Франции и категорически отказались передать ей хотя бы часть французского средиземноморского флота.

Дуче несколько раз затевал с фюрером разговор о Крыме и каждый раз получал резкий отказ. Гитлера приводила в бешенство сама мысль, что кто-то посягает на «зону отдыха арийцев». 24 июня 1941 г. фюрер истерично кричал собравшимся генералам: «Я никогда не допущу в Крым итальянцев!» Вечером начальник генштаба генерал Гальдер занес его слова в дневник.

Возникает резонный вопрос — почему же эти факторы не были приняты во внимание советским руководством? Дело в том, что в 30—90-х годах XX века советская разведка, бесспорно, являлась лучшей в мире. В 1939—1941 гг. Берия и Сталин знали практически все секреты Гитлера и Муссолини. Тот же план «Барбаросса» за несколько недель до войны стал известен Берии во всех деталях. Но, увы, информация, добытая разведкой, не спускалась ниже членов Политбюро, начальника Генштаба и других высших руководителей. Сложилась совершенно фантастическая по глупости ситуация. Гитлер и его окружение в плане «Барбаросса» почти не предусматривали участия германского ВМФ. Ни планом «Барбаросса», ни другими предвоенными документами не предполагалась даже посылка немецких военных судов в Черное море.

В нашем Генштабе знали о плане «Барбаросса» и разрабатывали ответные планы по разгрому в течение 10—15 дней германских армий на территории Польши и Чехословакии. Причем в наших планах о Черноморском флоте говорилось вскользь.

Именно в апреле 1941 г. нарком обороны маршал С.К. Тимошенко и начальник Генштаба генерал армии Г.К. Жуков направляют директиву командующему войсками Западного особого военного округа генерал-полковнику Д.Г. Павлову. Так, к примеру, 5-й армии со штабом в Ковеле ставилась задача форсировать Буг и на третий день войны овладеть городом Люблином, а на десятый день выйти с главными силами к Висле. 4-я армия должна была на третий день войны взять Седлец, а на пятый день овладеть переправами через Вислу и т. д., и т. п.

Зато вот Черноморскому флоту ставились весьма скромные задачи. Так, в августе 1940 г. маршал Тимошенко и тогдашний начальник генштаба Б.М. Шапошников направили Сталину и Молотову записку о развертывании Вооруженных сил СССР. Там от Черноморского флота требовалось:

«а) постановкой минных полей, действиями подводных лодок и авиации затруднить проход неприятельскому флоту в Черное море;

б) активными действиями Черноморского флота уничтожить прорвавшийся в Черное море флот противника;

в) активно оборонять наши берега от прорвавшегося в Черное море надводного флота вероятных противников;

г) не допускать высадки десантов на берега Черноморского побережья в Крыму и на Кавказе;

д) активными действиями, и прежде всего авиации, постановкой мин с воздуха вести постоянную борьбу с морским флотом противника, и особенно в Мраморном море;

е) прочно обеспечивать с моря фланг Юго-Западного фронта;

ж) в случае выступления Румынии уничтожить румынский флот и прервать ее морские сообщения;

В случае выступления Турции нанести поражения ее флоту, прервать здесь ее морские сообщения, разрушить гавань Трапезунд»[1].

Ранее было сказано: «Итальянский флот свои основные действия будет иметь в Черном море».

Последняя фраза была ключевой. Сталин, Тимошенко, Шапошников и Жуков допустили серьезную стратегическую ошибку, переоценив возможности Италии.

Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, его окружение, а также командование Черноморского флота восприняли эту директиву как указание действовать по старому шаблону, только вместо действительно мощных противников — британского и французского флотов — супостатом был обозначен полуразбитый итальянский флот. Вот бы посмеялись дуче и его адмиралы, даже во сне не видевшие в 1941 г. ввода королевского флота в Черное море, как они напугали наших адмиралов!

В мае 1941 г. наших стратегов не на шутку испугали германские парашютисты. К середине мая 1941 г. на острове Крит, занимавшем стратегическое положение

[1] Россия. XX век. Документы. 1941 год. В 2 кн. / Сост. Л.Е. Решин и др. М., Международный фонд «Демократия», 1998. Кн. 1. С. 190.

в Восточном Средиземноморье, англичане сосредоточили 32 тысячи солдат[1], не считая нескольких тысяч греков.

В районе Крита сосредоточилась большая английская эскадра. Военных кораблей на Средиземном море Германия не имела, если не считать нескольких подводных лодок. А итальянские надводные корабли вообще за всю войну ни разу так далеко от родных берегов не уходили. И тут командование люфтваффе принимает революционное решение — захватить Крит с воздуха.

Утром 20 мая 1941 г. началась операция «Меркурий» — выброска германских парашютистов. Британскому флоту удалось вывезти лишь около 14,5 тыс. человек[2]. Эвакуация дорого обошлась британскому флоту: были потоплены крейсера «Йорк», «Калькутта», «Фиджи», «Глостер» и 6 эсминцев. Тяжелые повреждения получили линкоры «Уорспайт» и «Бархэм», а также авианосец «Формидабл».

Всего в ходе Критской операции по воздуху было переброшено 23 464 немецких солдата и офицера, из которых около 10 тысяч прыгали с парашютом. Кроме того, военно-транспортная авиация доставила матчасть: 353 легких артиллерийских орудия, 771 мотоцикл, 5358 контейнеров с оружием и боеприпасами, 1090 т прочих грузов. Обратными рейсами эвакуировали с острова 3173 раненых, в том числе и солдат противника.

Кроме сброса парашютистов, немцы доставляли солдат с помощью планеров, буксировавшихся самолетами до Крита, а также посадочным способом. Часть десантников была доставлена гидросамолетами (До-24, Хе-60, а также итальянскими «Кант» Z.501 и Z.506), садившимися на воду у берега острова.

[1] По другим сведениям, их было 28 тысяч. Кроме собственно англичан там находились элитные части из Австралии и Новой Зеландии, только что прибывшие на театр боевых действий.

[2] Это — по британским данным (Ричардс Д., Сондерс Х. Военно-воздушные силы Великобритании во Второй мировой войне (1939—1945). М., Воениздат, 1963. С. 212). На самом деле англичане, видимо, сшельмовали и записали в число эвакуированных греков и гражданских лиц.

Безусловно, операция «Меркурий» и на сегодняшний день является самой крупной операцией ВДВ, причем действовавших без участия других родов войск.

Геббельс не отказал себе в удовольствии создать пропагандистский фильм, прославлявший люфтваффе и парашютистов. Его немедленно запустили в прокат как в Германии, так и в нейтральных странах. У нас, естественно, фильм народу не показывали, зато в Москве собрали генералов и адмиралов и прокрутили им ролик Геббельса, где небо закрывают десятки транспортных самолетов Ю-52, а затем бравые парашютисты берут в плен толпы англичан.

Я сам несколько раз просматривал сей фильм и не могу понять, как наши генералы не узрели, что конструкция германских парашютов не допускает управления ими, а это приводит к многочисленным травмам. Парашютисты приземлялись безоружными, в лучшем случае с пистолетом и ножом. Винтовки, автоматы и пулеметы, не говоря уж о тяжелом вооружении, сбрасывались на отдельных парашютах. А поскольку парашюты были неуправляемыми, десантники часто оказывались в сотнях метров от своего личного оружия. На заднем плане за веселыми парашютистами видны обломки многочисленных самолетиков, совсем не похожих на «Гладиаторов» и «Харрикейнов», а весьма схожих с трехмоторными Ю-52.

На самом деле на Крите погибло более половины транспортных самолетов, которыми располагала Германия, а германские ВДВ на много месяцев стали небоеспособными.

Но наших генералов охватил ужас! Они решили, что злодеи фашисты не сегодня завтра сделают то же с Крымом. Срочно полетели указания готовить Крым к отражению воздушного десанта супостатов.

По военным планам 1939—1940 гг. противодесантная оборона Крыма должна была осуществляться силами 156-й стрелковой дивизии. Побережье от Одессы

до поселка Каланчак, расположенного в 25 км северо-западнее Перекопа, обороняла 46-я стрелковая дивизия, а Кавказское побережье от Керчи до Сухуми защищала 157-я стрелковая дивизия. За оборону Севастопольского и Керченского укрепленных районов отвечало командование Черноморского флота.

Немедленно после Критской операции в Симферополь с Северного Кавказа было передислоцировано Управление отдельного 9-го стрелкового корпуса. Вместе с Управлением с Кавказа прибыли 106-я стрелковая дивизия, 32-я кавалерийская дивизия, 73-й отдельный батальон связи и 19-й отдельный саперный батальон. Эти части вместе со 156-й стрелковой дивизией вошли в состав корпуса, которым командовал участник Испанской войны П.И. Батов. 106-я стрелковая дивизия должна была оборонять район Евпатории, 156-я — район Феодосии и 32-я кавалерийская дивизия находилась в резерве в районе Симферополя. В 9-м корпусе начались учения по противодесантной обороне, но теперь основное внимание уделялось не морскому, а воздушному десанту.

Как уже говорилось, после Крита германские парашютно-десантные части и военная транспортная авиация лишь через много месяцев могли быть доведены до прежнего уровня и ни о каком воздушном десанте в Крым не могло идти и речи. Да если и теоретически предположить, что к 22 июня 1941 г. немцам удалось бы восстановить мощь своих воздушно-десантных войск, то все равно любой десант в Крым был бы полностью уничтожен. Русский солдат, как показала война, не англичанин и просто так сдаваться не станет. А при необходимости в Крым в июне 1941 г. через Перекоп и морем из Одесского военного округа и Кавказа за считаные дни можно было перебросить 10, 20, 30, а то и больше стрелковых, моторизованных и танковых дивизий.

Так что боязнь воздушного десанта у нашего начальства граничила с умственным расстройством. Зато уж после войны нашлись борзописцы, вдоволь поиздевавшиеся над германскими парашютистами. У них инвалид старшина Васьков с пятью девицами будет уничтожать зараз сорок и более десантников.

Меня могут попрекнуть, что, мол, хорошо судить адмиралов и генералов задним числом, то есть зная, что произошло потом. Увы, все наоборот. Это мы, спустя 86 лет и 84 года, можем не помнить, как брали Крым кайзеровские войска в 1918 г. и Красная Армия в 1920 г. А адмиралы и генералы должны были помнить, что было соответственно 23 и 21 год назад, то есть уже при их жизни.

Крым всегда брался с суши, а не с моря. Поэтому еще в 1540 г. крымские татары[1] вырыли на перешейке огромный вал и построили крепость. С тех пор перешеек, связывающий Крым с Малороссией, стал называться Перекопом.

После присоединения Крыма перекопские укрепления и крепость Перекоп продолжали какое-то время поддерживать в боевом состоянии. Так, в 1818 г. на верках крепости находилось 176 орудий. Однако в 1835 г. Николай I приказал упразднить крепость Перекоп.

Как известно, в 1855 г. союзники взяли Севастополь именно с суши. В многочисленных произведениях, посвященных осаде Севастополя, говорится о большом численном перевесе союзников в артиллерии. На самом же деле к середине марта 1855 г. на позициях союзников находилось уже 482 осадных орудия, из которых 130 были тяжелыми мортирами. Им противостояли 998 русских орудий на бастионах Южной стороны Севастополя. Однако это были лишь четыреста девять пушек

[1] Понятно, что не сами, а рабы, большая часть которых были славянами.

среднего и крупного калибра, пятьдесят семь 2- и 5-пудовых мортир, остальные орудия могли использоваться только лишь в качестве противоштурмовых. Залп всей осадной артиллерии союзников составлял 12 тонн. Залп русской контрбатарейной артиллерии был около 9 тонн, то есть на 25% меньше, чем у противника.

Можно без преувеличения сказать, что судьбу Севастополя решили тяжелые мортиры союзников.

Прошло 50 лет, и 11-дюймовые мортиры японцев решили судьбу Порт-Артура. Опять же замечу, Ляодунский полуостров и Порт-Артур супостаты захватили с берега.

Наконец, в 1918 г. и в 1920 г. немцы и красные также брали Крым с суши. В последнем случае, правда, белые попытались укрепить район перешейка, но довести до ума свои укрепления не смогли. А главное, к осени 1920 г. боевой дух белых войск был крайне низок, практически все понимали, что Гражданская война проиграна, и после первого же прорыва красных все части немедленно начали отход.

Увы, уроки истории не пошли впрок нашим военным. Представим на секунду, если бы на Перекопе была создана линия бетонных укреплений, как мог бы измениться ход войны на Черном море. Но, к сожалению, до 22 июня 1941 г. никаких укреплений на перешейке не делалось.

С 1929 г. по 1941 г. в СССР были приняты три системы артиллерийского вооружения. Все системы были разработаны достаточно грамотно. Но руководство Артуправления регулярно срывало все пункты создания систем навесного огня. Неоднократно включавшиеся в план 122-мм полевые мортиры, 152-мм дивизионные мортиры и 203-мм корпусные мортиры так и не были приняты на вооружение. Надо ли говорить о том, какую роль они могли сыграть в боях на пересеченной местности в районе Севастополя.

Глава 3

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

С 14 по 18 июня 1941 г. у западных берегов Крыма состоялось большое учение Черноморского флота. По сложившейся традиции задачей учения была отработка действий сухопутных войск и кораблей по высадке и отражению морского десанта. За учениями наблюдал заместитель наркома ВМФ адмирал И.С. Исаков. В своих мемуарах нарком ВМФ Николай Герасимович Кузнецов писал: «20 июня из района учений в Севастополь вернулся Черноморский флот и получил приказ остаться в готовности № 2».

Несколько иное написано в официальном совершенно секретном труде «Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре»: «В продолжение 19 и 20 июня корабли производили прием топлива, продовольствия и боезапаса», и никаких сведений о переходе на боевую готовность № 2.

Наоборот, после учений, как обычно, сотни офицеров, краснофлотцев и старшин были отпущены в город. В Доме флота давался концерт для моряков, а в Театре имени Луначарского шел спектакль Погодина «Кремлевские куранты» в исполнении актеров симферопольского театра им. М. Горького, поскольку артисты самого Театра им. Луначарского были в отпусках и на гастролях.

Адмирал Исаков должен был, как положено, провести разбор учений и на три-четыре дня задержаться в Севастополе. Но по неведомым причинам он отказался участвовать в разборе и отправился на вокзал. О войне адмирал узнал в поезде.

В 0 ч 55 мин 22 июня телеграмма наркома о переходе на оперативную готовность № 1 ушла из Москвы во флоты и флотилии.

В штабе Черноморского флота в ночь с 21 на 22 июня дежурил начальник штаба контр-адмирал Н.Д. Елисеев.

Но, как позже писал оперативный дежурный по Черноморскому флоту Н.Т. Рыбалко, Елисеев заглянул к нему около 23 часов и сказал: «Я на несколько минут отлучусь домой». Появился он только во втором часу ночи уже с телеграммой от наркома.

В штабе Черноморского флота телеграмму получили в 1 ч 03 мин 22 июня. В 1 ч 15 мин командующий Черноморским флотом объявил готовность № 1. Причем вначале на всякий случай было решено сделать это тихо, через так называемых оповестителей. Большая часть командного состава Черноморского флота находилась поздно вечером в Доме флота на севастопольской набережной недалеко от Памятника затонувшим кораблям. Но многие командиры были дома или в других местах. Поэтому в 1 ч 55 мин по главной базе Черноморского флота был объявлен большой сбор. Завыли сирены, постепенно стали гаснуть огни на улицах и в домах. Но достичь полного затемнения не удалось; тогда командование флота решило отключить все электропитание города. Севастополь погрузился во тьму. Горели лишь огни Херсонесского маяка и Инкерманские створные огни.

— Почему горят маяки?! — возмутился Рыбалко.

Его помощник капитан-лейтенант Левинталь растерянно ответил:

— Не знаю, не работает связь.

Рыбалко схватил трубку и связался с начальником гарнизона генерал-майором П.А. Моргуновым. Выяснилось, что у Моргунова уже был по этому поводу неприятный разговор с командующим флотом адмиралом Ф.С. Октябрьским[1]. Командиру 35-й батареи и началь-

[1] Октябрьский Филипп Сергеевич (1899—1969). Участник Гражданской войны. В 1928 г. окончил курсы при Военно-морском училище им. М.В. Фрунзе. С 1939 г. — командующий Черноморским флотом. В июне 1941 г. — вице-адмирал. С 1944 г. — адмирал. В ходе войны командующий Черноморским флотом (июнь 1941 г. — апрель 1943 г. и с марта 1944 г.) и Азовской военной флотилией (июнь 1943 г. — март 1944 г.). Герой Советского Союза (1958 г.). Награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Ушакова 1-й степени, орденом Нахимова 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Красной Звезды.

нику караула Сухарной балки начальник гарнизона приказал срочно выслать мотоциклиста и передать, чтобы створные огни и маяки были немедленно выключены.

Наконец ориентиры на подходах к Севастополю с моря — Херсонесский маяк и Инкерманские створные огни — погасли.

Около трех часов ночи дежурному сообщили, что посты СНИС и ВНОС[1], оснащенные звукоуловителями, слышат шум авиационных моторов. Рыбалко доложил об этом Елисееву.

Позвонил начальник ПВО полковник Жилин, спросил:

— Открывать ли огонь по неизвестным самолетам?

— Доложите командующему, — ответил начальник штаба.

Рыбалко доложил командующему флотом. И тут между ними произошел разговор, записанный дежурным.

Октябрьский: «Есть ли наши самолеты в воздухе?»

Рыбалко: «Наших самолетов нет».

Октябрьский: «Имейте в виду, если в воздухе есть хоть один наш самолет, вы завтра будете расстреляны».

Рыбалко: «Товарищ командующий, как быть с открытием огня?»

Октябрьский: «Действуйте по инструкции».

Подстраховавшись с подчиненными, Октябрьский решил подстраховаться и у начальства, напрямую обратившись не к своему непосредственному начальству наркому ВМФ Кузнецову, а сразу в генштаб к Жукову. Адмирал доложил: «Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний».

Георгий Константинович спросил адмирала:

[1] Посты СНИС — посты системы наблюдения и связи. Посты ВНОС — посты воздушного наблюдения, оповещения и связи.

— Ваше решение?

— Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Переговорив с Тимошенко, Жуков ответил Октябрьскому:

— Действуйте и доложите своему наркому.

Пока Октябрьский, Жуков и Тимошенко обсуждали традиционный русский вопрос «Что делать?», в штабе флота Рыбалко и Елисеев конкретно решали, что ответить начальнику ПВО полковнику Жилину. В конце концов Елисеев отважился:

— Передайте приказание открыть огонь.

— Открыть огонь! — скомандовал Рыбалко начальнику ПВО.

Но Жилин также хорошо понимал весь риск, связанный с этим, и вместо того чтобы произнести краткое «Есть!», ответил:

— Имейте в виду, вы несете полную ответственность за это приказание. Я записываю его в журнал боевых действий.

А тем временем германские самолеты уже были над городом. Внезапно включились прожекторы, и открыли огонь зенитные батареи Севастополя. Всего город защищали сорок четыре 76-мм зенитные пушки, подчинявшиеся флоту. Постепенно к огню береговых зениток стали подключаться и зенитные орудия на некоторых кораблях. Задержка в стрельбе на кораблях была связана с тем, что к трем часам ночи еще ни один корабль не перешел на боевую готовность № 1. Сделано это было гораздо позже. Так, к примеру, флагманский корабль линкор «Парижская Коммуна» перешел на боевую готовность № 1 лишь в 4 ч 49 мин, то есть уже после вражеского налета.

В 3 ч 48 мин на Приморском бульваре взорвалась первая бомба, через 4 мин на берегу напротив Памятника погибшим кораблям взорвалась еще одна бомба. Но это полбеды. В штаб флота оперативному дежурно-

му с постов связи, с батарей и кораблей доносили, что в лучах прожекторов видны сбрасываемые парашютисты. Генерал-майор Моргунов доложил, что недалеко от 12-й батареи береговой обороны сброшено четыре парашютиста.

— Усилить охрану штаба! — последовала реакция Рыбалко.

Сработал критский синдром. В городе началась паника. Поднятые по тревоге моряки и сотрудники НКВД бросились искать парашютистов. Была слышна беспорядочная стрельба.

Наутро выяснилось, что никаких парашютистов нет, а на улицах только среди мирных жителей подобрали 30 человек убитыми и свыше 200 ранеными. Понятно, что это дело не двух бомб.

Тем не менее «критский синдром» продолжал действовать. Рано утром 22 июня Крымский обком партии (секретарь обкома Булатов) телеграфировал горкомам и райкомам партии о введении военного положения в Крыму: «...приведите в боевую готовность партаппарат, все средства воздушной обороны. Поднимите отряды самообороны, мобилизуйте для них автомашины, вооружите боевым оружием, организуйте сеть постов наблюдения за самолетами и парашютными десантами, усильте охрану предприятий, важнейших объектов...»

Но вернемся в Севастополь. К четырем часам утра вражеский авианалет кончился, а еще через 13 минут над городом появились наши истребители. Налет производили самолеты Хе-111 из 6-го отряда эскадрильи KG4, базировавшейся на аэродроме Цилистрия в Румынии. По советским данным, зенитчики сбили два «Хенкеля», но на самом деле все германские самолеты вернулись на свой аэродром.

В начале пятого часа Октябрьский позвонил Жукову и бодро отрапортовал:

— Вражеский налет отбит. Попытка удара по кораблям сорвана. Но в городе есть разрушения.

С большим трудом подчиненным удалось убедить Октябрьского, что никакой попытки удара по кораблям не было, равно как и не было мифических парашютистов. Адмирал все еще сомневался, но в 4 ч 35 мин разрешил на всякий случай протралить фарватеры Северной и Южной бухт, а также входной фарватер к бонам.

Бригада траления немедленно приступила к работе, но ни одной мины обнаружено не было. А в тот же день вечером, в половине девятого, у входа в Северную бухту прогремел мощный взрыв — взорвался буксир «СП-12». К месту гибели буксира немедленно рванулись катера, но спасти удалось лишь пятерых из 31 члена экипажа.

В 1962 г. в своих мемуарах вице-адмирал И.И. Азаров написал о «СП-12»: «Это были первые жертвы войны от магнитно-донных мин, тогда еще нам неизвестных. Их ставила немецкая авиация при налете на Севастополь»[1].

После войны в печати появились и другие легенды о германских магнитных минах и о том, как наши герои-моряки сумели распознать их действие и научились с ними бороться. Увы, на самом деле с первыми донными магнитными минами красные военморы познакомились еще в 1919 г. в боях на Северной Двине с английской речной флотилией. В СССР впервые магнитными минами занялось «Остехбюро» в 1923 г. Первая отечественная магнитная мина «Мираб» была принята на вооружение в 1939 г. Другой вопрос, что к началу войны наш ВМФ располагал всего лишь 95 минами «Мираб». А самое интересное, что немцы в 1940 г. продали СССР образцы своих магнитных мин. Но из-за системы советской тотальной секретности о

[1] Азаров И.И. Осажденная Одесса. М., Воениздат, 1962. С. 21.

минах «Мираб», равно как и о покупке германских магнитных мин руководство флота не соизволило известить даже командующих Балтийским и Черноморским флотами, я уж не говорю о простых минерах. И действительно, секреты закупленных еще в 1940 г. германских мин нашим морякам приходилось раскрывать уже в ходе войны, зачастую платя за это собственными жизнями.

Вновь вернемся в штаб Черноморского флота. Пока по всему Крыму ловили парашютистов, отрабатывая «критский вариант», в штабе флота царил «итальянский синдром». Неизвестные источники постоянно подбрасывали слухи о проходе итальянского флота через Дарданеллы и выходе оного в Черное море.

Действительно, в 12 часов дня 22 июня министр иностранных дел Италии Чиано ди Кортелаццо вызвал советского посла Н.В. Горелкина и сделал ему официальное заявление от имени итальянского правительства: «Ввиду сложившейся ситуации, в связи с тем, что Германия объявила войну СССР, Италия, как союзница Германии и как член Тройственного пакта, также объявляет войну Советскому Союзу с момента вступления германских войск на советскую территорию, т. е. с 5.30 22 июня»[1].

Но этим все и ограничилось. Ни один итальянский боевой корабль даже не собирался идти в Проливы.

25 июня турецкий посол Хайдор Актай посетил МИД и передал Молотову вербальную ноту, где говорилось: «Турецкий посол имеет честь довести до сведения Народного комиссариата иностранных дел, что при наличии положения, созданного войной между Германией и СССР, Правительство Республики решило провозгласить нейтралитет Турции»[2].

[1] Россия. XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 436.
[2] Там же. С. 443.

Глава 4

ФИЛИПП ОКТЯБРЬСКИЙ ПРОТИВ БЕНИТО МУССОЛИНИ

Тем не менее колесо закрутилось. Приказом адмирала Октябрьского командир Новороссийской ВМБ обязан был производить два раза в сутки ближнюю воздушную разведку радиусом 70 миль от базы и один раз в сутки дальнюю воздушную разведку до Синопа и Чива, однако не нарушая территориальных вод Турции. На командира Батумской ВМБ возлагалась организация двукратной воздушной разведки до меридиана Трабзон, также без нарушения территориальных вод Турции.

На командование ВВС Черноморского флота было возложено осуществление дальней воздушной разведки: утром по маршруту Сулина — Констанца — Босфор — Зунгулдак, вечером — по маршруту Зунгулдак — Босфор. Воздушная разведка турецких и болгарских портов производилась скрытно, без залета в территориальные воды этих государств.

Вечером 12 подводных лодок вышли в море. Командование флотом выделило им 12 участков по всему побережью Черного моря. Но лишь три лодки Щ-205, Щ-206 и Щ-209, отправленные к берегам Румынии и Болгарии, могли принести хоть какую-то пользу в войне с Германией и Румынией. Одна лодка была послана к турецкому порту Самсун, а остальные прикрывали подступы к Одессе, Севастополю, Керчи, Новороссийску и Батуми от мифического итальянского флота.

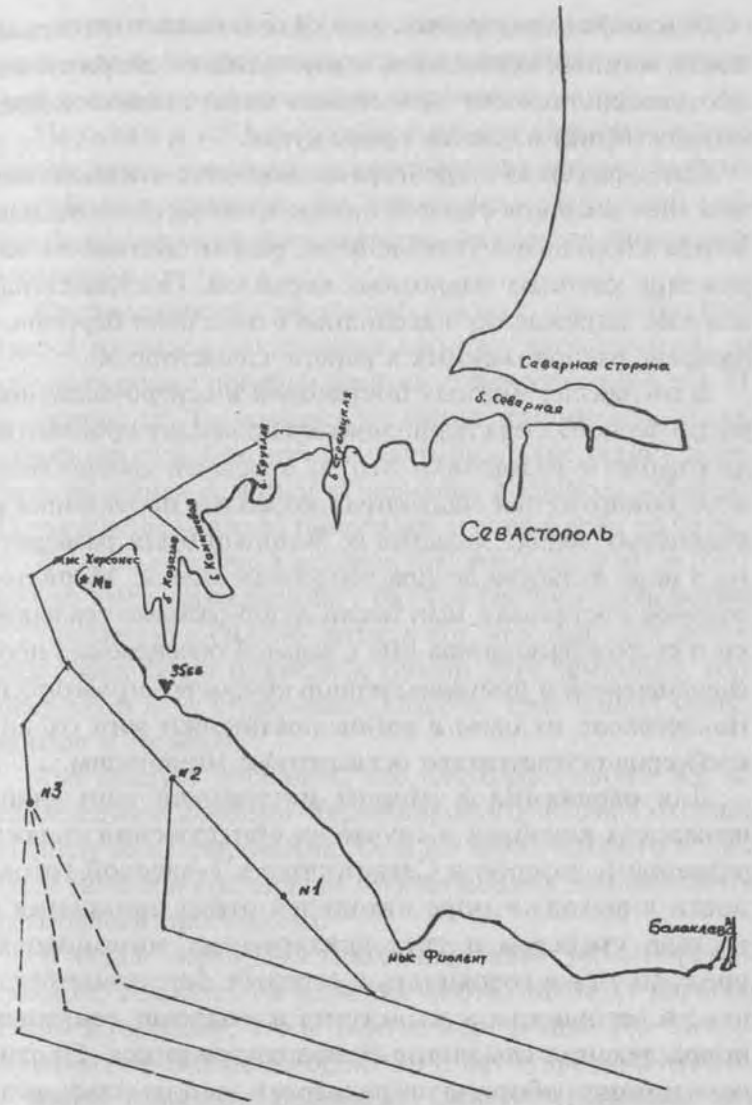
Утром 23 июня произошло событие, ставшее одной из причин падения Севастополя: командование Черноморского флота отдало приказ о постановке минных заграждений у наших военно-морских баз. Это было запланировано еще в 1930-е годы, когда существовала вероятность появления на Черном море британского «Гранд Флита». Но сейчас ставить мины при отсутствии морского противника?!

Утром 23 июня крейсера «Коминтерн», «Красный Кавказ» и «Червона Украина», минный заградитель «Островский», лидер «Харьков» и четыре новых эсминца «Бойкий», «Безупречный», «Беспощадный» и «Смышленый» начали ставить минные заграждения у берегов Севастополя. Всего было поставлено 609 мин и 185 минных защитников. Минные постановки в районе главной базы Черноморского флота продолжались и в дальнейшем. На следующий день крейсера «Красный Кавказ» и «Червона Украина», лидер «Харьков» и два эсминца продолжили постановку минного заграждения. Было выставлено 330 мин и 141 минный защитник.

Кроме того, минные заграждения были выставлены в районах Одессы, Керченского пролива, Новороссийска, Туапсе и Батуми. Всего с 23 июня по 21 июля для создания оборонительных минных заграждений было выставлено 7300 мин и 1378 минных защитников, то есть более 73% имевшихся на флоте морских якорных мин и более половины минных защитников.

Прошло 30 лет, и вот в 1981 г. «Воениздат» выпустил для «офицеров ВМФ, слушателей и курсантов военно-морских заведений» солидный труд Г.И. Хорькова под редакцией полного адмирала Н.Н. Алексеева и вице-адмирала В.Д. Яковлева «Советские надводные корабли в Великой Отечественной войне». И вот как там оцениваются эти минные постановки:

«Крейсера ставили мины при маневрировании в строю фронта в две линии с расстоянием между минами в линии, равным наименьшему минному интервалу. Точность постановки минных заграждений в прибрежном районе обеспечивалась наличием достаточного числе береговых навигационных ориентиров, а мин в заграждениях — удержанием в период постановки расчетных курса и скорости корабля и интервалов между

Подходные военные фарватеры через минные заграждения в период обороны Севастополя (ЦВМА, ф. 1087, оп. 5, д. 77). Вот только по трем узким фарватерам могли проходить советские боевые и транспортные суда. Остальная часть прибрежных вод была забросана минами в июне—июле 1941 г. по приказу адмирала Октябрьского.

сбрасыванием очередных мин. Для повышения скрытности минных постановок и уменьшения вероятности противодействия сил противника мины ставились преимущественно в темное время суток.

Одновременно с крейсерами мористее внешней линии мин эсминцы ставили линию минных защитников. Мины ставились с углублением, рассчитанным на поражение крупных надводных кораблей. Поставленные минные заграждения находились в зоне огня береговых батарей, расположенных в районе Севастополя.

В интересах минных постановок в северо-западной части Черного моря периодическую разведку производили самолеты-разведчики МБР-2 с задачей своевременного обнаружения надводных кораблей противника и подводных лодок. Западнее о. Змеиный были развернуты в виде дальнего дозора подводные лодки. Мористее районов постановки мин несли дозор базовые тральщики и сторожевые катера МО с задачей обеспечения противолодочной и противокатерной обороны заградителей. На переходе из базы в район постановки мин охрану крейсеров осуществляли эскадренные миноносцы.

Для отражения в момент постановки мин удара вражеских кораблей в случае их обнаружения силами разведки и дозоров в Севастополе в 3-часовой готовности к выходу в море находился отряд прикрытия в составе крейсера и трех эскадренных миноносцев, приводились в готовность к стрельбе береговые батареи, в готовности к вылету на аэродроме дежурили подразделения самолетов-бомбардировщиков. Противовоздушная оборона заградителей выполнялась истребительной авиацией флота способом «дежурство на аэродроме».

Привлечение к минным постановкам крупных кораблей эскадры, способных принять на борт большое число мин и обладавших большой скоростью, а также

хорошим защитным вооружением, позволило выполнить задачу в короткий срок, что в условиях уже начавшейся войны имело важное значение»[1].

Неужели в 1981 г. Хорьков не мог спросить наших адмиралов, от кого же делались все эти предосторожности? Ведь получается, что первые несколько дней войны Черноморский флот воевал с несуществующим противником.

Справедливости ради надо сказать, что на Балтике также началась постановка минных заграждений, на которых позже погибли десятки советских кораблей. И, в отличие от Черноморского флота, где минная постановка прошла без потерь, балтийцы ухитрились потерять на минах эсминец «Гневный», а крейсер «Максим Горький» был тяжело поврежден и едва дошел до базы.

В книге «Три века истории российского флота» говорится: «Эти заграждения у баз без особого воздействия на противника сильно затрудняли впоследствии действия своих сил и привели к гибели двух эсминцев, торпедного и двух сторожевых катеров, трех наших транспортов и танкера»[2].

Тут следует добавить, что благодаря своим же заграждениям корабли Черноморского флота потеряли свободу маневрирования. Они не могли входить в свои базы ночью и составляли легкую добычу для самолетов и кораблей противника.

В начале июня 1941 г. командующий Черноморским флотом, ссылаясь на разведку флота, доложил наркому ВМФ Кузнецову, что в Черное море вошли 10—12 германских подводных лодок. Тот, не мудрствуя лукаво, 7 июня приказал Военному Совету Черноморского флота выставить противолодочные сети в Керченском

[1] Хорьков Г.И. Советские надводные корабли в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1981. С. 120—121.

[2] Три века российского флота / Под ред. И.В. Касатонова. СПб., LOGOS, 1996. Т. 3. С. 49.

проливе для недопущения прохода подводных лодок в Азовское море. Замечу, что в Азовском море максимальная глубина всего 13 м.

9 июня Кузнецов доложил Сталину о том, что в Керченском проливе установлен противолодочный дозор из двух малых охотников, в поддержку дозора выделены два торпедных катера и три самолета МБР-2, а также выслан тральщик для установки в Керченском проливе противолодочных сетей[1].

Адмиральские страхи и установка противолодочных сетей не остались незамеченными для младшего командного состава. С 22 июня на флоте началась «перископомания». Уже 24 июня в 11 ч 30 мин и в 13 ч 20 мин канонерская лодка «Красная Армения» была дважды «атакована» подводной лодкой противника. 25 июня в 11 ч 15 мин у мыса Сарыч близ Севастополя заметили перископ подводной лодки. Почти одновременно пограничный малый охотник в районе реки Шохе (между Туапсе и Сочи) обнаружил и атаковал подводную лодку. В нескольких километрах другую подводную лодку заметили с наземного пограничного поста. И пошло, поехало...

Пока надводные корабли героически боролись с итальянскими и германскими подводными лодками, наши подводники почти весь 1941 год ожидали у Севастополя и кавказских портов появления итальянских линкоров и крейсеров. Всего с этой целью подводные лодки Черноморского флота в 1941 г. совершили 84 боевых похода, длившихся в общей сложности 730 суток[2]. То есть ежедневно поиск итальянцев вели несколько подводных лодок.

Но, увы, повезло обнаружить вражеский линкор только подводной лодке М-36 в сентябре 1941 г. Воспользовавшись темнотой, линкор шел к Севастополю — не иначе как повторить подвиг «Гебена». Наша лодка выпустила торпеду, но она прошла рядом с бортом вражьего корабля. Капитан был страшно огорчен. Но по прибытии в базу у него сначала выступил холодный пот, а потом охватила нечаянная радость. Оный линкор оказался транспортом «Восток»[1], да еще с несколькими сотнями бойцов на борту.

[1] ЦВМА. Ф. 216. Д. 124867. Ф. 2. Д. 10453.

[2] Подводные силы Черноморского флота / Под ред. В.А. Кравченко. Симферополь, Таврида, 2004. С. 43.

Но борьба с итальянцами не всегда обходилась без потерь.

Во всех послевоенных официальных трудах наших морских историков важное место уделяется ударам авиации и кораблей Черноморского флота, нанесенным в июне-июле 1941 г. по румынскому порту Констанца. Цель этих ударов стратегическая — сокращение добычи и вывоза румынской нефти. Увы, на самом деле задача, поставленная нашим морякам и летчикам, была совсем иная. Морское командование как в Москве, так и в Севастополе было уверено, что в Констанце собралось большое количество итальянских и германских боевых кораблей и транспортов. Вся эта армада должна была со дня на день двинуться к берегам Крыма с целью высадки морского десанта, который должен был быть синхронизирован с высадкой воздушного десанта.

Следствием этого стало нанесение воздушных и корабельных ударов по Констанце. Другой вопрос, что эти удары наносились сравнительно небольшими силами, и если бы опасения наших адмиралов подтвердились, то вряд ли вражеской армаде был бы нанесен серьезный урон. Рискну предположить, что адмирал Октябрьский действовал в основном с той целью, чтобы впоследствии снять с себя обвинение в том, что он проворонил вражеский десант.

[1] Транспорт «Восток» построен в 1901 г. Стандартное водоизмещение 4756 т. Скорость 9 уз. 15 мая 1942 г. погиб на мине в Керченском проливе.

Уже 23 июня 1941 г. ВВС Черноморского флота произвели три налета на Констанцу. В них принимали участие 2 полка ВВС Черноморского флота: 2-й минно-торпедный авиаполк, вооруженных ДБ-3Ф, и 40-й авиаполк, вооруженный бомбардировщиками СБ. Организационно оба полка входили в состав 63-й авиабригады.

Первый налет был произведен с 6 ч 35 мин до 7 ч 42 мин 63-й авиабригадой в составе 33 ДБ-3 и 27 СБ, которые бомбардировали зернохранилище, элеватор, нефтегавань и нефтегородок в Констанце, аэродром Мамайя и батарею в Тапая. В ходе налета был потерян один СБ.

Второй налет силами семи ДБ-3 был произведен с 13 ч 50 мин до 14 ч 04 мин. Наши самолеты бомбили военный мол, район железнодорожных мастерских и нефтегородок.

Третий налет 9 ДБ-3 произвели в 17 ч 35 мин, сбросив бомбы на нефтегородок, железнодорожные мастерские и элеватор.

В тот же день, в 13 ч 04 мин 6 СБ бомбили склады и транспорты в Сулине. А всего за сутки на Констанцу и Сулину было сброшено 54 бомбы ФАБ-500, 22 — ФАБ-250, 90 — ФАБ-100 и 336 — ЗАБ-2,5.

Румыны утверждали, что в течение этих трех налетов было сбито 8 бомбардировщиков ДБ-3Ф и 8 СБ. Сведения эти явно преувеличены. Румынский лейтенант Х. Агаричи утверждал, что сбил на своем «Харрикейне» два СБ. Его старший брат — модный бухарестский композитор — быстренько подсуетился и выпустил пластинку (как говорят сейчас, альбом) с названием «Агаричи лупит большевичи». Когда же «большевичи» пришли к власти в Румынии, оба Агаричи «загремели под фанфары».

Утром 24 июня с 6 ч до 6 ч 35 мин 14 бомбардировщиков ДБ-3Ф и 18 СБ вновь бомбили порт в Констанце и близлежащий аэродром Мамайя. На подходе к Кон-

станце наши самолеты встретили 16 румынских истребителей Хе-113. Советские самолеты сумели отбомбиться, но потеряли 3 ДБ-3Ф и 7 СБ. По сообщениям наших летчиков, было сбито 11 румынских истребителей, но это, видимо, преувеличение. На аэродроме Мамайя, по германским данным, было уничтожено 3 истребителя Ме-109Ф.

Вечером Констанцу бомбили два ДБ-3Ф. Их перехватили германские истребители. Наш бомбардировщик ДБ-3Ф сбил один Ме-109Ф, но пилот оберфельдфебель Вальтер спрыгнул с парашютом и был спасен румынским гидросамолетом SM-62.

Всего за день авиация Черноморского флота произвела на Констанцу 40 самолето-вылетов, сбросив 2 ФАБ-100, 21 ФАБ-500, 30 ФАБ-250, 18 ФАБ-100 и 6 РРАБ-3.

В тот же день свыше 10 наших самолетов вели «дальнюю разведку» в районе Босфора, Зунгулдака, Сулины и Варны. Как скромно говорится в «Хронике...», разведка обнаружила в районе Босфора и Зунгулдака 19 транспортов[1].

Подлинные донесения пилотов и агентурной разведки до сих пор совершенно секретны. Но вот что пишет участник боев за Крым генерал-адмирал П.И. Батов: «У меня сохранилась выписка из разведывательных и других штабных документов того времени. Чего тут только нет! 22 июня: в Констанце готовится десант... авиаразведкой обнаружены 10 транспортов противника... направление на Крым. 24 июня: на траверзе Шохе обнаружена подводная лодка... концентрация судов в районе Констанцы свидетельствует о подготовке десанта... на аэродромах Бухареста скопление шестимоторных транспортных самолетов для переброски парашю-

[1] Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С 21 июня по 31 декабря 1941 г. М. — Л., Управление военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945. С. 10.

тистов. 27 июня: итальянский флот проследовал через Дарданеллы в Черное море для высадки десанта в Одессе и Севастополе»[1].

Кто-то предложил использовать и надводные корабли для обстрела Констанцы. Октябрьскому идея понравилась, но на себя брать инициативу он не решился и запросил наркома ВМФ Кузнецова. Тот тоже подстраховался и отправил начальника Главного морского штаба адмирала Исакова к Сталину за разрешением. В итоге в Севастополе о походе узнали лишь 24 июня поздно вечером.

25 июня Октябрьский утвердил план набеговой операции кораблей на Констанцу, который был доложен наркому ВМФ. Сущность плана заключалась в следующем: В 5 часов утра 26 июня нанести совместный удар кораблей флота и авиации по Констанце, чтобы уничтожить нефтехранилища и боем разведать систему обороны этой базы с моря.

Артиллерийский обстрел предполагалось вести «ударной группой» в составе лидера «Харьков» и двух эсминцев типа «С». Действия этой группы должна была обеспечивать находившаяся в 60 милях к востоку от Констанцы группа прикрытия в составе крейсера «Ворошилов» и лидера «Москва».

Можно только подивиться мудрости адмирала. Обстрел порта поручался лидеру и эсминцам из 130-мм пушек Б-13 из зоны обстрела вражеских береговых батарей. Мало того, действие 130-мм фугасных снарядов, содержавших всего 2,8 кг тротила, было довольно слабым. А вот фугасные снаряды 180-мм орудий имели 7,97 кг тротила, то есть в три раза больше. А главное, дальность стрельбы 180-мм орудий равнялась 37 километрам, то есть была заведомо много больше, чем дальность стрельбы любых германских береговых батарей.

[1] Батов П.И. В походах и боях. М., Издательство ДОСААФ СССР, 1984. С. 12—13.

Естественно, куда разумнее было послать в рейд на Констанцу крейсера «Молотов» и «Ворошилов» с их восемнадцатью 180-мм орудиями.

Здесь следует сделать маленькое отступление. Антонеску и К° даже не собирались противодействовать Черноморскому флоту своей опереточной флотилией, а надеялись лишь на береговые батареи. В этом плане румынам хорошо помогли немцы. В 1940 г. южнее Констанцы немцы начали строительство береговой батареи «Тирпиц», вооруженной тремя корабельными пушками 28-см SKL/45. Точнее, немцы в 1940 г. перевезли все, что можно было перевезти с одноименной береговой батареи, дислоцированной в Киле.

28-см пушки SKL/45 в годы Первой мировой войны устанавливались на линкорах типа «Нассау» и линейном крейсере «Фон дер Танн». Калибр орудий 283 мм. Длина ствола 45 калибров. Затвор орудий горизонтальный клиновой с ручными приводами. Орудия размещались в бетонированных колодцах. Управление стрельбой производилось с помощью 14-метрового дальномера и радиолокационной станции. Стреляло орудие снарядами весом 284 кг и 302 кг с начальными скоростями 885 м/с и 870 м/с соответственно. Максимальный угол возвышения составлял 37Б198Ю, что позволяло достигать дальности 36,1 км.

Батарея располагалась на возвышенности 600 м от уреза воды. Расстояние между установками составляло 250—300 м.

К 22 июня 1941 г. батарея «Тирпиц» была введена в строй. Обслуживалась она немецкими расчетами.

Кроме «Тирпица» в Констанцскую дивизию береговой обороны входили батареи «Мирча», «Тудор», «Михай», «Елизабета» и «Аурора». Все они обслуживались румынскими расчетами.

Батарея «Мирча» построена в 1941 г. Вооружена она была четырьмя 152/45-мм пушками Кане, захваченными в России в 1918 г. Пушки стреляли русскими снаря-

дами обр. 1907 г. весом 49,5 кг с начальной скоростью 750 м/с. Станок орудия модернизировали, и угол возвышения был доведен до 41,5°, благодаря чему дальность стрельбы составляла 18,5 км.

Батарея «Тудор» построена в 1928 г. и вооружена тремя 152/40-мм орудиями. Угол возвышения установок 25°. Вес снаряда 46,4 кг, начальная скорость 695 м/с. Максимальная дальность стрельбы 11,4 км.

Батарея «Михай» построена в 1940 г. и вооружена тремя старыми германскими корабельными пушками 17-см SKL/40. Угол возвышения установок 23°. Вес снаряда 64 кг, начальная скорость 860 м/с. Дальность стрельбы 18 км.

В районе румынского порта Мангалия дислоцировался Мангальский дивизион береговой обороны в составе:

батарея «Елизабета», построенная в 1940 г. и вооруженная четырьмя 120/50-мм установками. Угол возвышения установок 44°. Вес снаряда 23,8 кг, начальная скорость 810 м/с. Дальность стрельбы 14 км.

батарея «Аурора», построенная в 1941 г. и вооруженная тремя 152/40-мм установками с углом возвышения 25°. Вес снаряда 46,4 кг. Дальность стрельбы 11,4 км.

Таким образом, за исключением германской батареи «Тирпиц», румынские береговые батареи были вооружены устаревшей материальной частью и на июнь 1941 г. не имели хороших дальномеров.

Итак, Октябрьский послал на Констанцу один крейсер («Ворошилов»), да и то в составе группы прикрытия. Любопытный вопрос: а от кого собирался «прикрываться» Октябрьский? От злополучных четырех румынских эсминцев? Нет! От того же итальянского флота! Только в этом случае приказ Октябрьского имеет какое-то логическое объяснение.

В суматохе штаб Черноморского флота забыл оповестить о нападении наши подводные лодки, находившиеся у берегов Румынии. По плану наши корабли должны были пройти между позициями подводных лодок Щ-205 и Щ-206 в нескольких километрах от краев районов их действий. Но можно было и сообразить, что для зарядки аккумуляторов подводная лодка Щ-206 выйдет из своего района, чтобы не засветиться противнику, и отойдет на север.

25 июня в 20 ч 10 мин лидеры «Харьков» и «Москва» вышли в море. Отряд же прикрытия покинул базу в 22 ч 41 мин. Эсминец «Смышленый», будучи еще на Инкерманском створе, за что-то зацепил своим параваном и отстал. Лишь в 3 часа 26 июня ему удалось выйти за минное заграждение главной базы.

В 0 ч 33 мин 26 июня крейсер «Ворошилов» и эсминец «Сообразительный» дали ход 28 узлов. С развитием полного хода «Сообразительный» стал отставать, и в 2 ч 30 мин корабли потеряли друг друга из виду. Лишь на рассвете «Сообразительный» присоединился к крейсеру «Ворошилов».

Переход морем обоих лидеров прошел благополучно, и в 4 ч 42 мин с дистанции 140 кабельтов им прямо по курсу открылся берег.

В 4 ч 50 мин на широте 44°10'6" и долготе 29°02'0" на «Харькове», шедшем головным, подорвался правый параван. Корабли поменялись местами, и головным стал лидер «Москва». В 5 часов утра лидеры начали поворот на боевой курс —221°, имея ход 26 узлов. В этот момент у «Харькова» оборвался левый параван.

В 5 ч 02 мин, будучи в точке с координатами ш = 44°10'3", д = 28°57'0", «Харьков» открыл огонь по нефтехранилищам в порту Констанца, имея курсовой угол 55° правого борта и дистанцию 130 кабельтовых. С третьим залпом «Харькова» открыл огонь и лидер «Москва». В 5 ч 06 мин по кораблям открыла огонь 28-см германская батарея и третьим залпом накрыла лидер «Москву».

Около 5 ч 10 мин командир «ударной группы» решил отходить, и на «Москву» был передан сигнал: «Начать отход. Дым». В 5 ч 12 мин «Москва» начала отход,

одновременно ставя дымовую завесу. «Харьков», шедший без паравана, держался кильватерной струи «Москвы». В 5 ч 13 мин «Москва» легла на зигзаг с целью сбить пристрелку немецкой батареи. В это время с «Харькова» заметили на берегу в районе нефтяного терминала большой пожар.

В 5 ч 14 мин «Харьков» прекратил артогонь по берегу, выпустив 154 фугасных снаряда.

В 5 ч 20 мин с обоих лидеров заметили следы двух торпед, идущих к «Москве». Лидер «Харьков» начал сбрасывать глубинные бомбы на месте, где вражеская подводная лодка могла пустить торпеды. В 5 ч 21 мин в середине корпуса «Москвы» раздался взрыв. Столб огня и дыма поднялся на высоту 30 метров.

«Харьков» отвернул и обошел место взрыва с севера. Лидер «Москва» переломился пополам в районе правого котельного кожуха. Носовая часть лидера была оторвана и развернута форштевнем к корме, кормовая часть держалась на плаву. Винты работали в воздухе, дымовая аппаратура продолжала действовать. На палубе находились люди, а зенитное орудие на кормовом мостике вело огонь по появившимся самолетам противника.

«Харьков» поставил дымзавесу и попытался спасти уцелевших моряков, но тут у его борта разорвались два снаряда. Лидер получил повреждения и снизил ход до малого.

Идя шестиузловой скоростью, к 5 ч 55 мин «Харьков» вышел из зоны досягаемости береговых батарей противника, которые вели огонь с дистанции 32,9 км. Но в 6 ч 43 мин был обнаружен пузырь и след торпеды, шедшей на лидер. «Харьков» повернул, и она прошла за кормой. Предполагаемое место неприятельской подводной лодки было обстреляно ныряющими 130-мм снарядами.

В 7 ч 30 мин к «Харькову» присоединился эсминец «Сообразительный» и «начал нести противолодочную

и противовоздушную оборону», находясь в голове колонны и маневрируя на большой скорости.

«В этот момент «Сообразительный» заметил след торпеды с правого борта. Повернув вправо, он оставил торпеду слева от себя, но одновременно обнаружил след второй торпеды, шедшей вдоль правого борта на лидер. «Харьков» тоже повернул, но следа торпеды не видел. «Сообразительный» атаковал подводную лодку глубинными бомбами, причем на месте бомбометания было обнаружено большое масляное пятно и на момент показавшаяся и быстро погружавшаяся в воду корма подводной лодки. Отразив атаку, корабли продолжали отход на восток»[1].

Никто и не думал сообщать о рейде на Щ-206 или передислоцировать ее в другой район. В итоге произошла трагедия — Щ-206 торпедировала «Москву» и сама погибла от глубинных бомб эсминца «Сообразительный».

С погибшей «Москвы» 69 членов экипажа попали в плен. В их числе и командир лидера А.Б. Тухов, которому удалось бежать. В партизанском отряде он возглавил разведку и погиб в одном из боев.

На допросе некоторые члены экипажа «Москвы» заявили, что перед взрывом корабля они видели след торпеды.

Румынское командование на радостях объявило, что лидер «Москва» потоплен из румынских береговых торпедных аппаратов, находившихся у входа в Констанцу. Немцы в ответ только посмеялись глупости румынского начальства — как могли торпеды пройти путь в 180—190 кабельтовых — и, в свою очередь, приписали гибель лидера 28-см (283-мм) орудиям береговой батареи «Тирпиц». Вскоре на стволах ее орудий появился силуэт советского корабля.

Командующий Черноморским флотом сделал вид, что ничего не знает о судьбе Щ-206. Срок возвращения ее из похода истек 16 июля 1941 г. Официально было объявлено, что подводная лодка Щ-206 пропала без вести.

[1] Хроника.... Выпуск 1. С. 13.

В послевоенное время в ходе контрольного тралення района Констанцы были обнаружены корпуса лидера «Москва» и подводной лодки Щ-206. Поднять их было проще простого, так как лидер «Москва» лежал на глубине всего 40 метров. Но из Москвы поступил строжайший запрет даже на их осмотр водолазами.

Глава 5

ВТОРЖЕНИЕ МАНШТЕЙНА, КОТОРОГО МОГЛО И НЕ БЫТЬ

21 августа, на 61-й день войны, Адольф Гитлер подписал директиву № 441412/41, которая фактически должна была стать для верховного командования сухопутных войск планом ведения русской кампании. Там говорилось: «Предложение главного командования сухопутных войск от 18 августа о продолжении операции на Востоке расходится с моими планами. Я приказываю:

важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа...

захват Крымского полуострова имеет первостепенное значение для обеспечения подвоза нефти из Румынии. Всеми средствами, вплоть до ввода в бой моторизованных соединений, необходимо стремиться к быстрому форсированию Днепра и наступлению наших войск на Крым, прежде чем противнику удастся подтянуть свежие силы»[1].

[1] Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг. Том 3. От начала Восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941—24.09.1942). М., Воениздат, 1971. С. 296.

К этому времени части 11-й армии стремительно двигались к Перекопу с севера. Но между ними и Перекопом существовала серьезная водная преграда — Днепр.

Ситуацию прекрасно понимали и в Москве. 26 августа Б.М. Шапошников потребовал от главкома Юго-Западного направления С.М. Буденного «не допустить прорыва противника в направлении Перекопа».

24 августа передовые подразделения 22-й пехотной дивизии под командованием подполковника фон Боддиена вышли к г. Берославу, находящемуся на правом берегу Днепра. На следующее утро подвижная группа фон Боддиена получила подкрепление — 16-й пехотный полк и гаубичный дивизион. К вечеру 26 августа Берислав был взят.

В ночь с 30 на 31 августа немцы начали форсирование Днепра у Берислава, которое можно с полным основанием считать первым сражением в грандиозной битве за Крым.

Вот так это описал германский историк Пауль Карель: «Пришел великий момент для саперов. Ширина Днепра — второй по величине реки на европейской территории России — достигала в этом месте 750 метров. На противоположном берегу находились советские войска, знавшие о намерении немцев форсировать реку.

Полковник Риттер фон Хейгль, командовавший 690-м инженерным полком, отвечал за первую фазу операции — то есть за саму переправу. Два саперных батальона дивизии — 22-й и 46-й, — а также 741-й механизированный армейский инженерный батальон и 903-й батальон штурмовых лодок получили приказ переправить первую волну атакующих на противоположную сторону под огнем противника.

30 августа, еще до рассвета, пехотинцы 22-й пехотной дивизии — солдаты из Ганновера и из городов и сел Ольденбурга — заняли позиции у кромки воды. Ба-

тальоны 16-го пехотного полка находились на острове на реке, куда никто не мог попасть без хорошего знания местности. Дорогу им показал рыбак-украинец. Личный состав 47-го пехотного полка ожидал приказа об атаке возле виноградника, прижавшись вплотную к земле в месте, практически лишенном укрытий. Советские бомбардировщики и штурмовики вновь и вновь заходили в поисках цели, сбрасывая осветительные ракеты на парашютах. При их появлении любое движение внизу прекращалось. С рассветом от реки начал подниматься словно Богом посланный в помощь немцам молочный туман.

Было 04.27. Двигатели штурмовых лодок взревели разом. Одновременно заговорили артиллерия и тяжелое вооружение пехоты, обеспечивая огневое прикрытие десанту и сдерживая советскую оборону. Следом за штурмовыми лодками на воду спускались резиновые шлюпки всевозможных размеров.

С дальнего берега взлетали в небо белые ракеты: первые колонны атакующих достигли цели. Артиллеристы передвинули линию огня дальше на восток. Стучали пулеметы, звучали выстрелы карабинов. Пикировщики «Штука» и бомбардировщики 4-го воздушного флота, ревя моторами, проносились над рекой, сбрасывая бомбы на позиции противника. Десантные суда возвращались обратно за новой волной пехотинцев и снова уходили к дальнему берегу.

В течение трех часов солдаты в десантных лодках стояли у своих рулей. Река кипела от взрывов снарядов вражеской артиллерии. Лодки и шлюпки разносило на куски. Соседние — опрокидывались. Но у русских, по-видимому, не было корректировщика огня у реки, потому что орудия их били наугад.

Первая волна атакующей пехоты выбила с позиций советские передовые заграждения и захватила небольшой плацдарм. На саперных плотах начали перевозить

тяжелое вооружение. Первая фаза форсирования реки завершилась успешно. Пехотинцы расширяли плацдарм. Двумя днями позже глубина его достигала уже четырех километров. Наступала пора переходить ко второй фазе операции — наведению моста для основных сил дивизии и 30-го корпуса.

Полковник Циммер, командир 620-го горно-инженерного полка, в оперативном подчинении которого находились саперные части 49-го горнострелкового корпуса, отвечал за техническую сторону при сооружении 8-тонного моста, состоящего из 116 понтонов. В наведении его участвовали 46-й и 240-й инженерные батальоны, а также 54-й горно-инженерный батальон вместе с румынской 10-й мостовой ротой — всего свыше 2500 человек.

Понтоны хранились километрах в шести-семи вверх по течению от места переправы. Их соединили попарно, наподобие плота, а потом несколько таких плотов составили в мостовые конструкции. В соответствии с тщательно выверенной схемой действий эти звенья отправили вниз по течению и установили по обоим берегам. Далее обе части продолжали наращиваться навстречу друг другу, пока обе половины не встретились посередине реки. Этот момент всегда вызывал наибольшее напряжение. Только точный расчет офицеров-саперов мог обеспечить безукоризненную стыковку пролетов моста.

Работы начались в 18.00 31 августа. После полуночи, ближе к 01.00, оба конца конструкции разделяло всего 25 метров.

К 03.30 1 сентября мост стал единым целым. В 04.00 первые группы техники 22-й пехотной дивизии двинулись через реку к восточному берегу. Почти тут же поднялся сильный ветер, и на понтоны обрушились волны полутораметровой высоты. Технику на мосту начало бросать из стороны в сторону, некоторые понтоны дали течь.

Как раз в этот и без того трудный момент с воздуха атаковали советские бомбардировщики. Они спланировали низко. Прямое попадание. Два плота пошли ко дну, потери саперов составили 16 человек убитыми и ранеными. Ремонт в бурных речных потоках занял два с половиной часа. После чего движение восстановилось.

Но к тому времени советские бомбардировщики и штурмовики вернулись — на сей раз с истребительным сопровождением. Никто на мосту не мог найти укрытия, между тем глубина реки достигала 15 метров. Колоннам оставалось только одно — двигаться, двигаться и надеяться на лучшее. Бомбы сыпались градом. Четыре понтона затонуло.

На сей раз ремонтные работы продолжались семь часов. Саперы промокли насквозь, они в кровь сбивали себе пальцы, руки болели от усталости и перенапряжения. Наведение моста на бурной реке шириной 750 метров при наличии активного неприятельского противодействия может занять достойное место в военной истории.

Полковник Мёльдерс со своей 51-й истребительной эскадрильей взял на себя заботы по охране моста, который русские стремились уничтожить любой ценой. За два дня Мёльдерс и его летчики-истребители сбили семьдесят семь советских бомбардировщиков. Две батареи зенитчиков люфтваффе — 1-й дивизион 14-го зенитно-артиллерийского полка и 1-й дивизион 64-го зенитно-артиллерийского полка — сбили еще тринадцать русских бомбардировщиков.

Но, несмотря ни на что, большое число саперов из 1-й и 4-й горнострелковых дивизий погибло за первые несколько дней при строительстве и ремонте моста. Бериславский мост стоил немцам больших потерь. Возможно, ни один понтонный мост на протяжении последней войны не наводился в столь трудных условиях и не подвергался столь яростным атакам неприятеля, как этот. Но благодаря ему 11-я армия создала плацдарм для решительного наступления на Крым и Кавказ»[1].

А что говорят о переправе у Берислава советские историки? Да, собственно, ничего. Молчат как рыбы. Наши войска прос...ли форсирование Днепра. Точнее не скажешь, а кого сей глагол коробит, пусть «Войну и мир» почитает. Там семейство Ростовых на охоте «прос...ло» волка, а тут 9-я советская армия — 11-ю германскую!

О форсировании немцами Днепра скороговоркой говорит П.И. Батов: «31 августа авиационная разведка Черноморского флота сообщила, что противник начал переправу через Днепр в районе Каховки; к 12.00 на левом берегу зафиксировано до батальона немецкой пехоты. Немецкие передовые отряды переправлялись также южнее Берислава, у хутора Казацкий. Наших частей в этих районах не было замечено. В архиве имеется донесение Южного фронта в Ставку за подписью тт. Рябышева и Запорожца, проливающее свет на события в районе Каховка — Берислав 31 августа — 2 сентября 1941 года. Оно составлено на крайне повышенных тонах — генералу Черевиченко и его начальнику штаба генералу П.И. Бодину досталось основательно. Но не ради этого обращаюсь к документу. Важен факт: «Ничем не оправданный отвод с берега у Каховки батальонов 296-й дивизии и несвоевременная замена их батальонами 176-й дивизии дали противнику возможность безнаказанно форсировать Днепр». Грубая ошибка, которой воспользовалось вражеское командование»[2].

Корабли Дунайской флотилии, пусть ценой своей гибели, могли сорвать переправу на участке Берислав — Каховка. 24 августа, то есть в день, когда фон Боддиен подошел к Бериславу, там стояли монитор «Мартынов»

[1] Карель П. Восточный фронт. Книга 1. Гитлер идет на Восток. 1941—1943. М., ИЗОГРАФУС, ЭКСМО, 2003. С. 241—243.

[2] Батов П.И. В походах и боях. С. 35.

и четыре бронекатера (всего четыре 102-мм, четыре 76-мм и четыре 45-мм пушки). А у немцев был лишь гаубичный дивизион и несколько 37-мм противотанковых пушек. Да и в Бериславе находилась наша артиллерия. Но вместо того чтобы открыть огонь по наступающим немцам, наши корабли уходят вверх по течению в направлении Никополя. Одновременно командование 9-й армии вместо того чтобы держать оборону на переправах, затеяло десант в занятый немцами Херсон. Ситуация почти анекдотичная: в штабе оценивают гарнизон Херсона в 1000 человек, однако командование флотом представляет свои разведданные, где говорится о 5000 человек. Лишь тогда командующий 9-й армией генерал-полковник Я.Т. Черевиченко унялся и отменил операцию. Корабли Дунайской флотилии уже были стянуты в Херсон, кроме монитора «Железняков», который зачем-то был послан в Скадовск.

Таким образом, монитор «Мартынов» с четырьмя бронекатерами был отправлен в распоряжение командования 18-й армии в район Никополя, а остальные корабли и катера Дунайской флотилии находились в районе Херсона. Итак, переправе немцев в районе Берислав — Каховка был дан зеленый свет.

Генерал Батов узнал о переправе немцев от морских летчиков, ведших разведку в районе Каховки. Комдив Черняев вышел из себя:

— Как же... Как же отдали такой рубеж без боя?

— Летчики могли ошибиться, — ответил Батов. — Сейчас важно выяснить, каковы силы противника. Пошлите толкового командира-оператора в штаб 9-й армии.

На следующий день был отправлен начальник разведотделения штаба дивизии капитан Н.В. Лисовой. По возвращении он рассказал, что к командарму он прорвался. Высказав мнение о том, что «наступление немецких и румынских войск на Крым маловероятно» и задав ряд вопросов по обстановке в Крыму и на Черном

море, командующий 9-й армией Я.Т. Черевиченко направил капитана Лисового в оперативный отдел армии. Но и там данных о наступающем противнике капитану получить не удалось, поскольку обстановка на фронте менялась с невероятной быстротой.

Части 11-й армии быстро перешли через переправу у Берислава — Каховки и далее двигались по расходящимся направлениям на восток и на юг, а затем на запад вдоль Днепра. Так, к вечеру 10 сентября немцы заняли поселки Большая Маячка, Большие Копани (Великие Копани) и начали продвижение в направлении поселка Малые Копани — г. Скадовск.

Части 22-й и 73-й пехотных дивизий шли строго на юг в направлении Чаплинка — Перекоп. Вместе с ними двигался усиленный разведывательный батальон моторизованного полка СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» под командованием штурмбаннфюрера Майера.

Советская 9-я армия отступала (или бежала, пусть каждый сам подбирает выражения). Драться никто и нигде не хотел. Небольшая часть войск, включая остатки 74-й дивизии, бежала к Тендре под защиту моряков.

Части Тендровского боевого участка, состоявшие из моряков, заняли оборону на линии Голая пристань — Бехтеры — Железный порт. Причем никакой связи у командования Тендровского участка и командования Дунайской флотилии не было.

12 августа немецкие части вторично форсировали Днепр, на сей раз в нескольких километрах выше Херсона в районе города Алешки[1].

Подавляющее большинство частей 9-й армии бежало на восток. П.И. Батов писал: «С гребня Перекопского вала, особенно в ясную погоду после дождя, открывался хороший обзор на 15—20 километров. В сухое время проклятая крымская пыль кого угодно ввела бы в за-

[1] В 1928 г. большевики переименовали Алешки в Цюрюпинск, но в документах периода Великой Отечественной войны городок часто называли Алешки.

блуждение — едет одна повозка, а в воздухе такая пылевая завеса, будто дивизия на марше. Но с 3 сентября пошли дожди, и в бинокль можно было видеть, как вдалеке мимо наших позиций движется с запада и уходит по северному берегу Сивашей бесконечный поток воинских частей. Это отходила 9-я армия. Ни одно подразделение не повернуло в Крым. И не могло сделать этого. У них была другая задача: прикрыть подступы к Донбассу»[1].

Странная логика. Главной задачей 11-й армии был Крым, а затем Кавказ, но никак не Донбасс. Что такое Донбасс? Это не только шахты, а сгусток железных дорог. Туда без проблем за считаные дни можно было перебросить десятки дивизий. А вот переброска войск в Севастополь морем была крайне сложна даже без советских мин и германских бомбардировщиков. Да и из Севастополя дивизии шли до Перекопа дольше, чем дивизии с Урала до Донбасса по железной дороге. Казалось бы, что мешало уставшим дивизиям 9-й армии пройти Перекоп и, отдохнув несколько дней, влиться в ряды защитников Крыма?

Увы. Среди советских историков не нашлось Талейрана, который бы сказал об отходе 9-й армии на восток: «Это хуже, чем преступление, это — ошибка».

Рано утром 12 сентября передовые отряды немцев подошли к Перекопу. Это хорошо описал Пауль Карель: «Во главе наступления следовали мотоциклисты и бронемашины разведки полка «Лейбштандарт Адольф Гитлер». За ними следовали передовые соединения 73-й пехотной дивизии. Штурмбаннфюрер Майер, находившийся среди солдат своей головной роты, разглядывал горизонт в бинокль. Ничего — нигде никакого движения. Вперед. Мотоциклетный взвод фон Бюттнера двигался вдоль берега в направлении Адамани, откуда просматривалась территория слева и справа от Турецкого

[1] Батов П.И. В походах и боях. С. 40.

вала. Вдруг, точно духи ниоткуда, на горизонте появилось несколько всадников, которые мгновенно вновь исчезли, — советский дозор.

Требовалась бдительность.

— Рассредоточиться!

Тишина настораживала. Мотоциклисты встали на подножки с левой стороны своих машин, чтобы спешиться в любой момент, не теряя ни секунды. Стрелки в колясках перенесли тяжесть тела вправо и изготовились к прыжку на землю.

Был седьмой час утра. Мотоциклетная часть под командованием командира группы Вестфаля осторожно приближалась к первым домам Преображенки. Она располагалась поблизости от главной дороги из Берислава к Перекопу. Из села выходило стадо овец. Вестфаль помахал рукой пастуху:

— Убери стадо с дороги, парень. Мы спешим!

Но татарин, похоже, не понял. Или не захотел понимать? Вестфаль открыл дроссельную заслонку своего мотоцикла и под надсадный рев двигателя помчался прямо на стадо. Овцы перепугались, заблеяли и бросились врассыпную. Пастух что-то закричал и послал за ними собаку. Все без толку. Овцы бежали прочь от дороги. Через мгновение засверкали вспышки пламени, раздался грохот взрыва. Овцу разорвало на куски. Стадо выбежало на минное поле. Точно мало было рвущихся повсюду мин и жалобного предсмертного блеяния умиравших овец, внезапно открыла огонь вражеская артиллерия. Фугасы падали и рвались в деревне и около нее. Мотоциклисты спешились и побежали к Преображенке по дороге на Перекоп. Внезапно впереди путь им преградила настоящая стена огня. На противоположном конце села, всего в нескольких сотнях метров от передовой немецкой части, стоял советский бронепоезд: он осыпал снарядами и поливал пулеметными очередями роты Майера и Штиффатера. Последствия были ужасны.

— В укрытие!

Солдаты лежали, прижавшись к земле. Пули свистели у них над головами. Но это стрелял, как скоро стало ясно, не бронепоезд: стреляли русские пехотинцы из хорошо замаскированных окопчиков и траншей всего в каких-нибудь 50 метрах впереди.

Штурмбаннфюрер Майер приказал своим отступить из Преображенки. Бронемашины разведки открыли огонь по бронепоезду из 20-мм пушек, чтобы дать возможность другим отойти под прикрытием дымовой завесы. Тем временем солдаты из 2-й роты Майера выкатили 37-мм противотанковую пушку и тоже принялись обстреливать поезд. Но не успели они сделать и нескольких выстрелов, как орудие было поражено прямым попаданием. Полетели в разные стороны куски железа, и грохот металла заглушил крики людей.

Сам Майер тем временем вместе со связными перебежками прокрался к дальнему концу села. Отсюда он мог видеть основательно подготовленную оборону противника на Перекопе — окопы, колючая проволока, бетонные доты. Он понял, что осуществить внезапный прорыв здесь не удастся. Еще одна попытка, и от соединения ничего не останется. Группенфюрер Вестфаль, который пробрался вперед вместе с Майером, вдруг позвал санитара. Вестфалю оторвало руку взрывом. Справа и слева от него валялись убитые и раненые солдаты его группы.

— Убираемся отсюда, — повторил штурмбаннфюрер Майер и дал сигнал к отходу.

Связные отправились передавать приказ. Заревели моторы приближавшихся сзади мотоциклов. Не задерживаясь, разведчики погрузили раненых и тела убитых товарищей в коляски и тут же умчались прочь. Бронемашины разведки поставили дымовую завесу на подходе к Преображенке, чтобы противник не видел их маневра. Под прикрытием дыма роттенфюрер[1] Гельмут

[1] Роттенфюрер — звание в войсках СС, соответствующее обер-ефрейтору в армии.

Бальке трижды отправлялся на передовую, чтобы забрать раненых. Последнего, унтерштурмфюрера[1] Рерля, Майер притащил на себе. Снарядный осколок развернул Рерлю спину. Он умер на руках командира.

Первая попытка 11-й армии ворваться в Крым с ходу передовыми частями 54-го корпуса провалилась. Часом позже генерал-лейтенант Билер, командир 73-й пехотной дивизии, прочитал донесение Майера и Штиффатера: «Взять Перекоп с ходу не получится. Подробный рапорт о боевом столкновении прилагается»[2].

П.И. Батов писал о нескольких германских пленных, взятых у Перекопа. Зверства по отношению к пленным — тема особого исследования, но стоит заметить, что в этом повинны не только нацисты, но и советские комиссары. Тот же Батов писал: «Вокруг пленных — толпа. Их разглядывали, как разглядывали 22 июня осколки первой немецкой бомбы. Недоуменно и с каким-то сожалеющим добродушием. Начподив Владимир Михайлович Гребенкин, быстро шагая, врезался в эту толпу, расталкивая бойцов.

— Смóтрите, что это за люди? Думаете, парни как парни, белобрысые, с засученными рукавами... Я вам покажу, что это за люди!

Он сунул в руки первому попавшемуся фотографию, изъятую у одного из пленных. Молоденький солдат, держа в руках снимок, смотрел, бледнея. «Такого не может быть!..» Гнусная фотография: один насилует девушку, другие с пьяными рожами ждут очереди.

Наших людей будто волной отхлестнуло от немцев. Ненависть к врагу-захватчику — священное и самое гуманное чувство»[3].

Риторический вопрос: какова вероятность, что начподив Гребенкин подсунул нашим солдатам фальшив-

[1] Унтерштурмфюрер — звание в войсках СС, соответствующее лейтенантскому в армии.

[2] Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. С. 243—245.

[3] Батов П.И. В походах и боях. С. 38—39.

ку, сфабрикованную в политуправлении? Спору нет, молодые городские парни любили фотографировать обнаженных девиц, хотя сельским ребятам в 1940-е годы это казалось дикостью. Мне самому в 9-м классе вполне благовоспитанные ребята прямо в школе показывали очень веселые фото. Да и наши многие девицы расставались с невинностью задолго до окончания школы. И бравый генерал вполне мог об этом знать, благо его дочь училась со мной в параллельном классе.

Так что вполне вероятно, что немцы снимали лихие фото, но вряд ли кто-либо стал бы носить их в нагрудном кармане, и уж тем более сдаваться с ними в плен.

После акций таких вот гребенкиных немцы находили изуродованные тела своих пленных, что вызывало новые зверства.

Но вернемся к ходу боевых действий. На войне случайность часто определяет ход истории. В тот же день, 12 сентября, недалеко от Перекопа при посадке взорвался на русской мине маленький связной самолетик «Физилер Шторх»[1]. На нем вместе с пилотом погиб командующий 11-й армией генерал-полковник фон Шоберт.

Через полчаса в палатке командующего 56-м танковым корпусом генерал-полковника Манштейна зазвонил телефон. Командующий армией генерал-полковник Буш без предисловий зачитал телеграмму ОКХ[2]: «Немедленно направить генерала пехоты фон Манштейна в распоряжение группы армий «Юг» для принятия командования 11-й армией».

Эрих Манштейн родился в Берлине в 1887 г. Потомственный военный. В 1913—1914 гг. учился в Военной академии, в 1914—1918 гг. воевал на Восточном фронте, затем в Сербии, а закончил войну на Западном фронте. В 1939 г. в ходе Польской кампании Манштейн — начальник штаба группы армий «Юг» (командующий фон Рундштедт). Затем группа армий была переброшена во Францию.

[1] Уникальный связной самолет, для посадки ему требовалось 20—25 м, а для взлета — 60 м. *Storch* по-немецки «*аист*».

[2] ОКХ — Главное командование сухопутных сил Германии.

В русской кампании Манштейн отличился, командуя 56-м танковым корпусом, который совершил стремительный рейд из Восточной Пруссии через Двинск (Даугавпилс) до озера Ильмень.

17 сентября 1941 г. Манштейн прибыл в Николаев и принял командование 11-й армией.

К 1 сентября 1941 г. в составе 11-й германской армии находились: 30-й армейский корпус генерала Зальмута (22, 72, 170-я пехотные дивизии), 54-й армейский корпус генерала Ганзена (46, 50, 73-я пехотные дивизии), 49-й армейский корпус генерала Коблера (1-я и 4-я горнострелковые дивизии).

Командованию 11-й армии с 16 сентября была подчинена 3-я румынская армия в составе 5-й, 6-й и 8-й кавалерийских бригад[1]. А 10 сентября прибыла моторизованная дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»[2].

Румынскими войсками Манштейн командовал впервые, поэтому небезынтересно узнать его первые впечатления. «Штаб 11-й армии составлял как бы связующее звено между маршалом Антонеску и командованием группы армий и консультировал Антонеску по текущим вопросам. Однако к моменту моего прибытия получилось так, что Антонеску сохранил в своем распоряжении только 4-ю румынскую армию, которая вела наступление на Одессу. 11-я армия, находившаяся теперь в непосредственном подчинении штаба группы армий, получила в свое распоряжение для дальнейшего движения на восток 3-ю румынскую армию...

Что касается румынской армии, она, несомненно, имела существенные недостатки. Правда, румынские

[1] 19 октября румынские войска получили район для самостоятельных действий.

[2] После прибытия дивизии «Лейбштандарт» она была включена в состав 30-го корпуса, а 170-я пехотная дивизия переведена в 49-й горный корпус.

солдаты, в большинстве происходящие из крестьян, сами по себе непритязательны, выносливы и смелы. Однако низкий уровень общего образования позволял только в очень ограниченном объеме подготовить из этих ребят инициативных одиночных бойцов, не говоря уже о младших командирах. В тех случаях, когда предпосылки к этому имелись, как, например, у представителей немецкого меньшинства, национальные предрассудки румын становились препятствием к продвижению по службе солдат-немцев. Устаревшие порядки, как, например, наличие телесных наказаний, тоже не могли способствовать повышению боеспособности войск. Они вели к тому, что солдаты немецкой национальности всяческими путями пытались попасть в германские вооруженные силы, а так как прием их туда был запрещен, то в войска СС.

Решающим недостатком румынских войск было отсутствие унтер-офицерского корпуса в нашем понимании этого слова. Теперь у нас, к сожалению, слишком часто забывают, скольким мы были обязаны нашему прекрасному унтер-офицерскому корпусу.

Немаловажное значение имело и то, что значительная часть офицеров, в особенности высшего и среднего звена, не соответствовала требованиям к военным этого уровня. Прежде всего не было тесной связи между офицером и солдатом, которая у нас была само собой разумеющимся делом. Что касается заботы офицеров о солдатах, то здесь явно недоставало «прусской школы».

Боевая подготовка из-за отсутствия опыта ведения войн не соответствовала требованиям современной войны. Это вело к неоправданно высоким потерям, которые, в свою очередь, отрицательно сказывались на моральном состоянии войск. Управление войсками, находившееся с 1918 года под французским влиянием, оставалось на уровне идей Первой мировой войны»[1].

[1] Манштейн Э. Утерянные победы. М., АСТ, 1999. С. 228, 229.

Сразу по прибытии в Николаев Манштейн понял невозможность выполнения 11-й армией планов верховного командования. Позже он писал: «Задача, поставленная перед армией Главным командованием, нацеливала ее на два расходящихся направления.

Во-первых, она должна была, наступая на правом фланге группы армий «Юг», продолжать преследование отходящего на восток противника. Для этого основные силы армии должны были продвигаться по северному берегу Азовского моря на Ростов.

Во-вторых, армия должна была занять Крым, причем эта задача представлялась особенно срочной. С одной стороны, ожидали, что занятие Крыма и его военно-морской базы — Севастополя возымеет благоприятное воздействие на позицию Турции. С другой стороны, и это особенно важно, крупные военно-воздушные базы противника в Крыму представляли собой угрозу жизненно важному для нас румынскому нефтяному району. После взятия Крыма входящий в состав 11-й армии горный корпус должен был продолжать движение через Керченский пролив в направлении на Кавказ, по-видимому, поддерживая наступление, которое должно было развернуться со стороны Ростова.

У германского Главного командования, следовательно, в то время были еще довольно далеко идущие планы на кампанию 1941 года. Но скоро должно было выясниться, что эта двоякая задача для 11-й армии была нереальной»[1].

Глава 6

ВЗЯТИЕ ПЕРЕКОПА

Итак, попытка немцев с ходу ворваться в Крым провалилась. Манштейн решил собрать силы 11-й армии в кулак и 24 сентября прорвать оборону русских на перешейке.

[1] Манштейн Э. Утерянные победы. С. 232.

Чтобы набрать достаточно сил для вторжения в Крым, Манштейну пришлось до минимума оголить свои войска на материке, перебросив на полуостров дивизию «Лейбштандарт» и 49-й горнострелковый корпус. 30-й корпус генерала фон Зальмута, в состав которого входили 72-я и 22-я пехотные дивизии, должен был держаться своими силами на позициях в Ногайской степи, поддерживаемые только румынской 3-й армией. Причем 22-я пехотная дивизия заняла северный берег Сиваша до Арабатской стрелки.

16 сентября немцы заняли Геническ и, по донесению командира расположенной там морской полевой батареи № 127, двинулись при поддержке танков по Арабатской стрелке. Однако в тот же день к стрелке подошли канонерские лодки Азовской военной флотилии «Дон», «Рион» (бывшие грязеотвозные шаланды, каждая имевшая на вооружении 2 — 130/55-мм и 2 — 45-мм пушки) и № 4 (вооружение: 2 — 76-мм пушки 34К и 2 — 45-мм пушки) и открыли огонь по германским войскам[1].

17 сентября подразделения 275-й стрелковой дивизии окончательно очистили от немцев Арабатскую стрелку. В последующие дни у стрелки дежурили несколько кораблей Азовской военной флотилии, которые периодически поддерживали огнем наши войска.

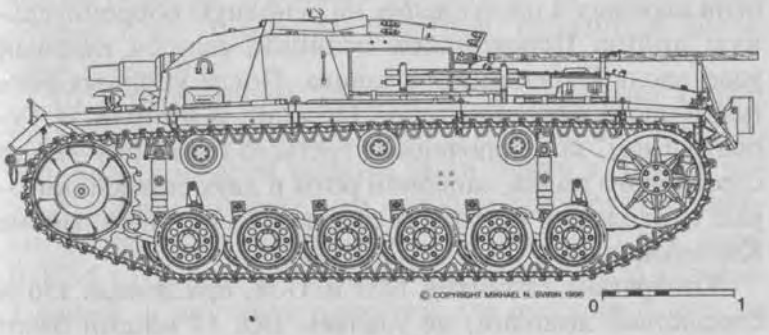
Но Манштейна мало интересовали Арабатская стрелка и Сиваш, бросать своих солдат в гнилое море он не собирался. По плану Манштейна 54-му корпусу генерала Хансена предстояло первым делом прорвать оборону противника на Перекопском перешейке фронтальной атакой. Для достижения этой непростой цели Хансен получил в свое распоряжение всю армейскую артиллерию и части ПВО. В дополнение к двум его пе-

[1] Формирование Азовской военной флотилии началось 22 июля 1941 г. Организационно она подчинялась командованию Черноморского флота, но вела боевые действия на Азовском море, практически независимо от него.

хотным дивизиям — 73-й и 46-й — в оперативное командование Хансена поступила расположенная чуть глубже к тылу 50-я пехотная дивизия. Столь значительными ударными силами вполне можно было пробить фронт шириной всего 7 км.

24 сентября в 5 часов утра германская артиллерия и минометы открыли ураганный огонь по советским позициям на Перекопе. Одновременно самолеты люфтваффе наносили удары как по переднему краю обороны, так и на десятки километров вглубь. В 7 часов утра 46-я и 73-я пехотные дивизии перешли в наступление по всему фронту обороны 156-й стрелковой дивизии.

Все советские источники говорят о десятках или даже сотнях германских танков 11-й армии. В свою очередь, Манштейн утверждает, что у него вообще не было танков, за исключением 190-го легкого дивизиона штурмовых орудий. В его составе было 18 StuG III Ausf C/D, то есть 7,5-см самоходных установок на шасси танка T-III. И лишь 3 ноября 1941 г. в состав немецкой группировки в Крыму вошел 197-й дивизион штурмовых орудий в составе 22-х StuG III Ausf C/D. Наши ге-

Немецкое штурмовое орудие StuG III Ausf D. Единственный образец германской бронетехники, участвовавшей в штурмах Перекопа и Севастополя.

нералы любили преувеличивать силы противника, но и немцы столь же любили преуменьшать свои силы. Так что истина лежит где-то посередине.

А Манштейн действительно в какой-то момент мог остаться без танков, а позже получить их. Мало того, он говорил только о вермахте и не учитывал танки, находившиеся у СС («Лейбштандарт») и у румын.

Но вернемся к наступлению немцев на Перекоп. Наступление на правом фланге вдоль Сиваша быстро захлебнулось. Там заранее были размещены фугасы — морские мины типа КБ, управляемые по проводам. Взрыв фугасов нанес большой урон противнику. Много немцев погибло от огня морских батарей № 124 и № 725.

В ночь на 25 сентября передовые части 156-й стрелковой дивизии были отведены на основной рубеж обороны: дамба, в 4 км юго-восточнее деревни Перво-Константиновка — отдельный дом, расположенный в 1,2 км юго-восточнее отметки 22. С рассветом немецкая авиация усиленно бомбардировала передний край нашей обороны, Турецкий вал и глубину обороны до села Ишунь. В 10 часов утра противник силой до четырех пехотных полков при поддержке более 50 танков и под прикрытием сильного артиллерийского и минометного огня перешел в наступление на основную оборонительную линию Перекопских позиций, нанося главный удар вдоль Перекопского залива. После упорных боев наши части оставили город Перекоп и отошли за Турецкий вал, за исключением третьего батальона 417-го стрелкового полка, саперной роты и двух батарей, которые продолжали вести бой севернее Перекопа в районе Кантемировки.

Контратака 14 танков Т-37 и Т-38, приданных 156-й стрелковой дивизии, не удалась. Все 14 машин были уничтожены.

По приказу Манштейна к Перекопу подошла 50-я пехотная дивизия, прибывшая из района Одессы.

Бестолковое командование Ф.И. Кузнецова и К° должен был признать и советский историк Басов. Правда, сделал это он весьма деликатно: «Сложилась редкая в военной практике обстановка. Обороняющиеся в Крыму войска имели 8 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии. Противник активно действовал только против одной из них (156-й на Перекопе), где он создал превосходящие силы по пехоте — более чем в 3 раза, по артиллерии — в 5—6 раз и абсолютное господство в воздухе. Две другие советские дивизии (106-я и 276-я) были скованы 22-й немецкой пехотной дивизией, которая демонстрировала готовность наступать по Чонгарскому перешейку и через Сиваш. Еще пять стрелковых и три кавалерийские дивизии были в глубине Крыма в готовности к отражению возможной высадки морских и воздушных десантов. И хотя эти дивизии были недостаточно вооружены и обучены, они могли успешно обороняться на заранее оборудованных рубежах»[1].

Стоит заметить, что в эти отчаянные дни, когда решалась судьба Крыма, наших адмиралов по-прежнему лихорадил «итальянский синдром». Так, 17 сентября нарком ВМФ сообщил Военном совету Черноморского флота «для сведения, что в Софии 15—16 сентября ожидалось решение турецкого правительства о пропуске в Черное море 10 военных кораблей, купленных Болгарией у Италии»[2].

То есть Болгария должна была фиктивно купить итальянские линкоры, крейсера и эсминцы, и те под болгарским флагом должны были выйти в Черное море. Недаром говорят, что история повторяется дважды: первый раз как трагедия, а второй раз как фарс. В 1914 г. «Гебен» и «Бреслау» были фиктивно куплены Турцией, и это стало трагедией для русского флота, но

[1] Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. М., Наука, 1987. С. 53.
[2] Хроника... Вып. 1. С. 130.

в 1941 г. дуче не хотел и физически не мог продать свои корабли Болгарии. Любопытно, кто был автором нового фарса — сам нарком или его кто надоумил?

До весны 1942 г. в Черном море не было ни одного немецкого или итальянского военного корабля или даже торпедного катера, а румынские четыре эсминца и подводная лодка «Дельфинул» ни разу не выходили на советские коммуникации. Так что конвоирование транспортов, которым занималась большая часть Черноморского флота от торпедных и сторожевых катеров до крейсеров включительно, была, как говорится, в пользу бедных. Зато адмирал Октябрьский постоянно докладывал в Москву и командованию фронта о том, что корабли заняты конвоированием транспортов, в связи с чем некогда и нечем помогать сухопутным войскам.

Что же касается воздушного противника, то зенитное вооружение кораблей конвоев было довольно слабым, и чем гонять их, проще было поставить в дополнение к 45-мм пушке по четыре-шесть 37-мм автоматов 7-К и дюжину 12,7-мм пулеметов на каждый ценный транспорт. При необходимости можно было за пару часов переставить 37-мм и 12,7-мм установки с пришедшего в порт транспорта на другой, уходящий в море.

Десантобоязнь дошла до маразма. Так, 8 июля командование 157-й стрелковой дивизии, которая обороняла берега Кавказа от вражеского десанта, приказало артиллеристам обстрелять транспорт «Громов», совершавший обычный рейс по маршруту Туапсе — Новороссийск[1].

В 7 часов утра 26 сентября две немецкие пехотные дивизии, поддержанные 100 танками (о танках упоминают только советские источники), начали наступление на позиции 156-й стрелковой дивизии. К 11 часам утра

[1] Ванеев Г.И. Севастополь 1941—1942. Киев: Украина, 1995. Кн. 1. С. 22.

немцы заняли Турецкий вал и вышли к Армянску. Тем временем генерал Батов, командовавший советскими войсками на перешейке, подтянул свежие силы: 383-й полк из 172-й стрелковой дивизии, 442-й полк из 106-й стрелковой дивизии и 865-й полк из 271-й стрелковой дивизии. Эти три полка контратаковали противника. В течение дня 26 сентября город Армянск 4 раза переходил из рук в руки. Немцы тоже сняли с побережья Сиваша какие-то части 22-й пехотной дивизии и ввели их в дело.

К вечеру Армянск остался за немцами. Но в ночь на 27 сентября в Армянск ворвалась 42-я кавалерийская дивизия. В ходе ночного боя из 2 тысяч кавалеристов было убито 500. Рано утром конницу поддержал 442-й стрелковый полк и 5-й танковый полк 172-й дивизии под командованием майора С.П. Баранова. Неприятель был выбит из Армянска. 28 сентября 5-й танковый полк, преследуя врага, перешел Турецкий вал.

Успех контрудара советских войск на Перекопе в значительной степени был обусловлен изменением ситуации в Северной Таврии, где 26 сентября войска 9-й и 18-й армий Южного фронта перешли в наступление севернее Мелитополя.

Как уже говорилось, Манштейн бросил на Перекоп лучшие части своей армии. 30-й немецкий корпус еще кое-как держался, а вот бойцы 4-й горной дивизии (немцы иногда именовали ее горной бригадой) румын бросились бежать. В германском фронте образовалась 15-километровая ничем не прикрытая брешь. Несколько позже побежала и 6-я горная дивизия румын.

Манштейн срочно приказал повернуть назад германский 49-й горный корпус и «Лейбштандарт», двигавшиеся к Перекопу. Кроме того, из района Днепропетровска по 18-й и 9-й армиям был нанесен сильный удар 1-й танковой группой фон Клейста.

7—8 октября немецкие танки вышли к побережью Азовского моря в районе Мариуполя. В окружении ока-

залась большая часть войск 9-й и 18-й советских армий. Командующий 18-й армией генерал-лейтенант Смирнов был убит 6 октября, немцы нашли его труп. По германским данным, в результате окружения 9-й и 18-й армий их трофеями стали 212 танков и 672 артиллерийских орудия, было взято 65 тысяч пленных. Советские данные об этой операции до сих пор засекречены.

Одним из результатов операции стал запрет командования вермахта на использование в Крыму единственной моторизованной части Манштейна — «Лейбштандарт Адольф Гитлер». «Лейбштандарт» был включен в состав 1-й танковой группы, которая двинулась на Ростов.

А теперь вернемся к событиям в Крыму. 26 сентября Военный совет Черноморского флота доложил наркому ВМФ, что «командование 51-й армии и местные власти проявляют нервозность, непрерывно требуя помощи... Если противник прорвется через Перекоп или Чонгар, то наши наличные силы с их вооружением не смогут задерживать его дальнейшее продвижение, а все отойдут на Севастополь и Керчь. Военный совет считал целесообразным положить, если потребуется, 50 000 человек, но с Перекопа и Чонгара не отходить»[1].

Утром 26 сентября части 51-й армии попытались перехватить инициативу у немцев. Рано утром 49-я кавалерийская дивизия выбила немцев из Армянска. К утру части 172-й стрелковой дивизии заменили остатки 156-й стрелковой дивизии и заняли линию обороны от Чулга (в документе, видимо, речь идет о станции Чонгар) до Перекопского залива.

271-я стрелковая дивизия к 17 ч 30 мин вышла на рубеж: южная окраина деревни Щемиловка и 2 км севернее Армянска. Дивизия потеряла до 15% личного состава, причем потери командного состава достигли 50%. 42-я кавалерийская дивизия к 16 часам вышла

[1] Хроника... Вып. 1. С. 147.

к валу в 2 км северо-западнее Армянска, но в 17 ч 30 мин под давлением немецкой пехоты, поддержанной сильным минометным и артиллерийским огнем и бомбовыми ударами авиации, отошла к северо-западной окраине Армянска. Дивизия потеряла до 20% личного состава.

Военный совет Черноморского флота приказал командиру Керченской ВМБ немедленно погрузить на железнодорожные платформы 54-й зенитный дивизион и направить его на Перекоп в распоряжение генерал-лейтенанта Батова.

В ночь на 26 сентября морская авиация в составе 7 бомбардировщиков ДБ-2 и 24 гидросамолетов МБР-2 бомбила германские позиции на Перекопе и аэродромы Берислав, Шевченко и Чаплинка.

Днем 12 Пе-2 в сопровождении 22 ЛаГГ-3 снова наносили удар по войскам противника на Перекопском перешейке. В районе Турецкого вала было выведено из строя 4 орудия, 3 автомашины, подавлена батарея и уничтожены 3 орудия полевой артиллерии и до двух взводов пехоты.

Фрайдорфская группа истребительной авиации бомбила и штурмовала войска противника на Перекопском перешейке и прикрывала наши войска, сделав 53 самолето-вылета. Были уничтожены 10 автомашин, батарея полевой артиллерии, 2 роты пехоты и сбит один Ю-87 противника. Наши потери: 4 самолета не вернулись с задания.

62-й авиаполк перебазировали с аэродрома Ейск на аэродром Кача.

С 13 ч 30 мин до 15 ч 00 мин авиация противника бомбила наши аэродромы Сарабуз, Кача и Евпатория. На аэродроме Сарабуз было убито 3 и ранено 12 человек, незначительно повреждены 2 ангара, выведены из строя 3 авиамотора и водомасляный заправщик, повреждены один У-2 и трактор. На аэродроме Кача поврежден один МиГ-3.

Писать о боях за Перекоп очень трудно. Немецкие источники, а также закрытые советские армейские источники и «Хроника...» дают три различные версии одних и тех же событий.

Вот, например, советская армейская версия. «С утра 28 сентября войска оперативной группы снова атаковали противника в районе Щемиловки и севернее Армянска. 5-й танковый полк своими боевыми порядками перевалил за Перекопский вал, перехватил дорогу Чаплинка — Армянск, имея задачей преследовать противника в направлении совхоза «Червоний чабан». Он вел там бой с тридцатью танками противника, препятствуя переходу вражеских резервов через Перекопский вал. Наши стрелковые части и подразделения захватили часть Перекопского вала к западу от старой крепости, но вынуждены были покинуть его. В ходе боев были зафиксированы свежие части немцев: пленные оказались из 65-го и 47-го полков 22-й пехотной дивизии, а также из 170-й дивизии 30-го армейского корпуса. В контратаках участвовали подошедшие средние танки противника. Войска оперативной группы (кавалеристы, части Торопцева) отходили опять к Армянску. Несколько часов шел бой в районе кирпичного завода и кладбища. Эти пункты переходили из рук в руки. В кавалерийской дивизии остались исправными всего два орудия»[1].

Вариант морской: 28 сентября «в 17 ч 30 мин немецкая авиация произвела массовый налет на наступающие части 172-й стрелковой дивизии и причинила им большой урон. В 18 ч 00 мин противник контратаковал наши части свежими силами (до шести батальонов с танками) в направлении Деде и вынудил их отходить. Командующий Оперативной группой приказал отвести 271-ю и 172-ю стрелковые и 42-ю кавалерийскую дивизии в район Пятиозерья и перейти там к обороне»[2].

[1] Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым, сентябрь 1941 — июль 1942 г. Военная летопись. ПКВ, 2002. С. 10—11.

[2] Хроника... Вып. 1. С. 151.

В воспоминаниях П.И. Батова постоянно фигурируют крупные танковые соединения. То он говорит о 100 танках у Армянска на 6 октября, то «вечером 19 октября 170-я пехотная дивизия немцев, с которой действовало более шестидесяти танков поддержки пехоты, вырвалась к устью Чатырлыка»[1].

Увы, Павел Иванович, везде указывавший номера германских пехотных дивизий, нигде не указал названия танковых частей. Понятно, что такая же картина наблюдается и в других источниках: у Г.И. Ванеева, А.В. Басова, в «Хронике...» и т. д. То есть немецкие танки ходят по Крыму сами по себе, без всякой организации, сбиваясь в стада по 50, 100 и более единиц.

Манштейн же утверждает, что танков у него не было. И действительно, к тому времени «Лейбштандарт Адольф Гитлер» был переброшен на Ростов, а для действий в Крыму Манштейн мог привлечь лишь два корпуса: 30-й в составе 22, 72-й и 170-й пехотных дивизий и 54-й в составе 46, 73-й и 50-й пехотных дивизий (треть 50-й пехотной дивизии еще была под Одессой).

У Манштейна в Крыму был лишь один дивизион штурмовых орудий. В составе 190-го дивизиона имелось двадцать четыре 76-мм самоходные установки StugIII, созданные на базе танка T-III. В каждом взводе, состоявшем из двух орудий, имелся один бронированный транспортер боеприпасов Sd.Kfz.253 и одна машина передовых артиллерийских наблюдателей Sd.Kfz.252.

В сентябре в расположение войск 51-й армии прибыл дивизион гвардейских минометов. Первое применение «катюш» в Крыму состоялось 30 сентября между озерами Красное и Старое. Как писал П.И. Батов: «И вот «катюши» сработали. Мощный залп. Огненные

[1] Батов П.И. В походах и боях. С. 117.

струи. Взрывы. Немцы побежали. Наши — тоже. Редкое зрелище «атаки», когда обе стороны бегут друг от друга!

Пересекретничали. Надо было как-то оповестить людей переднего края, чтобы не пугались, если произойдет нечто неожиданное»[1].

30 сентября советские войска покинули Литовский полуостров, а 130-мм батарея № 124 была взорвана.

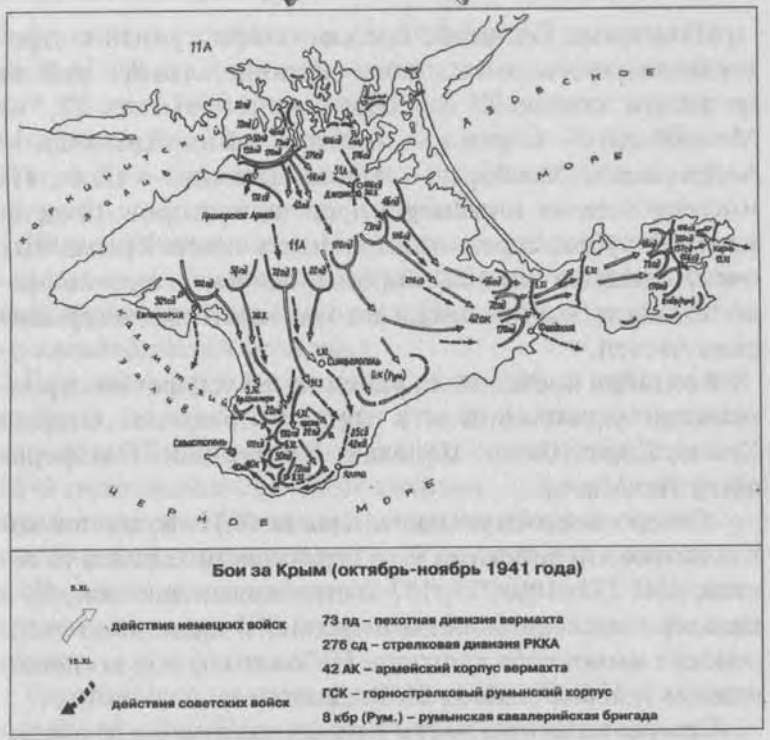
В ночь на 1 октября 61 гидросамолет МБР-2 бомбил войска противника на Перекопском перешейке, и два гидросамолета ГСТ (советская копия летающей лодки «Каталина») — аэродром в Чаплинке.

Днем 12 Пе-2 в сопровождении 14 ЛаГГ-3 снова бомбили войска противника на Перекопском перешейке. По советским данным, уничтожено свыше батальона пехоты, 33 автомашины, 4 танка, полевая батарея трехорудийного состава, зенитное орудие и 3 бензоцистерны.

С начала октября до 16 октября германское командование производило перегруппировку своих войск, и на Крымском полуострове установилось временное затишье.

Манштейну удалось выбить себе подкрепление в виде 42-го корпуса в составе 132-й и 24-й пехотных дивизий, а также две румынские бригады: горную и кавалерийскую. С 21 сентября Манштейн перенес штаб 11-й армии в здание правления колхоза «Аскания-Нова», которое находилось в 30 км к северо-востоку от Перекопа. Правление располагалось в центре огромного парка с ручьями и прудами, в которых гнездились цапли и фламинго. В парке паслись олени, лани, антилопы, зебры, зубры и т. д. Замечу, что этот райский уголок, созданный еще до революции, выбрал для размещения штаба и Фрунзе осенью 1920 г., готовясь к штурму Перекопа.

[1] Батов П.И. В походах и боях. С. 98.

Бои за Крым. Октябрь-ноябрь 1941 г.

К началу октября состав советских войск изменился мало. Ишуньские позиции обороняла оперативная группа генерала Батова: справа 106-я и 271-я дивизии; в центре 156-я дивизия генерала П.В. Черняева, усиленная одним батальоном капитана С.Т. Руденко из 172-й дивизии и одним полком 321-й дивизии; на левом фланге — 172-я стрелковая дивизия.

3 октября маршал Б.М. Шапошников от имени наркома обороны приказал ускорить оборудование второго рубежа обороны по линии: Новый Букеж — Томашевка — Воинка и далее по реке Чатырлык. Туда же, в район Воинки, была направлена первая прибывшая из Одессы 157-я стрелковая дивизия полковника Д.И. Томилова.

Начальник Генштаба предлагал приступить к строительству третьего тылового оборонительного рубежа по линии: совхоз Тузлы-Шейх-Али — высота 27,7 — Менгермен — Саргил — Тайган — Ени-Крымчак — Андреевка — Камбары — Ашога-Джамин — Саки. По мнению многих инженеров-фортификаторов, предложенный рубеж через степную часть всего Крыма был очень невыгодным для обороны, особенно против превосходящих наши войска по маневренности германских частей.

9 октября последовало указание об ускорении строительства укреплений и в горных проходах: Старый Крым, Карасубазар, Шумхай, Бахчисарай, Симферополь, Ак-Манай.

Северо-восточную часть Крыма Ф.И. Кузнецов хотел оборонять войсками 9-го стрелкового корпуса (в составе 156, 271, 106, 277, 157-й стрелковых дивизий, 48-й кавалерийской дивизии и отдельного дивизиона гвардейских минометов капитана Небоженко) под командованием генерал-майора И.Ф. Дашичева.

Северо-западную часть Крыма должна была оборонять Приморская армия генерала И.Е. Петрова, в которую были включены 172, 25, 95-я стрелковые дивизии; 2, 40, 42-я кавалерийские дивизии; 51-й и 265-й артиллерийские полки и отдельный дивизион гвардейских минометов под командованием капитана Черняка.

В непосредственном подчинении командующего войсками Крыма оставались 320, 184 и 421-я (бывшая Одесская) стрелковые дивизии, 15-я бригада ПВО, 136-й запасный полк, 52-й гаубичный артиллерийский полк и другие мелкие части. ВВС армии состояли из шести полков — 182, 247, 253-й истребительные, 21, 507-й бомбардировочные и 103-й штурмовой. Командовал ВВС армии генерал-майор Е.М. Белецкий.

18 октября в 5 часов утра германская артиллерия начала артиллерийскую подготовку на Перекопском перешейке. В дело были введены 21-см мортиры 18-,

15-см тяжелые гаубицы и реактивные 15-см минометы Nb.W.41. Через полчаса в наступление пошла германская пехота. Ширина перешейка позволяла ввести в бой только три дивизии 54-го корпуса — 73-ю, 46-ю и 22-ю, а 30-й корпус ждал, пока в ходе наступления будет занято достаточное пространство.

На вспомогательном Чонгарском направлении удар с целью сковывания советских войск наносил румынский горнострелковый корпус (1-я горнострелковая и 8-я кавалерийская бригады).

Первый удар немцы нанесли по 106-й стрелковой дивизии, но она отбила все атаки. Затем последовал удар вдоль Каркинитского залива, где оборону держал 361-й пехотный полк 156-й дивизии. За ним на второй позиции по реке Чатырлык занимала оборону на широком 20-километровом фронте 172-я дивизия полковника Ласкина численностью 7 тыс. человек. Все три стрелковых полка 172-й дивизии были вытянуты в одну линию.

Группировка из пяти дивизий (106, 271, 157-я стрелковые, 48-я и 42-я кавалерийские), расположенная между Ишунем и Чонгаром, могла угрожать прорвавшемуся противнику на любом из двух направлений. В оперативной сводке за первый день боя Военный совет 51-й армии доносил, что враг вклинился в передний край обороны, понес большие потери.

К исходу 18 октября немцы заняли бромовый завод, деревню Асс и село «Участок № 8».

Флотская авиация делала все, что могла. В ночь на 18 октября 43 гидросамолета МБР-2 бомбили войска противника на Перекопском перешейке, шесть МБР-2 — аэродромы противника в селах Ново-Павловка, Чаплинка и Преображенка и три ГСТ — аэродром в селе Кульбакино, где предположительно был взорван минный склад и возникло восемь пожаров.

В первую половину дня 23 самолета Пе-2 в сопровождении 10 МиГ-3 снова бомбили немецкие войска на

Перекопском перешейке. По советским данным, уничтожено 10 танков, до пяти взводов пехоты и одна автомашина. Германским истребителем был подбит флотский бомбардировщик Пе-2, который сел горящим в расположение своих войск. Экипаж машины остался невредим.

В тот же день, 18 октября, в районе Балаклавы истребитель МиГ-3 таранил До-215, видимо, разведчик. Оба самолета рухнули в море, но наш летчик успел выброситься с парашютом и был спасен.

Во вторую половину дня шесть ДБ-3 и двенадцать Пе-2 в сопровождении пятнадцати МиГ-3, четырех ЛаГГ-3 и девяти Як-1 опять бомбили войска противника на Перекопском перешейке. По советским данным, в районе села Кара-Казак № 3 было «уничтожено предположительно до двадцати танков и 30—40 автомашин. Наши истребители прикрытия в воздушном бою сбили два Ме-109. Прямыми попаданиями бомб уничтожены две батареи, 35-тонный танк[1], два миномета и до трех взводов пехоты противника»[2].

Фрайдорфская группа истребительной авиации сделала 124 самолето-вылета по войскам противника на Перекопском направлении и по аэродрому села Чаплинка. В воздушном бою было сбито 6 немецких самолетов, из них три Ме-109. Наши потери — три ЛаГГ-3.

С 10 ч 55 мин до 12 ч 10 мин авиация противника совершила интенсивный налет на район села Ишунь и группами от 2 до 15 самолетов бомбила станцию Джанкой. Пятнадцать Хе-111 бомбили район села Джаба.

Утром 19 октября на всём фронте Ишуньских позиций завязались ожесточенные встречные бои. Совет-

[1] Так авторы «Хроники...» именовали легкий чешский танк обр. 1935 г., который в вермахте получил обозначение 35(t). Цифра означала год принятия на вооружение, а буква — название страны. Весил танк всего 10,5 т. Ладно моряки, но и наши маршалы и генералы в своих послевоенных мемуарах героически сражались против «35-тонных» германских танков.

[2] Хроника... Вып. 1. С. 186.

ские 157-я и 156-я стрелковые дивизии перешли в наступление с целью восстановить утраченные позиции, а немцы пытались развивать успех, достигнутый ими 18 октября. К исходу дня немцы ввели в бой 46-ю пехотную дивизию, а со стороны нашей 51-й армии была введена 48-я кавалерийская дивизия.

В результате боев 19 октября войска 51-й армии занимали положение:

106-я стрелковая дивизия закрепилась на рубеже: северо-западная и западная часть мыса с населенным пунктом Уржин Северный.

271-я стрелковая дивизия — на перешейке между заливом Сиваш и озерами Киятское, Круглое и Красное и выдвинула один батальон к селу «Участок № 9» для обеспечения правого фланга 157-й стрелковой дивизии.

157-я стрелковая дивизия к исходу дня удержалась на рубеже: южное побережье озера Красное — южная окраина села «Участок № 9» — северная окраина села Ишунь.

48-я кавалерийская дивизия заняла рубеж, проходивший от северной окраины села Ишунь по южной окраине села «Участок № 8» до Каркинитского залива.

156-я стрелковая дивизия, понеся большие потери, к исходу дня отступила разбросанными частями и собиралась в районе населенных пунктов Ишунь, Чигир и Ново-Павловк.

172-я стрелковая и 42-я кавалерийская дивизии оставались на южном берегу реки Чатырлык.

20 октября немцы ввели в бой 50-ю пехотную дивизию, доведя число дивизий на Ишуньских позициях до четырех. Наши источники трафаретно повторяют рассказ о ста германских танках. Видимо, танков у немцев не было, тем не менее, преодолевая упорное сопротивление наших 48-й кавалерийской и 157-й стрелковой дивизий, противник к 15 часам подошел ко второй оборонительной линии, а к вечеру занял село Ишунь и вклинился во вторую линию Ишуньских позиций. Пе-

редовые немецкие части форсировали устье реки Чатырлык. К концу дня 156-я стрелковая дивизия была практически уничтожена.

В первую половину дня 20 октября девять МиГ-3 и девять ЛаГГ-3 звеньями бомбили позиции противника на Перекопском перешейке. Уничтожено 2 танка, 9 автомашин, 8 повозок и до двух взводов пехоты.

Во вторую половину дня восемь Пе-2 в сопровождении двадцати истребителей 51-й армии бомбили войска противника в районе села Ишунь. Уничтожены 4 танка, 7 автомашин, до 12 повозок и до двух взводов пехоты.

Фрайдорфская группа истребительной авиации, действуя по войскам противника на Перекопском перешейке, произвела 104 самолето-вылета, в которых было уничтожено и выведено из строя до 18 автомашин и до 750 человек пехоты. В воздушных боях сбито пять Ме-109. Наши потери составили один МиГ-3 и один И-5.

21—23 октября на перешейке продолжались упорные бои.

23 октября в 16 ч 30 мин в командование войсками Крыма вступил вице-адмирал Г.И. Левченко, назначенный на эту должность решением Ставки Верховного Главнокомандования от 23 октября 1941 г. Тем же решением Ставки заместителем командующего войсками Крыма по сухопутным частям был назначен генерал-лейтенант П.И. Батов. Заместителем командующего Черноморским флотом по вопросам обороны главной базы был назначен контр-адмирал Г.В. Жуков.

24 октября войска Крыма были разделены на две группы: первая — 9-й стрелковый корпус в составе 276, 106, 271 и 156-й стрелковых дивизий и 48-й кавалерийской дивизии; вторая — Приморская армия в составе 157, 172, 95, 25-й стрелковых и 2, 40 и 42-й кавалерийских дивизий.

В соответствии с приказом по войскам Крыма № 0019 от 23 октября и с вводом в бой 95-й стрелковой дивизии и одного полка 25-й стрелковой дивизии Приморская армия в 9 часов утра 24 октября перешла в наступление по всему фронту, нанося главный удар в районе деревни Воронцовки. В задачу 9-го стрелкового корпуса входили оборона своих рубежей и содействие контратаками продвижению Приморской армии.

Одновременно с наступлением наших частей противник также перешел в наступление. По всему фронту разгорелись ожесточенные встречные бои, протекавшие с неослабевавшим напряжением в течение всего дня. Особенно ожесточенные бои происходили в районах отметки 18,2 и населенных пунктов Чигир, Берды-Булат-Немецкий и Воронцовка. Части 9-го стрелкового корпуса удерживали свои позиции.

К исходу дня правый фланг Приморской армии отошел к северной окраине деревни Берды-Булат-Немецкий и к южной окраине деревни Воронцовки.

Левый фланг Приморской армии, продвинувшись вперед, вышел на рубеж: мост в один км юго-западнее Воронцовки, 1 км южнее населенных пунктов Биюк-Кичкари, Бой-Казак-Татарский и на запад до Каркинитского залива.

25 октября наши части продолжали наступление. Немцы упорно оборонялись. В итоге к концу дня 172-я стрелковая дивизия осталась на прежних позициях, а части 95-й стрелковой дивизии правым флангом вышли к деревне Берды-Булат-Немецкий и до исхода дня вели бой за овладение Воронцовкой. 2-я и 40-я кавалерийские дивизии и два полка 25-й стрелковой дивизии вели бой на прежних рубежах.

О событиях этого дня Манштейн писал: «25 октября казалось, что наступательный порыв войск совершенно иссяк. Командир одной из лучших дивизий уже дважды докладывал, что силы его полков на исходе. Это был час, который, пожалуй, всегда был в подобных сражениях, час, когда решается судьба всей операции. Час, который должен показать, что победит: решимость на-

ступающего отдать все свои силы ради достижения цели или воля обороняющегося к сопротивлению»[1].

К вечеру 25 октября Манштейн произвел перегруппировку войск 11-й армии: вместо обескровленных 73-й и 46-й дивизий бросил в наступление 72, 170-ю и свежую 132-ю пехотные дивизии, из резервов был сформирован сводный отряд 54-го армейского корпуса. Манштейн хотел перебросить на свой правый фланг и 22-ю пехотную дивизию, но она была скована боями на Сиваше и освободилась лишь 28 октября.

Утром 26 октября немцы вновь перешли в наступление. 172-я стрелковая дивизия сразу начала беспорядочно отступать к югу. 95-я стрелковая дивизия держалась до 15 часов, а затем медленно начала отступление. 25-я стрелковая дивизия отбила атаки немцев и осталась на прежних позициях.

27 октября немцы продолжали наступление. Наши части к 18 часам остались на рубеже: южная окраина села Берды-Булат-Немецкое, село Мангит, деревня Дюрмен, деревня Каланчак, 1 км южнее села Биюк-Кичкары и на запад до Каркинитского залива. Все части Приморской армии понесли большие потери в личном составе. В полках насчитывалось от 200 до 500 человек. Управление войсками было нарушено. Появились блуждающие, разрозненные группы войск, не имевшие связи с командованием и потерявшие ориентировку.

Нависла непосредственная угроза прорыва фронта на левом фланге. По приказанию командования войсками Крыма части 9-го стрелкового корпуса, за исключением 276-й стрелковой дивизии, также начали отходить на новый рубеж обороны, проходивший по линии населенных пунктов Чучак Северный, Чучак Южный, Каранки, Керлеут Южные, Масниково, Воинка и Ново-Николаевка.

[1] Манштейн Э. Утерянные победы. С. 242.

276-я стрелковая дивизия продолжала оставаться на прежних позициях, южнее города Геническа, южнее станции Сальков и по южному берегу залива Сиваша до хутора Пасурман.

28 октября советские войска начали повсеместно отступать. Уже утром Манштейну доложили, что на некоторых участках «противник исчез». Как писал А.В. Басов: «В это время командный пункт оперативной группы П.И. Батова находился в Воронцовке. Связь опергруппы со штабом армии в Симферополе часто нарушалась. С подходом Приморской армии оперативная группа Батова перестала существовать. 172-я стрелковая дивизия перешла в подчинение генерала Петрова, а остальные дивизии — в подчинение командира 9-го корпуса генерала Дашичева. Какой-либо передачи командования от Батова Петрову не было. К тому же связь с дивизиями была нарушена...

Бывший командир 106-й дивизии генерал А.Н. Первушин восклицает в своих мемуарах: «Если бы в этот критический момент нам хотя бы одну свежую дивизию, хотя бы один танковый полк!.. Тогда бы наступление немцев сорвалось»[1]. У командующего войсками Крыма были, хотя и недостаточно боеспособные, 184, 320, 321, 421-я стрелковые дивизии. На правом фланге располагалась 276-я дивизия генерала И.С. Савина, по существу, не атакованная и не связанная боями»[2].

Во второй половине дня 29 октября немцы обошли левый фланг Приморской армии, и к исходу дня их моторизованные колонны вышли в район село Айбары — село Фрайдорф, в 17 км юго-восточнее высоты 52,7 (правого фланга) и в 40 км южнее высоты 11,5 (левого фланга Приморской армии).

[1] Первушин А.Н. Дороги, которые мы не выбирали. М., 1974. С. 85.

[2] Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 65—66.

7-я бригада морской пехоты, находившаяся в резерве командования войсками Крыма и занимавшая позиции на третьем оборонительном рубеже в районе населенных пунктов Старый Кудияр, Айбары, Аджи, Атман, Тотман и совхоз Тогайлы, неожиданно для себя очутившаяся в районе движения немецких моторизованных частей, не смогла задержать их.

Вечером командование войсками Крыма приняло решение об отводе войск на третий, частично подготовленный рубеж, проходивший по Крымскому предгорью, через населенные пункты Окречь, Таблды, Челле и Саки.

В тот же день заместитель командующего Черноморским флотом по сухопутной обороне главной базы и начальник Севастопольского гарнизона контр-адмирал Жуков приказом № 02 ввел в Севастополе и его окрестностях осадное положение.

Вечером 30 октября Манштейн приказал 30-му армейскому корпусу в составе 72-й и 22-й дивизий как можно скорее захватить Симферополь и затем прорваться к Алуште, чтобы лишить советские войска возможности занять оборону по северным отрогам гор. 54-й корпус (50, 132-я пехотные дивизии, моторизованная бригада Циглера) направлялся по западной части полуострова через район Евпатория — Саки, чтобы затем с ходу захватить Севастополь. 42-му армейскому корпусу в составе 46, 73-й и 170-й пехотных дивизий было приказано стремительно продвинуться на Керченский полуостров с тем, чтобы упредить советские войска и не дать им возможности создать оборону на Ак-Манайских позициях и в конечном счете захватить порты Феодосия и Керчь. Горнострелковый румынский корпус в составе двух бригад двигался во втором эшелоне.

30 октября организованное сопротивление советских войск на севере Крыма прекратилось и началось повальное бегство. Кому мои слова покажутся слишком резкими, я отправлю к «Хронике...»: «По отдельным отрывочным сведениям, поступавшим в течение дня, было

известно, что в 11 ч 40 мин 45 автомашин с немецкой пехотой подошли к станции Карагут (10 км севернее Саки). Около 13 часов в районе деревни Икар (12 км севернее Евпатории) противник выбросил воздушный десант, и 40 человек этого десанта двигались к железнодорожной станции Евпатория.

В 13 ч 10 мин по дороге вдоль западного побережья Крыма, между деревнями Ивановка (16 км южнее Саки) и Николаевка, было обнаружено движение четырех танкеток, а в 13 ч 30 мин по дороге из Евпатории в Симферополь прошли 12 танков противника. В 15 ч 10 мин немцы заняли город Саки. В 16 часов из деревни Бурлюк по дороге на восток показались бронемашины противника. В 16 ч 15 мин из штаба ПВО донесли, что противник перерезал шоссе между Симферополем и Евпаторией на 37-м км»[1].

31 октября немцы установили две артиллерийские батареи: в 2 км севернее железнодорожной станции Альма и в 1,5 км восточнее ее. Германские пушки начали обстрел железной дороги и шоссе, прервав сообщение между Симферополем и Севастополем. В частности, эти батареи в ночь на 1 ноября расстреляли наши бронепоезда № 1 и № 2[2], прорывавшиеся в Севастополь.

В связи с этим командование Приморской армии приказало своим частям пробиваться через горы. Узнав об этом, Манштейн приказал 132-й пехотной дивизии и моторизованной бригаде Циглера наступать на Севастополь, а 50-й пехотной дивизии повернуть на юго-восток и во взаимодействии с 30-м корпусом в горах севернее Ялты уничтожить Приморскую армию.

1 ноября передовые части 72-й пехотной дивизии вошли в Симферополь, а 124-й полк этой дивизии начал движение по шоссе к Алуште. Вскоре стала пробиваться в горы и далее к морю 22-я пехотная дивизия.

---

[1] Хроника... Вып. 1. С. 203.

[2] Бронепоезд № 1 принадлежал РККА, а бронепоезд № 2 («Орджоникидзе») — флоту.

К исходу 3 ноября с занятием селений Шуры, Улу-Сала, Мангуш немцам удалось перехватить пути отхода советских войск. Штаб нашей армии в это время находился в Балаклаве. Генерал И.Е. Петров по радио приказал командиру 25-й дивизии генерал-майору Т.К. Коломийцу возглавить отход соединений армии, продолжать движение к Севастополю кратчайшей дорогой через Керменчик, Ай-Тодор, Шули, разгромив части противника, если они преградят путь.

4 ноября в 2 часа ночи под проливным дождем части 95-й стрелковой дивизии и передовой 287-й стрелковый полк 25-й дивизии атаковали немцев в селении Улу-Сала. В упорном бою был полностью разгромлен моторизованный отряд и 72-й противотанковый артиллерийский дивизион, захвачено 18 орудий противника, 28 пулеметов, до 30 автомашин, 19 мотоциклов.

4 ноября 421-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник С.Ф. Монахов, была выбита из Алушты 124-м пехотным полком 72-й пехотной дивизии.

4 ноября командующий войсками Крыма приказом № 1640 в связи с новой оперативной обстановкой в Крыму создал два оборонительных района — Керченский (КОР) и Севастопольский (СОР).

В состав Севастопольского оборонительного района были включены все части и подразделения Приморской армии, береговая оборона главной базы, все морские и сухопутные части и части ВВС Черноморского флота.

Командование сухопутными войсками и руководство обороной Севастополя было возложено на командующего Приморской армией генерал-майора Петрова, непосредственно подчиненного командующему войсками Крыма.

Заместителю командующего Черноморским флотом по сухопутной обороне Главной базы контр-адмиралу Жукову было приказано вступить в командование Главной базой.

В состав Керченского оборонительного района были включены все части и подразделения 51-й армии и сухопутные части Керченской военно-морской базы. Командование частями, действовавшими на Керченском полуострове, было возложено на генерал-лейтенанта Батова.

4 октября в 15 ч 08 мин в Ялтинский порт вошел сторожевой корабль «Петраш», имея на буксире минный заградитель «Гидрограф» (бывшее гидрографическое судно водоизмещением 1380 т). Вообще-то они, согласно «Хронике...» (стр. 213), шли в Туапсе, но зачем-то зашли в Ялту. Через 10 минут туда же пришел и транспорт «Черноморец». В тот же день «Петраш» вывел на буксире «Гидрограф», но вскоре суда были атакованы германской авиацией. «Гидрограф» получил пробоину и через некоторое время затонул в 19 милях на восток от Ялты.

К вечеру 6 ноября в Ялту вошли 1330-й полк 421-й стрелковой дивизии, 7-я бригада морской пехоты и батальон 172-й стрелковой дивизии. Генерал Петров приказал командиру Ялтинского боевого участка комбригу Киселеву немедленно отправить на автомашинах в Севастополь один батальон 7-й бригады морской пехоты, а остальной ее личный состав подготовить для переброски туда же морем. Людей иметь на причале в готовности к погрузке к 20 часам. В Ялту были направлены эсминцы «Бойкий» и «Безупречный».

25-я стрелковая дивизия (без 31-го и 54-го полков), 95-я и 172-я стрелковые дивизии частью сил сдерживали противника в районе села Коккозы, обеспечивая вывоз материальной части армии в Алупку, и частью сил продолжали движение на Южный берег Крыма. 40-я и 42-я кавалерийские дивизии находились на марше, чтобы занять в соответствии с приказанием Петрова оборону на рубеже деревня Саватка — высота 302,8 — гора Самналых и перекрыть все дороги, идущие в район Байдар.

54-й стрелковый полк 25-й дивизии оборонял высоту 1472,6 в 8 км северо-восточнее Ялты, не допуская прорыва противника к городу.

7 ноября в 3 часа ночи в Ялте была закончена погрузка войск 7-й бригады морской пехоты на эсминцы «Бойкий» и «Безупречный». Корабли приняли на борт около 1800 человек и в 3 ч 40 мин вышли из Ялты. На рассвете они прибыли в Севастополь.

421-я стрелковая дивизия, сформированная из погранвойск НКВД, трое суток удерживала Алушту и отступила лишь 4 ноября. К этому времени 48-я кавалерийская дивизия была вынуждена отойти из района Карасубазара на побережье в районе Куру-Узень — Алушта. Ее командир решил выбить немцев из Алушты и приморской дорогой прорваться в Севастополь. Однако предпринятая 5 ноября внезапная атака на Алушту не удалась.

Говоря о захвате немцами Крыма, нельзя не отметить бездеятельность огромного Черноморского флота. Сравнительно слабые немецкие части с ходу занимают Евпаторию, а затем движутся вдоль побережья Каламитского залива к Севастополю — вот уж лакомый кусочек для нашего флота! Колонны немцев могли быть стерты с лица земли огнем линкора, шести крейсеров, десятков эсминцев и канонерских лодок! Но, увы, увы...

Как уже говорилось, несколько советских дивизий отошли к Южному берегу Крыма. С моря весь Южный берег как на ладони, все дороги расположены на расстоянии 1—5 км от береговой черты и прекрасно видны с моря. Немцы же практически не имели артиллерии, способной вести огонь по морским целям на дистанции свыше 4 км. Численное превосходство в истребителях было на нашей стороне, а немцы имели всего лишь одну авиагруппу торпедоносцев Хе-111.

Посмотрим на карту Крыма и в Таблицы стрельбы корабельных орудий. Вот дальность стрельбы фугасным снарядом обр. 1928 г.: 305-мм пушек линкора «Парижская Коммуна» — 44 км; 180-мм пушек крейсеров проекта 26 — 38,6 км; 130-мм пушек старых крейсеров и эсминцев — 25,7 км. Таким образом, линкор «Парижская Коммуна» (с 31 мая 1943 г. «Севастополь») мог обстреливать Симферополь как со стороны Каламитского залива, так и со стороны Алушты. Любая точка Крыма южнее Симферополя была в зоне досягаемости советской корабельной артиллерии. Наконец, боевые и транспортные суда и катера Черноморского флота позволяли осуществлять за несколько часов переброску наших частей как из Севастополя на Южный берег Крыма, так и в обратном направлении.

Десятки торпедных и сторожевых катеров, буксиров, рыболовных сейнеров и т. д. могли без особых проблем брать людей прямо с необорудованного побережья Южного берега Крыма. Да и температура воды позволяла даже вплавь добраться до судов. Вспомним эвакуацию британской армии в Дюнкерке, когда англичане бросили к необорудованному побережью все, что могло плавать, — от эсминцев до частных яхт. Пусть погибло несколько эсминцев, но армия была спасена. А у нас с 1 октября по 11 ноября 1941 г. не только не был потоплен, но даже не был поврежден ни один корабль.

Неужели нашим титулованным военным историкам не понятно, что уставшим солдатам куда труднее через горы пробиваться к Севастополю и побережью Южного берега Крыма, нежели быть принятыми на борт кораблей и катеров и через несколько часов прибыть в Севастополь. Почему же их бросили?

Сразу после прорыва немцев на Перекопе адмирал Октябрьский принимает важное решение. В 17 часов 28 октября он садится на эсминец «Бойкий», и через 10 минут эсминец под адмиральским флагом выходит в открытое море. Как не вспомнить адмирала Макарова, который поднял свой флаг на самом легком и быстроходном крейсере «Новик» (не намного больше «Бойкого») и отправился на перехват японских крейсеров.

А куда же направился наш адмирал? В Поти! Для обхода портов Кавказского побережья с целью их подготовки к приему кораблей на базирование.

Вернулся адмирал в Севастополь лишь 2 ноября. Риторический вопрос: а не могли ли это сделать несколько штабных офицеров? Сели бы на гидросамолеты ГСТ или на сторожевые катера МО-4 и провели спокойно подготовку. Я уж не говорю о том, что это можно было сделать на несколько недель раньше.

И вот прямо из рубки «Бойкого» у берегов Кавказа Октябрьский шлет телеграмму начальнику штаба флота: «...вывести из Севастополя: линкор «Парижская Коммуна», крейсер «Ворошилов», учебный корабль «Волга» и дивизион подводных лодок — в Поти; крейсер «Молотов» — в Туапсе; лидер «Ташкент» и один-два эскадренных миноносца типа «Бодрый», эсминец «Свободный» и два сторожевых корабля с группой работников штаба Черноморского флота отправить на Кавказ.

В Севастополе приказано оставить охрану водного района главной базы, два эскадренных миноносца типа «Незаможник», два-три эскадренных миноносца типа «Бодрый», два старых крейсера и дивизион подводных лодок 1-й бригады; в Балаклаве оставить дивизион подводных лодок 2-й бригады»[1].

И уже в 23 ч 32 мин 31 октября линкор «Парижская Коммуна» в охранении крейсера «Молотов», лидера «Ташкент» и эсминца «Сообразительный» вышли из Севастополя и направились в... Батуми.

Итак, старый линкор, не сделав ни одного выстрела для защиты Одессы и Крыма, отправился в самый дальний угол Черного моря. Зачем? Может, для защиты столь важного порта?

3 ноября из Севастополя в Туапсе ушли крейсер «Красный Крым», эсминцы «Бодрый» и «Безупречный».

[1] Хроника... Вып. 1. С. 205—206.

4 ноября начальник штаба Черноморского флота объявил по флоту, что побережье от Ялты до мыса Чауда занято противником. Ну, казалось бы, настало время для расстрела корабельной артиллерией немцев и румын, зажатых на 2—5-километровой полосе между морем и горами от Ялты до мыса Чауда? Вовсе нет. В объявлении об обстреле немцев ни слова. Далее следовало: «Ввиду этого всем судам запрещалось плавание между этими пунктами севернее широты 44° 00'. Крупным кораблям и транспортам при плавании между портами Кавказского побережья и Севастополем надлежало отходить от берега вплоть до параллели 43»[1].

Напомню, что до 12 ноября 1941 г., когда наши войска уже были выбиты с Южного берега Крыма, потерь от вражеской авиации наши корабли в Севастополе и у берегов Крыма не имели. В Севастополе к этому времени авиацией были потоплены 21 августа несамоходная баржа СП-81 (1021 брт) и 1 октября моторная шхуна «Декабрист» (100 брт). Так что нахождение кораблей в главной базе флота было вполне возможно.

Другой вопрос, что адмирала Октябрьского напугали события 27 октября в Керчи. Местное начальство собрало у мола Широкого 50 вагонов с боеприпасами для 51-й армии, с 1430 выстрелами корабельных 130-мм пушек, а также с имуществом ВВС (2000 бомб ФАБ-100, 3200 бомб ФАБ-50 и 2000 реактивных снарядов). Рядом еще поставили баржу с боеприпасами.

С 14 ч 22 мин до 15 ч 05 мин 13 германских самолетов бомбили Керчь. Одна из бомб попала в баржу с боеприпасами. От ее взрыва сдетонировали эти 50 злополучных вагонов. Широкий мол и рядом стоявшие корабли были уничтожены. Помимо боеприпасов погибло 3000 т зерна, большое количество угля и разных товаров. Погибло 30 гражданских лиц и ранено 65. Без вести пропали 13 краснофлотцев. Затонули тральщик ТЩ-507 «Делегат»

[1] Хроника... Вып. 1. С. 213.

(2010 т, две 45-мм пушки, три 12,7-мм пулемета), буксир «Володарский», болиндер «Енисей» (450 т), баржи «Туапсе», Б-37 и Б-52.

Надо ли говорить, что керченская трагедия стала результатом не столько действий люфтваффе, сколько следствием преступной халатности керченских властей.

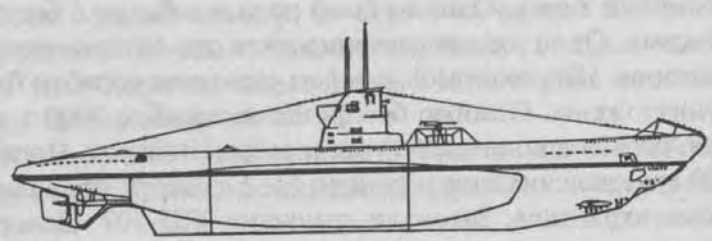
Глава 7

БЫЛ ЛИ ГЕРМАНСКИЙ ФЛОТ НА ЧЕРНОМ МОРЕ?

Переброска германских ВМС на Черное море не предусматривалась планом «Барбаросса». Но уже в первые месяцы войны германские генералы осознали, что захватить Крым и Кавказ без кригсмарине им не удастся.

Пройти через Босфор итальянские линкоры и германские подводные лодки могли только в воспаленных головах советских адмиралов. Поэтому для переброски подводных лодок и надводных судов немцам пришлось искать иные пути.

Проект переброски малых подводных лодок серии IIB немцы закончили в декабре 1941 г. В основу проекта был положен опыт германо-американской нефтяной компании DAPG (Deutsch-Amerikanischen Petroleum

Германская подводная лодка IIB серии.

Gesellschaft), которая водно-шоссейным путем перевезла в Румынию несколько небольших танкеров для снабжения нефтепродуктами германских войск.

Переброска лодок начиналась в Киле. Оттуда на специальных понтонах с малой осадкой подводные лодки предполагалось буксировать по каналу «Кайзера Вильгельма» до Гамбурга, далее по Эльбе до Дрездена. Там лодки с понтонов перегружались на сухопутные трейлеры. Затем трейлеры двигались 450 км по шоссе до Ингольштадта на Дунае. Потом лодки перегружали в такие же понтоны с малой осадкой и буксировали по Дунаю до города Линца (первая группа подводных лодок) или до города Галаца (вторая группа лодок). В этих городах лодки отсоединялись от понтонов и на буксире, а то и своим ходом доставлялись в порт Сулина. Оттуда, уже по Черному морю, лодки шли к месту базирования — в Констанцу.

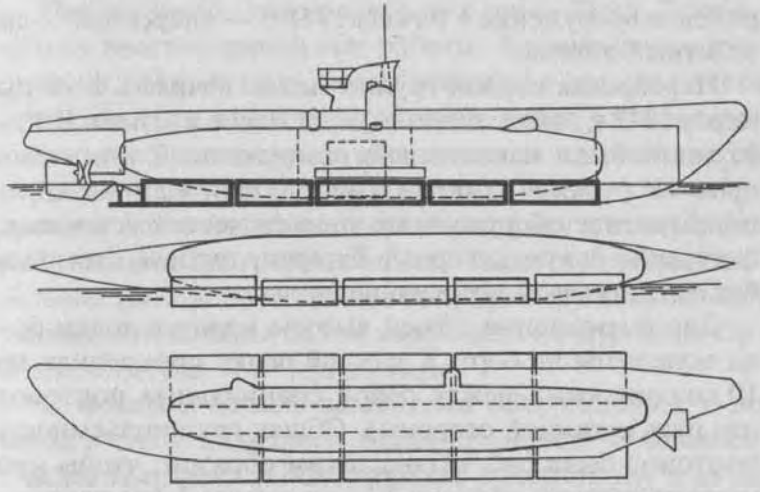

Схема расположения на понтонах германских подводных лодок U-9, U-19 и U-24 при транспортировке до Галаца (вверху) и подводных лодок U-18, U-20 и U-23 при буксировке на трассах Киль— Юбигау и Ингольштадт—Галац

Для проведения этой операции была создана специальная группа численностью 600 человек. В нее входили инженеры, водители, связисты, представители дорожной полиции и других подразделений. Транспортные и вспомогательные средства — это тяжелые тягачи, специальные многоосные 60-тонные платформы, грузовые автомашины-топливозаправщики, машины связи, походные мастерские и многое другое.

Для переброски предназначались шесть подводных лодок типа IIB. Их разделили на две группы. В первую группу входили лодки U-9 (командир Клапдор), U-19 (Оленбург) и U-24 (Ландт-Хайсн); во вторую — U-18 (Фляйге), U-20 (Графен) и U-23 (Арсендт).

Водоизмещение подводных лодок типа IIB составляло 279/329 т, максимальная скорость хода 13/7 узлов. Дальность плавания 1800 миль (12 уз.) / 43 мили (4 уз.)[1]. Глубина погружения 80 м. Экипаж 25 человек. Торпедное вооружение: два носовых и один кормовой 53-см торпедный аппарат, боекомплект 6 торпед. Артиллерийское вооружение с начала 1942 г. — спаренный 2-см зенитный автомат.

Переброска первой группы лодок началась в конце марта 1942 г., после схода льда на Эльбе и Дунае. В Киле лодки были максимально разгружены. С них сняли прочные рубки и их ограждения, дизели и другое крупногабаритное оборудование энергетических установок, выгрузили аккумуляторные батареи, торпеды, твердый балласт, откачали все жидкие грузы.

Для уменьшения общей высоты корпуса лодки были положены на борт. К каждой лодке прикрепили по 10 соединенных между собой специальных понтонов (по пять с каждой стороны). Общая грузоподъемность понтонов была рассчитана таким образом, чтобы при ширине каждого понтона 3,1 м и высоте 1,4 м предельная осадка после погрузки лодки не превышала 1,23 м.

[1] В числителе — в надводном положении, в знаменателе — в подводном положении.

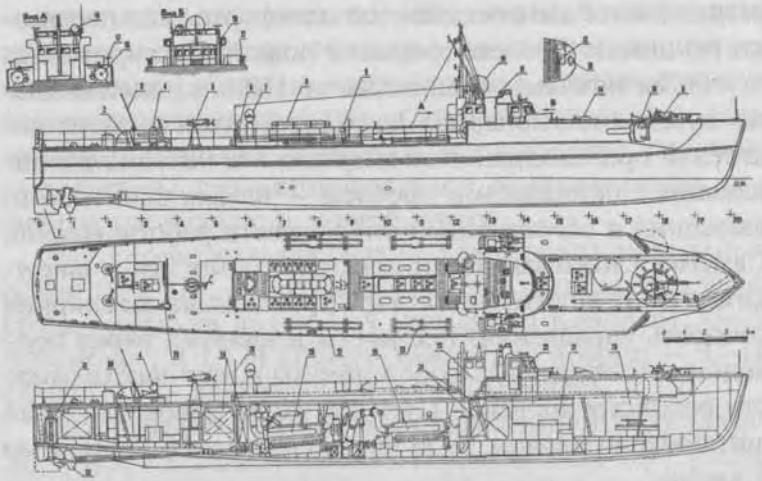
В Дрездене каждую лежащую на понтонах лодку перегружали на две специальные платформы для перевозки по шоссе. Две платформы с лодкой буксировались четырьмя тягачами мощностью по 150 л. с., сцепленными цугом либо попарно. Заправка тягачей и смена водителей производились на ходу для исключения возникающих с остановками проблем — начала совместного движения и обеспечения синхронности работы машин. Самыми сложными были проходы по мостам и виадукам, тут от водителей тягачей требовалась ювелирная точность управления. Все мосты и виадуки перед проходом автопоезда были обследованы и при необходимости реконструированы. Путь 450 км от Эльбы до Дуная автопоезд проходил за 56 часов со средней скоростью 8 км/час.

В Ингольштадте лодки вновь перегружали на мелкосидящие понтоны, которые буксировались вниз по Дунаю.

Первая группа лодок прибыла в город Линц. Там начались восстановительные работы. Каждую лодку ставили на ровный киль, затем вводили в док, где через монтажный люк позади ограждения рубки устанавливали на место ранее снятое оборудование энергетической установки. Грузили аккумуляторы, твердый балласт, крепили на штатное место прочную рубку и ее ограждение, навешивали гребные винты. Такие же восстановительные работы проводились со второй группой лодок в Галаце. Затем лодки своим ходом шли по Дунаю до Сулины, а оттуда — в Черное море.

С момента начала демонтажа оборудования и до ввода в строй подводной лодки проходило 10 месяцев. Последняя лодка (U-20) пришла в Констанцу в июле 1943 г.

В декабре 1941 г. командование кригсмарине решило отправить на Черное море 1-ю флотилию торпедных катеров под командованием корветтен-капитана Хеймута

Германский торпедный катер S-26.

Бирнбахера. Флотилия состояла из 6 катеров (S-26, S-27, S-28, S-40, S-102, построенных в 1940—1941 гг.) и S-72, вступившего в строй 3 февраля 1942 г.

С катеров сняли вооружение и дизели и на буксире отвели вверх по Эльбе до Дрездена. Там катера перегрузили на большегрузные четырехосные платформы. Каждая платформа буксировалась тремя мощными тягачами. Получившийся поезд весил 210 т и мог передвигаться со скоростью не более 5—8 км/час. 450-километровый путь до Ингольштадта поезд должен был пройти за 5 дней.

В Ингольштадте катера спускались на воду и буксировались по Дунаю до Линца. Там на местной верфи с помощью специалистов фирмы «Люрссен» устанавливалась часть оборудования. А на верфи в Галаце на катера монтировались моторы. Затем катера уже своим ходом шли в Констанцу, где на них устанавливалось вооружение и приборы.

Переброска катеров прошла без происшествий, и к 1 июня 1942 г. в Констанце уже находилось два полностью боеспособных катера — S-26 и S-28.

На Черном море немцы использовали исключительно торпедные катера типа S-26. Катера эти начали строиться в 1938 г. фирмой «Люрссен». Стандартное водоизмещение катеров 93 т, полное 112—117 т; длина 35 м, ширина 5,28 м, осадка 1,67 м. Три дизеля фирмы «Даймлер Бенц» общей мощностью от 6000 до 7500 л.с. позволяли развивать скорость 39—40 уз. Дальность плавания 700 миль при 35-узловом ходе. Вооружение: торпедное — два трубчатых 53-см торпедных аппарата; артиллерийское — два 2-см зенитных автомата с боекомплектом 6000 выстрелов, а с катера S-100 начали устанавливать по одной 4-см пушке Бофорс (4 cm Flak.28) с боекомплектом 2000 выстрелов и по одному 2-см автомату (3000 выстрелов). Экипаж катера от 24 до 31 человека.

Катера имели высокий полубак, что обеспечивало им хорошую мореходность. Конструкция корпуса была смешанная — металл и дерево. Начиная с катера S-100, рубка и рулевой пост получили броню толщиной 10—12 мм. РЛС германские катера, действовавшие на Черном море, не имели.

В конце 1942 г. — начале 1943 г. на Черное море также были переброшены германские торпедные катера S-42, S-45, S-46, S-47, S-49, S-51 и S-52, которые были закончены постройкой в марте — августе 1941 г.

Весной 1942 г. немцы приобрели у румын судно «Романия», которое было введено в строй 6 декабря 1942 г. в качестве плавбазы германских торпедных катеров.

Для борьбы с минной опасностью на Черном море и Нижнем Дунае немцы в 1942—1944 гг. по Дунаю туда доставили 20 катерных тральщиков типа R (R-30, 35, 36, 37, 163, 164, 165, 166, 196, 197, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 216, 248 и 251).

Водоизмещение катерных тральщиков составляло 110—125 т. Два дизеля общей мощностью 1836 л.с. позволяли развивать максимальную скорость хода 20—21 узлов. Запас топлива 10 т обеспечивал дальность плавания 1000—1100 миль при 15-узловом ходе. Катера-тральщики R-248 и R-251 представляли некоторое исключение. Они имели водоизмещение 140 т и один мощный дизель (2550 л. с.). Артиллерийское вооружение катеров-тральщиков состояло из одного 3,7-см автомата и от двух до шести 2-см зенитных автоматов. Экипаж 34—38 человек.

Катера-тральщики типа R помимо прямого назначения использовались в качестве сторожевых и противолодочных судов.

По заказу германского командования в Болгарии на верфи в Варне было заложено 29 катеров-тральщиков типа KFK. Их водоизмещение 103 т; длина 23 м, ширина 6 м, осадка 1,2 м. Дизель мощностью 120 л.с. позволял развивать скорость до 12 уз. Вооружение состояло из одного 3,7-см автомата и четырех 2-см зенитных автоматов. Однако до занятия Варны Красной Армией в строй удалось ввести только 5 катеров-тральщиков (KFK-1 и KFK-5). Остальные находились в различной степени готовности. Позже все эти катера в качестве катеров-тральщиков были включены в состав Черноморского флота.

Первыми же германскими судами, появившимися на Черном море еще в начале осени 1941 г., были паромы типа «Зибель», названные в честь полковника люфтваффе Зибеля, спроектировавшего эти плавсредства. В документах их именовали SF (Siebel-Fahren).

Десантные корабли типа «Зибель» начали строиться с 1940 г. Это были паромы, состоявшие из двух стальных барж, соединенных деревянной платформой. Каждая баржа имела восемь отдельных секций (отсеков), что обеспечивало их перевозку по железной дороге и

повышало живучесть. В центре парома размещались боевая рубка и помещения для офицеров, защищенные 10-мм броней.

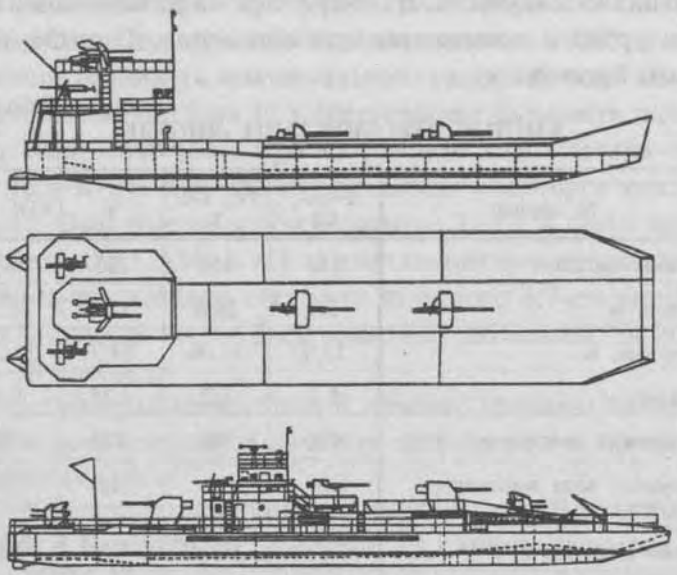
Таблица 2

ДАННЫЕ ПАРОМОВ ТИПА «ЗИБЕЛЬ»

№ серии	I—III, VI	IV, VII, X	V	VIII, IX
Водоизмещение, т	130	150	230	90
Длина, м	25	26,6	32,3	27,3
Ширина, м	13,9	14,06	14,7	14,15
Осадка, м	1,2	1,2	1,75	1,2
Мощность двигателей, л. с.	420	500	420	280
Скорость хода максимальная, уз.	6,6,	—	11,0	7,4
Запас топлива, т	3,0,	—	3,3	4,6
Дальность плавания, миль / скорость, уз.	116/6,6	—	334/10	285/10
Полезная нагрузка	60 т	65 т или 300 чел.	36 т или 30 мин	65 т или 300 чел.

Вооружение паромов типа «Зибель» постоянно менялось. Обычно в транспортном (десантном) варианте на них стояло от 2 до 6 зенитных автоматов калибра 1,5 см, 2 см и 3,7 см. Наиболее сильное вооружение было на пароме SF V серии: три 8,8-см универсальные пушки, восемь 2-см автоматов.

В советское время с легкой руки наших историков за грязеотвозными шаландами, обращенными в 1941 г. в канонерские лодки, закрепилось название «линкоры Ладоги». А вот германские быстроходные транспорты типа F (или, как их часто называли, MFP) стали на Черном море и линкорами, и охотниками за подводными лодками, и транспортами, и десантными кораблями, и сторожевыми кораблями, и минными заградителями

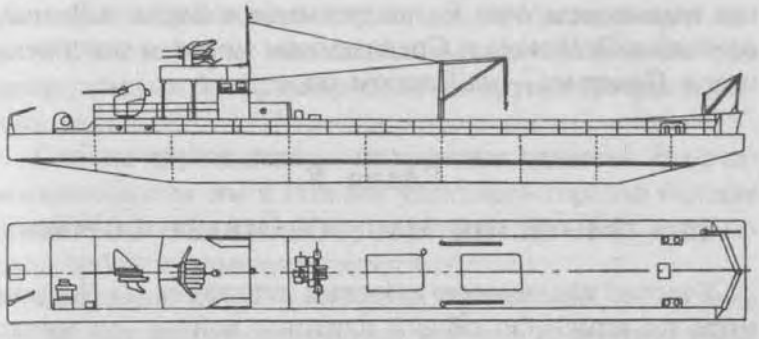

Германские вооруженные паромы.

и т. д. Это был крайне удачный тип судна. Свыше 140 судов F оказали большое влияние в битве за Черное море. В советских источниках быстроходные транспорты F называли большими десантными баржами.

Они представляли собой плоскодонные баржи с двойным дном и пятью водонепроницаемыми отсеками. В носовой части имелась опускаемая аппарель для погрузки и выгрузки самоходной техники, а в бортах — пять портов для десантников. Борта и рубка десантного корабля имели 20-мм бронирование. Мореходность транспортов типа F достигала 5 баллов. Кроме перевозки и высадки десанта эти плавсредства могли применяться для постановки мин. Транспорт мог принять 52 мины.

Транспорты типа F строились на многих верфях Германии и ее союзников. Они имели ряд модификаций.

Германские быстроходные транспорты типа F.

Транспорт основной модификации «А» имел водоизмещение 280 т, длину 47 м, ширину 6,53 м и осадку 1,45 м. Двигательная установка была в двух вариантах: два дизеля по 600 л. с. и один 130 л. с. или три дизеля по 130 л. с. Максимальная скорость составляла 10,5 уз. / 7,5 уз. Запас топлива 3060 т / 5015 т. Соответственно дальность хода 501 миля (10,5 уз.) / 1075 миль (7,5 уз.)[1].

Вооружение также было в нескольких вариантах: одна 7,5-см пушка с боекомплектом 200 выстрелов и один 2-см автомат (2080 выстрелов) или два 2-см автомата (4160 выстрелов).

Транспорт мог перевозить 105 т груза или 200 человек.

В годы войны этим транспортам приходилось перевозить даже трофейные танки КВ.

Особенно интересно то, что транспорты типа F, имея малую осадку, без проблем ходили по Дунаю (по крайней мере, до Линца), а сравнительно хорошая мореходность позволяла им ходить по всему Черному морю. Турки их свободно пропускали через проливы, хотя это были суда военной постройки и на всех морях они

[1] Для первого варианта / для второго варианта.

ходили под военно-морскими флагами. Поэтому многие транспорты типа F, построенные в Варне и Линце, воевали в Эгейском и Средиземном морях, а построенные в Палермо — на Черном море.

Глава 8

10-Я ФЛОТИЛИЯ МАС ОСВАИВАЕТ ФОРОС

Участие итальянцев в боевых действиях на Черном море не изменило общей картины войны, но имело столь «экзотический» характер, что я решил выделить это в отдельную главу.

Неудачи немцев в Крыму заставили их обратиться к итальянцам. 14 января 1942 г. итальянский адмирал Рикарди подписал с ними соглашение, в соответствии с которым «легкие итальянские силы» будут привлечены к содействию немецким ВМС на Ладоге и Черном море. И действительно, на Ладогу были переброшены итальянские катера MAS-526 и 529.

На Черное море было решено послать 6 торпедных катеров MAS, 5 торпедных катеров типа MTSM, 5 взрывающихся катеров MTM и 6 сверхмалых подводных лодок типа СВ. Командующим этими силами на Черном море был назначен капитан 1 ранга Милебелли.

Почему же дуче не отправил на Черное море крупные надводные корабли? Адмирал Марк-Антонио Брагадин утверждает, что из-за уважения к конвенции Монтрё[1]. Но это лишь полуправда. Конечно, проход итальянских линкоров через проливы мог вызвать большие проблемы с Турцией. Но турок можно было бы и надуть, послав в Черное море невооруженные быстроходные суда, ну, к примеру, продав их подставным турецким и болгарским фирмам. А те попросту перепродали бы их Румынии, там бы суда вооружили и т. д.

[1] Брагадин Марк-Антонио. Итальянский флот во Второй мировой войне. Екатеринбург, Зеркало, 1997. Часть 2. С. 73.

Но, как уже говорилось, супермарине в конце 1941 г. не справлялся со своими задачами на Средиземном море и физически не мог выделить хоть сколько-нибудь полноценных боевых кораблей на другие театры военных действий.

Совсем другое дело — штурмовые средства. В предвоенное время им в Италии уделялось гораздо больше внимания, чем в любой другой стране. Что же представляла собой итальянская экзотика?

В Италии, как и в СССР в 1930-х годах, увлеклись созданием малых скоростных катеров реданного типа. И, как и у нас, «сапоги начал тачать пирожник». Только в роли Туполева выступил генерал авиации Амедео д'Аоста. По его мнению, сразу же после начала военных действий следовало на летающих лодках доставить к базам противника маленькие быстроходные катера, несущие заряд взрывчатого вещества. Эти катера после спуска их на воду должны были проникать в порт и производить атаку кораблей противника. Атаку следовало прикрывать ударом авиации, отвлекающей внимание средств обороны.

По проекту герцога в 1936 г. на верфи «Baglietto» были построены два экспериментальных реданных глиссера MAT водоизмещением около 1 тонны, длиной 5 м, имевших скорость 32 узла. По результатам их испытаний проект был доработан и получил название MTM. В 1938—1941 гг. итальянцы построили 28 взрывающихся катеров этого типа.

Катер MTM имел водоизмещение 1 т, размер 5,6x1,9 м. Корпус катера представлял собой деревянный набор, обтянутый плотным брезентом. Катер снабжался бензиновым мотором мощностью 95 л.с., который позволял развивать скорость до 33 узлов. Топлива хватало на 5 часов полного хода. Комбинированный винт-руль составлял внешний блок, как у подвесного мотора. При преодолении заграждений, чтобы не задеть их, он легко

поднимался. В передней части катера находился заряд взрывчатого вещества весом 300 кг с ударным и гидростатическим взрывателями.

Катером управлял один человек. Осторожно преодолев препятствия и противоторпедные сети, он определял курс к объекту атаки и наводил на него катер. Затем давал полный ход, закреплял руль и тотчас выбрасывался в море. Чтобы не быть в воде в момент взрыва, он быстро взбирался на спасательный деревянный плотик, служивший на катере заспинной доской. Плотик этот водитель катера выбрасывал в море поворотом рычага, перед тем как покинуть катер.

Катер, продолжая свой путь, ударялся о цель, в результате чего взрывались пороховые заряды, расположенные кольцом вокруг корпуса катера, разрезая катер надвое. Кормовая часть отделялась от носовой и быстро тонула. В то же время носовая часть с основным зарядом, достигнув установленной глубины, равной осадке корабля, взрывалась под действием гидростатического давления. От взрыва в подводной части корабля образовывалась большая пробоина.

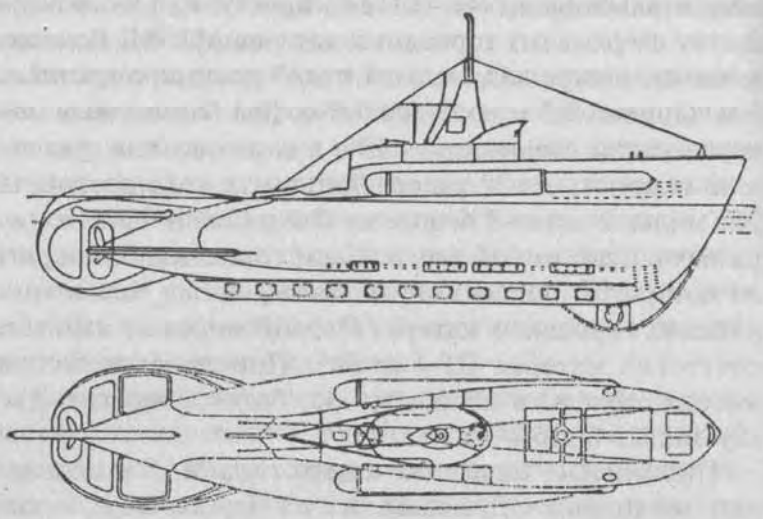
В ночь на 26 марта 1941 г. шесть катеров МТМ атаковали британские корабли в бухте Суда на острове Крит. Все шесть катеров успешно преодолели три ряда боновых заграждений и взорвали английский тяжелый крейсер «Йорк» и три торговых судна (водоизмещением 32 тыс. т). Любопытно, что английские адмиралы, как позже и советские, попытались скрыть от собственного населения причины гибели крейсера, заявив, что его-де потопила 22 мая 1941 г. германская авиация. На самом деле германские бомбардировщики лишь разворотили корпус «Йорка», лежавшего на грунте на небольшой глубине. Интересно и то, что все шесть водителей взрывающихся катеров сумели вовремя выброситься за борт и взобраться на плотики. Затем все они попали в плен к англичанам.

На базе взрывающихся катеров МТМ фирмы «Baglietto» итальянцы в 1941—1942 гг. приступили к строительству сверхмалых торпедных катеров MTSM. Водоизмещение катера возросло с 1 т до 3 т, а длина достигла 7 м, ширина 2,3 м и осадка 0,6 м. Два бензиновых мотора общей мощностью 190 л.с. позволяли развивать скорость до 32 узлов. Дальность хода достигала 200 миль. Экипаж 2 человека. В кормовой части катера находился желобковый 45-см торпедный аппарат, из которого торпеда выбрасывалась назад, как в английских торпедных катерах Первой мировой войны и советских катерах Ш-4 и Г-5. При необходимости вместо торпеды в желобе можно было разместить две глубинные бомбы.

Итальянские торпедные катера типа MAS и подводные лодки типа СВ, посланные на Черное море, некоторые морские историки также относят к штурмовым средствам. Но на самом деле они занимали какое-то промежуточное положение между штурмовыми средствами и нормальными (например, германскими) торпедными катерами и подводными лодками.

Торпедные катера MAS-555 и 576 были построены той же фирмой «Baglietto» в 1941 г. Их стандартное водоизмещение составляло 27,8 т. Корпуса катеров были деревянные. Габариты: длина 18,7 м, ширина 4,6 м, осадка 1,4 м. Двухвальный бензиновый мотор «Изотто-Фраскини» мощностью 2300 л.с. позволял развивать скорость до 43 узлов. Запас бензина 1,25 т. При 42-узловом ходе дальность составляла 350 миль. Но на катерах были размещены и два бензиновых мотора «Альфа-Ромео» экономического хода мощностью по 80 л.с. Благодаря им при 6-узловом ходе дальность возрастала до 1100 миль, что было особенно важно в условиях Черного моря.

Вооружение состояло из двух 450-мм торпед, размещенных на торпедных аппаратах бугельного типа, как на наших катерах Д-3 и СМ-3. На корме имелся

Итальянская сверхмалая подводная лодка типа СВ. 1941 г.

один 20/65-мм итальянский зенитный автомат. Вместо торпед катер MAS мог взять 10 глубинных бомб. Экипаж катера 13 человек.

Сверхмалые подводные лодки СВ-1 и 6 были построены в 1941 г. фирмой «Капрони Талиедо» в Милане. Их надводное водоизмещение составляло 36 т, а подводное 45 т. Длина 15 м, ширина 3 м, а осадка 2,05 м. Надводный ход 7,5 уз. обеспечивал дизель «Изотто-Фраскини» мощностью 80 л.с., а подводный ход 6,5 уз. — электромотор «Браун Бовери» мощностью 50 л.с. Дальность надводным 5-узловым ходом составляла 1200 миль, а подводным при 3-узловом ходе — 50 миль. Автономность 10 суток. Глубина погружения до 55 м. Экипаж 3—4 человека.

Понятно, что всему этому «мини-флоту» не нужен был проход через проливы. Наоборот, морем они из Италии до Крыма вряд ли бы вообще дошли.

Все шесть подводных лодок типа СВ были погружены на железнодорожные платформы и с 25 апреля по 2 мая 1942 г. переправлены из Специи в Румынию в порт Констанца. Там их спустили на воду и в течение месяца ввели в боевой состав. А уже из Констанцы они своим ходом перешли в Ялту.

5 июня 1942 г. в ялтинский порт прибыли подводные лодки СВ-1 (командир — капатан-лейтенант Лезен д'Астен), СВ-2 (лейтенант Руссо) и СВ-3 (лейтенант Соррентино). 11 июня в Ялту пришла вторая группа лодок: СВ-4 (капитан-лейтенант Суриано), СВ-5 (капитан-лейтенант Фаророли) и СВ-6 (лейтенант Галлиано). Вся эскадра итальянских сверхмалых подводных лодок была размещена во внутреннем ковше порта и тщательно замаскирована.

Шесть торпедных катеров типа MAS были перевезены из Италии по шоссе в Вену на специальных трейлерах. Из Вены их отбуксировали по Дунаю до Черного моря, а там катера своим ходом пошли к берегам Крыма.

А вот для транспортировки пяти торпедных катеров MTSM и пяти взрывающихся катеров MTM была организована специальная колонна Моккагатта 10-й флотилии. 6 мая 1942 г. адмирал-инспектор герцог Аймоне д'Аоста[1] лично проводил автоколонну Моккагатта. Катера MTSM разместили на специальных автоприцепах, буксируемых тягачами «666». Всего в колонне было 20 автомашин и тягачей, включая кран для подъема катеров. ПВО колонны осуществляли два 20-мм автомата, буксируемых автомобилем.

В штат колонны вошли: капитан 3 ранга Ленци, командир колонны и водитель штурмовых средств; капитан-лейтенанты Романо и Массарини и старшие лейтенанты Куджа и Пелити — водители штурмовых средств; 14 унтер-офицеров, из которых 8 водителей

[1] Родной брат Амедео — изобретателя взрывающихся катеров.

штурмовых средств (Паскело, Дзане, Грилло, Монтанари, Феррарини, Лаваратори, Барбьери и Берти) и 29 младших специалистов и рядовых — всего 48 человек.

Поначалу переброска колонн шла по железной дороге по маршруту Специя — Верона — Вена — Краков — Тернополь — Днепропетровск — Симферополь. 19 мая 1942 г. колонна выгрузилась из вагонов и своим ходом двинулась в Ялту, а оттуда — в Форос.

Итальянцы разместились на диком побережье, где через 50 лет будет построен дворец «Заря», известный по спектаклю, устроенному четой Горбачевых в августе 1991 г.

В помощь итальянцам немцы прислали роту саперов, и через несколько дней была оборудована оперативная база, а катера MTSM и MTM спущены на воду.

31 мая генерал-полковник Манштейн решил осмотреть итальянскую флотилию, дислоцированную в Ялте и Форосе. Начал он с Фороса. Манштейна сопровождал Мимбелли и адмирал, командовавший германскими силами на Черном море. Главнокомандующему понравилась прекрасная погода и красивейшие дворцы Южного берега Крыма. Проинспектировав базу в Ялте, Манштейн 4 июня[1] решил проехаться оттуда на катере MAS до Балаклавы и с моря осмотреть красоты Крыма. Но морская прогулка генерал-полковника была основательно испорчена капитаном М. Авдеевым и старшим лейтенантом С. Данилко — летчиками 6-го гвардейского истребительного авиаполка.

Предоставлю слово самому Манштейну: «На обратном пути у самой Ялты произошло несчастье. Вдруг вокруг нас засвистели, затрещали, защелкали пули и снаряды: на наш катер обрушились два истребителя. Так как они налетели на нас с солнечной стороны, а солнце было слепящим, мы не заметили их, а шум мощных моторов торпедного катера заглушил гул их моторов.

[1] По другим данным, 3 июня.

За несколько секунд из шестнадцати человек, находившихся на борту, семь было убито и ранено. Катер загорелся, это было крайне опасно, так как могли взорваться торпеды, расположенные по бортам. Командир катера, молодой лейтенант итальянского флота, держался прекрасно. Не теряя присутствия духа, он принимал меры к спасению катера и людей. Мой адъютант Пепо прыгнул в воду, доплыл, несмотря на мины, до берега, задержал там — совершенно голый — грузовик, помчался на нем до Ялты, вызвал оттуда хорватскую моторную лодку, которая и отбуксировала нас в порт. Это была печальная поездка. Был убит итальянский унтерофицер, ранено три матроса. Погиб также и начальник ялтинского порта, сопровождавший нас, капитан 1-го ранга фон Бредов»[1].

С начала июня «почти каждую ночь в море для патрулирования на подступах к вражеским портам выходили 2—3 катера, а целыми днями приходилось заниматься ремонтом материальной части, исправляя повреждения, полученные в плавании и в частых столкновениям с противником. Люди выполняли скромную и неприметную, но важную работу. Самоотверженность, которая составляла отличительную черту всех членов этого боевого коллектива, была достойна восхищения. Я ограничусь лишь наиболее примечательными эпизодами, которые лучше других характеризуют твердую волю и боевой дух наших водителей штурмовых средств.

6 июня 5 наших торпедных катеров вышли в море на поддержку немецких штурмовых катеров, действующих против русского конвоя...»[2]

Тут явно ошибка переводчиков. Никаких «штурмовых катеров» у немцев тогда в Крыму не было, видимо, имелись в виду германские самолеты. Советские же источники за 5—7 июля не содержат даже упоминаний об

[1] Манштейн Э. Утерянные победы. С. 282—283.

[2] Боргезе В. Десятая флотилия. М., Издательство иностранной литературы, 1957. С. 197.

итальянских катерах. Видимо, они выходили в море, но не были обнаружены советскими кораблями или самолетами.

Опять даю слово князю: «10 июня Массарини выпустил торпеду по русскому легкому крейсеру «Ташкент» в 3 милях к югу от Херсонесского мыса»[1]. А в «Хронике Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре» за 9—11 июня отмечены интенсивные атаки германской авиации, но ни слова не говорится ни об итальянских, ни о каких-либо других вражеских катерах. Что же касается лидера «Ташкент», то он 7 июня в 12 ч 00 мин прибыл в Батуми из Новороссийска, а убыл из Батуми лишь 18 июня в 9 ч 33 мин.

Вновь цитирую Боргезе: «11 июня Тодаро атаковал русский миноносец; 13 июня торпедный катер, управляемый Массарини и Грилло, дерзко атаковал с короткой дистанции большой теплоход водоизмещением 13 000 т, шедший под охраной миноносца и двух сторожевых катеров; выпущенная торпеда попала в цель, и поврежденный корабль выбросился на берег, где с ним покончили самолеты. Теплоход был гружен боеприпасами, предназначавшимися для Севастополя. Это была последняя попытка противника доставить осажденным то, в чем они так нуждались»[2].

Сравним с «Хроникой...» за 13 июня: «В 3 ч 40 мин транспорт «Белосток», в охранении базовых тральщиков «Трал» и «Взрыв» и трех сторожевых катеров, возвратился из Севастополя в Новороссийск.

На переходе в Севастополь эти корабли были неоднократно безрезультатно атакованы бомбардировщиками, торпедоносцами и торпедными катерами неприятеля. Между 19 ч 25 мин и 20 ч 50 мин 10 июня в 35 милях к зюйду от мыса Кикенеиз эти корабли были атакованы восемью Ю-88. Базовый тральщик «Трал» получил несколько осколочных пробоин. Между 23 ч 49 мин 10 июня и 0 ч 30 мин 11 июня на военном фарватере № 3 главной базы транспорт «Белосток» был атакован торпедными катерами противника, которые одновременно вели огонь по мостику базового тральщика «Взрыв».

[1] Боргезе В. Десятая флотилия. С. 197.
[2] Там же.

При стоянке в Севастополе на этот транспорт было сброшено безрезультатно более 200 бомб.

На переходе из Севастополя в Новороссийск при выходе из военного фарватера № 3 главной базы транспорт «Белосток» был снова безуспешно атакован вражескими торпедными катерами. В 10 ч 45 мин 12 июня в 90 милях к зюйду от мыса Меганом он был атакован шестью торпедоносцами, сбросившими на него безрезультатно 12 торпед. В 12 ч 08 мин в 95 милях по пеленгу 165 от маяка Меганом был обнаружен перископ подводной лодки противника. Базовый тральщик «Взрыв» и сторожевой катер № 0135 атаковали ее глубинными бомбами; на поверхности появились масляные пятна и воздушные пузыри»[1].

Добавлю: тральщик № 413 16 июня находился в районе мыса Фиолент для встречи и проводки по фарватеру № 3 подходящих к Севастополю кораблей и судов. В 11 ч 15 мин тральщик был атакован двумя группами самолетов Ю-87 (по 15 самолетов в каждой группе). В корабль попали 3 бомбы. Тральщик перевернулся и затонул.

Как видим, наши адмиралы, наставив мин у Севастополя, создали почти идеальные условия для действий германской авиации и итальянских катеров. Странно, почему они не получили соответствующих наград и пенсий от правительств ФРГ и Италии?

Но, несмотря на идеальные условия, итальянские катера 13 июня не попали ни в «Белосток», ни в другой советский корабль. Чью же лодку забросал глубинными

[1] Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С 1 января по 3 июля 1942 г. М., Воениздат, 1946. С. 283.

бомбами «Взрыв», выяснить не удалось. То ли это была итальянская СВ, то ли плод воображения командира тральщика.

По версии Боргезе: «18 июня катер под командованием Романо во время патрулирования у Балаклавы подвергся нападению двух русских сторожевых катеров, погнавшихся за ним. Чтобы уйти от противника, он был вынужден все дальше и дальше уходить от берега. Так продолжалось до тех пор, пока не показались турецкие берега. Только когда русские по непонятным причинам отказались от преследования, катер смог вернуться в базу. В ту же ночь были замечены две русские военно-морские шлюпки к югу от мыса Кикинеиз, с которыми экипажи двух катеров, т. е. Ленци — Монтанари и Тодаро — Пасколо завязали бой, обстреляв их из ручных пулеметов. Русские на шлюпках были вооружены пулеметами и автоматами. Бой на дистанции 200 м длился около 20 мин. Наши катера получили небольшие повреждения, а сержант Пасколо потерял при этом левую руку. В 5 ч 45 мин торпедные катера вернулись в базу»[1].

Об этих инцидентах в советских источниках упоминаний нет.

«29 июля 5 торпедных катеров снова вышли в море, чтобы во взаимодействии с 6 немецкими десантными судами произвести демонстрацию высадки десанта на берегу между мысом Фиолент и Балаклавой с целью отвлечь внимание русских от настоящего десанта, который должен был высадиться в другом месте...

Чтобы привлечь к себе внимание противника, наши моряки кричали и стреляли, стараясь наделать как можно больше шума, катера маневрировали, наконец, один взрывающийся катер, управляемый старшиной Барбьери, был направлен прямо на берег и своим ужасающим взрывом еще больше усилил желаемую суматоху»[2].

[1] Боргезе В. Десятая флотилия. С. 197—198. Фраза, взятая в кавычки, заимствована Боргезе из дневника командира колонны Ленци.

[2] Боргезе В. Десятая флотилия. С. 198.

На самом деле в 3 часа ночи 29 июня посты наблюдения береговой обороны засекли 12 моторных шхун с десантом и 5 итальянских торпедных катеров, шедших из Ялты мимо мыса Айя к Георгиевскому монастырю и Мраморной балке. Батарея № 18 (четыре 152-мм пушки Кане) открыла по ним огонь с дистанции 35—40 кабельтовых (6,4—7,3 км). В течение 15—20 минут 9 шхун было потоплено, а трем шхунам вместе с торпедными катерами удалось уйти.

Князь Боргезе, видимо, слышал звон, да не знал, откуда он. Действительно, в 2 ч 35 мин 19 июня немцы предприняли десант на шлюпках и катерах в Северной бухте Севастополя. Но зачем отвлекать советские батареи и корабли в 15 милях по прямой и примерно в 30—40 км по морю от места десанта? На самом же деле утром 19 июня немецкие сухопутные части обошли укрепления Балаклавы, прорвали оборону 9-й бригады морской пехоты и двинулись к мысу Фиолент. И немецкий морской десант на шхунах должен был нанести синхронный удар по защитникам мыса Фиолент (456-й пограничный полк), а не имитировать десант, как утверждает князь.

Далее Боргезе пишет: «1 июля во время штурма Балаклавы румынами, в результате которого город пал, 5 наших торпедных катеров вошли в порт, предотвратив отход противника морем. «В Балаклаве мы были встречены румынским полковником Димитреску и двумя ротами в полном вооружении. Нас угостили шампанским и луком»[1].

На самом деле наши войска сами отступили из района Балаклавы, и никаких кораблей или даже катеров в Балаклавской бухте не было.

30 июня в Форосе состоялась церемония награждения итальянских водителей катеров. Ленци, Романо,

[1] Боргезе В. Десятая флотилия. С. 200. В кавычках — цитата из дневника Ленци.

Куджа, Барбьери и Монтанари были награждены орденами (германскими Железными крестами 2-й степени) за проведенные боевые действия в море.

13 августа части колонны Моккагатта покинули Форос и направились в порт Феодосия для борьбы с советскими надводными кораблями и подводными лодками. И уже в ночь на 15 августа три итальянских катера вышли на патрулирование в Феодосийский залив.

Утром 1 сентября оставшаяся часть колонны отправилась из Фороса в Ялту, где отдыхала в ожидании нового назначения.

Днем 21 сентября лейтенанты Массарини и Куджа загорали на ялтинском пляже недалеко от порта. Бархатный сезон был не хуже, чем на Аппенинском полуострове. В 13 ч 02 мин страшный взрыв разворотил пляж. Оба итальянца были засыпаны землей, а загоравшие рядом пять немецких офицеров разорваны в клочья. В Ялте заревела «воздушная тревога», но в безоблачном небе не было ни одного самолета.

Оказывается командир подводной лодки С-31 старший лейтенант Н.П. Белокуров подошел к ялтинскому порту и из подводного положения с дистанции 10 кабельтовых (1830 м) пустил две торпеды по транспорту водоизмещением 1500 т, стоявшему у пирса. Но, увы, то ли перископ был кривой, то ли глаз, но торпеды пошли в другую сторону, и одна из них долбанула по пляжу с «курортниками»[1].

23 сентября колонна Моккагатта была отправлена в город Мариуполь на Азовское море, а далее предполагалось «итальянских путешественников» доставить на Каспийское море. Как писал Боргезе: «С 24 по 27 сентября (1942 г. — *А.Ш.*) колонна двигалась по следующему маршруту: Ялта — Симферополь — Мелитополь — Мариуполь. «Часто во время марша наши ма-

[1] Всего с 21 сентября 1942 г. по 13 апреля 1944 г. подводная лодка С-31 выпустила 22 торпеды, но достоверно потопила лишь десантную баржу «F-580C» (9 декабря 1943 г. с дистанции 2,5 каб., т. е. 457 м).

шины по каким-то непонятным причинам переезжают гусей и кур, которых мои люди подбирают и затем варят вечером на отдыхе. Приглядевшись внимательно, я замечаю, к своему удивлению, что такая судьба уготована бедным птицам заранее, так как все они попадали под машины, уже будучи предварительно застреленными».

В Мариуполе начались обычные трения с союзниками, которые не хотели отвести приличного помещения для наших людей. Безрезультатные переговоры с немецким контр-адмиралом Конт — «человеком в летах, не отличавшимся особыми качествами в интеллектуальном отношении и, кроме того, тугим на ухо».

В конце концов последовал ультиматум Ленци, который угрожал немедленным возвращением всей колонны в Италию. Вскоре итальянским морякам было отведено одно из лучших зданий города, откуда выселили командование противотанковой артиллерией.

Группа, ослабленная наличием многих больных и гибелью рулевого Берти, умершего в госпитале от тифа, была пополнена прибывшими из Италии новыми водителями штурмовых средств — Волонтери и Чиравенья. Несколько месяцев она находилась в Мариуполе, ожидая того момента, когда немецкие войска займут Кавказ. Время передышки было использовано на приведение в порядок материальной части, пострадавшей от предшествовавших напряженных действий, и на другие дела.

«25 октября. Организовав несколько налетов на окрестные кукурузные поля, к величайшему неудовольствию сторожей, нам удалось обеспечить полентой (каша из кукурузной муки (мамалыга). — *А.Ш.*) нашу колонну на всю зиму. Немного странно видеть, как наши моряки-водители штурмовых средств сидят в комнате и лущат кукурузу, как молодые крестьянские парни. Но ничего не поделаешь. Раз надо так надо. Ходили мы и на ночную охоту за зайцами. За один раз мы

добывали их от 13 до 17 штук. Полента и зайчатина стали официальной пищей колонны. Эти «операции» позволяют нам пополнять запасы продовольствия и не дают притупить способности... хорошо ориентироваться ночью».

С наступлением зимы военное счастье перешло на сторону русских. Немцы начали отступление по всему фронту. Это было то самое отступление, во время которого была уничтожена итальянская армия в России.

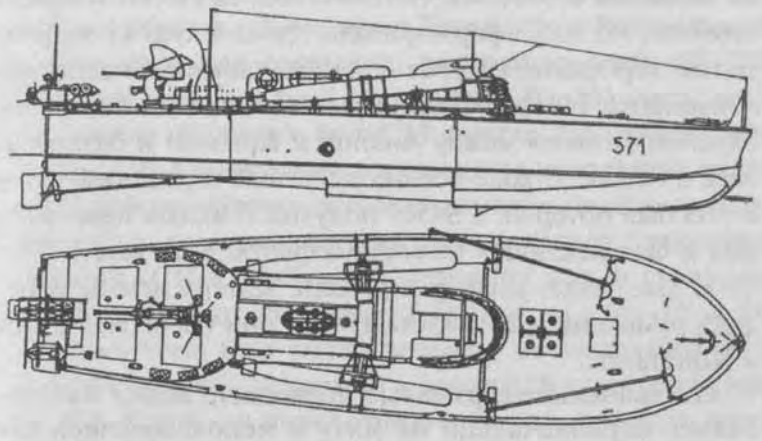
«Колонна Маккагатта» теперь уже под командованием Романо (Ленци в декабре вернулся на родину в связи с новым назначением) оставила Мариуполь и морем отправилась в Констанцу. Исколесив всю Восточную Европу, преодолев трудности, которые легко себе представить, она в марте 1943 года снова вернулась в Специю, не потеряв ни одной машины и ни одного катера»[1].

Понятно, что речь здесь идет о катерах MTSM и MTM. Как видим, итальянцам ни разу не удалось применить взрывающиеся катера MTM по назначению.

Что же касается катеров MAS, то они непрерывно несли службу на Черном море. Всего в боевых действиях участвовало 10 катеров MAS № 566 и № 575. Только с мая по июль 1942 г. катера MAS сделали 65 боевых выходов.

В ночь на 3 августа крейсер «Молотов» и лидер «Харьков» произвели набег на крымское побережье в районе Феодосии. При отходе советские корабли подверглись атаке итальянских катеров MAS-568, 569 и 573 и десяти германских торпедоносцев Хе-111 из авиагруппы 6/KG26. Всего немцами было сброшено 20 торпед. В 1 ч 26 мин 3 августа крейсер «Молотов» получил попадание торпедой в корму. В результате взрыва кормовая часть крейсера отвалилась по 262-й шпангоут. Тем не менее «Молотов» сумел дойти своим ходом до порта Поти. Другие советские корабли повреждений не имели.

[1] Боргезе В. Десятая флотилия. С. 202—203. В кавычках — из дневника Ленци.

Итальянский торпедный катер MAS-571.

По итальянской версии, в крейсер попала торпеда, выпущенная капитаном Легиани с MAS-568. Германские же авторы Ровер, Хюммельхен и другие приписывают повреждение «Молотова» торпеде, сброшенной с Хе-111.

В советское время в официальных изданиях говорилось о торпеде, попавшей в крейсер, без упоминания о ее «национальности». Но в настоящее время ряд авторов, в том числе А.В. Платонов, однозначно считают злополучную торпеду германской.

Днем 9 сентября 1942 г. восемь советских бомбардировщиков ДБ-3 бомбили порт Ялта, который продолжал оставаться главной базой катеров MAS. Жертвой фугасок ФАБ-250 стали катера MAS-571 и MAS-573, а MAS-502, 504 и 572 получили повреждения.

12 мая 1943 г. к югу от банки Марии Магдалины торпедный катер MAS-572, уклоняясь от атак советских самолетов, столкнулся с MAS-566 и затонул.

В мае 1943 г. действовавшая на Черном море итальянская 4-я флотилия была расформирована и ее личный состав отправлен в Италию. Катера MAS-566, 567,

568, 569 570 574 и 575 были переданы немцам и получили названия S-501, 502, 503, 504, 505, 506 и 507 соответственно. Из них сформировали германскую 11-ю флотилию торпедных катеров под командованием капитан-лейтенанта Меера. Флотилия занималась в основном охраной конвоев между Анапой и Крымом и базировалась в Анапе. В ходе боевых действий торпедный катер S-505 был потерян, а S-507 получил тяжелые повреждения и был исключен из состава флота. В августе 1943 г. 11-ю флотилию расформировали. Катера немцы передали румынам, а 25 августа 1944 г. они были затоплены в Констанце.

Итальянские сверхмалые подводные лодки базировались первоначально на Ялту и использовались как обычные подводные лодки против советских кораблей, пытавшихся прорваться в Севастополь. Так, 26 июня 1942 г. подводная лодка С-32 в ходе очередного рейса Новороссийск — Севастополь в районе мыса Айтодор была потоплена подводной лодкой СВ-3. Всего с мая по июль 1942 г. подводные лодки СВ сделали 24 боевых выхода.

В ночь на 13 июня 1942 г. торпедный катер Д-3 (командир старший лейтенант О.М. Чепик) подошел к молу ялтинского порта и выпустил одну торпеду по барже водоизмещением 600 т, которая была принята за брандвахтенное судно. Затем катер поставил дымовую завесу и лег на циркуляцию для повторной атаки. Однако из-за сильного огня немцев вторая торпеда выпущена не была, и Д-3 ушел полным ходом.

Вместе с баржей была потоплена и подводная лодка СВ-5. На лодке погиб ее командир капитан-лейтенант Фаророли. О гибели лодки советские моряки и историки узнали лишь после 1959 г.

С конца 1942 г. итальянские подводные лодки СВ базировались на Севастополь.

Между июнем и августом 1943 г. итальянские подводные лодки из Севастополя сделали 21 выход в море.

В ночь на 26 августа 1943 г. итальянская подводная лодка СВ-4 под командованием капитан-лейтенанта Армандо Сибилле южнее мыса Тарханкут в Каламитском заливе потопила советскую подводную лодку Щ-203. История сия довольно запутанная. Щ-203 последний раз вышла на связь с базой 24 августа. По итальянской версии СВ-4 находилась в надводном положении, когда в 400 м была обнаружена всплывшая советская подводная лодка, которая, запустив дизеля, начала движение в сторону «СВ-4. Сибилле застопорил ход, и советская лодка прошла от итальянской буквально в 50—60 м. На мостике ясно был виден человек, вглядывавшийся в даль. Оставшись за кормой у советской подводной лодки, СВ-4 описала циркуляцию и, заняв выгодную позицию, с 800 м выпустила торпеду, но торпеда прошла левее. Немедленно была выпущена вторая торпеда, и она через 40 секунд попала перед рубкой советской подводной лодки. Поднялся высокий столб воды, раздался взрыв, и подводная лодка исчезла.

Однако в «Справочнике потерь...» приводится иная версия: «По румынским данным, в 20 ч 45 мин 29 августа западнее мыса Лукулл катерами-охотниками «Ксантен» и UG-2303 была обнаружена находившаяся в надводном положении подводная лодка. Катера атаковали и, по всем признакам, потопили ее. Возможно, это была Щ-203, которая вследствие ошибки в счислении могла оказаться вне района своей позиции»[1].

Там же приведены координаты гибели Щ-203: ш = 45°18'7"; д = 32°48'6".

На мой взгляд, наиболее вероятна итальянская версия, но нашим адмиралам показалось более пристойным потерять Щ-203 в результате атаки кораблей ПЛО, пусть хоть и румынских, чем от маленькой итальянки.

[1] Справочник потерь Военно-морского и торгового флотов Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. М., 1959. С. 101.

В конце 1949 г. подводная лодка Щ-203 была обнаружена на грунте. Корпус ее был почти перебит. В 1950 г. ее подняли и отвели в Севастополь.

В сентябре — октябре 1943 г. итальянские лодки СВ были переданы Румынии и перебазировались в Констанцу. Румыны освоить их так и не смогли, но довели материальную часть до ручки.

30 августа 1944 г. советские моряки обнаружили в Констанце вытащенные на стенку у причала подводные лодки СВ-1, 2, 3 и 4. Лодка СВ-6 к тому времени погибла. 20 октября 1944 г. эти четыре лодки были зачислены в состав Черноморского флота и получили названия ТМ-4, 5, 6 и 7 (ТМ — трофейная малая). Однако 16 февраля 1945 г. «ввиду непригодности к дальнейшему техническому использованию» эти лодки были исключены из боевого состава Черноморского флота. При этом ТМ-4 сразу же пустили на лом, ТМ-6 и ТМ-7 передали в отдельный учебный дивизион Черноморского флота, а ТМ-3 по железной дороге отправили в Ленинград для изучения в КБ судостроительных заводов.

Глава 9

ОТРАЖЕНИЕ ПЕРВОГО ШТУРМА

Как уже говорилось, с 1854-го по 1921 год все наши военно-морские базы брались только с суши. Но, увы, в 1930-е годы ни сухопутное, ни морское начальство не интересовалось обороной военно-морских баз с суши. 16 декабря 1940 г. нарком ВМФ Кузнецов приказал организовать сухопутную оборону главных баз флота. Однако командующий Черноморским флотом Октябрьский, вместо того чтобы немедленно начать строить укрепления вокруг Севастополя, благо, уже полтора года шла Вторая мировая война, лишь 3 февраля 1942 г. удосужился назначить комиссию для рекогносцировки рубежа сухопутной обороны.

Комиссия эта под председательством П.А. Моргунова наметила рубеж обороны от побережья восточнее Балаклавы через Сапун-гору, гору Сахарная Головка до реки Кача (высота 145,1 — отметка 74,0 — Сапун-гора — Сахарная Головка — высота 120,1 — Камышловский овраг — отметка 71,9 — овраг Барак — по реке Кача до горы Тюльку-Оба). Фронт обороны, проходивший в 5—8 км от города, был разделен на три сектора и два самостоятельных боевых участка — Балаклавский и Городской (Севастопольский).

Фактически работы по сооружению укреплений у Севастополя начались 3 июля 1941 г., то есть уже после начала войны. К началу ноября система обороны Севастополя включала в себя три рубежа: передовой, главный и рубеж прикрытия эвакуации.

Передовой рубеж обороны Севастополя проходил в 16—17 км от города. Протяженность рубежа по фронту достигала 40 км, а полоса обороны на нем имела глубину 1,5—2,5 км. Командные высоты перед этим рубежом находились в руках противника, незначительная же удаленность рубежа от города позволяла противнику вести обстрел города и аэродромов дальним артиллерийским огнем.

Главный рубеж обороны проходил в 12—14 км от города. Его протяженность равнялась примерно 30 км, глубина обороны — от 1,5 до 3 км. В случае отхода наших войск на этот рубеж основные командующие над местностью высоты находились бы в руках противника.

Рубеж прикрытия эвакуации командовал над лежащей впереди его местностью, но из-за отсутствия растительности хорошо просматривался противником. Это облегчало авиации и артиллерии противника возможность наносить удары по рубежу, протяженность которого равнялась 27 км, а глубина обороны была от 1 до 5 км. В рубеж прикрытия эвакуации включался и рубеж, непосредственно прикрывавший Севастополь (Стрелецкая бухта, хутор Дергачи, Инкерман).

Ни один из рубежей к началу боевых действий не был завершен строительством.

Таблица 3

ПОЛОЖЕНИЕ К 1 НОЯБРЯ 1941 Г. НА ТРЕХ РУБЕЖАХ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

Сооружения	Рубежи			
	передовой	главный	тыловой	всего
Артиллерийские доты, шт.	29	25	28	82
Пулеметные доты и дзоты, шт.	92	57	71	220
Стрелковые окопы, для отделения	232	66	91	389
Противотанковые рвы, км	1,7	—	31,5	33,2
Проволочные заграждения, км	8	8	40	56

Перед всем передовым рубежом обороны было установлено 1700 погонных метров противотанковых надолб, 8726 противотанковых мин, 850 противопехотных мин, 29 фугасов.

На танкоопасных направлениях Дуванкойского и Аранчинского опорных пунктов были подготовлены огневые завесы, для которых использовались трубопроводы, уложенные в железобетонные лотки перпендикулярно этим направлениям и снабженные на обоих концах напорными баками с горючей жидкостью. Жидкость могла выпускаться из труб и поджигаться при помощи бутылок с горючей смесью специальными командами.

Основу огневой мощи Севастополя составляли 8 стационарных береговых батарей и 2 подвижные батареи (№ 724 и № 725), оснащенные гаубицами-пушками МЛ-20. Из зенитных средств ПВО флота для обороны

главной базы, кроме 61-го зенитно-артиллерийского полка, были вновь сформированы 62-й полк, 71-й и 92-й отдельные зенитные артдивизионы. Кроме того, из района Евпатория — Саки — Сарабуз отошли к Севастополю 25, 26-й и 114-й отдельные зенитные артдивизионы, а несколько позднее из района села Фрайдорф, села Ишунь — 122-й зенитно-артиллерийский полк. Таким образом, к началу обороны главной базы ее ПВО насчитывало 40 зенитных батарей (сто шестьдесят 76-мм зенитных пушек обр. 1915 г., 1928 г., 1931 г. и 1938 г.), 7 батарей малого калибра (45-мм пушки 21К и 37-мм автоматы), пулеметный и прожекторный батальоны, 215-й отдельный воздухоплавательный дивизион аэростатов заграждения, дымомаскировочный отряд, посты ВНОС и радиолокационные установки РУС-2.

После захвата Крыма немцами авиация Черноморского флота перебазировалась на аэродромы Северного Кавказа и Кавказского побережья Черного моря. В главной базе дислоцировалась специально созданная Севастопольская авиагруппа, на которую возлагалось прикрытие базы с воздуха и авиационная поддержка войск гарнизона. На 1 ноября 1941 г. в этой авиагруппе насчитывалось 82 самолета (51 колесный и 31 лодочный), в том числе 41 истребитель, 31 разведчик и 10 штурмовиков.

До подхода Приморской армии севастопольский гарнизон состоял из 7-й и 8-й бригад, 2-го и 3-го отдельных полков морской пехоты, одного стрелкового полка, батальона Дунайской военной флотилии, батальона военно-морского училища береговой обороны, школы НКВД и школы связи, батальона авиазенитной обороны. Общая численность гарнизона составляла 20 606 человек.

4 ноября 1941 г. был создан Севастопольский оборонительный район (СОР), подчиненный командующему

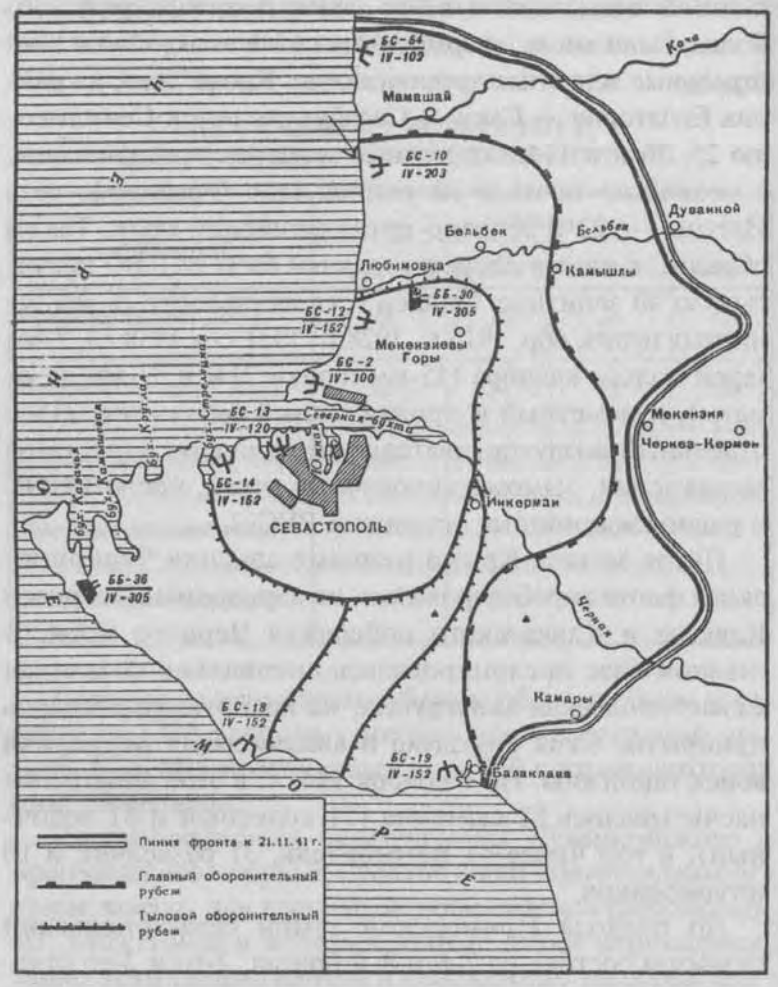

Схема расположения береговой артиллерии Севастопольской крепости к 30 октября 1941 г.

войсками Крыма. Во главе СОРа был поставлен командующий Приморской армией генерал-майор И.Е. Петров, а затем — командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский.

После оставления войсками 51-й армии Керченского полуострова и ликвидации командования войск Крыма Севастопольский оборонительный район был подчинен непосредственно Ставке Главнокомандования.

Сколько солдат и боевой техники дошло до Севастополя из Приморской армии, установить невозможно. Командование СОРа в донесениях в Ставку намеренно занижало свои силы. Вышедшие к Севастополю части сразу же подвергались переформированию. Так, на базе 184-й стрелковой дивизии был сформирован сводный полк НКВД; из 421-й стрелковой дивизии — 1330-й стрелковый полк численностью 1200 человек. Вышедшие 40-я и 42-я кавалерийские дивизии были слиты в одну 40-ю кавдивизию.

В донесении Приморской армии от 16 ноября приводится следующий боевой и численный состав: 1-й сектор — 1700 штыков, 18 орудий; 2-й сектор — 3939 штыков, 41 орудие, из них 4 зенитных; 3-й сектор — 5730 штыков, 43 орудия, из них 9 зенитных; 4-й сектор — 2789 штыков, 38 орудий, из них 9 зенитных. Резерв — 1200 штыков (1330-й стрелковый полк) и 743 сабли (40-я кавалерийская дивизия).

9 сентября командующий Приморской армией объявил боевой приказ № 002, согласно которому вся территория СОРа во всю глубину обороны, от центра Севастополя до передних рубежей сухопутного фронта, была разделена на четыре сектора.

Первый сектор справа опирался на Южное побережье Крымского полуострова и слева граничил со вторым сектором по разграничительной линии, проходившей через высоты 253,9; 202,1 и 206,6, развилку дорог в 1 км севернее совхоза «Благодать», через высоты 113,2; 73,0 и хутор Делагарди.

Второй сектор граничил с третьим по линии, проходившей через высоты 193,2; 125,0; 79,4 и гору Суздальская.

Третий сектор граничил с четвертым по линии деревня Биюк-Отаркой, высоты 96,0; 82,4; деревня Камышлы и Трензина балка.

На 15 ноября 1941 г. первый сектор обороны был расположен на юге СОРа у Балаклавы и имел ширину 4 км. Сектор защищали 383-й[1] и 1330-й стрелковые полки, 35-я башенная береговая батарея, а также 19-я и 8-я открытые батареи (всего восемь 152/45-мм пушек Кане). В составе полковой артиллерии были одна 76-мм полковая пушка обр. 1927 г., две 45-мм противотанковые пушки, один 120-мм миномет и три 82-мм пушки. Кроме того, в дотах и дзотах было 14 морских орудий (одно 100-мм, шесть 75/50-мм и семь 45-мм 21К).

Далее к северу шел второй сектор обороны шириной 12 км. Сектор защищали 172-я стрелковая дивизия, 31-й стрелковый полк 25-й стрелковой дивизии[2]. Кроме полковой артиллерии в секторе находился отдельный минный дивизион 52-го артиллерийского полка, 1-й и 2-й дивизионы 134-го гаубичного артиллерийского полка, по одной батарее 57-го и 340-го артполков и 725-я (мобильная) береговая батарея. Всего имелось тринадцать 155-мм французских гаубиц, восемь 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20, четырнадцать 122-мм дивизионных гаубиц, четыре 76-мм дивизионные пушки, шесть 76-мм полковых пушек, одиннадцать 45-мм противотанковых пушек, один 120-мм миномет, восемь 107-мм горных минометов и тридцать три 82-мм миномета. Кроме того, в дотах и дзотах второго сектора были установлены 76-мм пушки: 4 полковые, 7 дивизионных и 5 зенитных, а также семь 45-мм пушек 21К.

[1] 383-й стрелковый полк имел трехбатальонный состав. Первый батальон был сформирован из личного состава школы НКВД, второй батальон — из состава запасного артиллерийского полка береговой обороны и третий батальон — из состава Объединенной школы младшего комсостава береговой обороны, роты МПВО и химроты.

[2] 172-я стрелковая дивизия состояла из 3 полков. 514-й полк имел в своем составе два батальона; 1-й батальон был сформирован из остатков 172-й стрелковой дивизии; 2-й батальон укомплектован за счет 3 рот истребительного отряда и роты 51-го стрелкового полка. Кроме того, в состав этого полка был включен весь гарнизон долговременных оборонительных сооружений, расположенных на его участке. 2-й полк морской пехоты остался в прежнем составе. 3-й полк был вновь сформирован в составе 3 батальонов и получил наименование 1-й Севастопольский стрелковый полк. Первый его батальон был укомплектован за счет первого Перекопского батальона, второй — за счет батальона Дунайской флотилии и третий за счет батальона Школы оружия Учебного отряда Черноморского флота. Кроме того, на доукомплектование этого полка был обращен батальон Объединенной школы Учебного отряда. 31-й полк имел двухбатальонный состав. Первый батальон был сформирован из остатков этого полка, второй батальон — за счет батальона Азовской военной флотилии.

В третьем секторе находились 25-я стрелковая дивизия в составе 278-го стрелкового полка и 3-го полка морской пехоты, а также 7-я бригада морской пехоты[1]. Третьему сектору были приданы 69-й артиллерийский полк с шестью 76-мм орудиями, 99-й гаубичный артиллерийский полк с одиннадцатью 122-мм гаубицами, 724-я береговая мобильная батарея с четырьмя гаубицами-пушками МЛ-20, батарея 134-го гаубичного артиллерийского полка, 164-й отдельный противотанковый артдивизион, 26-й и 323-й отдельные зенитные дивизионы. Всего четыре гаубицы-пушки МЛ-20, четыре 152-мм гаубицы, одиннадцать 122-мм гаубиц, двенадцать 76-мм зенитных орудий, десять 76-мм дивизионных пушек, восемь 76-мм полковых пушек, шестнадцать 45-мм противотанковых пушек, одиннадцать 120-мм минометов, шесть 107-мм горных минометов и пятьдесят шесть 82-мм минометов. Кроме того, в дотах и дзотах находились: одна 100-мм морская пушка[2], одна 76-мм дивизионная пушка и три 45-мм пушки 21К.

[1] 287-й стрелковый полк трехбатальонного состава. Первый батальон был укомплектован за счет батальона запасного артиллерийского полка, второй — за счет 16-го батальона морской пехоты и третий — за счет 15-го батальона морской пехоты. 3-й полк морской пехоты был трехбатальонного состава. На его доукомплектование были обращены батальоны ВВС Черноморского флота, 17-й и 19-й батальоны морской пехоты, батальон Электромеханической школы Учебного отряда и пулеметно-минометный батальон. В составе 7-й бригады морской пехоты было 3 батальона. В качестве 3-го батальона в бригаду был влит 2-й Перекопский отряд.

[2] Так, в документе, видимо, все-таки 102/60-мм корабельная пушка обр. 1912 г.

В четвертом секторе обороны находилась 95-я стрелковая дивизия в составе трех полков — 161, 241-го[1] и «местного стрелкового полка». Кроме того, в четвертый сектор была включена 8-я бригада морской пехоты в составе пяти батальонов, из которых первые четыре были батальонами бригады и пятый — батальон Учебного отряда Черноморского флота.

Четвертому сектору были приданы 57-й артиллерийский полк с двенадцатью 76-мм пушками, 397-й артиллерийский полк с двенадцатью 76-мм пушками, 97-й отдельный противотанковый артдивизион, 928, 227-я и 271-я зенитные батареи, 30, 10-я и 12-я батареи береговой обороны (четыре 305/52-мм, четыре 203/50-мм и четыре 152/45-мм орудий). Итого без орудий береговой обороны имелось одиннадцать 122-мм гаубиц, девять 76-мм зенитных орудий, тринадцать 76-мм дивизионных орудий, девять 45-мм противотанковых пушек, два 120-мм миномета, семнадцать 82-мм минометов. Кроме того, в дотах и дзотах находилось шесть 100-мм морских пушек, четыре 76-мм дивизионные пушки, две 75/50-мм пушки Кане и восемь 45-мм пушек 21К.

Наконец, в резерве командования СОРа находился 265-й корпусный артиллерийский полк и 51-й артиллерийский полк. Всего четыре 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20 и двадцать три 107-мм корпусные пушки.

Официально первым днем обороны Севастополя считается 30 октября 1941 г. В этот день в 16 ч 25 мин самая северная береговая батарея Севастополя № 54 открыла огонь по немецкой мотоколонне бригады Циглера, двигавшейся по прибрежной дороге из деревни Ивановка на село Булганак. Батарея № 54 была расположена в 40 км к северу от Севастополя. На вооружении ее состояли 102/60-мм пушки обр. 1912 г. Батарея выпустила 62 снаряда и рассеяла колонну. Командир батареи лейтенант И.И. Заика, как полагается, донес начальству, что уничтожил «колонну танков».

[1] 161-й стрелковый полк был сформирован из остатков 95-й стрелковой дивизии. В качестве 3-го батальона в этот полк был включен 18-й батальон морской пехоты. 241-й стрелковый полк состоял из двух батальонов. Первый батальон был сформирован за счет батальона Электромеханической школы, второй — за счет батальона школы запаса.

В 18 ч 25 мин с той же батареи донесли, что по той же дороге двигались до 90 вражеских танков и бронемашин, которые повернули в сторону села Булганак.

На следующий день, 31 октября, в 7 ч 25 мин из Севастополя вышел эсминец «Бодрый» (проекта 7). В районе Замрук — Николаевка он обстрелял немецкие колонны, приближавшиеся к Севастополю. Уже возвращаясь в базу, «Бодрый» подвергся нападению вражеской авиации. Далее процитирую С.А. Балакина: «В 16.25 на дистанции 60 кбт были обнаружены вражеские самолеты — 9 «юнкерсов» и 6 «мессершмиттов». «Бодрый» увеличил ход и через минуту открыл огонь. Пилоты люфтваффе (явно имевшие немалый опыт) действовали грамотно, заходя на цель выше облаков, а затем пикируя со стороны солнца. Всего немцы сбросили на советский эсминец 26 бомб и выпустили огромное количество пуль и снарядов. Причем если бомбардировщики, сбросив свой груз, ушли, то истребители продолжали обстреливать корабль в течение часа — вплоть до его входа в Севастополь.

Прямых попаданий бомб не было, но некоторые из них взорвались в опасной близости от корабля, на расстоянии 7—10 м от корпуса. Осколки буквально изрешетили эсминец: по возвращении в Севастополь в надстройках и надводном борту насчитали около двух тысяч пробоин! Еще 19 пробоин оказалось в подводной части — по левому борту в районе ватерлинии. Из топливных цистерн начала вытекать нефть — как за борт, так и внутрь корабля. Давление в котельных отделениях резко упало, что вызвало снижение скорости. Вышли из строя дальномеры, различные приборы, загорелись дымовые шашки и 37-мм снаряды в кранцах. Потери эки-

пажа составили 4 человека убитыми и 49 ранеными (в числе последних был и командир эсминца капитан 3 ранга В.М. Митин)»[1].

Любопытно, что ни в «Хронике...», ни в «Потерях...» об этом инциденте даже не упомянуто. Там попросту сказано, что 31 октября в 17 ч 37 мин «Бодрый» прибыл в Севастополь. Видимо, дело свелось к атаке нескольких истребителей, расстрелявших моряков на палубе эсминца. А повреждения были столь незначительными, что эсминец даже не попал в списки поврежденных кораблей.

В ночь на 1 ноября немцы заняли деревню Мангуш в 8 км восточнее Бахчисарая, а в 11 ч 20 мин, выбив разведывательные части Севастопольского гарнизона, заняли Бахчисарай. Действуя вдоль побережья и обойдя батарею № 54, немцы заняли населенные пункты Альма-Тамак и Кача.

В районе деревни Николаевка батарея № 54 продолжала обстреливать противника. С 11 ч 20 мин до 11 ч 30 мин она обстреляла большое скопление моторизованных частей в районе деревни Джавджурек, в 14 ч 23 мин — немецкую батарею в районе деревни Дорт-Куль, с 14 ч 55 мин до 15 ч 10 мин — моторизованную колонну, двигавшуюся по дороге из Николаевки в Дорт-Куль. В течение дня батарея выпустила свыше 130 снарядов.

В 17 ч 10 мин батарею № 54 атаковали 8 немецких пикирующих бомбардировщиков. Потерь и повреждений в материальной части не было, и батарея полностью сохранила свою боеспособность.

В тот же день в 12 ч 40 мин впервые заговорили огромные 12-дюймовые пушки 30-й башенной батареи. Чтобы представить эффект действия этих орудий, достаточно сказать, что в винсовхозе им. Софьи Перовской в 400 м от батареи при первом же залпе вылетали все стекла и в мирное время при учебных стрельбах население совхоза эвакуировалось.

[1] Балакин С.А. «Гремящий» и другие. Эскадренные миноносцы проекта 7/Морская коллекция № 2/1996. С. 23.

2 ноября 1941 г. с утра передовые части противника, скопившиеся в лесу у высот 204,6 и 259,5 и в районе Качи, курганов Маяк-Оба и Кара-Оба, перешли в наступление в направлении деревень Дуванкой и Аранчи. Весь день шли упорные бои. На северном участке атаки немцев были отбиты, и местный стрелковый полк к вечеру занимал прежние позиции. Лишь к ночи противник, предприняв новую атаку, потеснил правый фланг этого полка и занял село Эфендикой.

Ожесточенные бои завязались в районе Дуванкоя. 8-я бригада, 17-й батальон морской пехоты и батальон ВМАУ упорно сдерживали наступление врага. Бригада сохранила свои позиции, а батальоны отошли на рубеж хутор Кефели — деревня Дуванкой. К вечеру противник занял станцию Сюрень и отдельными мелкими группами в районе Дуванкоя просочился в расположение нашей обороны.

Эффективную поддержку нашим войскам оказали артиллеристы 203-мм четырехорудийной береговой батареи № 10, расположенной на берегу обрыва у устья реки Кача, а также 724-й подвижной батареи. Только огнем 10-й батареи было уничтожено 20 повозок, 20 автомашин и около 200 гитлеровцев[1].

В 10 часов немцы с тыла (с юга) атаковали 102-мм батарею № 54. Атака была поддержана огнем трех тяжелых полевых орудий, установленных на высотах в 9—9,5 км юго-восточнее батареи № 54.

В 9 ч 57 мин все немецкие батареи открыли огонь, и до батальона вражеской пехоты на автомашинах и до 300 кавалеристов двинулись с рубежа село Новые Байдары — село Земрук на деревню Николаевка. Вскоре после обстрела противник нанес по нашей батарее бомбовый удар авиацией, затем вновь произвел продолжительный артобстрел. В результате батарея № 54 была подавлена. К 13 ч 20 мин на ней вышло из строя три

[1] Боевая летопись Военно-морского флота. 1941—1942. М., Воениздат, 1983. С. 249.

орудия из четырех, но ее команда продолжала отражать атаки врага пулеметным и ружейным огнем и гранатами. В 16 ч 40 мин командир батареи № 54 донес: «Противник находится на позициях батареи. Связь кончаю. Батарея атакована». Это было последнее его донесение.

Для спасения команды батареи № 54 в ночь на 3 ноября из Севастополя были высланы тральщик «Искатель», сторожевые катера № 031 и № 061. Подойти к берегу они не смогли и спустили две шлюпки. На них были приняты и доставлены на корабли 28 человек личного состава батареи, которые спустились с обрыва по скрученному телефонному проводу.

Возникает естественный вопрос, а не могло ли командование флота послать на помощь батарее № 54 еще утром пару эсминцев с 130-мм пушками? Замечу, что из полевых пушек, я уж не говорю о минометах, попасть в маневрирующий эсминец на дальности свыше 8 км шансов практически не было, за отсутствием соответствующих систем ПУС. А вот эсминцы могли разнести в клочья и полевые батареи, и пехоту противника.

Двоим краснофлотцам с батареи № 54 удалось пробиться в Севастополь. Командир батареи И.И. Заика позже попал к партизанам, а затем вновь служил на Черноморском флоте. Судьба остальных неизвестна.

Согласно «Хронике...», всего огнем батареи было уничтожено 15 немецких средних танков, тяжелый танк с 76-мм орудием, 7 автомашин с пехотой, трактор с орудием, автоцистерна и радиостанция[1]. По традиции сие оставлю без комментариев, замечу лишь, что тяжелые танки впервые появились в вермахте в конце 1942 г. («тигры»).

В течение дня 2 ноября 305-мм батарея № 30 периодически обстреливала немцев в Бахчисарае и в селе Альма-Тархан.

3 ноября немцы наступали на Севастополь вдоль долины реки Кача. В 20 часов, обойдя огневые точки Дувнкойского узла сопротивления, они заняли деревню Заланкой. В связи с усилившейся угрозой полного окружения наши батальоны, действовавшие в долине реки Кача, в районе железной и шоссейной дорог, были отведены за линию обороны.

[1] Хроника... Вып. 1. С. 209.

Батареи № 10 и № 30 продолжали обстреливать скопления вражеских частей на подступах к Севастополю и уничтожили до 25 танков, до эскадрона конницы и до 300 человек пехоты.

Приморская армия после боев 1 и 2 ноября с наступавшим противником оставила рубеж высота Кизил-Коба — село Мамак — Кукурековка и стала отходить по дорогам через деревни Мангуш, Бия-Сала, Ени-Сала, Кокковы и через хребет Яйла на Южный берег Крыма, в Ялту и Алушту.

Утром 3 ноября штаб Приморской армии вышел в район Балаклавы. К этому моменту 95-я стрелковая дивизия подходила к селу Бия-Сала, за ней следовали 25-я и 172-я стрелковые дивизии. Тяжелая артиллерия — 265-й корпусный артполк, 51-й и 52-й артполки — были на марше из района Ялты в Севастополь.

5 ноября Октябрьский отправил телеграмму Сталину, где говорилось, что «...до сих пор Севастополь ни от кого не получил помощи. Крымская армия была рассеяна, а остатки Приморской армии бродили по горам. Для обороны главной базы флот бросил все, что имел, и больше нечего было дать. Единственная надежда оставалась на то, что через день-два подойдут свежие армейские части. Если этого не будет, противник прорвется к Севастополю»[1].

Октябрьский доложил также, что, несмотря на тяжелое положение, он не получил руководящих указаний по новой дислокации кораблей и частей, эвакуации и размещению тылов, мастерских и по ряду других неотложных вопросов.

[1] Хроника... Вып. 1. С. 215.

Тогда же командующий доложил, что руководство сухопутной обороной он передал, согласно приказу командующего войсками Крыма, генерал-майору Петрову и предполагал по окончании эвакуации имущества главной базы на Кавказ перевести свой фронтовой командный пункт в Туапсе и оттуда руководить боевыми действиями флота на Азовском и Черноморском театрах.

Сталин не ответил Октябрьскому, а нарком Кузнецов приказал Октябрьскому остаться в Севастополе.

В ходе боев к 18 часам 5 ноября части сухопутной обороны главной базы заняли рубеж: от берега моря на высоту 64,2 (курган Маяк-Оба), высота 79,4, деревня Аранчи, гора Азис-Оба, станция Бельбек, высота 158,1, высота 278,4, деревня Черкез-Кермен. Дальше на юг изменений не произошло.

Ночью и в первую половину дня 7 ноября противник продолжал накапливать силы восточнее деревни Черкез-Кермен и вплотную подошел к верховью долины Кара-Кобя, а значительные части его прошли дальше на юг и скопились в районе деревень Уппа, Узенбаш и Айтодор.

В 14 ч 30 мин немцы перешли в наступление в направлении хутора Мекензия и по долине Кара-Кобя. Два батальона немецкой пехоты при поддержке мощного артиллерийского и минометного огня в 14 ч 50 мин овладели хутором Мекензия.

Дальнейшее продвижение противника было остановлено упорными боями частей 2-го и 3-го полков морской пехоты при огневой поддержке артиллерии береговой обороны главной базы.

Новый рубеж нашей обороны прошел в 0,5 км западнее хутора Мекензия. Наступление немцев по долине Кара-Кобя успеха не имело.

7 ноября в боях впервые принял участие бронепоезд «Железняков», построенный работникам Севморзавода в октябре 1941 г. Бронепоезд состоял из бронепаровоза

типа «Э», двух бронеплощадок на базе 60-тонных платформ и двух контрольных платформ с балластом. На каждой бронеплощадке было установлено по одной 76-мм пушке 3К и по одной 76-мм пушке Лендера. Таким образом, все четыре орудия бронепоезда могли вести огонь как по наземным, так и по воздушным целям. Эффективность огня обеспечивалась морским зенитным дальномером ДМ-1,5. В течение последующих 8 месяцев осады города бронепоезд «Железняков» сделал 140 боевых рейсов.

8 ноября огонь по противнику вели обе башенные батареи — № 30 и № 35.

Внимательный читатель уже заметил, что отчеты о первых двух неделях боев за Севастополь я даю по советским материалам. Пора дать слово и противнику. Манштейн писал об этих боях: «54-му армейскому корпусу, следовавшему вплотную за бригадой, была поставлена задача — прорваться через реки Бельбек и Черную и окончательно отрезать путь отступления на Севастополь частям противника, находящимся в горах. Однако корпус после активного преследования на подступах к крепости между реками Кача и Бельбек, а также при своем продвижении в горах к реке Черная натолкнулся на упорное сопротивление. Противник имел в крепости еще четыре боеспособные бригады морской пехоты, которые составили ядро группирующейся здесь армии обороны. Начала действовать крепостная артиллерия. Из оттесненных в горы частей Приморской армии довольно значительные силы добрались по горным дорогам до Севастополя, правда, без орудий и транспорта. Они сразу же получили пополнение по морю. Многочисленные рабочие батальоны, составленных из рабочих этой крупной военно-морской базы и вооруженные оружием из крепостных складов, также усиливали ряды обороняющихся. Благодаря энергичным мерам советского командующего противник сумел остановить продвижение 54-го армейского корпуса на

подступах к крепости. В связи с наличием морских коммуникаций противник счел себя даже достаточно сильным для того, чтобы при поддержке огня флота начать наступление с побережья севернее Севастополя против правого фланга 54-го армейского корпуса. Потребовалось перебросить сюда для поддержки 22-ю пехотную дивизию из состава 30-го армейского корпуса. В этих условиях командование армии должно было отказаться от своего плана взять Севастополь внезапным ударом с хода — с востока и юго-востока. К тому же обеспечить наступление с востока не было никакой возможности ввиду отсутствия дорог. Шоссейная дорога, обозначенная на захваченных нами картах, на самом деле не существовала. Ее начало обрывалось в труднодоступной скалисто-лесистой местности»[1].

Отдел тыла 11-й армии расположился в Симферополе, а сам Манштейн с «первым эшелоном штаба» разместился в большом селе Сарабуз в 18 км севернее Симферополя. Как писал Манштейн: «Мы удобно расположили там наши штабные службы в большой школе-новостройке; такие школы были выстроены Советами почти во всех крупных селах. Я сам с начальником штаба и несколькими офицерами жил в небольшом здании правления плодового колхоза... На этой скромной квартире мы оставались до августа 1942 года, лишь дважды, в июне 1942 года, когда наш штаб находился под Севастополем, отлучаясь на КП на Керченском участке»[2].

Почему Манштейн выбрал Сарабуз, а не, скажем, Бахчисарай, генерал-полковник нам не объясняет. Рискну высказать предположение, что немцы рассчитали, что Бахчисарай находится в радиусе действия батарей № 30 и № 35. Да и до окраины Симферополя «тридцатка» могла вполне достать, так что в Сарабузе было поспокойнее.

[1] Манштейн Э. Утерянные победы. С. 246—247.
[2] Там же. С. 248—249.

11 ноября немецкие войска нанесли удар в районе сел Варнутка — Кучук-Мускомья, где находилась 40-я кавалерийская дивизия. К исходу дня оба села были заняты противником.

Вместе с береговыми батареями интенсивный обстрел по скоплениям немецких войск вели крейсера «Красный Крым» и «Червона Украина»[1], стоявшие в бухте Севастополя. За 10 и 11 ноября «Красный Крым» выпустил 105 снарядов, а «Червона Украина» — 148 снарядов.

12 ноября 23 бомбардировщика Ю-88 произвели налет на Севастополь. Бомбежка длилась с 11 ч 45 мин до 12 ч 24 мин. Главным объектом налета стал крейсер «Червона Украина», стоявший у Совторгфлотской пристани. В 12 ч 08 мин фугасная бомба взорвалась на расстоянии 5—7 м от правого борта корабля на траверзе 92—100-го шпангоутов. Через несколько секунд вторая фугасная бомба взорвалась в районе 4-го торпедного аппарата на шкафуте левого борта (83-й шпангоут). Взрывом торпедный аппарат сорвало с фундамента и сбросило за борт. На палубе возник пожар.

Через 3 минуты 500-кг бронебойная бомба замедленного действия взорвалась на грунте в непосредственной близости от правого борта корабля, в районе 9—12-го шпангоутов. Взрывом перебило якорь-цепь правого якоря и перлинь, заведенный на бочку. Крейсер носом прижало к пристани. Лопнул кормовой швартовый конец с левого борта.

В 12 ч 12 мин взрыв такой же бомбы был зафиксирован под днищем корабля с левого борта, в районе 48—54-го шпангоутов. От взрывов корпус корабля завибрировал. Крейсер кренился на левый борт, и возник дифферент на нос.

Борьба за живучесть крейсера длилась 16 часов, но в 4 ч 10 мин 13 ноября корабль затонул.

[1] Крейсер «Червона Украина» первым из кораблей эскадры 8 ноября открыл огонь по германским войскам, наступавшим на Севастополь.

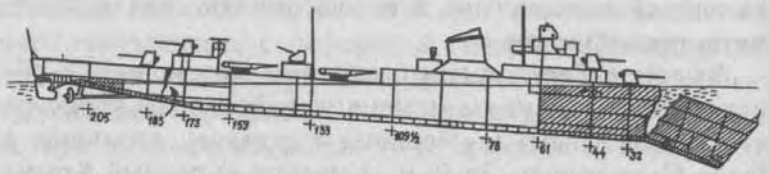

Схема боевых повреждений эсминца «Беспощадный» 22 сентября 1941 г.

В ходе налета кроме крейсера пострадали два эсминца (проектов 7 и 7У), ремонтировавшихся в Севастополе. Эсминец «Беспощадный» 22 сентября под Одессой в результате попадания авиабомбы потерял носовую часть по 44-й шпангоут и был отбуксирован в Севастополь. И вот 12 ноября «Беспощадный», стоявший у Миной пристани, получил прямое попадание в районе 3-го котельного отделения. 2-е и 3-е котельные отделения были затоплены, машины исправны. Корабль остался на плаву, но требовал капитального ремонта.

Поздним вечером 17 ноября «Беспощадный» был взят на буксир эсминцев «Шаумян» и отведен в порт Поти.

Другой эсминец, «Совершенный», к началу войны достраивался у стенки Севморзавода. 30 сентября 1941 г. во время ходовых испытаний на Херсонесской мерной миле в 16 ч 42 мин он подорвался на нашем минном заграждении и получил пробоину в правом борту площадью 30 кв. м. В результате оказались затопленными 1-е и 2-е котельные отделения и 1-е машинное отделение. Корабль отбуксировали в Севастополь и поставили в док. А теперь «юнкерсы» достали его в сухом доке Севморзавода. Бомба попала в 4-е машинное отделение.

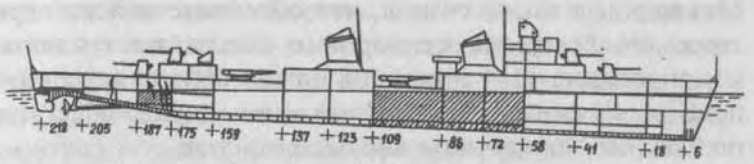

Схема боевых повреждений эсминца «Совершенный», полученных 30 сентября 1941 г.

В ходе этого налета было сбито два Ю-88, один из которых таранил истребитель МиГ-3, а другой сбит зенитным огнем.

К исходу 12 ноября немцы заняли мыс Сарыч. Личный состав маяка и поста СНИС был вывезен, маяк Сарыч разрушен. При отходе огнем противника была потоплена шхуна. Потерь не было.

Как гласит «Хроника...», повторенная позже Г.И. Ванеевым и другими нашими историками: «Противник, подтянув свежие силы, с утра 13 ноября возобновил атаки против подразделений 40-й кавалерийской дивизии и передовых подразделений первого сектора обороны. Два батальона немцев с 35 танками наступали от высоты 198,4 вдоль Ялтинского шоссе и далее на высоту 440,8 и один батальон с танками — вдоль горной дороги от деревни Кучук-Мускомья на деревню Кадыковка»[1].

К исходу дня немцы овладели высотой 417,7, лесничеством, высотами 386,6 и 440,8, а часть сил 40-й кавалерийской дивизии, удерживавшая высоту 508,1, оказалась обойденной с флангов и окруженной.

С целью дезориентации противника и отвлечения части его сил от направления главного удара наше командование решило силами второго и третьего секторов нанести охватывающий удар и овладеть важным опорным пунктом — хутором Мекензия.

[1] Хроника... Вып. 1. С. 230.

Опасаясь окружения своих частей в районе хутора Мекензия, а также считая, что советские войска переходят из северных секторов в общее наступление, командование 11-й немецкой армии срочно завершило переброску сюда 22-й пехотной дивизии. Это облегчило положение защитников южных секторов.

Из-за больших потерь 13 ноября 42-я кавалерийская дивизия была расформирована, и ее остатки влиты в 40-ю кавдивизию. Также была расформирована 421-я стрелковая дивизия, остатки которой были обращены на пополнение 1330-го стрелкового полка.

Бои за Севастополь 14 ноября и общее положение дел хорошо изложено в «Хронике...». «Утром 14 ноября с целью восстановления утраченных позиций на правом фланге части первого сектора обороны перешли в наступление. Весь день шли бои с противником, упорно отстаивавшим захваченные рубежи. К 17 ч 00 мин после упорных боев части 40-й кавалерийской дивизии и батальон школы НКВД вышли на линию высот: 386,6 — 482,2 — 198,4 и 555,3. Но в 18 ч 00 мин батальон школы НКВД, будучи контратакован немецкими автоматчиками, вновь беспорядочно отошел, обнажив правый фланг 40-q кавалерийской дивизии...

В районе черкез-керменского плацдарма части третьего сектора перешли в наступление. Преодолевая упорное сопротивление врага, 3-й полк морской пехоты, наступавший с севера, к 15 ч 00 мин перерезал дорогу и овладел безымянной высотой в 1,5 км западнее дер. Черкез-Кермен и почти окружил группировку немецких войск в районе хутора Мекензия, но вследствие недостаточной настойчивости частей 7-й бригады морской пехоты полностью окружить и уничтожить эту группировку не удалось. Противник, сосредоточив свыше пехотного полка, контратаками из хутора Мекензия и дер. Черкез-Кермен приостановил наше дальнейшее наступление и оттеснил части 3-го полка морской пехоты к югу от дороги, связывающей дер. Черкез-Кермен с хутором Мекензия...

Командующий Черноморским флотом доложил Сталину, что состояние обороны Севастополя продолжало оставаться исключительно напряженным. Противник имел на фронте 50, 72-ю и 132-ю пехотные дивизии немцев, 32-ю егерскую дивизию, 36-й мотополк, 118-й мотоотряд и кавалерийскую бригаду румын.

14 ноября вновь подошедшая 72-я пехотная дивизия врага начала наступать на г. Балаклаву. Для восстановления положения на фронт были брошены все резервы. Но не все наши части оказались достаточно устойчивыми в бою. 13 ноября разбежался батальон войск НКВД, открыв тем самым противнику путь на Балаклаву.

За весь период боев у Севастополя потери наших частей достигли 5000 человек, т. е. до 20% всего состава войск.

Несмотря на просьбы, не было получено пополнения людьми, винтовками и пулеметами. Снарядов для полевой артиллерии оставалось на три дня»[1].

Германская авиация ежедневно, в том числе и 14 ноября, бомбила Севастополь. Вспомним ущерб флоту, нанесенный 12 ноября. И какова реакция командующего флотом адмирала Октябрьского? Доставка с кавказских баз зенитной артиллерии в Севастополь? Просьба усилить флотскую ПВО за счет орудий, поступивших от промышленности и армейских подразделений?

По приказу командующего Черноморским флотом и СОР от 12 ноября закончилась передислокация из Севастополя на Кавказ значительной части ПВО флота. Убыли 73, 122-й и 62-й зенитные артиллерийские полки и 243-й отдельный зенитный дивизион, а также 11-й батальон ВНОС. На них возлагалась задача усиления ПВО баз и Кавказского побережья. Хотя в директиве Ставки от 7 ноября указывалось, что использовать для усиления ПВО Новороссийска следует зенитную артиллерию, вышедшую из оставленных районов, на Кавказ

[1] Хроника... Вып. 1. С. 232—233.

были переведены 62-й и 122-й зенитно-артиллерийские полки ПВО главной базы. В Севастополе оставался только 61-й зенитно-артиллерийский полк и два отдельных дивизиона. Это всего 80 орудий среднего калибра из 160, которыми располагала главная база. Кроме того, в Севастополе были оставлены 10 пулеметов М-1 и 15 пулеметов М-4. Такое сокращение зенитной артиллерии, несомненно, отрицательно сказалось на интенсивности огня при отражении налетов вражеской авиации и борьбе с сухопутным противником.

В 7 ч 40 мин 15 ноября в Севастополь прибыл транспорт «Абхазия» с войсками, переброшенными с Кавказа.

Севастопольский оборонительный район по-прежнему подвергался налетам вражеской авиации. 16 ноября с 12 ч 06 мин до 12 ч 44 мин двенадцать Ю-88 бомбили районе Инкермана. В 12 ч 30 мин бомба попала в баржу СП-4 (396 т), которая была под погрузкой боекомплекта. Снаряды сдетонировали. В результате взрыва погибло 12 человек и ранено 29. Баржа и рядом стоявший катер затонули. Затем последовал второй налет. Цитирую «Хронику...»: «С 15 ч 30 мин до 20 ч 07 мин 27 самолетов Ю-88 и Ю-87 снова бомбили главную базу и войска на фронте. При отражении налетов на главную базу наши летчики сбили два немецких самолета и зенитчики — один Ю-88. Наши потери — один МиГ-3»[1].

А вот что пишет по сему поводу Г.И. Ванеев: «Вражеская авиация дважды группами бомбила боевые порядки наших войск и город. Всего участвовало 39 самолетов. Авиабомбой у Сахарной балки была взорвана баржа с боезапасом. Убито 12 и ранено 29 человек. При отражении налетов на главную базу летчики сбили два немецких самолета и зенитчики — один. Вел бой с вражескими истребителями и младший лейтенант Я.И. Иванов. Он сбил Ме-109, после чего заметил прорывающийся к Севастополю немецкий бомбардировщик. Иванов начал преследование, но кончился боезапас. Яков Матвеевич пошел на таран. До-215 был уничтожен, но при этом погиб и отважный летчик»[1].

[1] Хроника... Вып. 1. С. 236.

Откуда взялись До-215 и таран Иванова и почему их нет в «Хронике...», можно только гадать.

Командующий Черноморским флотом и СОР вице-адмирал Октябрьский получил директиву Ставки Верховного Главнокомандования от 19 ноября за № 004973, которой командование войсками Крыма упразднялось, а командующий Черноморским флотом и СОР с 22 часов этого дня подчинялся непосредственно Ставке.

На суше 16—20 ноября бои шли с переменным успехом. Несколько слов стоит сказать об активности нашей авиации. Так, 17 ноября шесть МБР-2, шесть И-5, четыре У-2, пять Ил-2, один Пе-2 и четыре И-16 бомбили и штурмовали войска противника в районе Кучук-Мускомья и Варнутки. Было уничтожено и выведено из строя 15 автомашин.

На следующий день шесть И-5 и четыре У-2 бомбили ночью вражеские войска в районе села Шули. Один И-16 при посадке скапотировал и сгорел, летчик остался невредим.

Днем пять МБР-2, четыре И-5, четыре У-2, пять Ил-2, четыре И-16 и два МиГ-3 бомбили и штурмовали вражеские войска на подступах к Севастополю. Уничтожено и выведено из строя до двух рот пехоты противника. Один И-16 упал в воду и затонул, летчик спасся.

20 ноября корабли Черноморского флота впервые обстреляли населенные пункты Южного берега Крыма, занятые немцами. Какие же корабли решил использовать для этого Октябрьский? Линкор? Пять крейсеров? Эсминцы? Нет. Подводные лодки. В ночь с 19 на 20 ноября подводная лодка С-32 обстреляла Ялту, а подводная лодка Д-4 выпустила тридцать шесть 100-мм и 45-мм снаря-

[1] Ванеев Г.И. Севастополь 1941—1942. Кн. 1. С. 91.

дов по Алуште. В обоих случаях немцы не отвечали (видимо, отвечать-то было некому), а лишь выключили освещение.

21 ноября в 12 ч 30 мин в Севастополь с грузом боеприпасов прибыл лидер «Ташкент». Он быстро разгрузился и уже в 20 ч 10 мин вышел из главной базы. Маневрируя за внутренней кромкой советского минного заграждения (жаль, что нельзя даже в романе написать, что говорили моряки о милых адмиралах, приказавших учинить сие заграждение), лидер обстрелял пункты скопления войск противника — Кача, Голумбей и Тас-Тепе. Всего было выпущено сто сорок пять 130-мм снарядов. Затем лидер полным ходом пошел к берегам Кавказа и 23 ноября в 11 ч 40 мин прибыл в Батуми.

Официальные советские историки считают временем окончания первого штурма Севастополя 21 ноября 1941 г. В этот день немцы силами одной пехотной дивизии перешли в наступление в направлениях на деревню Камары и деревню Нижний Чоргунь. Главный удар был нанесен в направлении на Камары.

Части первого и второго секторов оказывали упорное сопротивление и наносили вместе с артиллерией армии и береговой обороны главной базы большие потери наступавшему противнику. Но все же под нажимом превосходящих сил врага наши части первого сектора вынуждены были отойти на новые рубежи. К 10 часам немцы овладели деревне Камары. Однако коротким и сильным контрударом частей 514-й стрелковой дивизии деревняй Камары была отбита, и полк закрепился на ее восточной окраине.

В результате этих боев части первого сектора к исходу дня обороняли рубеж: высота 212,1, западные скаты высоты 440,8 и восточная окраина деревни Камары.

Неоднократные атаки немцев на участке второго сектора на Чоргунском направлении были отбиты с большими потерями для противника, который в итоге боев отошел на исходные позиции.

В 20 часов 21 ноября на фронте первого сектора обороны немцы прекратили наступление. В последующие три недели немцы особой активности под Севастополем не проявляли.

С 23 ноября по 16 декабря по морю в Севастополь было доставлено маршевое пополнение в количестве 21 стрелковой роты и 7 специальных рот, всего 6500 человек. Для пополнения частей морской пехоты в тот же период было доставлено около трех батальонов 9-й бригады морской пехоты, а для частей береговой обороны и ПВО — отдельные роты моряков (до 1000 человек).

Кроме того, 9—15 декабря в Севастополь была доставлена 388-я стрелковая дивизия (10 817 человек, 35 орудий и минометов).

14 декабря П.И. Батов был снят с должности командующего 51-й армией, а на его место был назначен генерал В.Н. Львов.

В конце ноября 1941 г. адмирал Октябрьский впервые решился, надо полагать, из-за спада активности немцев, применить в боевых условиях 305-мм пушки линкора «Парижская Коммуна». 26 ноября в 18 ч 40 мин линкор покинул порт Поти, где он оставался с 4 ноября, и в сопровождении эсминца «Смышленый» направился к Севастополю.

В полночь на 28 ноября оба корабля прибыли в район главной базы и находились у кромки своего минного заграждения. С 00 ч 13 мин до 00 ч 30 мин 28 ноября линкор выпустил сто 305-мм и триста 120-мм снарядов, а эсминец — сто двадцать 130-мм снарядов. Стрельба производилась по площади на ходу по херсонесской мерной миле на пути к Балаклаве, внутри минного заграждения. Вспомогательной точкой наводки служил красный огонь, установленный в точке с координатами ш = 40°29',3 и д = 33°33',6. Обстреляны скопления немецких войск в районе деревень Варнутка, Кучук-Мускомья, Хайто и Байдары.

В 2 часа ночи 28 ноября линкор «Парижская Коммуна» и эсминец «Смышленый» вышли за внешнюю кромку минного заграждения и 29 ноября в 9 ч 20 мин вошли в порт Поти. При входе в порт линкор ухитрился потопить буксир «Красный Октябрь», который пытался его отбуксировать в порт. Сам линкор сел при этом на мель, но вскоре был снят. Погибли капитан буксира и два краснофлотца. Это был единственный корабль, потопленный нашими крупными кораблями (линкором и крейсерами) за всю войну.

В «Справочнике потерь военно-морского и торгового флотов Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.» о «Красном Октябре» написано: «29 ноября в 9 ч 20 мин буксир «Красный Октябрь» у входа в порт Поти в штормовую погоду перевернулся и затонул»[1].

Глава 10

ЗАБЫТЫЕ ДЕСАНТЫ — ЕВПАТОРИЯ, СУДАК, АЛУШТА

Бои в Крыму с 25 декабря 1941 г. по 2 января 1942 г. вошли в историю как Керченско-Феодосийская десантная операция. В чем-то это справедливо, ведь основные боевые действия происходили на Керченском полуострове. Но в тени этого сражения остались небольшие десанты в Евпаторию, Судак и Алушту.

По первоначальному замыслу советского командования войска 51-й и 44-й армий должны были объединиться и развить наступление в направлении Карасубазара. Одновременно должны были наступать войска Приморской армии из Севастополя в направлении Бахчисарай — Симферополь. По ходу наступления должны быть высажены десанты: с Кавказа — в район Судака и Алушты, из Севастополя — в районы Евпатории и Ялты.

[1] Справочник потерь Военно-морского и торгового флотов Советского Союза Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 38.

План наступления был составлен грамотно. Легко предположить, что даже небольшому числу немецких войск будет нетрудно удержать узкий Керченский перешеек, а затем, подтянув резервы, контратаковать советский десант. Можно ли было надеяться, что части СОР, не имея достаточного количества гаубиц и мортир (да и боеприпасов к орудиям имелось крайне мало), без тяжелых танков быстро прорвут глубокоэшелонированную, со сложным рельефом местности оборону немцев и выйдут на оперативный простор?

И тут важную роль должны были сыграть десанты в Судак, Алушту, Ялту и Евпаторию. Там было сосредоточено мало войск противника, да и в основном не немцы, а румыны. Благодаря этим десантам противник в Крыму мог оказаться практически в кольце. Десантники, высаженные у Евпатории и Судака, могли быстро перерезать дороги, связывавшие Севастополь с Симферополем, Феодосией и Керчью. Но, увы, командование Черноморского флота выделило для десантов ничтожные силы, да и те высаживались с большим интервалом времени. Везде даже малым силам десанта сопутствовала удача, но затем из-за отсутствия подкреплений и должной огневой поддержки кораблей десанты погибали, не сумев решить поставленных задач.

3 января 1942 г. адмирал Октябрьский сообщил находившемуся в Новороссийске начальнику штаба флота для доклада командующему Кавказским фронтом, что в Севастополе был подготовлен десант для высадки в районе Евпатории в составе одного батальона в качестве первого эшелона и одного батальона в качестве второго эшелона. Высадку намечалось произвести как только позволит погода.

Район Евпатории благоприятствовал высадке десанта, что в свое время показала Крымская война. Но вот

высаживать туда два батальона было по меньшей мере глупостью, если не преступлением. Нетрудно догадаться, что немцы могли перебросить в тот район значительные силы и легко уничтожить десант. Высаживать следовало как минимум дивизию. И командование СОРа могло выделить для десанта в Евпатории достаточно сил, благо немцы в начале января и не помышляли о штурме города, тем более что к 4 января в Севастополь прибыла 386-я стрелковая дивизия.

Первый эшелон десанта в Евпатории состоял из усиленного батальона морской пехоты под командованием капитан-лейтенанта Г.К. Бузинова. В батальон была включены рота войск НКВД (100 чел.) из 24-й погранкомендатуры. Всего в десанте было более 700 человек.

Для высадки первого эшелона был сформирован отряд кораблей в составе быстроходного тральщика «Взрыватель», буксира СП-14 и 7 сторожевых катеров типа МО-4 (МО-041, МО-081, МО-062, МО-0102, МО-0195, МО-0125, МО-036) из состава 1-го и 2-го дивизионов ОВР главной базы. Командиром отряда кораблей и командиром высадки был назначен уроженец Евпатории, начальник штаба Новороссийской военно-морской базы капитан 2 ранга Н.В. Буслаев, военкомом — военком ОВР главной базы полковой комиссар А.С. Бойко.

На буксир СП-14 погрузили три танкетки (видимо, Т-38 или Т-39), а также три 45-мм противотанковые пушки.

В 23 ч 30 мин 4 января соединение скрытно вышло из Севастополя. В 2 ч 41 мин 5 января корабли с десантом подошли к точке тактического развертывания и по сигналу с флагмана направились к заранее условленным пунктам высадки у Евпатории. Часть сторожевых катеров МО с ходу подошла вплотную к берегу без всякого противодействия со стороны противника. В 3 часа ночи началась высадка с катеров на причалы Хлебной

и Товарной пристаней. С левой стороны пассажирской пристани швартовался буксир СП-14. Удачно причалил и тральщик «Взрыватель».

Высадка была произведена быстро и закончилась к 6 часам. Вместе с первым эшелоном десанта были высажены работники оргбюро обкома партии во главе с Я.Н. Цыпкиным и Ф.А. Павловым, чекисты во главе с капитаном госбезопасности Л.М. Полонским, работники милиции под руководством майора С.И. Иванова и капитана П.В. Березкина и работники особого отдела Черноморского флота во главе с майором А.И. Галушкиным. Они должны были «восстановить в Евпатории советскую власть, а в случае неудачи десанта остаться в тылу врага для разведывательной и диверсионной работы».

Видимо, на помощь десантникам пришли местные жители, что дало повод Манштейну написать: «Одновременно в городе вспыхнуло восстание, в котором участвовала часть населения, а также просочившиеся, по-видимому, извне партизаны. Незначительные силы охранения, выделенные для обороны города и порта, не смогли помешать высадке и подавить восстание. Румынский артиллерийский полк, предназначенный для береговой обороны, оставил свои позиции»[1].

А теперь обратимся к «Хронике...»: «Корабли и десант подверглись обстрелу артиллерийским и минометным огнем противника и беспрерывной бомбардировке с воздуха. Ведя уличные бои, десант нес большие потери и в 9 ч 00 мин продвижение его было приостановлено. Около 10 ч 30 мин радиосвязь с десантом прекратилась.

Около 14 ч 00 мин тральщик «Взрыватель» расстрелял весь боезапас своего 100-мм орудия. К этому времени он имел серьезные повреждения и большие потери в личном составе. Вскоре накатом волны «Взрыватель» был выброшен на мель в районе соляных промыслов.

[1] Манштейн Э. Утерянные победы. С. 262—263.

Высланные из главной базы в Евпаторию торпедные катера № 91 и 111 с боезапасом в районе Качи были атакованы авиацией и обстреляны береговой батареей противника, в результате чего катер № 91 затонул, личный состав его погиб, а катер № 111 возвратился в главную базу. Вторично посланные в Евпаторию два торпедных катера с боезапасом задание не выполнили; № 111 сел на мель в районе Евпатории, а второй катер вернулся в базу, не найдя тральщика «Взрыватель». Немцы сняли катер с мели и ввели в строй под названием S-47.

В 23 ч 32 мин поврежденный морской буксир СП-14 и пять сторожевых катеров МО возвратились из Евпатории в Севастополь. Связь с высаженным в Евпатории десантом отсутствовала»[1].

Создается впечатление, что евпаторийский десант умышленно послали на убой. Авиация СОРа занималась всем, чем угодно, только не помощью десанту. Цитирую «Хронику...» за 5 января: «В первую половину ночи четыре И-153, четыре И-15 и два У-2 бомбардировали и штурмовали вражеские войска в районах селений Дуванкой, Гаджикой и Биюк-Отаркой. В Гаджикой было уничтожено девять автомашин и пять построек, а в Дуванкое возникли два пожара.

Два ДБ-3 и семь МБР-2 бомбили немецкий аэродром Сарабуз. Бомбы были сброшены в расположение восьми самолетов, стоявших в северо-западной части аэродрома. Противник не оказывал противодействия.

Во вторую половину ночи два ДБ-3 бомбили селение и аэродром Карасубазар, но немецких самолетов на этом аэродроме не обнаружили; в селении были отмечены три сильных взрыва. Один ДБ-3 снова бомбил аэродром Сарабуз. Два И-15-бис нанесли удар по вражеским автомашинам в селении Гаджикой, уничтожив три машины.

[1] Хроника... Вып. 2. С. 12.

В первую половину дня один МБР-2 опять бомбил аэродром Сарабуз; разрывы бомб были отмечены в расположении десяти вражеских самолетов. Пять МБР-2, один ГСТ, три Пе-2, два Ил-2, четыре И-16 и два Як-1 бомбардировали войска противника в селениях Дуванкой, Биюк-Отаркой, Гаджикой, Орта-Кесек, Карасубазар и др.

Во вторую половину дня четыре Пе-2, два Ил-2, три И-16 и два Як-1 нанесли удар по немецким автоколоннам на дороге Симферополь — Курман-Кемельчи, на дороге Николаевка — Саки — Евпатория и на дороге Мамашай — Кача.

[И лишь] два Пе-2 в сопровождении четырех Як-1 бомбардировали вражеские войска в Евпатории (в районе Курзала)»[1].

Какой прок от ночных штурмовок истребителями «вражеских автомашин»? У них что, приборы ночного видения были? А вот помочь десантникам авиация могла, да заодно и корректировать огонь корабельной артиллерии.

4 января в 5 ч 07 мин крейсер «Молотов» вошел в главную базу. А в Евпатории уже 2 часа шел бой. Посмотрим на карту. «Молотову» потребовалось бы пройти всего 12 км на север от Севастополя, чтобы Евпатория оказалась в зоне огня его 180-мм пушек, то есть потребовалось бы всего 20—25 минут полного хода.

Разумеется, десант могли поддержать и эсминцы огнем своих 130-мм орудий. Вместо этого 5 и 6 января крейсер «Молотов» и лидер «Ташкент», стоя на якоре в Севастопольской бухте, вели огонь по вражеским войска на фронте главной базы. «Молотов» сделал 251 выстрел, а «Ташкент» — 68 выстрелов.

Понятно, что Манштейн, в отличие от наших гениальных адмиралов и не менее гениальных генералов, сообразил, что потеря Евпатории может привести к поте-

[1] Хроника... Вып. 2. С. 11—12.

ре всего Крыма. Он писал: «Хотя обстановка на феодосийском участке была очень серьезной, командование армии вынуждено было все-таки решиться на то, чтобы повернуть первый же направлявшийся туда на автомашинах с южного фронта из-под Севастополя полк (105-й пехотный полк) и послать его в Евпаторию с задачей возможно скорее уничтожить высадившиеся здесь войска и поддерживающие их вооруженные элементы из населения. Находившиеся в распоряжении командования армии разведывательный батальон 22-й пехотной дивизии, несколько батарей и 70-й саперный батальон уже ранее были направлены в Евпаторию»[1].

6 января в 2 ч 15 мин эсминец «Смышленый» и базовый тральщик № 27 вышли из Севастополя в Евпаторию для высадки десанта. Но погода не благоприятствовала операции — дул 7-балльный юго-западный ветер, на море было волнение до 5 баллов. Все это помешало выполнению задания, и корабли ушли в главную базу. «Смышленый» в районе Евпатории был обстрелян немецкой батареей.

В тот же день в 20 ч 26 мин из Севастополя в Евпаторию для высадки десанта вышел еще один отряд кораблей в составе лидера «Ташкент», тральщика № 27 и двух сторожевых катеров МО. Но погода не улучшалось, попрежнему дул юго-западный ветер силой до 7 баллов, волнение на море усилилось до 6 баллов, и от высадки пришлось отказаться. 6 января авиация СОРа наносила интенсивные удары по врагу. Цитирую «Хронику»: «В первую половину дня четыре Ил-2 в сопровождении четырех И-16 нанесли удар по войскам противника в лощине, что севернее отметки 35,7; были уничтожены две автомашины, три повозки и подавлены три минометные батареи.

Шесть Ил-2 в сопровождении восьми И-16, двух Як-1 и двух МиГ-3 нанесли штурмовой удар по десяти вра-

[1] Манштейн Э. Утерянные победы. С. 263.

жеским минометам в лощине к северу от отметки 37,5 и по орудию у отметки 48,68.

Во вторую половину дня четыре И-153 бомбардировочными и штурмовыми ударами уничтожили немецкую полевую батарею в районе высоты 133,3.

Шесть Пе-2, вылетая поодиночке, последовательно бомбили, а два Ил-2 в сопровождении четырех И-16 штурмовали скопление пехоты и минометные батареи противника в районе высоты 103,9»[1].

А в 60 км от Севастополя погибал евпаторийский десант, но туда не было направлено ни одного самолета. На следующий день ВВС СОРа произвели 61 самолетовылет, но Евпаторию опять не бомбили.

7 января в 1 ч 27 мин лидер «Ташкент», базовый тральщик № 27 и два сторожевых катера МО, вышедшие накануне в 20 ч 27 мин в район Евпатории для высадки десанта, прибыли в Севастополь и в 20 часов снова вышли в море с той же задачей.

В тот же день в 20 ч 40 мин из Севастополя в район Евпатории для высадки диверсионной группы вышла подводная лодка М-33.

Рано утром 8 января недалеко от маяка подводная лодка М-33 высадила 13 разведчиков во главе с батальонным комиссаром У.А. Латышевым, которые проникли в город и передали по радио сообщение о гибели десанта. Из-за шторма подводная лодка не смогла подойти к берегу и принять разведчиков. И 14 января наши разведчики были обнаружены в Евпатории немцами. В 15 ч 49 мин Латышев передал открытым текстом: «Мы подрываемся на своих гранатах. Прощайте!»

8 января в 1 ч 45 мин лидер «Ташкент» обстреливал батареи противника и прожектор в порту Евпатории. Немцы отвечали артогнем и светили прожекторами. Высаженная на берег разведгруппа донесла, что все пристани в порту были заняты немцами, причем на одной из пристаней находился прожектор, а на другой —

[1] Хроника... Вып. 2. С. 14.

батарея. Боя в городе не было. У вокзала горели дома. Не установив связи с ранее высаженным десантом и встретив сильное огневое сопротивление противника, отряд кораблей в составе «Ташкента», базового тральщика № 27 и двух сторожевых катеров МО в 8 часов утра вернулся в главную базу.

В Евпатории же тральщик «Взрыватель», выброшенный на берег, был расстрелян в упор германскими танками, вышедшими на пляж.

Манштейн писал: «Посланным в Евпаторию частям, находившимся сначала под командованием полковника фон Гейгля, а затем полковника Мюллера (командира 105-го пехотного полка), удалось в тяжелых уличных боях одержать верх над противником. Особенно упорное сопротивление оказывали повстанцы и партизаны, засевшие в большом здании. Не оставалось наконец ничего другого, как подорвать это здание с помощью штурмовых групп саперов. В боях в Евпатории наряду с многими храбрыми солдатами пал смертью героя и командир разведывательного батальона подполковник фон Боддин, один из храбрейших наших офицеров и горячо любимый солдатами командир. Он был застрелен партизанами, находившимися в засаде.

7 января бой в Евпатории был кончен. Высадившиеся войска русских были частично уничтожены, частично взяты в плен. Было убито около 1200 вооруженных партизан»[1].

Десант в Судак планировалось провести синхронно с евпаторийским десантом. Первоначально намечалось высадить в ночь на 6 января усиленный батальон 226-го полка 63-й стрелковой дивизии 44-й армии. Доставку и высадку десанта должны были осуществить эсминец «Способный» и сторожевой катер.

5 января капитан 3 ранга Е.А. Козлов (командир «Способного») получил от начальника штаба Черноморского флота приказание в 20 часов 5 января выйти

[1] Манштейн Э. Утерянные победы. С. 263.

из Новороссийска совместно со сторожевым катером СКА-0111 и к 6 часам утра 6 января высадить десант в районе Судака, в случае противодействия противника прикрыть высадку артиллерией корабля. После высадки десанта обстрелять Судак и Биюк-Кучук. По выполнении задания вернуться в Феодосию.

Приняв на борт десант морской пехоты в количестве 218 человек из 226-го горнострелкового полка (из которых 35 человек с автоматами были посажены на СКА-0111 для первого броска), боезапас и продукты, корабли в 21 час 5 января вышли из Новороссийска. Но сторожевой катер не мог дать более 16 узлов, а затем из-за усилившейся волны и неисправности мотора его ход уменьшился до 10 узлов. Поэтому командир эсминца решил взять с катера десантников и выполнить задачу самостоятельно.

В 4 ч 53 мин 6 января «Способный» подошел к Судаку. Дул семибалльный ветер, море было до 5 баллов. Прямо на берег бил сильный накат волны. Пройдя вдоль берега до мыса Чеканный, командир эсминца решил произвести высадку в этом месте, так как мыс был прикрыт от ветра и бурунов.

В 5 ч 40 мин с эсминца спустили катер с 12 автоматчиками. Высадившись на берег, десантники противника вблизи не обнаружили и закрепились. После этого переброска десанта производилась одновременно катером и шлюпкой, которые брали по 35 человек с вооружением и сделали по 7 рейсов.

В 8 ч 50 мин, подняв на борт катер и шлюпку, «Способный» снялся с якоря и с 9 ч 21 мин до 9 ч 50 мин обстреливал Судак и Биюк-Кучук, а затем пошел в Феодосию, куда и прибыл в 0 ч 30 мин 7 января.

Десантники попытались захватить германскую комендатуру[1] в поселке Новый Свет. Нападение было отбито, командир группы и несколько бойцов убито.

[1] Так сказано в «Хронике...». На самом деле германских войск в Новом Свете не было, а речь идет, видимо, о румынской комендатуре или о штабе татарских войск самообороны.

Остальные десантники ушли в лес, на гору Перчем. Группа держала под наблюдением дорогу Алушта — Судак до прихода основных сил полка.

Замечу, что адмирал Октябрьский и Военный совет Черноморского флота всеми силами противились высадке десантов, мотивируя это тем, что противник, учтя опыт Керчи и Феодосии, усилил оборону отдельных пунктов Южного берега Крыма и что поэтому малочисленные десанты успеха иметь не будут, так как не смогут соединиться со своими войсками в течение нескольких дней и будут уничтожены противником.

Кроме того, флот имел большие потери в корабельном составе. В связи с этим, а также учитывая дальнейшие операции флота и большие перевозки по обеспечению войск Крыма, Военный Совет флота просил командующего флотом не организовывать в данное время дополнительных десантов, а ограничиться лишь действиями кораблей флота по поддержке фланга армии огнем корабельной артиллерии в ночное время.

Командующий фронтом в уточнение директивы от 8 января предложил высадить небольшие десанты в районе Мамашай — Кача и в южной части Евпаторийского залива с целью воздействовать на тылы противника, а через день-два соединиться со своими частями, наступающими на Дуванкой — Бахчисарай. В южной части Крымского полуострова, на участке Форос — Алупка — Ялта в ночь на 12 января провести набеговую операцию с одновременной высадкой десанта в районе Судака. Действия этого десанта поддержать огнем корабельной артиллерии.

10 января начальник штаба Черноморского флота доложил Военному совету Кавказского фронта план десантной операции в районе Судака, утвержденный Военным советом флота. План этот состоял в следующем.

1. Десант в районе Судака высадить с боевых кораблей (крейсера «Красный Крым», канонерской лодки

«Красный Аджаристан», эскадренного миноносца «Сообразительный» и четырех сторожевых катеров МО) в составе 226-го горнострелкового полка (1750 бойцов при четырех 76-мм горных орудиях).

Начало высадки — в 1 час 00 мин 13 января. Артиллерийская подготовка — по обстановке. Задача 226-го горнострелкового полка — во взаимодействии с Коктебельской группировкой наших войск овладеть районом Судак — Кутлак и действовать в направлении селения Салы для удара во фланг Сальской группировки противника.

После высадки десанта крейсер «Красный Крым» и эсминец «Сообразительный» с двумя сторожевыми катерами отходят в Новороссийск, а канлодка «Красный Аджаристан» и два сторожевых катера остаются в районе Судака для огневой поддержки высаженного десанта. Эти корабли должны прикрываться истребительной авиацией 44-й армии. Бомбардировочная авиация флота будет действовать по войскам противника на дороге Ялта — Судак.

2. Одновременно с высадкой десанта в Судаке, на сторожевых катерах МО произвести высадку десанта в Алуште в составе 35 человек. Задача диверсионного десанта — отвлечь внимание противника от десанта в районе Судака. С рассветом диверсионная группа будет снята теми же сторожевыми катерами МО.

3. Линкор «Парижская Коммуна» в охранении трех эсминцев будет обстреливать селение Салы, а крейсер «Красный Крым» — селение Старый Крым с 2 ч 00 мин до 3 ч 00 мин 12 января.

Как видим, план был составлен неплохо...

Замечу, что линкор «Парижская Коммуна» в январе 1942 г. действовал довольно интенсивно. Так, 5 января линкор в сопровождении эсминца «Бойкий» в 16 ч 15 мин вышел из Новороссийска в район Феодосии для обстрела позиции противника в районе селений Ста-

рый Крым и Салы. 6 января в 6 ч 55 мин линкор выполнил стрельбу, израсходовав 168 снарядов главного калибра, и возвратился в Новороссийск.

7 января «Парижская Коммуна» и «Бойкий» ушли из Новороссийска в Поти и прибыли туда 8 января в 10 ч 30 мин. В 7 ч утра 11 января «Парижская Коммуна» в охранении эсминца «Свободный» вышла опять для обстрела позиций противника в районе селений Старый Крым и Салы. Уже в море «Свободный» повернул на Поти, а его место заняли эсминцы «Бодрый» и «Железняков». 12 января с 2 ч 32 мин до 2 ч 59 мин линкор выполнил стрельбу главным калибром по позициям противника в районе селений Старый Крым и Салы, израсходовав 139 снарядов, и в 8 ч 35 мин 13 января возвратился в Поти.

В 16 ч 40 мин 14 января канонерка «Красный Аджаристан», приняв на борт 580 человек десанта, совместно с отрядом высадочных средств, на которые также было принято 136 десантников, вышли из Новороссийска в район Судака.

В 13 ч 15 января отряд корабельной поддержки (линкор «Парижская Коммуна» и эсминцы «Безупречный» и «Железняков») и отряд высадки (крейсер «Красный Крым» с 500 десантниками и эсминцы «Сообразительный» и «Шаумян» также с бойцами десанта) вышли из Новороссийска. В 14 ч эти корабли обстреляли появившийся самолет-разведчик и, чтобы обмануть неприятеля, легли на курс 260°, который вел значительно южнее Севастополя.

В пути выяснилось, что подразделения десанта при посадке перепутали названия кораблей. Поэтому подразделение, которое должно было погрузиться на «Шаумян», оказалось на «Сообразительном». Выяснив это, командир 226-го горнострелкового полка по семафору поставил частям десанта, шедшим на эсминцах, новые задачи соответственно их новым местам высадки.

С наступлением темноты отряд изменил курс и в 22 ч 30 мин пришел в точку рандеву, но ни канонерки «Красный Аджаристан», ни сторожевых катеров не обнаружил. Не задерживаясь, отряд пошел к району высадки десанта, а канонерке и сторожевым катерам по радио было приказано следовать к месту высадки самостоятельно.

Навигационное обеспечение перехода осуществляли подводные лодки Щ-201 и М-55. Одна стояла на якоре в 25 кабельтовых от Судака, а другая — в 5 милях к югу от первой. В назначенное время они включали огни, дальность видимости которых составляла 5—7 миль.

В 23 ч «Сообразительный» и «Шаумян» пошли к своим местам высадки, а остальные корабли — к местам артиллерийских позиций. С 23 ч 45 мин 15 января до 0 ч 25 мин 16 января корабли обстреливали район высадки главных сил десанта.

15 января в 13 ч линкор «Парижская Коммуна» вышел из Новороссийска и в ночь на 16 января обстрелял район Судака, выпустив сто двадцать пять 305-мм и пятьсот восемьдесят пять 120-мм снарядов, причем часть из них были осветительными.

В полночь на 16 января эсминцы «Свободный» и «Шаумян» начали высадку десанта. Первый — в бухте Новый Свет, а второй — восточнее мыса Эльчан-Кая.

В 0 ч 44 мин 16 января началась высадка десанта с канонерки «Красный Аджаристан», которой удалось в назначенном месте удачно приткнуться носом к берегу, а в час ночи началась высадка с «Красного Крыма». К 5 часам утра катера отряда высадки закончили переброску десанта с крейсера на берег, а в 6 часов закончила высадку и канонерская лодка. После чего корабли пошли в свои базы.

В 15 ч 25 мин 16 января в Новороссийск прибыл «Красный Крым», в 17 ч 22 мин — «Шаумян», а ровно в полночь — «Сообразительный». 17 января в 11 ч 25 мин в Новороссийск пришла канонерка «Красный Аджаристан».

В 9 ч утра 17 января «Парижская Коммуна» в охранении эсминцев «Безупречный» и «Железняков» прибыла в Поти.

Дальнейшие действия десанта неясны. О них молчит «Хроника...», а Г.И. Ванеев пишет коротко и неясно: «Противник не оказал существенного сопротивления десанту. Это объясняется тем, что его 30-й и 42-й корпуса в это время наступали на Феодосию. Войска Кавказского фронта отошли на Керченский полуостров и заняли оборону в самом узком его месте — на Ак-Манайских позициях. В сложившейся обстановке 226-й горнострелковый полк не мог повлиять на обстановку и вынужден был перейти к обороне. Полк геройски удерживал занятый в Судаке прибрежный плацдарм»[1].

То есть войск противника вроде бы и не было, но полк вел с кем-то упорные бои. Надо ли говорить, что этим противником могли быть только татары.

В ночь на 23 января эсминец «Бодрый» доставил боеприпасы и продовольствие 226-му горнострелковому полку, действовавшему в районе Судака. Несмотря на то что в ночь на 23 января шторм достигал 9 баллов, эсминец выпустил по берегу 273 снаряда.

22 января командующий Черноморским флотом приказал в ночь на 23 января высадить десант в районе Судак — Новый Свет в составе 544-го горнострелкового полка 138-й горнострелковой дивизии. 544-му полку после высадки надлежало войти в подчинение командиру 226-го горнострелкового полка.

Для проведения этой десантной операции был выделен отряд кораблей в составе крейсера «Красный Крым», эсминцев «Сообразительный», «Безупречный» и «Шаумян» и отряд высадочных средств в составе базового тральщика № 412 и шести сторожевых катеров типа МО. Для обеспечения подхода кораблей к берегу

[1] Ванеев Г.И. Севастополь 1941—1942. Кн. 2. С. 28.

в районе Судака находились подводные лодки Щ-201 и М-55. Корабли отряда находились в Туапсе, а отряд высадочных средств — в Новороссийске.

«Красный Крым» и «Шаумян» приняли на борт личный состав 554-го горнострелкового полка (1576 человек), после чего «Красный Крым» с эсминцами «Сообразительный» и «Безупречный» в 16 часов 23 января вышли из Туапсе в Новороссийск. «Шаумян», получивший в Туапсе во время шторма незначительные повреждения, шел самостоятельно. К 7 часам утра 24 января все корабли, участвовавшие в операции, сосредоточились в Новороссийске.

В тот же день в 10 ч 40 мин отряд высадочных средств вышел из Новороссийска, а в 12 часов вышли и корабли с десантом.

В 22 ч 15 мин с «Красного Крыма» заметили красный огонь с подводной лодки Щ-201, а вскоре обнаружили и отряд высадочных средств. «Красный Крым» и «Шаумян», став на якорь, спустили шлюпки и баркасы и в 23 ч 30 мин начали высадку десанта.

В это время «Безупречный» и «Сообразительный» отошли, первый — к западу, а второй — к востоку от места высадки, чтобы немедленно подавить огневые точки противника, если они откроют огонь по десанту с флангов. С «Безупречного» были спущены две шлюпки и отосланы к «Шаумяну» для помощи в высадке десанта.

Сторожевые катера МО, переправив отряд моряков с тральщика № 412 на берег, тоже подошли к «Шаумяну» и к «Красному Крыму» для помощи в высадке десанта. Катера в первую очередь перевозили с крейсера боезапас и продовольствие, а баркасы высаживали личный состав десанта. Противник помех не оказывал.

Но высадочных средств не хватало, погодные условия осложняли перевозку десанта — на море было довольно сильное волнение, шлюпки быстро обледенялись, разгрузка на берегу шла медленно, так как там имелась

лишь одна небольшая пристань, у которой катера разгружались только по одному. Все это сильно затянуло высадку.

В 23 ч 45 мин с берега прибыл представитель 226-го горнострелкового полка и сообщил, что бои идут в районе селения Большой Таракташ. Он просил поддержать полк огнем корабельной артиллерии. Для более точного выяснения обстановки на берег был послан представитель флота, который возвратился в 3 ч 30 мин 25 января. А в 5 ч 17 мин «Сообразительный» открыл огонь по противнику.

К 6 часам утра 25 января высадка десанта в основном закончилась, лишь на крейсере «Красный Крым» оставалось еще 250 десантников. При усилившемся волнении моря для их высадки потребовалось еще более часа, а близость рассвета не позволяла кораблям задерживаться у места высадки. Поэтому в 6 ч 05 мин десантный отряд кораблей снялся с якоря и пошел в Новороссийск. Сторожевым катерам МО было приказано выгрузить с тральщика № 412 весь боезапас, принять с берега раненых и с рассветом отходить в Новороссийск.

В 16 ч 30 мин десантный отряд кораблей прибыл в Новороссийск. А тральщик № 412, полностью выгрузив боезапас и приняв на борт 200 раненых, в 8 ч 30 мин вышел из района Судака и в 17 ч 05 мин благополучно прибыл в Новороссийск. В 22 часа в базу вернулся последний сторожевой катер из отряда посадочных средств.

О судьбе второго и третьего судакских десантов известно немногое. В ночь на 17 января удалось высадить 1750 человек с четырьмя 76-мм полковыми пушками обр. 1927 г. под командованием майора Селихова. Румынский гарнизон бежал из Судака, не дожидаясь подхода десантников.

К вечеру 17 января десантники захватили Кучук-Таракташ и Биюк-Таракташ. Майор Селихов поставил по роте солдат на алуштинскую и грушевскую дороги. Для

охраны Судака он оставил часть бойцов и две пушки и с главными силами приступил к решению основной задачи, поставленной перед полком: соединиться с Феодосийским десантом.

Передовая группа судакского десанта вошла в селение Оттузы и столкнулась с врагом. Ни один человек из этой группы не вернулся. Видимо, как и при первом десанте, активное участие в боях принимали татарские отряды самообороны, что по идеологическим причинам не афишировалось ни в советское время, ни сейчас, при «самостийной» власти в Крыму.

В ночь на 26 января в Судаке был высажен 554-й горнострелковый полк под командованием майора Забродоцкого. Всего высадилось 1376 десантников и 150 морских пехотинцев. Высаженный полк также был не обстрелян и слабо вооружен. Высадка проходила под огнем артиллерии и танков противника. Десантники понесли большие потери. В районе Малого Таракташа были окружены и уничтожены около 800 человек. Уцелевшим десантникам пришлось уйти в лес на соединение с партизанами. В первый партизанский район с Селиховым пришло около 350 человек.

Синхронный с евпаторийским и судакским десант в Алушту провалился, так и не начавшись. Первый алуштинский десант был погружен на корабли в Новороссийске. В 17 часов 5 января крейсер «Красный Крым», базовый тральщик № 13 и четыре сторожевых катера МО вышли из Новороссийска в район Алушты для высадки десанта. Однако из-за метеоусловий командир крейсера А.И. Зубков решил вернуться обратно. В 13 ч 30 мин соединение благополучно прибыло в Новороссийск.

В чем причина провала малых десантов и вообще всей операции по освобождению Крыма в январе—феврале 1941 г.? Прежде всего в недооценке роли десантов в Евпатории, Алуште и Судаке. Безусловно, высадка десанта на Керченском полуострове была технически бо-

лее удобна советскому командованию. Однако с учетом узости Керченского полуострова (перешеек, соединяющий полуостров с Крымом, всего 16 км, а от перешейка до Керчи около 45 км), а также с учетом плохой мобильности советских войск и хорошей — немецких нетрудно было догадаться, что Манштейн сумеет перебросить значительную часть войск из-под Севастополя на перешеек.

Что же касается войск СОРа, то развернуть решительное наступление на оставшиеся под Севастополем немецкие войска было нереально из-за немецких укреплений вокруг Севастополя, хорошо вписавшихся в рельеф местности. Поэтому большой десант (несколько дивизий) в районе Евпатории мог решить судьбу Крыма. Район Евпатории для десанта был гораздо более удобен, чем любой другой район Крыма. Вспомним высадку союзников в 1854 г. Крупные десанты в районах Алушты и Коктебеля могли также привести к расчленению германских войск.

Все десанты следовало производить синхронно. К огневой поддержке следовало привлечь все без исключения корабли Черноморского флота, начиная с линкора, не считаясь с потерями в корабельном составе. Увы, ничего этого сделано не было. Как мы видим, десанты были крайне слабые и высаживались асинхронно. Создается впечатление, что наши адмиралы играли с немцами в поддавки.

Глава 11
ТАЙНЫ ПОГИБШИХ КОРАБЛЕЙ

Как уже говорилось, оборона Крыма была организована советским командованием из рук вон плохо. Причем поражает одно обстоятельство: почему никто и не подумал в случае прорыва немцев в Крым организовать оборону Южного берега Крыма. Сама природа сделала

узкую полоску земли у моря практически недоступной из степных районов Крыма. Южный берег Крыма был тогда соединен с основным Крымом лишь тремя очень плохими и извилистыми горными дорогами: первая — Симферополь — Алушта; вторая шла через гору Ай-Петри на Ялту и третья — через перевал Байдарские ворота на Форос.

Тот, кто контролировал море, автоматически контролировал и Южный берег Крыма. Но, увы, ни сухопутное командование, ни флот не захотели оборонять его.

Совершенно бездарно происходила и эвакуация с Южного берега Крыма. Это привело к страшной трагедии 7 ноября 1941 г.

4 ноября в 5 ч 40 мин утра транспорты «Армения» и «Абхазия» в охранении эсминца «Способный» и базового тральщика «Груз» вышли из Туапсе в Севастополь. Но уже в 11 часов на теплоходе «Армения»[1] вышел из строя дизель, и ему пришлось вернуться в Туапсе. Однако на следующее утро «Армения» все же ушла в Севастополь.

Утром 6 ноября теплоход вошел в Севастопольскую бухту, и там на него погрузили несколько сотен раненых бойцов, а также эвакуируемых граждан. Погрузка шла в полном беспорядке, никто не только по фамилиям не переписывал садившихся на теплоход, не было даже точно известно их число.

До сих пор наши историки и мемуаристы скрывают от народа, что в ноябре 1941 г. в Севастополе была паника, и начальство решило сдавать город. В результате из Севастополя было вывезено все, что ни под каким

[1] Грузопассажирский теплоход «Армения» построен в 1927—1928 гг. на верфи Балтийского завода в Ленинграде. Полное водоизмещение 6700 т, длина 112,15 м, ширина 15,55 м, осадка 5,96 м. 2 дизеля по 2000 л.с. Скорость 12,6 уз. Пассажировместимость: 1-й класс — 60 чел.; 2-й класс — 192 чел.; 3-й класс — 266 чел; палубных пассажиров 462. На судне положено было иметь 16 спасательных шлюпок на 48 мест каждая, т. е. на 768 чел.

видом нельзя было вывозить, если рассчитывать на длительные бои за главную базу флота. Это касается как боеприпасов, так и медперсонала. Так, на «Армению» был посажен персонал главного госпиталя Черноморского флота, военно-морского госпиталя, развернутого на базе санатория «Максимова дача», санитарно-эпидемиологической лаборатории, 5-го медсанотряда, базовой флотской поликлиники и ряда гражданских лечебных учреждений.

И вот «Армения» покидает Севастополь. Ее пассажирам кажется, что все ужасы войны позади и через сутки их ждет гостеприимный курорт Туапсе.

Но, увы, какой-то начальник велел теплоходу идти в Ялту, к которой уже подходили германские войска. Фамилия, имя и отчество «умника» у нас, как всегда, совершенно засекречены. Нам уже 60 лет твердят о Великой Отечественной войне: «Никто не забыт, и ничто не забыто», и одновременно прячут концы в воду, чтобы никто не узнал фамилии тех, по чьей конкретно вине погибли тысячи людей.

Но кто бы ни отдал преступный приказ о походе в Ялту, вместе с ним должен нести ответственность и командующий флотом. Теплоход и так был забит людьми сверх положенной нормы. Рисковать столь ценным транспортом было попросту идиотизмом. В Севастополе стояли без дела десятки малых боевых и вспомогательных судов Черноморского флота, а также буксиры, шхуны и иные малые суда, принадлежавшие гражданским ведомствам, которые должны были вести эвакуацию войск и населения с Южного берега Крыма. А вот, повторяю, ценный транспорт «Армения» мог выйти из Севастополя на закате и утром быть у берегов Кавказа.

В этом случае у «Армении» была 100-процентная гарантия дойти целой и невредимой. (Если, конечно, не считать собственных мин.) Германская авиация не имела тогда радиолокационных прицелов для ночной атаки кораблей в море. Напомню, что в 1941 г. ни один наш

надводный корабль на Черном море не только не был потоплен, но даже не был атакован неприятельскими надводными кораблями или подводными лодками.

Рискну предположить, что причиной стало желание вывезти из Ялты каких-то партаппаратчиков. Так, согласно справке обкома[1], на «Армении» погибло 262 члена партии. Эвакуировалось и начальство пионерлагеря «Артек». Видимо, кто-то из партаппаратчиков решил прокатиться с комфортом.

Итак, капитан 3 ранга В.Я. Плаушевский привел «Армению» в Ялту. Там на теплоход село неучтенное число эвакуируемых (как видим, считали только коммунистов).

Утром 7 ноября теплоход в сопровождении двух сторожевых катеров вышел из Ялты в направлении Туапсе. В 11 ч 25 мин в точке с координатами ш = 44°15'5" и д = 34°17' теплоход был атакован одиночным торпедоносцем Хе-111, принадлежавшим 1-й эскадрильи авиагруппы I/KG28, базировавшейся на аэропорт Бузяу в 80 км от Бухареста. Самолет сбросил две торпеды. Одна прошла мимо, а вторая попала в носовую часть теплохода. Через 4 минуты «Армения» затонула. Погибли свыше 5 тысяч человек, катера спасли только 8 человек.

Остается загадкой и столь быстрое погружение теплохода, и столь малое число спасенных. При нормальных условиях сравнительно новый корабль водоизмещением 6700 т при попадании в носовую часть слабой авиационной 45-см, а не 53-см корабельной или лодочной торпеды тонул бы очень долго, а скорей всего вообще остался бы на плаву.

Г.И. Ванеев и другие историки возмущаются, мол, теплоход «был атакован самолетом-торпедоносцем, несмотря на то что транспорт имел отличительные знаки санитарного судна»[2].

---

[1] Крым в Великой Отечественной войне. Сборник документов и материалов. Симферополь, Таврия, 1973. С. 64.

[2] Ванеев Г.И. Севастополь 1941—1942. Кн 1. С. 67.

Но, увы, как говорят на Руси: «На заборе... написано, а там дрова». Какие бы знаки ни были написаны на теплоходе «Армения», он шел в конвое двух вооруженных катеров, а на борту теплохода были установлены четыре 45-мм пушки 21К. Так что германские летчики действовали в данном случае в полном соответствии с международным правом, хотя, вообще-то говоря, на него в 1941—1945 гг. плевать хотели обе стороны.

А 17 ноября произошел еще более загадочный случай. Согласно «Хронике...» в этот день в 20 ч 35 мин транспорт «Ногин», ледокол «Макаров», тральщик «Щит» и сторожевой катер вышли из Севастополя в Туапсе[1].

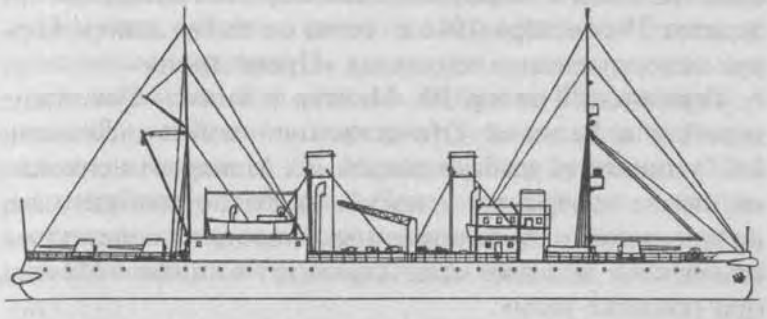
А вот в «Справочнике потерь...» говорится, что ледокол «Макаров» 17 ноября вышел из Туапсе в Севастополь. Другие авторы, пишущие об обороне Севастополя, также путаются. Но интересно другое — ледокол бесследно исчез.

Несколько слов стоит сказать об этом ледоколе. Он был построен для России в Англии. Полное водоизмещение 4600 т. Три паровые машины тройного расширения общей мощностью 6400 (6500) л.с. и шесть цилиндрических паровых котлов располагались в двух машинных отделениях и работали на три вала. Ледокол развивал скорость полного хода 14 узлов, экономичного хода — 8 узлов. Запас топлива 700 т угля обеспечивал дальность плавания экономичным ходом 3300 миль. Штатная численность экипажа 149 человек.

1 января 1917 г. ледокол введен в состав флотилии Северного Ледовитого океана под названием «Князь Пожарский». 7 февраля 1920 г. его переименовали в «Лейтенант Шмидт», а 12 июля 1921 г. — в «Степан Макаров».

В конце 1925 г. ледокол перешел на Черное море. До 22 июня 1941 г. «С. Макаров» обеспечивал продление

[1] Хроника... Вып. 1. С. 238.

Ледокол «Макаров».

навигации на Азовском море. С началом боевых действий на Черном море ледокол был мобилизован и вооружен как вспомогательный крейсер. На корабле установили 5 одноорудийных 130-мм артустановок (три в носовой части и две на корме), а также два 12,7-мм пулемета ДШК.

24 июля 1941 г. ледокол «С. Макаров», имея в охранении пять кораблей Черноморского флота, успешно отбуксировал из Николаева в Севастополь плавучий док грузоподъемностью 5000 т. В период с 7 по 9 августа 1941 г. «С. Макаров» совместно с буксиром «Силин» (капитан П.М. Бондаренко) под охраной канонерской лодки «Красная Армения» провел успешную буксировку железного плавучего дока «Марти» (4000—6000 т). На палубе дока находилось 26 паровозов, 10 тендеров и 52 локомотивные бригады. При завершении эвакуации из Николаева ледокол «С. Макаров» под обстрелом немецкой артиллерии вывел из порта корпус недостроенного крейсера «Куйбышев». При прохождении Днепро-Бугского и Очаковского каналов караван трижды подвергался налетам авиации, но умелое маневрирование и зенитный огонь эскорта помогли благополучно завершить переход. 22 октября 1941 г. ледокол участвует

в буксировке крупного плавдока из Ейска в Керчь. Последний заход в Мариупольский порт «С. Макаров» совершил 25 сентября 1941 г. Тогда он вывел в море корпус недостроенного теплохода «Пролетарий».

Германский автор Ю. Мейтер в книге «Советские корабли в Великой Отечественной войне» (Лондон, 1977) пишет: «Судьба ледокола «С. Макаров» неизвестна, почти наверняка — погиб. Согласно сообщениям, полученным от военнопленных, потоплен советскими самолетами западнее мыса Тарханкут в январе 1942 года при попытке уйти».

В газете «Флоту Україні» севастопольский историк Виталий Костриченко писал: «Откуда появились слухи о предательстве экипажа исчезнувшего ледокола? Возможно, что эти утверждения — плод фантазии «особистов», состряпавших в свое время не одно подобное дело об «измене». Интерпретации о судьбе исчезнувшего «С. Макарова» можно было услышать самые разнообразные: дескать, на ледоколе был бунт и часть экипажа хотела сдаться немцам. Капитан, комиссар и особо рьяные коммунисты были выброшены за борт. Однако радист ледокола успел открытым текстом выйти в эфир и сообщить командованию Черноморского флота о происшедшем. Затем то ли советская авиация, то ли наша подводная лодка перехватили и утопили мятежный ледокол... По другой версии — ледокол ушел к немцам и какое-то время служил у противника, курсируя между Констанцей и Одессой. После войны кто-то якобы видел «макаровские» краны в румынском порту Констанца. Клеймо предателей не обошло и семьи пропавших без вести моряков. Вплоть до середины пятидесятых годов им не выплачивались пенсии. В извещениях о гибели членов экипажа (подписанных заместителем начальника Черноморского пароходства А. Поликарповым) в качестве места гибели судна фигурировало Соленое озеро (Таманский полуостров). Датой гибели «С. Макарова» называлось 26 сентября 1941 года (хотя в последний поход судно ушло 17 ноября). Бои в районе Соленого озера действительно проходили, но 26 сентября 1943(!) года... Долгие годы ледокол числился без вести пропавшим судном»[1].

На самом же деле ледокол вышел из Севастополя. А наши «секретчики» в очередной раз довели дело до маразма и присвоили «С. Макарову» на время перехода название ледокол «Керчь». Зачем это сделано — психически здоровому человеку не понять. А главное, никто, кроме «особистов» и командира ледокола, об этом не знал.

И вот утром 18 ноября 1941 г. радисты Севастопольской охраны водного района приняли радиограмму, повергшую командование в недоумение: «Ледокол «Керчь». Подорвался на мине. Тону. Вышлите катера». Больше таинственный ледокол «Керчь» на связь не выходил. Поскольку о кодовом переименовании «С. Макарова» командованию Севастопольского оборонительного района никто не сообщил, то эту радиограмму приняли за очередную хитрость супостата, каким-то образом захватившего советские коды. Никаких катеров в условиях густого тумана, низкой облачности и интенсивного парения никто, естественно, посылать не стал.

Ледокол «Макаров» пошел ночью по фарватеру № 3 между минными полями, поставленными нашими мудрыми адмиралами в начале войны, хотя и был приказ торговым судам проходить фарватер лишь в светлое время суток. В итоге ледокол погиб на собственной мине недалеко от мыса Фиолент.

А теперь перейдем к секретной операции по выводу ледокола «Микоян» и трех танкеров из Черного моря.

Линейный ледокол «Микоян» (до 1938 г. он назывался «О.Ю. Шмидт») был заложен в Николаеве в ноябре 1935 г. Его полное водоизмещение 11 242 т, скорость 15,5 уз., дальность плавания 6000 миль. Ледокол, есте-

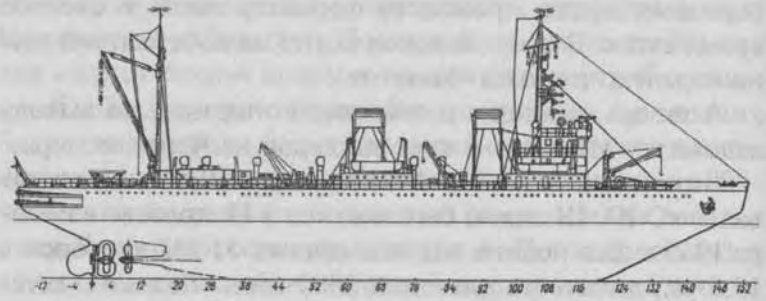
[1] Материалы сайта http://www.fleet.sebastopol.ua.

ственно, строился не для Черного моря, а для Арктики. К 22 июня 1941 г. ледокол достраивался на плаву. 28 июня он был зачислен в списки Черноморского флота как вспомогательный крейсер. На нем установили пять 130-мм, четыре 76-мм пушки и четыре 7,62-мм пулемета. «Микоян» несколько раз обстреливал позиции германских войск под Одессой.

5 ноября 1941 г. в Поти началось разоружение вспомогательного крейсера «Микоян» и подбор личного состава для выполнения «специального задания». Задание состояло в том, чтобы «Микоян» вместе с танкерами «Сахалин», «Туапсе» и «Варлаам Аванесов» прошел проливы и вышел в Средиземное море.

Танкеры были построены непосредственно перед войной. Водоизмещение их составляло около 10 тыс. т, а скорость хода 12—13 уз. Руководство сочло, что ледокол и танкеры не нужны на Черном море, но могут принести большую пользу на Севере или на Тихом океане.

25 ноября в 3 ч 45 мин ледокол «Микоян», транспорты «Сахалин», «Аванесов» и «Туапсе» в сопровождении лидера «Ташкент», эсминцев «Способный» и «Сообразительный» вышли из Туапсе в море. Конвой вышел в открытое море, взяв курс на Босфор. 30 ноября, выдер-

Ледокол «Микоян».

жав в пути жестокий шторм, подошли к турецкому берегу. Здесь боевые корабли пожелали танкерам и ледоколу «счастливого плавания» и повернули назад.

Войдя в Босфор, суда стали на якорь. Вскоре на «Микоян» прибыл советский военно-морской атташе в Турции капитан 1 ранга Родионов, а с ним английский офицер капитан-лейтенант Роджерс. В каюте капитана 2 ранга Сергеева состоялось совещание. Родионов сообщил собравшимся о решении Государственного комитета обороны, в котором ледоколу и танкерам ставилась задача прорваться в порт Фамагусту на Кипре, где танкерам предписывалось поступить в распоряжение союзного командования, а ледоколу следовать на Дальний Восток.

Задача была довольно сложной. Немцы и итальянцы заняли большую часть островов в Архипелаге, включая Крит и острова Додеканес. Однако кроме катеров, боевых кораблей у них на островах не было. На борту же ледокола и танкеров было лишь личное оружие.

В ночь с 30 ноября на 1 декабря ледокол прошел Дарданеллы и двинулся вдоль турецкого берега. Под утро капитан почти вплотную приткнул судно к островку в Эдремитском заливе, а как стемнело, снова отправился в путь. Так и шли по ночам вплотную к берегам, а днем стояли, втиснувшись в какую-нибудь щель между скал.

Две ночи благоприятствовали советским морякам — были темными и пасмурными. Но на третью выглянула полная луна, и как раз когда ледокол проходил между турецким мысом Карабурун и островом Родос, занятым немцами.

Дальнейшие события стали предметом мифотворчества. Так, И.В. Капустин пишет: «Первыми на «А. Микоян» налетели торпедные катера, за ними — бомбардировщики и торпедоносцы. Преследование и непрерывные атаки длились 23 часа, потребовав от личного состава ледокола максимального напряжения всех сил.

Благодаря умелому маневрированию судно удалось уберечь от многочисленных торпед противника. Израсходовав весь боезапас, фашисты были вынуждены оставить советский корабль. Этому способствовала и резко ухудшившаяся погода. «А. Микоян», имея более 500 пулевых и осколочных пробоин, продолжал свой путь. Моряки быстро привели в порядок свое судно, заделали пробоины в дымовых трубах, обеспечив необходимую тягу и увеличив ход».

Представьте себе картинку — торпедные катера, самолеты-бомбардировщики и торпедоносцы, 23 часа непрерывно атакующие огромную (длина 107 м, ширина 23,2 м) и тихоходную, а главное, беззащитную цель, не могут в нее попасть!

Некий Виталий Гройсман пишет: «Когда началась война, мне было всего четыре года. Мы тогда жили в городе Николаеве, это недалеко от Одессы. Мой отец, Александр Давидович Гройсман, служил на флоте, в Севастополе, на ледоколе «Анастас Микоян»...

Но в Средиземном море они встретили итальянское судно. А итальянцы, как известно, были союзниками немцев и наших арестовали. К несчастью, именно в тот момент мой отец, замполит и еще один их товарищ были в военной форме. Их взяли под стражу и поместили в тюрьму, пытали. Отец, конечно, всего мне не рассказывал, но я помню, как он упоминал, что их помещали в бочку с водой так, что только голова оставалась наверху, и держали в таком положении по несколько недель. Словом, пока кто-то из высшего руководства Советского Союза не приехал в Италию и стороны не договорились об освобождении команды, моряки так и подвергались пыткам.

Удивительно, но команде ледокола помогло даже не то, что советская сторона убеждала итальянцев, что ледокол «Анастас Микоян» имел гражданское назначение, а то, что при постройке ледокола использовались немецкие технологии и немецкое оборудование!

Короче, команду удалось освободить, и где-то в июле ледокол продолжил свой путь к Северному Ледовитому океану».

Комментарии, как говорится, излишни. Читатель спросит, а зачем я пересказываю подобные анекдоты? К сожалению, в средствах СМИ стало модным брать интервью у пожилых деток о делах отцов, услышанных ими в лучшем случае за семейным столом, а в худшем — из брошюр и статей.

На самом деле «Микоян» был атакован какими-то итальянскими катерами, вооруженными в лучшем случае крупнокалиберными пулеметами. Потопить огромный ледокол они, конечно, не могли, идти на абордаж не решились, но постреляли вволю по корпусу и надстройкам.

Как только показалась Фамагуста, навстречу судну устремились английские эсминцы с наведенными орудиями. Оказалось, что итальянцы, подобрав несколько деревянных вещей и спасательный круг с надписью «А. Микоян», раструбили на весь мир об уничтожении советского судна, и англичане поначалу приняли ледокол за сторожевой корабль противника.

С Кипра ледокол отправился на ремонт в Хайфу, а затем через Суэцкий канал благополучно прибыл в Красное море. Из Адена корабль вышел 1 февраля 1942 г. и направился необычным маршрутом вдоль восточного побережья Африки, мимо мыса Доброй Надежды, через Атлантический океан и вокруг мыса Горн к Сан-Франциско... Спустя девять месяцев после выхода из Туапсе, 9 августа 1942 г., ледокол, пройдя 25 000 миль, вошел в советские территориальные воды — Анадырский залив.

Танкеры в проливах передали всю нефть туркам. Но, по некоторым данным, это было платой за проход по проливам. Хотя юридически проход невооруженных судов через Босфор и Дарданеллы даже в ходе войны не противоречил конвенции, заключенной в 1936 г.

в Монтрё. Далее танкеры простояли несколько дней в безлюдной бухте Мраморного моря, где команды закамуфлировали их под транспорты, установили ложные надстройки, трубы и т. д.

Прорывались танкеры поодиночке, так же как и «Микоян», прижимаясь к турецкому берегу. Танкеру «Варлаам Аванесов» не повезло. Он был потоплен подводной лодкой — итальянской или германской U-625 — у мыса Баба примерно в 70 км от Дарданелл и в 14 км от острова Лесбос. Танкер «Сахалин» обошел остров Родос по проливу Карпатос, а не у турецкого берега. «Сахалин» зашел в кипрский порт Фамагуста, а затем был вооружен англичанами в Суэце. Далее он отправился вокруг Африки и Южной Америки, а затем через Магелланов пролив вошел в Тихий океан. Танкеру «Туапсе» тоже удалось прорваться к англичанам. Он погиб позже в Атлантике. 4 июля 1942 г. в Юкатанском заливе его торпедировала подводная лодка U-129.

Не менее таинственна гибель санитарного транспорта «Грузия». Этот теплоход был однотипным с уже известной нам «Арменией». Точнее, он принадлежал ко 2-й серии таких судов. «Грузия» была построена в 1928 г. в Германии на верфи Круппа в Киле. Теплоход имел водоизмещение 6050 т, длину 115,85 м, ширину 15,5 м; осадку 5,8 м; высоту борта 7,84 м. В качестве главных механизмов использовались два дизеля по 1950 л.с., которые работали на два четырехлопастных винта и обеспечивали скорость полного хода не менее 13,1 узла. Запас дизельного топлива 286 т обеспечивал дальность плавания 6540 миль (на полной скорости).

В июле 1941 г. теплоход «Грузия» получил зенитное вооружение — три 45-мм пушки 21К и два 12,7-мм пулемета ДШК.

В июле—октябре 1941 г. «Грузия» совершила несколько рейсов в Одессу.

Дата 14 октября 1941 года едва не стала для лайнера последней. В тот день «Грузия» встала под погрузку

в Одесском порту и приняла на борт 200 т боеприпасов, а также химическое имущество Одесской базы. Судно готовилось к приему раненых и эвакуированных (до 4000 человек!). Но в 13 часов 20 минут над портом поднялись два Ю-87, и один из них спикировал на «Грузию», сбросив четыре бомбы. В 13 часов 25 минут две фугасные авиабомбы поразили кормовую часть стоящего у причала судна. Оба попадания пришлись ближе к левому борту. Были пробиты все палубы, и бомбы разорвались на втором дне. Зона разрушений пришлась на 1—34-й шпангоуты, разрушена наружная обшивка по обоим бортам (2—7-й шп.). Обшивка кормового подзора оторвана и отогнута наружу, разрушен набор корпуса, повреждена рулевая машина, электромоторы, трубопроводы. На судне погасло освещение и возник быстро распространяющийся пожар. В трюме № 6 начал рваться боезапас. Из-за затапливания кормовых помещений стал нарастать крен на правый борт. Борьба с пожаром началась сразу же после взрывов, в шестом трюме применили паротушение, к борту «Грузии» подошел пожарный катер и эсминец «Незаможник», подавший на лайнер четыре шланга с водой. Совместными усилиями к 14 часам 30 минутам пожар был ликвидирован. Затем началась борьба с затоплением судна, крен которого еще через час достиг 15° на правый борт. Подводную часть судна осмотрели водолазы, а по мере осушения отсеков осколочные пробоины заделывались деревянными пробками. К 15 часам следующего дня осушили трюм № 6 и начали посадку раненых и эвакуируемых. К 19 часам 15 октября 1941 года погрузку людей закончили, и в 23 часа портовые буксиры СП-13 и СП-15 вывели поврежденный транспорт за боны. Командование транспортом принял старпом В.А. Габуния, так как прежний капитан отказался выходить в море на перегруженном неуправляемом судне и был отстранен от командования. В море к «Грузии» подошел эсминец «Шаумян» и, взяв лайнер на буксир, повел его в Сева-

стополь со средней скоростью около 8 узлов. При буксировке трижды рвались буксирные (5 дм) стальные тросы, убило одного и ранило двух моряков. Капитан В.А. Габуния попробовал управлять машинами и самостоятельно прибыл в Севастополь 17 октября 1941 года. Тут же «Грузию» поставили в Северный док на 4 дня для осмотра. Рабочие морского завода произвели предварительный ремонт и подготовили теплоход к переходу на Кавказ. Вечером 6 ноября 1941 года «Грузия» приняла на борт более 2000 рабочих Севморзавода и своим ходом перешла в Туапсе для ремонта. Ремонт «Грузии» затем продолжили в Батуми, где на транспорт установили рулевую машину, снятую с однотипного «Крыма», сильно поврежденного от подрыва на мине в Новороссийске. Ремонтные работы выполнялись филиалом Севморзавода под руководством старшего строителя И.И. Орлова и были закончены к 15 мая 1942 года. В ходе ремонта лайнер переоборудовали под санитарный транспорт (официально зачислен в состав флота как СТР 20 апреля 1942 г.) и усилили зенитное вооружение. Теперь оно составляло пять 45-мм орудий, два 12,7-мм пулемета ДШК и 6 спаренных 7,62-мм пулеметов «Кольт». В командование транспортом вступил капитан-лейтенант М.И. Фокин.

Уже 28 мая 1942 года «Грузия» прибыла в 01 час 43 минуты с конвоем в осажденный Севастополь. Транспорт охраняли эсминец «Безупречный», базовые тральщики «Щит» (Т-407), «Якорь» (Т-408), «Гарпун» (Т-409) и два сторожевых катера. «Грузия» сумела в этот раз уклониться от атак авиации и благополучно доставить в Севастополь маршевое пополнение и груз боеприпасов.

Следующий прорыв в главную базу стал для санитарного «экспресса» последним[1].

11 июня в 21 час 45 мин «Грузия» в охранении базового тральщика «Щит» и пяти сторожевых катеров вы-

[1] См: Костриченко В.В. Необычная судьба санитарного транспорта «Грузия».

шла из Новороссийска в Севастополь. На борту теплохода официально находилось 708 человек маршевого пополнения и 526 т боеприпасов. (По другим источникам, там было 4000 человек и 1300 т боеприпасов.)

12 июня в 2 ч 30 мин ночи базовый тральщик «Гарпун» вышел из Туапсе для усиления охранения «Грузии». Замечу, что тральщики и сторожевые катера ставились в охранение теплохода в основном против подводных лодок противника. Зенитное же вооружение их было слабо, и особо защитить охраняемые суда они не могли. Не будем забывать, что война с итальянскими подводными лодками не затихала с июня 1941 г. Вот официальные сообщения из «Хроники...»[1]. Так, только 12 июня 1942 г. были замечены две подводные лодки противника. В 12 ч 8 мин в 95 милях по пеленгу 165 от мыса Меганом был обнаружен перископ подводной лодки. Вражеская субмарина пыталась атаковать транспорт «Белосток». Но корабли охранения (базовый тральщик «Взрыв» и сторожевой катер № 0135) атаковали ее глубинными бомбами. Так дуче потерял очередную подводную лодку. Не прошло и двух часов, как уже в другой части Черного моря в 75 милях к югу от маяка Тарханкут подводная лодка М-120 обнаружила еще один перископ.

Мне могут возразить, что к этому времени сверхмалые итальянские подводные лодки уже были доставлены в Ялту. Но, увы, их тактико-технические характеристики не позволяли им патрулировать в указанных районах. Да и о существовании сверхмалых итальянских подводных лодок на Черном море советское командование узнало лишь в конце 1943 г., а до этого времени наши моряки исправно топили глубинными бомбами средние и большие итальянские подводные лодки.

Но вернемся к «Грузии», и я вновь предоставлю слово севастопольскому историку Виталию Костриченко:

[1] Хроника.... Вып. 2. С. 280, 283.

Вечером 12 июня «на конвой последовали атаки бомбардировщиков и торпедоносцев. За период с 20 часов 30 минут до 21 часа 35 минут на конвой, находившийся в 45 милях южнее мыса Айя, было сброшено около 150 бомб и восемь торпед. «Грузии» удалось уклониться от торпед и большинства бомб. Лишь две фугаски взорвались в воде на дистанции 8—10 метров от кормы санитарного транспорта, а третья рванула в 50 метрах от левого борта. Сотрясениями заклинило руль в положении «право на борт», остановился правый дизель, разошлись швы обшивки кормового подзора, сорвало гирокомпас и радиоантенну. Вышли из строя магнитные компасы и кормовой «Кольт»; транспорт медленно затапливался водой.

Экипаж транспорта вступил в борьбу за жизнь «Грузии». Усилиями механиков во главе со стармехом (командиром БЧ-5 воентехником 1 ранга В.А. Пастернаком) уже через полчаса удалось запустить правый дизель и поставить руль в диаметральную плоскость (нулевое положение). Но имевшихся водоотводных средств не хватало, и дифферент на корму медленно нарастал, так как вода затопила туннели гребных валов и поступала через поврежденную переборку в машинное отделение. К 22 часам вода затопила трюмы № 3 и № 4. Скорость хода упала, так как валы вращались в воде. К 3 часам 13 июля 1942 года вода затопила румпельное отделение, ее уровень дошел до кормовой швартовной палубы, и часть иллюминаторов вошла в воду. Скорость хода упала до 7 узлов. Тральщики поочередно буксировали «Грузию», медленно пробиваясь к базе. Лишь в 4 часа 30 минут конвой прошел боны, и при повороте в Южную бухту на помощь «Грузии» подошел портовый буксир СП-2. Казалось, что транспорт удастся спасти. Но при подходе к Минной пристани в 4 часа 48 минут «Грузию» атаковали с бреющего полета пять самолетов противника. Утренний свет осветил полузатопленную «Грузию», а свежий ветер быстро отнес в сторону дым-

завесу. Две авиабомбы попали в машинное отделение и кормовой трюм № 4 с боеприпасами. Самолет, сбросивший бомбы, был сбит, но в 4 часа 55 минут произошла детонация боезапаса в кормовых трюмах. Силой огромного взрыва корпус «Грузии» был разорван пополам. Кормовая часть корпуса длиной около 40 метров быстро затонула с креном на правый борт, а через восемь минут скрылась под водой и носовая часть многострадального транспорта. На воде осталось только облако дыма, горящего соляра и каких-то кусков. Погибли почти все, только несколько тяжело контуженных моряков удалось подобрать с воды портовым катерам. Еще четыре бомбы, разорвавшиеся в воде, сбросил второй самолет.

Агонизирующая оборона Севастополя крайне нуждалась в боеприпасах, и, несмотря на полное господство врага в воздухе, водолазам базы было приказано разгрузить остатки боеприпасов из затопленных трюмов «Грузии». Работами по разгрузке руководил инженер-капитан 3 ранга В.К. Шушуков. За шесть дней основная масса боезапаса была поднята, но авиацией врага были утоплены две шлюпки, плавучий бон, и от разрыва бомбы убито восемь человек, ранено пять человек. Тщательное водолазное обследование погибшего транспорта было выполнено уже после освобождения Севастополя в 1945 году, когда настоятельно требовалось очистить бухты от затопленных кораблей и судов.

В 1947 году черноморские спасатели осуществили подъем затонувшего рядом с «Грузией» крейсера «Червона Украина», и сразу же начались работы на санитарном транспорте. Работами на «Грузии» занимался 21-й аварийно-спасательный отряд (21 АСО ЧФ) Черноморского флота под командованием капитана 1 ранга Н.Т. Рыбалко. Расчеты проводил инженер-майор К.А. Цыбин. Кормовая часть лайнера, поднятая первой, лежала на грунте с креном 45° на правый борт и дифферентом на нос. После подъема ее отбуксировали и зато-

пили на мелком месте в бухте Казачья. Следующим этапом стал подъем носовой части «Грузии». Судоподъем обеспечивался судами «Челюскин», «Арагва» и тремя деревянными ботами...

Подъем носовой части «Грузии» провели в феврале—ноябре 1949 года, достигнув осадки 13,5 метра, и перевели также в бухту Казачья. Там на глубине около 21 м ее также затопили.

Но на этом история «Грузии» не закончилась. Рядом с ее останками, затопленными в Казачьей бухте Севастополя, находился военный аэродром на мысе Херсонес. Этот аэродром стал регулярно использоваться для прибытия в Крым различных делегаций из «братских» и дружественных стран, а также собственных правителей и руководителей страны. Опасное соседство с затопленным транспортом не устраивало охрану правительства и аэродрома. Поступило категоричное распоряжение об обследовании и подъеме остатков «Грузии». Первое предварительное обследование проведено летом 1953 года (акт № 501 от 8 июля 1953 г.).

Небезынтересно описание увиденного водолазами на грунте.

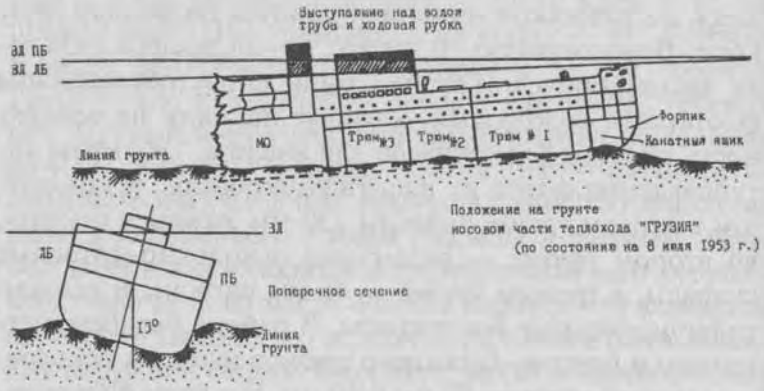
1. Кормовая часть т/х «Грузия». Размерения: 27 ... 14,5 ... 5,8 м. Высота надстроек — 3,0 м. Крен — 85° на правый борт (ПБ), дифферент на корму — 10°. Глубина в месте затопления: 14,2 м (нос) и 13,5 м (корма). Грунт — ил, а под ним — песок с ракушкой, течения нет. Правый борт ушел полностью в грунт на глубину до 4,5 м. В трюмах и жилых помещениях — пятидесятисантиметровый слой ила, причем в трюме хаотично свалены и перемешаны с илом снаряды и патроны. Правый винт и вал находятся в грунте, левый винт отсутствует, перо руля на месте. Разрыв корпуса — у кормовой переборки машинного отделения, в районе разрыва листы наружной обшивки корпуса, палуб и переборок исковерканы и деформированы, загнуты внутрь и наружу. Кормовая надстройка, грузовые стрелы и такелаж разрушены и отсутствуют.

2. Размерения носовой части «Грузии»: 78 ... 15,5 ... 5,76 м, высота борта около 8,54 м, сохранились шесть поперечных переборок, три грузовых трюма, два дизеля в машинном отделении и незначительное количество топлива. Крен — 13 на ПБ и дифферент на корму 3 градуса, глубина в месте затопления: 14,2—14,5 м (нос) и 16,0 м (корма). Корпус просел в грунте на глубину 3 м (правым бортом), 1,5 м (левым бортом), 2,5 м (носом) и 2,0 м (кормой). Видимость на глубине — до 7 метров, течения нет. Ила во внутренних помещениях 0,5—1,0 м, груз — тот же. На протяжении около 20 метров в нос от места разрыва корпус сильно деформирован, оторванные листы загнуты внутрь и наружу. Надстройки разрушены, кормовая труба снесена, люки трюмов раскрыты, шлюпок нет, корпус сильно оброс ракушкой.

По результатам обследования предложена разделка на месте взрывами на части и подъем на стенку плавкраном. Но взрывы около правительственных аэродрома, дома отдыха и пляжа были невозможны. Затопленный лайнер-бомбу приказали поднять и затопить подальше в море. Работу поручили ЭОН-35 (экспедиция подводных работ особого назначения), занимавшейся здесь же разделкой на металл корпуса погибшего линкора «Новороссийск». В период 18—20 декабря 1956 года части корпуса «Грузии» были вновь обследованы флотскими водолазами, которые подняли на поверхность образцы боеприпасов для анализа. Эксперты артуправления флота их идентифицировали, установив, что в первом трюме найдены 130-мм заряды в пеналах, во втором трюме — различные осколочно-фугасные снаряды, в третьем трюме — 45-мм патроны и неидентифицированные боеприпасы. В районе бывшего четвертого и почтово-багажного трюмов найдены осколочные мины калибром 82 мм и 50 мм. Все виды боеприпасов после 14-летнего нахождения в воде пришли в негодность, но сохранили способность к детонации.

Дробить корпус взрывами оказалось опасно, и оставалось лишь вновь поднять «Грузию» понтонами и увести для затопления на больших глубинах. Проект подъема многострадального теплохода разработали командир ЭОН-35 инженер-подполковник Э. Лейбович, инженер-подполковник Г. Чикин и инженер-майор В. Елин. Сами же работы по подъему остатков лайнера начались только в 1959 году. Неожиданностью оказалось наличие на грунте артиллерийских снарядов с отравляющими веществами типа иприт или люизит, вызывавших при подъеме на поверхность характерные ожоги и язвы. При работах у борта «Грузии» в 1953—1954 годах водолазы неоднократно обнаруживали химические авиабомбы различных калибров. Объяснить их наличие на борту «Грузии» не смогли, хотя и бытовала версия, что с помощью боевых отравляющих веществ командование флота хотело остановить германское наступление на Севастополь во время последнего штурма города».

Следует заметить, что поводом для применения ОВ в Крыму могло стать использование немцами отравляющих газов в каменоломнях в районе Керчи. Так,

Положение на грунте носовой части теплохода «Грузия» (по состоянию на 8 июля 1953 г.)

«24 мая против подземного гарнизона противник применил отравляющие газы, которые пускал в течение трех дней. В воспоминаниях начальника рации Центральных каменоломен Ф.Ф. Казначеева сказано, что он передал в эфир: «Всем! Всем! Всем! Всем народам Советского Союза! Мы, защитники обороны Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но в плен не сдаемся! Ягунов»[1]. После первой газовой атаки решили оставаться на месте, строить специальные газовые убежища, продолжать борьбу.

Противник применял газы неоднократно на протяжении всей обороны Аджимушкая[2]. 13 июня 1942 г. Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Генерал Окснер: Доклад об участии химических войск в боях за Керчь»[3].

О химических боеприпасах на теплоходе «Грузия» писал не только В.В. Костриченко. Вот цитата из статьи В. Колычева и И. Восипчука «Слухи о подводных свалках химического оружия в Черном море подтвердились», опубликованной в крымской газете «Факты» в марте 2000 г. В статье говорится, что при попытке извлечь из «Грузии» снаряды у матросов на коже появились язвы, характерные для поражения ипритом. «Известия» и «Слава Севастополя» ссылаются на воспоминания капитана первого ранга Николая Рыбалко, который в 1938—1945 гг. был флагманским химиком Черноморского флота. Эти воспоминания хранятся в фондах музея «Оборона Севастополя 1854—1855 гг.». Николай Рыбалко, приводя многочисленные подробности, пишет о том, что осенью 1941 года «на аэродромы Крыма были поданы боевые химвещества для удара по врагу». В августе-сентябре возникла реальная опасность прорыва гитлеровцев в Степной Крым, и «химию» надо

[1] В катакомбах Аджимушкая: Документы, воспоминания, статьи. 4-е изд. Симферополь, 1982. С. 166.

[2] Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 157.

[3] Гальдер Ф. Военный дневник. С. 263

было срочно вывезти. Но в начале января 1942 г. пришло сообщение из Ставки Верховного Главнокомандующего о возможном применении противником боевых отравляющих веществ, и командование Черноморского флота приняло решение «не эвакуировать те небольшие количества боевых ОВ, которые еще оставались».

Так что можно предположить, что в июне 1942 г. советское командование, чтобы спасти Севастополь, было готово применить против 11-й армии химическое оружие, но гибель «Грузии» и, возможно, иные обстоятельства заставили отказаться от проведения этой операции.

Перед сдачей города в период 27—29 июня 1942 г. химические боеприпасы в ночное время доставлялись из хранилищ Юхариной балки в бухту Казачья, где грузились на шхуну «Папанинец», на которой затем вывозились в открытое море неподалеку от бухты, где сбрасывались за борт. Глубина сброса была не менее 50 м. При этом иприт и люизит, которыми заправлялись химические бомбы, хранились в то время в бочках типа Л-100. «В 80-е недалеко от Казачьей бухты водолазы нашли бочку типа Л-100 и вытащили на берег. В ней обнаружили маслянистую жидкость, пахнущую геранью. Лабораторный анализ показал, что в бочке отечественного производства находится люизит, боевое отравляющее вещество»[1].

Глава 12

ТАНКИ В БОЯХ ЗА СЕВАСТОПОЛЬ

Писать о применении танков под Севастополем очень трудно в силу того, что их было мало, роль их невелика, а главное, наши историки за 50 лет сделали все, чтобы запутать этот вопрос.

[1] Колычев В. и Восипчук И. «Слухи о подводных свалках химического оружия в Черном море подтвердились». «Факты», март 2000 г.

Начну с того, что в Севастополь из Одессы в первой половине октября 1941 г. было доставлено 24 танка. Однако были ли эти танки отправлены в Степной Крым или остались в Севастополе, установить не удалось.

В первой половине ноября 1941 г. из Степного Крыма в Севастополь вошли лишь 10 танков. К 5 декабря в Севастополе имелось всего 9 танков, которые к тому времени состояли в отдельном танковом батальоне (ОТБ). Номера тот батальон не имел. В нем было 213 человек, 9 танков, 6 автомобилей и 2 пушки.

22 декабря 1941 г. транспорт «Жан Жорес» вышел из Новороссийска в Севастополь в охранении эсминца «Бойкий». На его борту находился 81-й отдельный танковый батальон в составе 180 человек и 26 танков Т-26. Уже через 3 дня батальон занял позицию на кордоне Мекензия № 1.

Позже в Севастополь был доставлен 125-й отдельный танковый батальон. На 10 мая 1942 г. 125-й ОТБ располагался в засаде в 4 км западнее хутора Мекензия и в 1,5 км северо-западнее маяка Восточный Инкерманский, а 81-й ОТБ был расположен в селении Голиково.

В начале июня 1942 г., по данным Г.И. Ванеева, «в 81-м и 125-м отдельных танковых батальонах Приморской армии насчитывалось 47 танков разных типов (БТ-7, Т-37, Т-27, Т-26, Т-34) и 7 бронеавтомобилей (БА-10 и БА-20)»[1]. По данным же Мощанского И., Савина А. «Борьба за Крым, сентябрь 1941 — июль 1942 г.» в 81-м ОТБ имелся один танк Т-34, один танк БТ-7 и двенадцать танков Т-26, «а также сформированный при нем из свободного личного состава танкистов один взвод автоматчиков — 40 человек и один взвод противотанковых ружей — 12 ружей. Для большей маневренности оба взвода были посажены на тя-

[1] Ванеев Г.И. Севастополь 1941—1942. Кн. 2. С. 158.

гачи Т-20 «Комсомолец». Батальон имел задачу уничтожить возможный воздушный и морской десанты. На вооружении 125-го отдельного танкового батальона находилось 25 танков Т-26»[1].

В свою очередь, по данным А.В. Басова[2], СОР располагал 38 исправными танками, и 9 танков находилось в ремонте.

Исходя из этих и других данных, следует, что к 6 июня 1942 г. имелось исправных танков: один Т-34, один БТ-7, тридцать семь Т-26 и семь бронеавтомобилей (тяжелых с 45-мм пушкой БА-10 и БА-20, вооруженных пулеметом).

Впервые в 1942 г. командование СОРа использовало танки 8 июня. Согласно Г.И. Ванееву, события развивались следующим образом: «Чтобы восстановить передний край обороны на стыке третьего и четвертого секторов, генерал-майор И.Е. Петров приказал коменданту третьего сектора генерал-майору Т.К. Коломийцу своими силами перейти в контратаку и восстановить положение.

8 [июня] — понедельник.

Комендант третьего сектора Т.К. Коломиец возложил контратаку на 79-ю морскую стрелковую бригаду, усиленную стрелковым батальоном 2-го Перекопского полка морской пехоты, а также ротой танков 125-го отдельного танкового батальона из резерва армии.

На рассвете артиллерия третьего и четвертого секторов (134-й гаубичный, 18-й гвардейский артиллерийские полки) и береговая батарея № 724 открыли огонь на участке Камышлы — Бельбекская долина, а вскоре командир 2-го батальона 79-й бригады майор Я.М. Пчелкин повел своих бойцов в атаку. Завязался

[1] Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым, сентябрь 1941 — июль 1942 г. С. 86.

[2] Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. С. 169.

тяжелый и упорный бой. Первоначально наметился успех, закрепить который не удалось, ибо другие батальоны бригады не были введены в бой, а предназначенный для атаки батальон 2-го Перекопского полка морской пехоты во главе с капитаном А.Н. Смердинским запоздал с выходом на исходный рубеж.

Несмотря на ураганный огонь врага, прибывший батальон А.Н. Смердинского смело бросился в атаку, подошел вплотную к вражеским окопам и вступил в штыковой бой с многочисленным врагом... Рукопашный бой во вражеских окопах продолжался, но враг подтянул свежие силы, и моряки были вынуждены, забрав раненых, отойти на исходные позиции. Танкисты не смогли оказать существенной помощи из-за слабости Т-26, которые вскоре после начала атаки были выведены огнем противника из строя»[1].

Причем то же изложено и в «Хронике Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре».

А в «Борьбе за Крым» это звучит так: «В районе безымянной высоты (2 км южнее Камышлы) через боевые порядки пехоты в тыл 287-му стрелковому полку просочились до 250 автоматчиков противника с минометами. Для их ликвидации командование 25-й стрелковой дивизии выделило одну стрелковую роту и одну танковую роту в составе 6 машин. В результате решительных и внезапных действий автоматчики противника были уничтожены. Потери танковой роты: один человек убит, подбит один танк. Несколько позже танкисты приняли участие в ликвидации прорыва пехоты и 10 танков противника в районе оврага Мартыновский в направлении балки Графской. В этом бою советские танкисты проявили мужество и высокое мастерство.

[1] Ванеев Г.И. Севастополь 1941—1942. Кн. 2. С. 170—171.

Ими было уничтожено четыре танка, три противотанковых орудия, большое количество пулеметов и более 100 солдат и офицеров противника. Собственные потери составили: один убит, один ранен, был подбит танк»[1].

Я не думаю, что тут авторы фантазируют, просто составители издания «Борьба за Крым» скопировали большое количество хвалебных донесений и не попытались их не то чтобы сравнить с другими источниками, но даже критически оценить.

Процитирую вновь «Борьбу за Крым», точнее куски из «Доклада об использовании танков в Севастопольской операции с 1 июня по 1 июля 1942 года» (ЦАМО, ф. 216, оп. 4273, д. 9, л. 25).

«В этой сложной обстановке танковые батальоны получили задачу: совместно с частями 383-й стрелковой дивизии, 7-й бригады морской пехоты контратаковать противника и не допустить выхода его на рубеж высоты Карагач, Сапун Гора. На этом рубеже и к западу от него развернулись ожесточенные бои. Действия танковых батальонов, находившихся в боевых порядках пехоты, определялись конкретной обстановкой. В случаях, когда превосходство в танках было на стороне противника, наши танки отходили в боевые порядки пехоты и совместно с ней из укрытий вели огонь на поражение. При равенстве сил или когда противник был слабее, танки при поддержке артиллерии стремительно атаковали его и не допускали к боевым порядкам пехоты. В этих боях, длившихся несколько дней, противник потерял 16 танков, 12 орудий, 9 минометов, значительное количество пулеметов и до 300 солдат и офицеров. Наши потери составили 9 танков, из них 2 на исходных позициях от прямого попадания бомб.

[1] Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым, сентябрь 1941 — июль 1942 г. С. 86.

В последующие дни танкисты также вели ожесточенные бои. 81-й отдельный танковый батальон, отойдя на рубеж Казачьей бухты, отражая атаки численно превосходящего противника, 2 июля потерял последние 4 машины. Оставшийся в живых личный состав (4 офицера, 5 солдат и сержантов) во главе с командиром батальона был эвакуирован в город Новороссийск.

125-му отдельному танковому батальону к исходу 30 июня была поставлена задача отойти в район хутора Пятницкого и удерживать противника на рубеже Коммуна, хутор Познова.

1 июля 1942 года батальон, отражая яростные атаки, отходил на рубеж Камышовой бухты. 2 июля, подвергаясь непрерывной ожесточенной бомбардировке и артобстрелу, под натиском численно превосходящих сил противника батальон также отошел на рубеж Казачьей бухты.

3 июля командир батальона майор Листобаев, старший политрук Осокин и группа из пяти бойцов, имея один, последний уцелевший танк с 15 снарядами, вступили в неравную схватку с наседавшим противником. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Таким образом, отражая атаки немецких войск в ходе третьего штурма Севастополя, танкисты проявили мужество и героизм. За весь период боевых действий не было отмечено ни одного случая трусости или ухода с поля боя. В июне — июле 1942 года ими было уничтожено 32 танка, 20 орудий, 9 минометов, 37 пулеметов, более 1500 солдат и офицеров противника»[1].

Комментарии к этому, думаю, сделает сам читатель.

Применение легких танков под Севастополем не могло быть эффективным из-за сложного рельефа местности и насыщенности позиций противника противо-

[1] Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым, сентябрь 1941 — июль 1942 г. С. 86.

танковыми средствами. Но, как мы знаем, за всю оборону города у защитников был всего один (!) средний танк Т-34 и ни одного тяжелого танка.

Советское командование в 1942 г. доставило на Керченский полуостров свыше 100 тяжелых танков КВ и средних Т-34. Использовались они крайне неудачно и большей частью попали к немцам. Всего на Керченском полуострове только с 8 мая 1942 г. было потеряно свыше 500 танков. Почему же танки КВ не попали в Севастополь?

Это связано с непониманием роли тяжелых танков в обороне города, а главное, с тем, что доставить их в Севастополь было не на чем. Наши адмиралы и мэтры судостроения не догадались перед войной построить ни одного танкодесантного судна или, по крайней мере, судна двойного назначение, которое в мирное время могло перевозить народнохозяйственные грузы, а в военное — танки.

Это подтверждается и отчаянной просьбой Октябрьского в Ставку от 17 мая 1942 г. о посылке в Севастополь в числе других вооружений 25 танков КВ и 50 танков других типов. Причем перебросить их предполагалось на линкоре «Парижская Коммуна».

Сделать это было вполне реально. Но, увы, Ставка отказала. Конечно, тут проще всего все свалить на Сталина. Но он, в отличие от наших последующих вождей от Хрущева до Ельцина, не допускал волюнтаристских решений и в данном случае поступил в соответствии с рекомендациями Кузнецова и К°, который во многом разделяет ответственность за сдачу Севастополя.

Рассказ о применении советских танков под Севастополем я закончу любопытным эпизодом. 27 февраля 1942 г. наши войска применили под Севастополем телеуправляемые танкетки. Это были старые машины типа Т-27, выведенные к тому времени из состава боевых частей и остававшиеся только в учебных подразделениях.

Вооружение с танкеток сняли, а взамен поместили мощный заряд тротила. Управлялись танкетки по проводам. Аппаратура дистанционного управления была создана в Москве на заводе № 627 Наркомата электротехнической промышленности под руководством военного инженера 3 ранга А.П. Казанцева. Позже Казанцев стал известным писателем-фантастом. В Крым было доставлено 6 таких танкеток. В ночь на 27 февраля танкетки были доставлены на позиции в 1 км севернее Любимовки. В 6 ч 30 мин танкетки выпустили на немецкие позиции. 2 танкетки взорвались на вражеских позициях, еще 2 взорваны до подхода к цели и 2 уничтожены артиллерийским огнем немцев.

Первая германская танковая часть прибыла в Крым в течение апреля 1942 г. Ею стала 22-я танковая дивизия, формирование которой было начато во Франции в сентябре 1941 г. 22-я танковая дивизия успешно действовала на Керченском полуострове, и значительная часть наших историков впала в соблазн описать ее действия под Севастополем. В самом деле, по сведениям Информбюро под Севастополем действовало свыше 400 танков, и даже авторы 80-х годов писали о 450 германских танках, штурмовавших город-герой. Вот и приплели туда злополучную 22-ю танковую дивизию.

По данным «Борьбы за Крым», к 30 июня 1942 г., то есть к началу штурма Севастополя, в составе 22-й отдельной[1] танковой дивизии имелось:

28 танков Т-2 с 20-мм пушкой;

114 танков 38(t) чехословацкого производства с 37-мм пушкой;

12 танков Т-3 с 37-мм пушкой;

[1] Почему авторы назвали 22-ю танковую дивизию «отдельной», можно только гадать. То ли чтобы блеснуть терминологией, смысла которой не понимают, то ли с умыслом, чтобы объяснить ее отсутствие в составе 11-й армии Манштейна.

11 танков Т-4 с 75-мм пушкой с длиной ствола в 24 калибра;

11 танков Т-4 с 75-мм пушкой с длиной ствола в 40 калибров.

Итого 176 танков[1].

Я не буду говорить, что эти цифры превышены даже для свежей дивизии, а 22-я танковая дивизия понесла существенные потери на Керченском полуострове. Беда всех наших историков в том, что дивизии этой вообще не было в Крыму. На самом деле 22-я танковая дивизия с 21 по 24 мая 1942 г. прямо из-под Керчи была отправлена в 17-ю армию, которая наступала на Кавказ.

Для наших историков обороны Севастополя это страшный удар. Вот, возьмем для примера книгу А.В. Басова «Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945», выпущенную Академией наук СССР под редакцией академика А.М. Самсонова, автора исторических трудов о Великой Отечественной войне. На странице 169 в таблице «Соотношение сил и средств сторон к началу июня 1942 г.» в графе «Танки» видим, что у немцев было 450 танков, и соотношение сил по танкам было 1:12 в пользу немцев. А на странице 319 в таблице «Сухопутные войска немецко-фашистского блока, действовавшие в Крыму в 1941—1944 гг.», составленной на основании «Сборника материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за 1941—1954 гг.» (М., 1955—1956. Вып. 1—4) Басов пишет, что 22-я танковая дивизия отправлена с 21 по 24 мая в 17-ю армию.

Какие же настоящие германские танки были под Севастополем? Манштейн прекрасно понимал, что для штурма Севастополя нужны были тяжелые танки

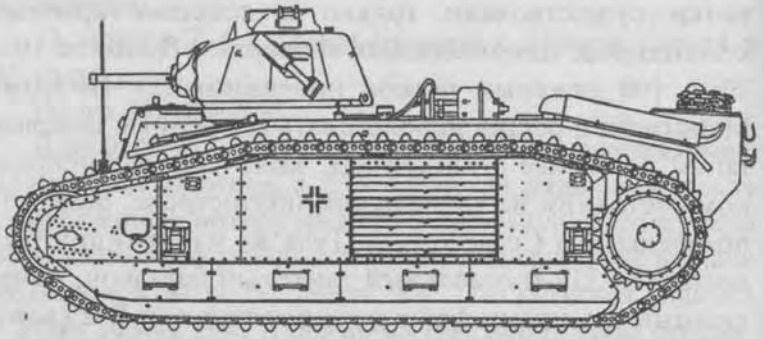
[1] Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым, сентябрь 1941 — июль 1942 г. С. 79.

с толстой броней, но к маю 1942 г. такие немецкие танки существовали только в депешах красных командиров, направленных «наверх»: «Подбито 10... 20.... 100 тяжелых танков противника...» Поэтому Манштейн и решил использовать трофейные тяжелые танки. Не менее 8 танков КВ, захваченных в исправном состоянии на Керченском полуострове, были отправлены под Севастополь. Туда же из Франции был доставлен 224-й отдельный танковый батальон, оснащенный тяжелыми французскими танками В-2 (всего 17 танков, из них 12 в огнеметном варианте). Вес танка В-2 32 т, вооружение: одна 75-мм и одна 47-мм пушка. Скорость хода 28 км/час. В огнеметном варианте 75-мм пушка заменялась огнеметом. Дальность стрельбы огнемета 40—45 м. Главным же достоинством В-2 была толстая броня (лоб и борта корпуса — 60 мм, башня — 56 мм).

Броню танков В-2 и КВ (лоб и башня 75 мм) не брали советские 45-мм противотанковые пушки и 76-мм полевые пушки, а 76-мм дивизионные орудия (Ф-22 и УСВ) могли поразить их лишь при удачных попаданиях. Любопытно, что немцы за успешные действия под Севастополем окрестили КВ «севастопольским танком».

Кроме того, в боях за Севастополь участвовали две дивизии (№ 190 и № 197) штурмовых орудий, то есть 75-мм самоходных пушек на шасси танка Т-3.

Несколько слов стоит сказать и о радиоуправляемых германских танках. В апреле 1942 г. под Севастополь была доставлена легкая рота радиоуправляемого оружия из 300-го отдельного танкового батальона. Рота была оснащена танками B-IV (Sd.Kfs.301), управляемыми по радио. Танк весом 5—6 т был прикрыт 10-мм броней. Он мог, двигаясь со скоростью до 38 км/час, доставить

Огнеметный танк B-2 — французский трофейный танк, участник последнего штурма Севастополя.

450-кг подрывной заряд к укреплению противника, а затем вернуться на исходную позицию. Кроме того, в составе роты был 1 танк радиоуправления, созданный на базе танка Т-3. (Танк пушки не имел.)

Таким образом, если считать за полноценные боевые танки и штурмовые орудия, и радиоуправляемые танкетки, то у немцев не набралось бы под Севастополем и 100 машин.

Глава 13

ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПУШЕК

Исход сражения за Севастополь решила артиллерия большой и особой мощности. Как уже говорилось, к началу войны артиллерийские орудия Севастополя располагались только на береговых батареях.

К началу обороны береговая артиллерия была сведена в 4 дивизиона.

Таблица 4

СОСТАВ БЕРЕГОВОЙ АРТИЛЛЕРИИ СЕВАСТОПОЛЯ К КОНЦУ ОКТЯБРЯ 1941 Г.

Номера батарей	Калибр орудий, мм	Количество орудий	Характеристика батарей	Место расположения батарей
1-й артиллерийский дивизион				
30	305/52	4	Башенная	Северная сторона, дер. Любимовка
35	305/52	4	Башенная	Южная сторона, м. Херсонес
10	203/50	4	Стационарная открытая	Южнее дер. Мамашай
54	102/60	4	Стационарная открытая	Дер. Николаевка
2-й артиллерийский дивизион				
2	100	4	Стационарная открытая	Северная сторона
8	45	4	Стационарная открытая	Южная сторона
3-й артиллерийский дивизион				
18	152/45	4	Стационарная открытая	М. Фиолент
19	152/45	4	Стационарная открытая	Балаклава
Отдельная батарея				
13	120/50	4	Стационарная открытая	Южная сторона

Осенью 1941 г. с поврежденных и потопленных кораблей (в том числе с крейсера «Червона Украина») были сняты орудия и установлены на берегу.

Таблица 5

130/55-ММ ПУШКИ И 100-ММ СПАРЕННЫЕ УСТАНОВКИ МИНИЗИНИ, СНЯТЫЕ С КРЕЙСЕРА «ЧЕРВОНА УКРАИНА» И УСТАНОВЛЕННЫЕ В ДЕКАБРЕ 1941 Г. НА СУХОПУТНЫХ РУБЕЖАХ

№ батареи	Калибр	Количество орудий	Место батареи
701 (111)*	130	2	Малахов Курган
702 (112)	130	2	Лагерь училища береговой обороны
703 (113)	130	2	Английское кладбище
704 (114)	130	2	Хутор Дергачи
705 (115)	130	2	У поста Мекензиева городка
...	100	2	У поста Мекензиева городка
706 (116)	130	2	дача Максимова
2	100	2	Константиновский равелин
* В скобках даны первоначальные номера батарей.			

Поскольку башенные батареи № 30 и № 35 представляли собой основные узлы обороны Севастополя, о них следует рассказать поподробнее.

В феврале 1911 г. Петербургский Металлический завод представил проекты одно- и двухорудийной башенных установок. ГАУ предпочло проект двухорудийной установки, имевшей лучший критерий «эффективность/стоимость». Кроме того, двухорудийная установка по многим частям и механизмам была унифицирована с трехорудийными 305/52-мм башенными установками, изготавливавшимися Металлическим заводом для линкоров типа «Севастополь».

Две башенные установки образовывали батарею, представлявшую собой подземный городок, укрытый толстым слоем бетона. По проекту расстояние между

осями башен было 53,4 м, а фактически имелось небольшое отклонение для каждой батареи. Вокруг каждой башни в виде ромба располагались погреба: два снарядных длиной 18,3 м и два зарядных длиной 17,4 м. Высота погребов составляла 3048 м, а толщина бетонного свода 2895 м. В каждом снарядном погребе размещалось 201—204 снаряда, а в зарядном погребе 402—410 полузарядов.

В подбашенном помещении была рельсовая железная дорога с ручными вагонетками, в которых боеприпасы доставлялись из погребов к зарядному. Подъем боеприпаса зарядником осуществлялся с помощью электропривода. Высота подъема зарядника 4650 мм, время подъема 5 с.

В 1913 г. ГАУ выдало Металлическому заводу заказ на 14 двухорудийных башенных установок. Первые четыре предназначались для Кронштадтской крепости (фортов Ино и Красная Горка, названных в угоду царю Николаевским и Алексеевским фортами). Следующие четыре башни изготавливались для Севастопольской крепости, две — для Усть-Двинска и четыре — для Владивостока.

В начале 1914 г. в Севастопольской крепости приступили к строительству двух батарей: № 25 в районе бухты Казачья (у мыса Херсонес) и № 26 в районе реки Бельбек в 1 км от моря. Расстояние между башнями на обеих батареях было 64 м. Строительство шло довольно быстро. К августу 1914 г. на позицию батареи № 25 было доставлено 2 ствола 305/52-мм пушек.

Однако к 1917 г. закончить строительство батареи не удалось. В годы войн строительство батарей, естественно, не велось, и к достройке приступили лишь в 1924 г. Батарея № 35 (бывшая № 25) вступила в строй в 1928 г., а батарея № 30 (бывшая № 26) — в 1934 г.

Чтобы дать представление читателю об объеме работ, скажу, что для постройки батареи № 25 был выкопан котлован объемом 32,5 тыс. кубометров. И это в скаль-

ном грунте! Объем бетонных работ только на одной батарее приблизительно равнялся объему работ при строительстве Днепрогэса. По расчетам, бетонный блок должен был выдерживать прямые попадания 406-мм снарядов и 1000-кг бомб.

В конце 1930-х годов в боекомплект линкоров и береговых батарей был введен фугасный дальнобойный снаряд обр. 1928 г. Существенный прирост дальности стрельбы снарядом обр. 1928 г. по сравнению со снарядами обр. 1919 г. объяснялся меньшим весом снаряда и лучшей аэродинамической формой. Если снаряд обр. 1911 г. весом 470,9 кг при начальной скорости 762 м/с имел дальность стрельбы 28,7 км, то фугасный дальнобойный снаряд обр. 1928 г. весом 314 кг при начальной скорости 950 м/с имел дальность 44 км.

Следующей по мощности батареей была № 10, расположенная на Северной стороне.

В 1925—1927 гг. в Севастополе южнее деревни Мамашай строится четырехорудийная 8/50-дюймовая (203/50-мм) открытая батарея № 10. Все стволы орудий на батарее были изготовлены в 1914 г. фирмой Виккерс.

203/50-мм пушки могли стрелять четырьмя типами снарядов: фугасным обр. 1907 г. весом 112,2 кг на дальность до 18 км, фугасным обр. 1915 г. весом 112,2 кг на дальность 21 км, фугасным обр. 1913 г. весом 139,2 кг на дальность 24 км и шрапнелью весом 116,8 кг на дальность до 18,3 км. Дальность везде дана для угла возвышения 40°.

Пушки на батарее № 10 располагались на расстоянии 34 м друг от друга. Обстрел круговой. Лафет прикрыт щитом толщиной 60 мм. Железобетонные перекрытия командного пункта и склада боеприпасов имели толщину 0,4—0,65 м.

Боеприпасы подвозились к орудиям по узкоколейке, проложенной во рву на глубине 2 м. Батарея была обнесена колючей проволокой. По периметру обороны располагалось несколько дотов.

С 1 по 4 ноября 1941 г. батарея № 30 выпустила сто сорок два 12-дюймовых снаряда, а батарея № 10 — двести семьдесят шесть 10-дюймовых снарядов. По советским данным, огнем этих батарей было уничтожено 30 танков, 60 автомашин и до 650 человек пехоты противника.

5 ноября батареи № 10 и № 30 обстреливали скопления пехоты и моточастей противника в районе селения Ак-Шейх. Батарея № 10 своим огнем уничтожила немецкую батарею и в районе Качи — 5 автомашин. В 13 ч 10 мин немецкая авиация безуспешно бомбардировала батарею № 30.

8 ноября 7-я бригада и 3-й полк морской пехоты Черноморского флота безуспешно пытались выбить немцев из хутора Мекензия. Их поддерживали огнем батареи № 10, № 30 и № 35.

15 декабря в 12 ч 50 мин германская батарея, расположенная «в направлении Кача», вывела из строя две 203-мм пушки на батарее № 10. Было убито 4 человека и ранено 12.

В связи с отводом войск 4-го сектора на новый рубеж батарея № 10 была взорвана, а ее команда перешла на батарею № 30.

После войны в некоторых германских источниках, а также в среде отечественных «любителей» циркулировала информация, что немцам удалось захватить неповрежденными орудия батареи № 10 и позже ввести их в строй.

Действительно, в составе 601-го морского артиллерийского дивизиона в районе Севастополя была одна 203-мм батарея. Кстати, самая мощная из германских батарей в Крыму. Четырехорудийная батарея «Фон дер Гольц»[1] была построена в 1942—1943 гг. на мысе Херсонес. Однако ее четыре 203/50-мм пушки были взяты не

[1] Фон дер Гольц — германский генерал, активный участник интервенции в Россию в 1918 г.

с разрушенной батареи № 10, а с однотипной батареи № 15, расположенной у Очакова и захваченной немцами почти целой.

Теперь перейдем к действиям башенной 305-мм батареи № 30. С 1 октября по 31 декабря 1941 г. батарея выпустила по врагу 1238 снарядов. Вот, к примеру, хроника лишь одного дня (4 ноября).

В 8 ч 49 мин батарея выпустила один снаряд по кургану Таш-Оба. Тяжелое орудие уничтожено.

14 ч 34 мин — вражеская батарея замолкла.

14 ч 55 мин — уничтожены минометная батарея, два батальона пехоты, стремившиеся занять Дуванкойский опорный пункт.

16 ч 36 мин — по балке Коба-Джига выпущены 6 снарядов.

19 ч 30 мин — заградительный огонь по шоссе Симферополь — Бахчисарай и по железной дороге в районе хутора Кефели. Разбит батальон пехоты.

22 ч 00 мин — шесть фугасных снарядов по пехоте.

23 ч 04 мин — шесть шрапнелей по пехоте.

8 декабря 1941 г. приказом командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф.С. Октябрьского командир батареи № 30 капитан Г.А. Александер был награжден орденом Красного Знамени за срыв наступления врага на Севастополь. В приказе говорилось: «С 1 по 20 ноября артогнем батареи уничтожено: 6 батарей противника, в том числе одна трухорудийная батарея на гусеничном ходу, свыше 40 танков и бронемашин, около 50 грузовых автомашин с живой силой, один паровоз с двумя вагонами, 12 пулеметных и минометных точек, свыше 25 подвод и более 1000 человек живой силы противника. В большинстве своем цель поражается с первого выстрела. За время боевых действий батарея имеет убитыми — 4 человека, ранеными — 3 человека».

Любопытный нюанс: что это за «трехорудийная батарея на гусеничном ходу»? Вряд ли здесь идет речь о 75-мм самоходках, которые наши командиры путали

с танками. Буксируемых артиллерийских орудий у немцев не было вообще, если не считать 20,3-см H.503(r), а по-русски — трофейных советских 203-мм гаубиц Б-4. Так что батарея № 30 уничтожила три Б-4, если не считать их очередными фантазиями нашего славного адмирала.

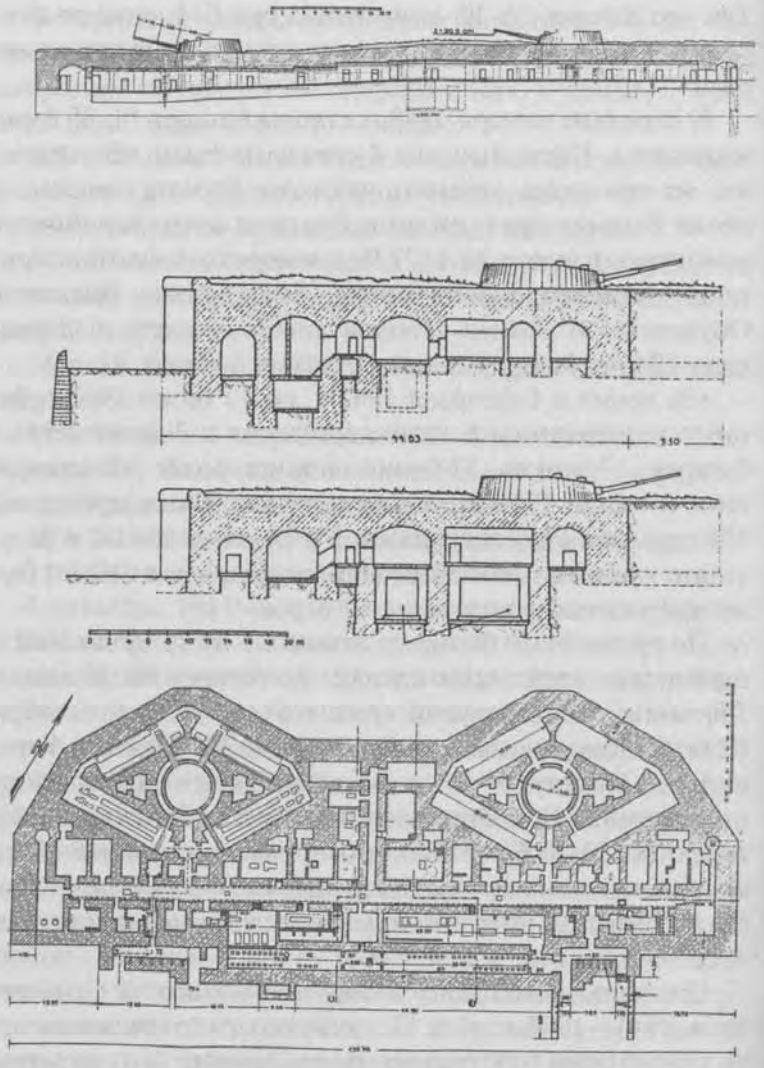
К середине января 1942 г. стволы батареи № 30 были изношены. Поскольку все 4 ствола не были лейнированы, их пришлось заменять целиком. Работы начались в обеих башнях сразу силами бригады артиллерийского ремонтного завода № 1127 Черноморского флота и бригады ленинградского завода «Большевик» (бывшего Обуховского). Замена стволов заняла 16 дней, и 10 февраля 1942 г. батарея вновь вступила в строй.

«За время с 1 февраля 1941 г. по 17 июня 1942 г. батарея уничтожила: 8 артиллерийских и 3 минометных батареи, 17 танков, 52 бронемашины, более 300 автомашин и около 1770 вражеских солдат. Была проведена 191 стрельба 1243 снарядами. 5 и 14 июня 1942 г. в результате прямых попаданий 600-мм снарядом башни были разрушены и выведены из строя»[1].

По германским данным, только с 6 по 17 июня 1942 г. германская артиллерия сделала по батарее № 30 свыше 750 выстрелов из орудий среднего и крупного калибра. Кстати, немцы называли батарею № 30 «Максим Горький I», а батарею № 35 — «Максим Горький II». 17 июня пикирующие бомбардировщики Ю-87 сбросили на батарею № 30 20 бомб. Но кроме двух попаданий 60-см снарядов из самоходных мортир, все остальные снаряды и бомбы не причинили батарее даже небольших повреждений.

Согласно немецкому изданию «Борьба за Севастополь 1941—1942 гг.», к 17 июня «сосредоточенным артиллерийским обстрелом проволочные заграждения были прорваны, а минные поля засыпаны. Воронки,

[1] Историческая справка в/ч № 51353.

Батарея № 30 в Любимовке. Вверху: боковой разрез. Внизу: план подземных сооружений.

образовавшиеся в результате разрывов бомб и мин, облегчали наступление атакующих войск. Гарнизоны внешнего оборонительного пояса были большей частью уничтожены, а входившие в его состав легкие оборонительные сооружения разбиты...

На штурм батареи были назначены 213-й полк, 1-й и 2-й батальоны 132-го саперного и 1-й батальон 173-го саперного полков. Ранним утром 17 июня 1942 г. был предпринят штурм, продолжавшийся до полудня в направлении противотанкового рва, отрытого к востоку от батареи поперек водораздела. Противник оказал упорное сопротивление. Огневые точки, стрелявшие по фронту и флангам, были приведены к молчанию с помощью пехотного и артиллерийского огня. Первый и второй батальоны 132-го саперного полка атаковали фортификационные сооружения, расположенные перед батареей, а 122-й держал удар против сооружений, расположенных на южном и западном склонах возвышенности. Продвижению атакующих частей препятствовали сильный артиллерийский и минометный огонь противника из долины реки Бельбек и с расположенных к югу склонов, а также огонь снайперов и контратаки. Около 14 ч 30 мин в результате повторного нападения западный склон возвышенности был занят. Удалось занять и подход к командному пункту на восточной оконечности подземного хода.

В 14 ч 45 мин второй батальон 213-го полка начал атаку восточного склона и в 15 ч 15 мин достиг разрушенного фортификационного укрепления на отметке 400 м к востоку от первой бронированной башенной установки. Первый батальон 173-го саперного полка под защитой пехотного огня атаковал башенную установку. В 15 ч 45 мин шестеро саперов со связками ручных гранат проникли в установку и уничтожили ее гарнизон. Гарнизон второй установки яростно отстреливался сквозь отверстия, пробитые артиллерийскими снарядами в броневых листах башни. Атака саперов

увенчалась успехом лишь благодаря фланговому обстрелу установки, который вели пехотные части. Противник был уничтожен ручными гранатами. В это же время наступавшая по северному склону пехота могла контролировать западный склон. В 16 ч 30 мин саперы после нескольких повторных попыток достигли сильно обороняемых главных входов, заграждаемых пулеметами. В результате всех этих действий гарнизон был заперт в блоках.

В следующие дни противник сражался внутри батареи, пуская в ход подрывные заряды, бензин и горючие масла (в башенные установки им предварительно было подвезено около 1000 кг взрывчатки и 1000 л горючих материалов). Перебежчики выдали расположение устройства батареи. В западной башенной установке 20 июня произошел взрыв, стоивший жизни трех саперов. Из-за сильных пожаров и дыма ворваться внутрь установки не представлялось возможным. Первый батальон 173-го саперного полка 22 июня был заменен третьим батальоном 22-го саперного полка. Для обороны гарнизон взорвал резервный выход; в тех же целях постоянно сжигались дымообразующие смеси и масла. Командир батареи, выползший 25 июня через водосток, на следующий день был захвачен в плен. Ударная группа 26 июня ворвалась внутрь блока и захватила еще 40 пленных. Большая часть гарнизона погибла от взрывов или задохнулась в дыму. Скопление легковоспламеняемых материалов в ходах сообщения способствовало распространению пожаров. Бронированные двери в местах взрывов были продавлены, а в других местах так деформировались от взрывной волны, что дым мог проникнуть во внутренние помещения. Железобетонные конструкции пострадали от взрывов незначительно»[1].

[1] Борьба за Севастополь 1941—1942 гг. Дополнение к докладным запискам об иностранных укреплениях инспектора инженерных и крепостных войск вермахта от 1 апреля 1943 г. Берлин, 1943. С. 52—54.

В дальнейшей судьбе командира батареи № 30 Александера много неясного. Приказом Управления кадров ВМФ № 00337 от 6 октября 1942 г. он исключен из списков начсостава ВМФ как пропавший без вести в Севастопольском оборонительном районе. После визита в 1992 г. в Севастополь германских военных историков, возглавляемых доктором H.R. Neuman, в Севастополь из Германии были присланы копии документов разведывательного отдела штаба 11-й армии и 647-й группы тайной полевой полиции, из которых следует, что командир 30-й батареи майор Георгий Александер был захвачен в плен 27 июня 1942 г. и после допроса расстрелян как партизан (в документе дословно сказано: «...был захвачен в штатской одежде, имея при себе оружие, и хотел прорваться к партизанам»). Дата и место расстрела в документах не указаны, но, судя по датам составления документов, не позднее 26 июля того же года.

Недавно мне в руки попал уникальный документ — «Справка из Центрального Военно-морского архива», подписанная 19 марта 1999 г. начальником архива капитаном 1 ранга С. Тарасовым. Там приведена ксерокопия допроса краснофлотца Шаринова. Последний служил на батарее № 30, затем попал в плен, бежал и 5 сентября 1943 г. был допрошен начальником 6-го отдела ОКОС Черноморского флота подполковником Деркачевым. Прошу извинения у читателя за излишние подробности, но когда речь идет о персоналиях, лучше давать побольше ссылок, чтобы не иметь потом неприятностей от обиженных лиц.

Шаринов показал: «10 июня, приблизительно в 9 часов утра, когда была прервана телефонная и радиосвязь, противник количеством до трех рот ворвался на командный пункт батареи и занял нашу высоту после ожесточенного боя. Но сам КП, то есть боевая и радиорубка, взяты не были. Противник начал взрывать двери КП, но это не дало никаких результатов.

Часов около 12 я и командир батареи майор Александер спустились в центральный пост нашей батареи, который находился на 40 м ниже КП. В это время противник подложил фугас под боевую рубку и взорвал ее. Во время взрыва погибли: помощник командира батареи капитан Окунев, начальник связи младший воентехник т. Пузин и два краснофлотца.

Но и после взрыва противник побоялся войти в боевую рубку. Командир, комиссар батареи старший политрук Соловьев и я направились на батарею. Майор приказал мне во что бы то ни стало восстановить связь с КП дивизиона при помощи радистов 57-го артиллерийского полка, которым командовал подполковник Филимонович. Связь была восстановлена, но только односторонняя, то есть нам были слышны все рации Севастополя, а нас никто не слыхал. Это не дало никаких результатов. В это время батарея была окружена противником, который уже подбирался к брустверу. Командир батареи вышел в боевое отделение 1-й башни и уцелевшим одним орудием и последними тремя фугасными снарядами уничтожил три тяжелых танка противника. На бруствере в это время занимала позиции по обороне суши рота командира 1-й башни старшего лейтенанта Теличко (куда делась эта рота со своим командиром, нам по сей день неизвестно). Факт то, что противник ворвался на бруствер и начал взрывать башни. От первых же взрывов погибло около 15 человек личного состава.

После этого последовал приказ командира батареи всем оставшимся прорваться из окружения и идти на Севастополь, но из этого ничего не вышло, потому что противник блокировал двери, на которых установил пулеметы, автоматчиков, несколько противотанковых пушек и два прожектора.

Несколько раз личный состав во главе с командиром батареи пытались вырваться с массива, но это не дало никаких результатов. Тогда комиссар т. Соловьев со-

брал политсостав батареи и после короткого совещания весь политсостав (за исключением секретаря партбюро, который был оставлен комиссаром батареи) во главе с комиссаром выскочили с массива. Приблизительно через полчаса к нам приполз обратно комиссар, который был ранен двумя разрывными пулями. (Судьба остального политсостава, который пытался прорваться с комиссаром, неизвестна, есть предположение, что они все погибли.) После всех этих попыток командир батареи собрал в коридоре массива весь личный состав и сказал: «Осталось одно — умереть, но не сдаваться противнику». Весь личный состав ответил одним словом: «Умрем!»

Командир отдал приказание взорвать батарею, но было уже поздно. Противник во время взрывов башен повредил кабели, и поэтому взорвать батарею было невозможно. Все это время противник продолжал рвать башни. После каждого взрыва гибло 15—20 человек, ждали очередного взрыва, знали, что еще будут гибнуть люди, каждый ждал своей очереди, но сдаваться не пошел ни один человек. Умирали, но не сдавались, а командир батареи, я и лейтенант Шорохов продолжали искать пути спасения для личного состава. И вот после четырех дней пребывания в таком положении командир части решил прорваться с оставшимся личным составом (приблизительно 45 человек команды, краснофлотцев и 5 человек женщин) в центральный пост, который находился в 800 м от батареи и на который можно было пройти по потерне. После моей разведки, во время которой было установлено, что противника в центральном посту нет, мы с оставшимся личным составом начали пробираться в центральный пост. Когда мы спустились к потерне, противник пустил газ CO, от которого погибло 22 человека. Итак, нас осталось 23 человека: командир батареи, я, лейтенант Шорохов, командир 2-й башни, который был ранен, 4 девушки, секретарь партбюро военврач 3 ранга и 14 краснофлот-

цев. Мы были в очень тяжелом положении, продуктов нет, воды нет, свежего воздуха также нет. (Я уже упоминал, что центральный пост находился под землей на 40 м.) Но все же духом не падали, искали выход из создавшегося положения, в этом нам помогла большевистская настойчивость. Я и замполит Туляев решили разобрать вентиляционную трубку и попытать счастья выйти через нее. Разобрать мы ее разобрали, но противник услыхал и пустил туда горючую смесь. От этого воздух у нас стал еще сгущеннее, и дышать стало еще тяжелее. Это было 15 июня. После этой попытки и последовавшей за ней неудачи мы не пали духом, а продолжали поиски.

И вот 16-го июня, вечером, я и лейтенант Шорохов во время осмотра потерны решили рыть туннель с потерны в сторону караульного помещения. Предложили командиру батареи, он дал свое согласие. Распределили людей на три смены и начали рыть. (При помощи штыков с самозарядных винтовок.) Работали круглыми сутками, не переставая. Я и секретарь партбюро посменно охраняли подступы к этой туннели. Приходилось по 12 часов в сутки сидеть на цементном полу в потерне, в которой была вода, доходившая до 15 см. И вот в одну из моих смен фрицы, рассчитывая на то, что они отравили всех оставшихся газами СО, решили пройти с батареи на командный пост по потерне. Эта прогулка им стоила 15 человек убитыми.

После этого они предложили мне сдаться, в ответ я дал несколько очередей из автомата. Тогда немцы предупредили, что взорвут потерну. И вот через 1,5 часа в смену секретаря партбюро немцы выполнили свое обещание и взорвали потерну. От того взрыва погибли: 1) секретарь партбюро; 2) военврач 3 ранга и замполит Туляев.

Я и командир батареи получили сильные ушибы, но остались живы. Остальной личный состав работал в туннеле. Это было 25-го июня. К этому числу уже было

прорыто около 70 м туннели. После взрыва командир части послал меня проверить состояние личного состава, который рыл туннель. Оказывается, силой взрыва было выброшено оставшиеся 2 м земли. На 10-е сутки мы увидели дневной свет. Личный состав, который рыл туннель, уцелел весь. И вот оставшиеся 20 чел. были распределены на группы по 5 чел., и ночью мы вышли на чистый воздух.

Майор, я, лейтенант Шорохов и еще 2 краснофлотца, забрав оружие, решили пробираться в лес, потому что в Севастополь не было никакой возможности пройти. Мы пробирались только ночами, ползти приходилось почти все время, по-пластунски, за 4 суток мы проползли в тылу противника около 15 км.

Осталось каких-нибудь 2 км до лесу, когда мы были замечены и схвачены целой оравой немцев. Нас разоблачили и начали допрашивать. Но эти допросы ни к чему не привели. Выведать у нас они ничего не сумели. Мы знали, что нас должны расстрелять, но смерть нам была не страшна. После допроса командир части предложили мне, а также сам рассказал немцам, за что мы должны погибнуть. И вот на протяжении 2-х часов мы им рассказывали, сколько, где и как мы своей частью истребили. После этого мы ждали расстрела. Ночью подошла машина, забрала сначала двоих — командира части и лейтенанта Шорохова. А днем мы, оставшиеся трое, удрали с поля из-под немецкого охранения, и вот я снова нахожусь среди своих товарищей».

О гибели 35-й башенной батареи будет рассказано позже. А пока я перейду к армейским орудиям Севастопольского оборонительного района. Самыми мощными армейскими буксируемыми орудиями были 152-мм гаубицы-пушки обр. 1937 г. (МЛ-20). К 15 ноября 1941 г. в составе СОРа имелось 16 МЛ-20, причем 8 из них принадлежали 724-й и 725-й подвижным береговым батареям.

Кроме них в составе СОРа к 15 ноября 1941 г. из артиллерии среднего калибра (то есть свыше 100 мм) имелось тринадцать 155-мм французских гаубиц, четыре 152-мм гаубицы, тридцать шесть 122-мм гаубиц и двадцать четыре 107-мм пушки обр. 1910/30 г.

Откуда в Севастополе взялись тринадцать 155-мм гаубиц, в официальных документах ничего не говорится. Видимо, это 155/15- мм/клб гаубицы обр. 1917/38 г., созданные в 1917 г. фирмой Шнейдер и позже модернизированные поляками. Гаубицы стреляли снарядами весом 40 кг и 43,5 кг, максимальная дальность составляла 11,2 км. К 1 ноября 1939 г. в польской артиллерии имелась 341 такая гаубица. Часть из них была захвачена Красной Армией. И вот 13 гаубиц продолжили войну под Севастополем.

Советская реактивная артиллерия под Севастополем почти не применялась. Единственное исключение представлял 3-й гвардейский дивизион 8-го гвардейского полка РВГК, доставленный в Севастополь 31 декабря 1941 г. на транспорте «Чапаев». В составе дивизиона было 12 пусковых установок 82-мм снарядов М-8. Сразу по прибытии дивизион был направлен в район деревни Дергачи.

Попробую оценить артиллерийское вооружение СОРа к 15 ноября 1941 г. чисто формально. Как уже говорилось, всего имелось шестнадцать 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 и семнадцать гаубиц калибра 152—155 мм, тридцать шесть 122-мм гаубиц и двадцать четыре 107-мм пушки.

Для сравнения, корпусный артиллерийский полк (3-го типа) перед войной имел по штату двадцать четыре гаубицы-пушки МЛ-20 и двадцать четыре 122-мм и 107-мм пушки. По штату к 1941 г. в составе обычной стрелковой дивизии было положено иметь двенадцать 152-мм гаубиц, а также сорок 122-мм гаубиц.

Таким образом, вся артиллерия Севастополя (без стационарных береговых батарей) по своей мощи

в полтора-два раза уступала мощи одной стрелковой дивизии, усиленной одним корпусным артиллерийским полком.

В ходе обороны Севастополя морем было доставлено некоторое количество 45-мм и 76-мм орудий, но орудия среднего калибра почему-то в Севастополь не поступали.

Особенно был слаб навесной огонь севастопольских орудий. Многочисленные мортиры и гаубицы немцев были упрятаны в лощинах и оврагах, а наши мощные береговые пушки были способны поразить любую цель на море на расстоянии 30 и более километров, но ничего не могли сделать с мортирой на дистанции 5—6 км.

Рельеф местности спас Ленинград, позволив морской (корабельной, железнодорожной и береговой) артиллерии расстреливать на дистанции до 40 км любую цель. А под Севастополем рельеф местности существенно уменьшал роль береговой и корабельной артиллерии.

Возникает вопрос, а что, у нас к 22 июня 1941 г. не было тяжелых гаубиц и мортир? Были и немало! Новых 203-мм гаубиц Б-4 было 849 штук, 280-мм мортир обр. 1914/15 г. было 25, а новых обр. 1939 г. — 47. Я уж не говорю об английских гаубицах Виккерса, которых имелось 152-мм — 92, 203-мм — аж 50 и 234-мм — 3.

В первые недели войны нужды у Красной Армии в тяжелых гаубицах и мортирах не было, и их срочно отправили в тыл. До зимы 1941 г. было потеряно лишь 75 гаубиц Б-4, да и то не столько от огневого воздействия противника, сколько из-за халатности личного состава и отсутствия тягачей (их попросту бросали). Но за тот же период от промышленности было получено 105 гаубиц Б-4, и их общее число в Красной Армии возросло до 879.

С 203-мм гаубичными снарядами ситуация была просто превосходная. К 22 июня 1941 г. имелось

395 тыс. таких снарядов. В 1941 г. было утрачено 66 тыс. снарядов, а получено от промышленности 166 тыс. снарядов.

Весной 1942 г. нужды в артиллерии большой и особой мощности не было ни на одном фронте, кроме Севастополя.

В Закавказском военном округе к началу войны имелось 56 гаубиц Б-4, и 95 гаубиц находилось на Дальнем Востоке. Неужели хоть оттуда их нельзя было взять под Севастополь? Но, увы, не только 203-мм гаубицы, но и даже 152-мм гаубицы в Севастополь так и не были отправлены.

В конце концов, если армейское командование берегло свои орудия большой мощности для будущих боев, то почему нельзя было отправить под Севастополь старые системы, изготовленные до 1917 г.? Благо в позиционной войне все сойдет. В частности, на складах к началу войны имелось: девяносто две 152-мм гаубицы Виккерса, пятьдесят 203-мм английских гаубиц марки VI, двадцать пять 180-мм мортир обр. 1914/15 г. фирмы Шнейдер и т. д.

Командование армии и флота не только не снабдило Севастополь орудиями среднего и крупного калибра, но и оставило СОР без боеприпасов. Одним из решающих факторов падения Севастополя стал снарядный голод. «В ходе июньских боев 1942 г. наличное количество боеприпасов в частях быстро уменьшалось, а в последние дни обороны боеприпасы почти совсем отсутствовали. Так, если к началу третьего штурма в артиллерии войск, оборонявших Севастополь, имелось к 152-мм гаубицам-пушкам 4,2 боекомплекта боеприпасов, к 152-мм гаубицам — 7,1 боекомплекта, то к 17 июня на каждую 152-мм гаубицу-пушку оставалось по 28 снарядов, а на каждую 152-мм гаубицу — по 11 снарядов, то есть от 0,2 до 0,5 боекомплекта. Вообще в середине июня после ожесточенных оборонительных боев в Севастополе оставалось в среднем не более 10—12 снарядов на каждое орудие, а подвоз снарядов в Севастополь в последующие дни не превышал в среднем 8—10 снарядов на каждое орудие на день боя»[1].

Большинство морских и армейских орудий Севастополя замолчало не от воздействия противника, а от отсутствия боеприпасов. Наши генералы и адмиралы оправдывались, мол, немцы мешали подвозу боеприпасов в Севастополь. Так кто мешал доставить достаточное количество боеприпасов в Севастополь до 15 мая?

Почему остались без боеприпасов 305-мм башенные батареи в Севастополе? Ведь перед войной на кораблях, береговых батареях и складах имелось 305/52-мм снарядов: 9670 фугасных, 4108 бронебойных, 1440 дальнобойных обр. 1928 г. и 441 шрапнель. В ходе войны от промышленности поступило 305/52-мм снарядов: в 1941 г. — 1020 шт., в 1942 г. — 1674 шт., а всего до конца войны — 6186 шт. Итого имелось и было произведено 21 845 снарядов, а всего за войну израсходовано только 4511 снарядов, то есть 20,6%! Таким образом, снаряды были, но кто-то не отпускал их фронту.

К началу войны большинство боеприпасов Черноморского флота находилось на складах в Севастополе. И это было вполне разумно — главная база флота располагала достаточным числом подземных хранилищ боеприпасов. Так, еще перед войной флоту были предоставлены огромные хранилища в инкерманских штольнях, недоступных для действия авиабомб. К августу 1941 г. весь боезапас главной базы Черноморского флота был укрыт в подземных хранилищах[2].

В середине октября руководство Черноморского флота (увы, не удалось точно установить, кто был инициатором) решило эвакуировать боеприпасы из Сева-

[1] Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. I. М., Воениздат, 1958. С. 172.

[2] Здесь и далее история с боеприпасами Черноморского флота взята из совсекретного отчета «Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны». Гриф снят директивой ГШ ВС РФ от 20.10.1992 г.

стополя в Поти и Батуми. Далее, чтобы избежать обвинения в очернительстве, процитирую «Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны»:

«В средних числах октября месяца 1941 г. была составлена ведомость вывоза боезапаса из Главной базы. В складах Севастополя оставлялись только готовые выстрелы из расчета на три месяца расхода для нужд береговой артиллерии и кораблей поддержки.

Согласно этой ведомости, подлежало вывозу из Севастополя:

Таблица 6

Наименование калибра боезапаса	Количество (шт.)		Вес (т)
	Готовые выстрелы	Элементы	
305/52-мм/клб	969	1404	1652
203/50-мм/клб	697	—	160
100-мм	2643	—	581
152-мм	704	—	70
130/50, 130/55-мм/клб	6779	5808	994
122-мм	990	—	44
120/50-мм/клб	1505	6542	314
100/47, 100/51, 100/56-мм/клб	9812	12 444	780
76-мм (обр. 31г., 15/28г., 14/15г., 02/30г.)	26 970	72 518	1241
75/50-мм/клб	—	5458	66
45/46-мм/клб	46 660	41 247	264
7,62-мм винтовочные патроны	24 000 000, —	750	
Всего подлежало вывозу тонн:			6916

Кроме готовых выстрелов в Севастополе была оставлена часть элементов для сборки их в выстрелы, но обстановка вынудила и эти элементы отправить на Кавказ. Таким образом, дополнительно полежало вывозу:

Таблица 7

Наименование калибра	Элементы (шт.)	Вес (т)
305/52-мм/клб	120	60
203/50-мм/клб	410	60
152/45-мм/клб	3905	390
130/55, 130/50-мм/клб	2378	170
100-мм	4089	120
85-мм	4462	80
76-мм обр. 31г., 15/38-г.	25 290	250
45/46-мм/клб	3566	10
Всего в тоннах:		1120

Таким образом, всего было намечено к вывозу 8036 тонн. Но фактически обстановка заставила вывезти гораздо больше. Всего было вывезено около 15,0 тысяч тонн»[1].

Довольно забавная картина получилась: в конце 1941 г. корабли Черноморского флота вывезли из Севастополя боезапас весом 15 тыс. т, а в первой половине 1942 г. ввезли 17 тыс. т.

Зачем все это делалось? Ведь формально никто не собирался сдавать Севастополь в конце 1941 г. На батареях Севастополя стояли орудия всех представленных к вывозу калибров. Наконец, рассмотрим даже самый худший и маловероятный случай — падение Севастополя в ноябре — декабре 1941 г. Так, пардон, тыловые склады были завалены морскими снарядами всех основных калибров. Как уже говорилось, в течение всей войны было расстреляно и утеряно лишь 20,6% от имевшихся и полученных от промышленно-

[1] «Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны». С. 27—29.

сти 305/52-мм снарядов[1]. Аналогичная картина сложилась и по другим калибрам флотских орудий. Так, из ста семидесяти 780—180-мм снарядов было израсходовано и утеряно в войну 31 796, то есть 18,6%, а из снарядов к 152/45-мм пушке Кане из 113 021 снаряда было израсходовано 29 290 штук, то есть 25,9%, и т. д.

А ведь бравые адмиралы вывезли из Севастополя 1241 тонну 76-мм выстрелов и 750 тонн 7,62-мм винтовочных патронов. Этих-то на складах ГАУ было пруд пруди. Так, еще в 1950-х годах на складах оставались миллионы 76-мм снарядов, изготовленных в 1914—1917 гг. А вот у защитников Севастополя к началу июня их почти не осталось!

Далее опять процитирую «Итоги...»: «Вследствие того, что транспорты из Севастополя уходили один за другим, то к концу ноября месяца 41 г. и началу декабря 41 г. причалы Поти и Батуми оказались забитыми боеприпасами»[2]. Убирать снаряды было некому. «Работу в основном выполняли краснофлотцы кораблей. (Вместо того чтобы воевать! — *А. Ш.*) Все же к концу декабря месяца 41 г. причалы в Поти были очищены, а с причалов Батуми боезапас был убран только к маю месяцу 1942 г.».[3] Долетел бы до Батуми один Хе-111, сбросил бы пару бомб на огромные штабеля боеприпасов, и что бы осталось от порта и города?

Возможно, найдутся оппоненты в лампасах, которые заявят, что, мол, часть боеприпасов, вывезенных из Севастополя, не годилась для использования в имевшихся артсистемах. Враки! На войне годится все! Если малограмотные чеченцы переделывали артиллерийские снаряды в дистанционно управляемые фугасы, то почему этого не могли сделать защитники СОРа?

[1] Я уж не говорю о 2495 снарядах к 305/40-мм пушкам и 1788 снарядах к 305/20-мм гаубицам Тихоокеанского флота, а также о тысячах 305-мм снарядов к армейским гаубицам обр. 1915 г., которые могли быть использованы для стрельбы из 305/52-мм пушек линкоров и береговых батарей.

[2] «Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны». С. 29.

[3] Там же.

В Севастополе был мощный морской завод и другие предприятия. Наконец, был специальный морской «Артремонтный завод», имевший 116 станков. Там можно было переделать любые снаряды, скомплектовать любые выстрелы. К примеру, все снаряды от 76-мм полковых, дивизионных и горных пушек взаимозаменяемы, а снарядами от 6-дюймовых пушек Кане можно стрелять из 152-мм гаубиц и 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20, и т. д.

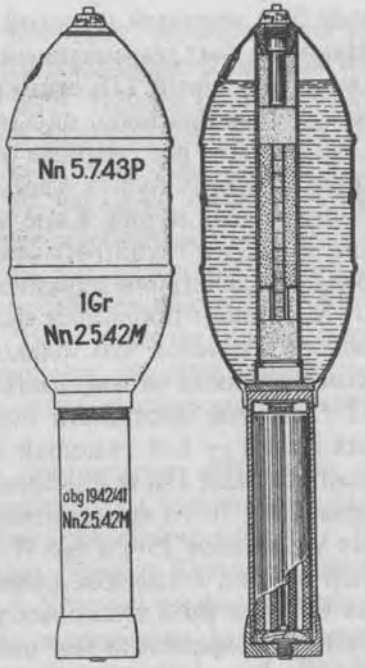
А теперь перейдем к действиям германской артиллерии. В ноябре 1941 г. Манштейн попытался взять Севастополь с наскока, но вскоре убедился, что только с артиллерией большой и особой мощности можно взять город.

Весной 1942 г. немцы доставили под Севастополь два минометных полка — 1-й тяжелый минометный и 70-й минометный, а также 1-й и 4-й минометные дивизионы. На вооружении 70-го минометного полка были шестиствольные установки 15-см Np.W.41. Полк имел трехдивизионный состав, в каждом дивизионе по 3 батареи, в каждой батарее по 6 пусковых установок. Таким образом, полк одновременно мог выпустить триста двадцать четыре 38-кг осколочно-фугасные мины.

Тут стоит заметить, что наши военные историки, не говоря уж о литературной братии, всячески пытаются принизить боевые возможности германских 15-см шестиствольных минометов — «иванов», как их называли наши солдаты, перед 132-мм реактивными снарядами М-13 («катюша»). На самом деле это было очень эффективное орудие, а кучность германских снарядов была намного лучше, чем у М-8 и М-13. Другой вопрос, что немцы не могли позволить себе роскошь сосредотачивать десятки, а то и сотни пусковых установок 15-см Np.W.41 на 1 километр фронта, как это делало советское командование в 1943—1945 гг.

Любопытно, что в 1950—1953 гг. 15-см Nb.W 41 применялся корейскими и китайскими войсками в ходе Корейской войны, и, по оценке советских специалистов[1], шестиствольные минометы хорошо показали се-

[1] Война в Корее 1950—1953 гг., СПб., 2000.

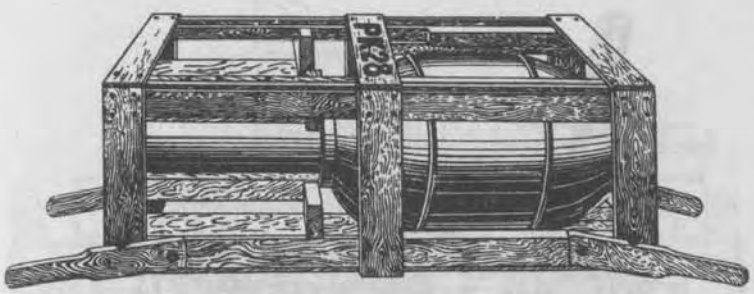

Германская 32-см реактивная зажигательная мина.

бя, в то время как 132-мм реактивные снаряды М-13 и их пусковые установки БМ-13Н действовали неудовлетворительно.

1-й тяжелый минометный полк был оснащен пусковыми установками рамочного типа, стрелявшими 28-см фугасными снарядами весом 82 кг и 32-см зажигательными снарядами весом 127 кг. При попадании 28-см фугасного снаряда в каменный дом последний полностью разрушался.

При стрельбе 32-см миной по лугам с сухой травой, лесу и т. д. единичное попадание вызывало горение на площади до 200 кв. м с пламенем до 2—3 м по высоте, прямые попадания мин валили 30—40-см деревья и могли их поджечь. Для одновременного поджигания площади в один гектар было необходимо попадание 50 мин.

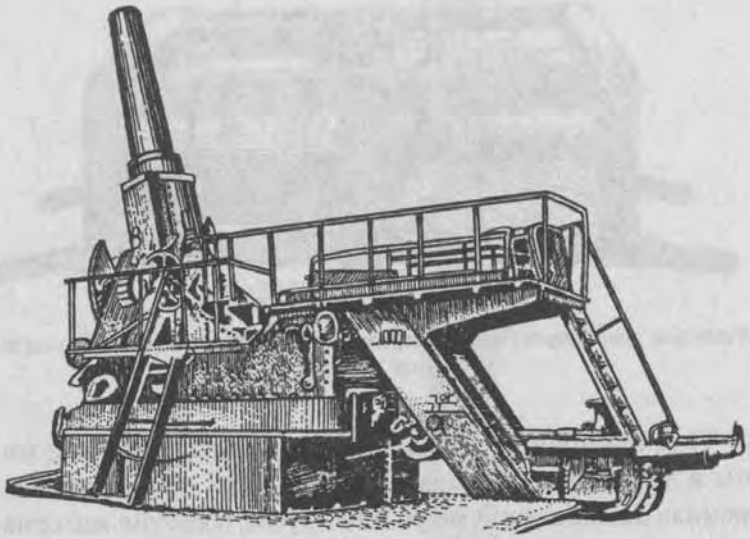
Рама для транспортировки и стрельбы 32-см реактивной зажигательной миной.

При одиночном попадании 32-см зажигательной мины в дом она пробивала стену и крышу дома и воспламеняла домашнюю утварь или другие горючие материалы (сено, доски, дрова и др.). Горящая нефть (50 л) разбрызгивалась по фронту 20—25 м, в глубину на 10—15 м и по высоте на 2—3 м, оказывала соответствующее моральное действие и обжигала незащищенные части тела, матерчатая одежда пропитывалась горящими каплями нефти и воспламенялась.

Тяжелых пушечных батарей у Манштейна было немного. Наиболее мощными пушками были трофейные французские 19,4-см K.485(f) весом 29,6 т, вес снаряда 78 кг, дальность стрельбы 20,8 км. Пушки же германского производства имели калибры 15 см и 10,5 см.

Куда лучше была представлена артиллерия навесного боя — гаубицы и мортиры. Немцы стянули к Севастополю 10 батарей тяжелых 15-см гаубиц четырехорудийного состава и 6 батарей трехорудийного состава 21-см мортир обр. 18 (вес снаряда 113 кг, дальность стрельбы 16,7 км).

Более мощные установки были представлены под Севастополем в нескольких, а то и в одном экземпляре. Среди них:

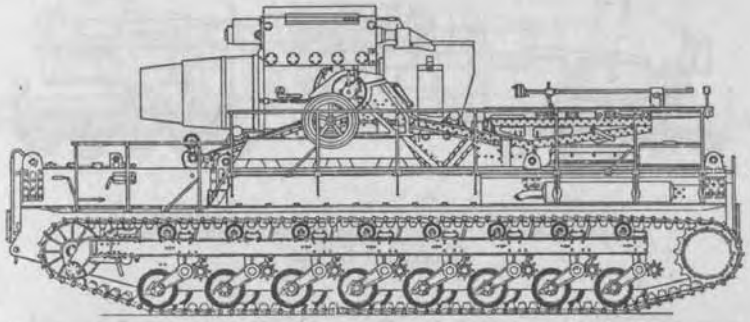
42-см мортира «Гамма»,
участвовавшая в обстреле Севастополя.

28-см гаубица HL/12, изготовленная Круппом еще до Первой мировой войны. Вес ее снаряда 350 кг, начальная скорость снаряда 376 м/с, дальность стрельбы 11 км.

Несколько чешских 30,5-см мортир Mrs(t). Вес снаряда 384 кг, дальность стрельбы 11 км.

Несколько 35,5-см гаубиц-мортир М-1, изготовленных в конце 1930-х годов фирмой «Рейнметалл». Вес снаряда 575 кг, начальная скорость снаряда 570 м/с, дальность стрельбы 20 км.

Одна 42-см мортира «Гамма», изготовленная фирмой Круппа в 1906 г. Вес бетонобойного снаряда 1020 кг, начальная скорость 452 м/с, дальность 14,2 км. (В отдельных случаях изготавливались и более тяжелые бетонобойные снаряды весом 2200 кг.) «Гамма» выпустила по Севастополю 188 снарядов.

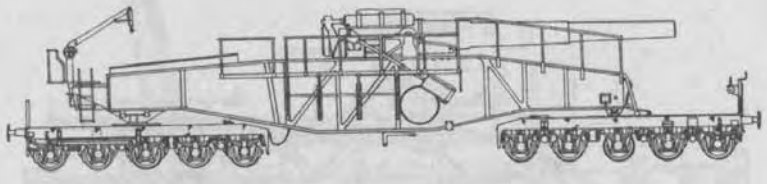

60-см самоходная мортира «Карл», обстреливавшая Севастополь.

Одна 42-см гаубица H (t), изготовленная в 1917 г. на заводе «Шкода». Вес ее снаряда 1020 кг, начальная скорость 435 м/с, дальность 14,6 км.

Наряду со старым, но грозным оружием немцы послали под Севастополь и сверхсекретные новинки. В их числе были две 60-см самоходные мортиры фирмы «Рейнметалл», названные «Карлом» в честь генерала Карла Беккера. Каждая установка имела имя собственное.

Максимальный угол возвышения установки «Карл» составлял 70°, что позволяло вести огонь с закрытых позиций, недосягаемых для артиллерийского огня противника. Вес установки вместе с шасси 120 т. Установка имела легкое бронирование толщиной 13 мм. Скорострельность составляла 1 выстрел за 5—6 минут. Максимальная скорость передвижения 10 км/ч. В боекомплект 60-см мортиры входили тяжелый и легкий бетонобойные снаряды весом 2170 кг и 1700 кг соответственно. Тяжелый снаряд содержал 348 кг взрывчатого вещества, дальность стрельбы им составляла 4500 м, а легкий снаряд — 280 кг и 6640 м соответственно.

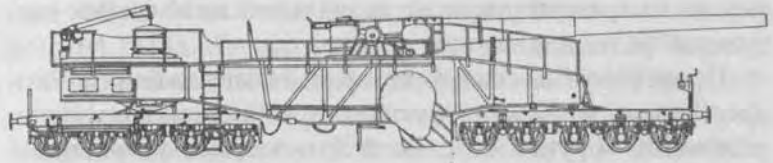

Германская 28-см железнодорожная установка «Тяжелый Бруно».

Весной 1942 г. 60-см мортиры «Один» и «Тор» были доставлены под Севастополь. Они выпустили по Севастополю 172 тяжелых бетонобойных и 25 легких бетонобойных снарядов. Снаряды были велики, а их скорость — мала (220 м/с и 283 м/с), так что защитники города хорошо видели их в полете и поначалу принимали за тяжелые реактивные мины. Но вскоре разобрались и доложили в Москву, что город обстреливается 600-мм орудиями. Из Москвы ответили, что таких орудий у немцев нет и быть не может и обвинили в паникерстве. Лишь фрагменты снарядов, доставленные в Москву самолетом, убедили тыловых скептиков.

Вообще говоря, наши артиллеристы и после войны имели весьма смутное представление о германской тяжелой артиллерии. Так, в секретном труде «Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны», среди авторов которого аж 5 маршалов артиллерии и 8 генерал-полковников, утверждается, что под Севастополем у немцев было: «30 артиллерийских полков, две батареи осадной артиллерии, дивизион реактивных минометов, установленных на железнодорожных транспортерах»[1]. Оставлю сей пассаж без комментариев.

[1] Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Книга I. С. 169.

Германская 28-см железнодорожная установка «Длинный Бруно».

Немцы доставили под Севастополь три 280-мм железнодорожные установки типа «Бруно». Вообще говоря, у немцев имелось 4 типа железнодорожных установок «Бруно»: «Короткий Бруно» (28 cm Kz.Br.K.(E)), «Длинный Бруно» (28 cm lg.Br.K(E)), «Тяжелый Бруно» (28 cm schw.Br.K(E)) и «Новый Бруно» (28 cm Br.KN(E)). К какому типу относились три установки, доставленные под Севастополь, к сожалению, выяснить не удалось.

«Короткий Бруно» стрелял фугасными снарядами весом 240 кг на дальность 29,5 км, а «Длинный Бруно» и «Тяжелый Бруно» стреляли 284-кг фугасными снарядами на дальность 36,1 км и 37,8 км соответственно. «Новый Бруно» стрелял 255-кг осколочно-фугасным снарядом на дальность 46,6 км. Объединяло все 4 установки то, что с пути они имели угол горизонтального обстрела всего в 1°, но с помощью специального поворотного круга «Vögele» могли поворачиваться на 360°.

Все три установки «Бруно» базировались на полустанке Шакул (ныне Самохвалово) в 7 км к северу от станции Бахчисарай.

Железнодорожные пути, с которых установки вели огонь, располагались в односторонней выемке холма с западным крутым откосом высотой 5—7 м. С восточной стороны пути были закрыты вертикальными и горизон-

тальными маскировочными масками, что надежно укрывало транспортеры от визуальной наземной и воздушной разведки.

Послевоенные сказочники рассказывали байки о повреждении и даже уничтожении железнодорожных установок «Бруно» советской артиллерией и авиацией. Но на самом деле эти установки никаких повреждений не имели. Мало того, командование СОРа до последнего дня обороны Севастополя даже не знало о железнодорожных установках противника.

Любопытно, что разведгруппа партизан[1] под командованием политрука А.Д. Махнева обнаружила железнодорожные установки «Бруно», и в Севастополь была отправлена радиограмма: «18 июня — в 14.20 к северу от железнодорожного моста через р. Кача был обнаружен бронепоезд, идущий в направлении Бахчисарая. В 19.25 он проследовал на ст. Сюрень. 20 июня — в 19.45 бронепоезд был отмечен на ст. Сюрень, при этом он произвел несколько выстрелов из орудия в сторону фронта...»

Обвинить разведчиков в «утке» трудно, установки «Бруно» на ходу действительно имели вид бронепоезда — впереди и позади состава находились платформы с зенитными автоматами, рельсами и разобранными кругами «Vögele», а в середине — тепловоз, артустановка и вагон — снарядный погреб.

Другой вопрос, что к 20 июня линия фронта проходила уже в 30 км от станции Сюрень, то есть до советских позиций не мог достать ни один германский бронепоезд.

Наконец под Севастополь немцы отправили самую мощную пушку в истории человечества — 80-см «Дору».

Еще в 1936 г. при посещении завода Круппа Гитлер потребовал у руководства фирмы создать сверхмощную

[1] Партизанами они считались формально, на самом деле ядро их составляли сотрудники НКВД.

артсистему для борьбы с долговременными сооружениями линии Мажино и бельгийскими фортами. Система должна была обладать углом вертикального наведения +65° и максимальной дальнобойностью 35—45 км. Проникающая способность снаряда предполагалась такой: броня — 1 м; бетон — 7 м; твердый грунт — 30 м.

Конструкторскую группу фирмы Круппа, занявшуюся разработкой нового орудия по предложенному тактико-техническому заданию, возглавил профессор Эрих Мюллер, обладавший солидным опытом в данной области. В 1937 г. проект был закончен, и в том же году фирме Круппа выдали заказ на изготовление артсистемы. Немедленно началось ее производство.

Первое орудие было закончено в начале 1941 г. и обошлось в 10 миллионов рейхсмарок. Его назвали «Дора» в честь жены главного конструктора.

Затвор пушки клиновой, заряжание раздельно-гильзовое. Полная длина ствола составляла 32,5 м, а вес 400 т (!). В боевом положении длина установки была 43 м, ширина 7 м, а высота 11,6 м. Полный вес системы 1350 т.

Установка была железнодорожной, но стрелять она могла только со специального сдвоенного железнодорожного пути. С каждой стороны сдвоенного пути заводили по половине транспортера, то есть по четыре соединенные попарно пятиосные поворотные тумбы. На каждую пару тумб с помощью кранов укладывались две главные пролетные балки. Половины шасси соединялись поперечными связями. Таким образом, получался транспортер на 40 осях и 80 колесах по 40 колес на колее сдвоенного пути. Время подготовки орудия к стрельбе складывалось из времени оборудования огневой позиции (от трех до шести недель) и времени сборки установки (трое суток). Для оборудования огневой позиции требовался участок длиной 4120—4370 м и 250 человек.

«Дора» стреляла 7,1-тонными бетонобойными и 4,8-тонными фугасными снарядами, содержавшими соот-

ветственно 250 кг и 700 кг взрывчатого вещества. Максимальная дальность стрельбы фугасным снарядом составляла 48 км. Бетонобойный снаряд пробивал броню толщиной до 1 м, бетон — до 8 м, твердый грунт — до 32 м.

В феврале 1942 г. начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер приказал отправить «Дору» в Крым и передать в распоряжение командующего 11-й армией для усиления осадной артиллерии.

К этому времени «Дора» находилась на полигоне Рюгенвальд на побережье Балтийского моря. В апреле 1942 г. пушка и дивизион 672-й, обслуживавший ее (всего пять эшелонов), были перебазированы в Крым по маршруту: Рюгенвальд — Бремберг — Краков — Лемберг (Львов) — Запорожье — Днепропетровск — Мелитополь — Крым.

25 апреля 1942 г. эшелоны с разобранной артустановкой скрытно прибыли на полустанок Ташлых-Даир (ныне село Янтарное Красногвардейского района) в 30 км южнее железнодорожного узла Джанкой, где были тщательно замаскированы штатными средствами.

Позиция для «Доры» была выбрана в 25 км от расположения предполагавшихся к обстрелу целей в границах СОРа (в основном на северной стороне) и в 2 км к югу от железнодорожной станции Бахчисарай.

Особенностью позиции было строительство ее в чистом поле, на участке, где не имелось ни сложного рельефа, ни скальных укрытий, ни хотя бы небольшого леса. Совершенно голый мергелевый холм между речкой Чурук-Су и железной дорогой Бахчисарай — Севастополь был вскрыт продольной выемкой глубиной 10 м и шириной около 200 м в направлении северо-восток — юго-запад. Восточнее холма до станции Бахчисарай была проложена километровая ветка, западнее холма уложили усы, которые обеспечивали угол горизонтального обстрела в 45°.

На участке подвоза артиллерийской системы к выемке и непосредственно в ней пути строились двух- и трехколейными для перемещения монтажных кранов, а во время стрельбы — для параллельного размещения двух транспортно-заряжающих вагонов со снарядами и зарядами.

Работы по строительству огневой позиции велись в течение четырех недель. Было привлечено 600 военных строителей-железнодорожников, 1000 рабочих «Трудфронта» организации «Тодт», 1500 человек местных жителей и некоторое количество военнопленных, захваченных немцами при прорыве Перекопских позиций и взятии Керчи в октябре — ноябре 1941 г. Работы велись круглосуточно. Безопасность обеспечивалась надежной маскировкой и постоянным патрулированием над районом истребителей из состава 8-го авиакорпуса генерала Рихтгофена. Рядом с позицией построили батарею 88-мм зенитных орудий и батарею 20-мм зенитных автоматов.

Кроме того, «Дору» обслуживали дивизион дымомаскировки, две румынские пехотные роты охраны, взвод служебных собак и специальная моторизованная команда полевой жандармерии. Вычислительные группы в составе батареи производили все необходимые расчеты для стрельбы, а взвод артиллерийских наблюдателей использовал наряду с традиционными средствами инфракрасную технику. Итого: боевую деятельность орудия обеспечивало более четырех тысяч человек.

Оккупационной администрацией и гестапо весь район был объявлен запретной зоной со всеми вытекавшими из этого для военного времени последствиями.

В результате ни подпольщикам, ни партизанам, ни флотской и армейской разведке, ни хваленым органам НКВД до конца обороны Севастополя ничего толком не удалось узнать о «Доре». Правда, среди населения ходили слухи о немецкой царь-пушке с самыми нелепыми подробностями.

5 июня, на рассвете, 1350-тонный транспортер с орудием и двумя тепловозами вышел из выемки на усы. В определенной точке путей специальными домкратами и юстировочными моторами орудие вместе с транспортером было отгоризонтировано и окончательно наведено на цель. Бронебойный снаряд и гильзы из вагонов-погребов поданы на зарядный стол, а с него — в ствол, которому после заряжания придан угол возвышения 53° (стрельба велась уменьшенными зарядами, чтобы получить более крутую траекторию). После чего тепловозы и зарядные вагоны ушли в укрытие выемки.

В 5 ч 35 мин прозвучал первый громоподобный выстрел, от которого в вагоне-столовой батареи в 3 км от огневой позиции посыпалась с полок посуда, а на станции Бахчисарай и прилегающих к ней постройках звуковой волной были выбиты все стекла. Через 44,8 с наблюдательные и измерительные посты отметили падение и взрыв снаряда в районе цели № 1 — полевого склада боеприпасов 95-й стрелковой дивизии (севернее станции Мекензиевы Горы). Следующие 7 выстрелов были произведены по старой береговой батарее № 16 южнее поселка Любимовка. Еще 6 выстрелов 5 июня были сделаны по открытой зенитной батарее ПВО Черноморского флота № 365 в километре юго-западнее станции Мекензиевы Горы. Последний выстрел прозвучал в 19 ч 58 мин.

На следующий день, 6 июня, с 8 ч 28 мин до 19 ч 45 мин было сделано 16 выстрелов. Из них 7 по защищенному командному пункту зенитного дивизиона 61-го артиллерийского полка ПВО Черноморского флота в 700 м к северу от поселка Бартеневка, а 9 выстрелов — по штольням арсенала в Сухарной балке.

7 июня с 5 ч 17 мин до 9 ч 48 мин проведено 7 выстрелов по штольням арсенала в Сухарной балке.

11 июня с 3 ч 38 мин до 5 ч 21 мин сделано 5 выстрелов по редуту времен Крымской войны, который использовался как опорный пункт 95-й стрелковой дивизии.

17 июня с 4 ч 48 мин до 6 ч 44 мин сделано 5 выстрелов по башенной батарее № 30.

Последние 5 выстрелов были сделаны 26 июня опытной гранатой, время и цель их не установлены.

Увы, гора родила мышь. Начну с того, что артиллерийские наблюдатели из дивизиона 672-го, имея отличные цейсовские приборы, так и не сумели увидеть падения семи своих снарядов. И только 5 снарядов поразили цель. Наблюдательными постами дивизиона 672-го отмечены попадания по батарее № 365, опорному пункту стрелкового полка 95-й стрелковой дивизии и по командному пункту зенитного дивизиона 61-го полка ПВО.

Замечу, что Манштейн в своей книге «Утерянные победы» писал: «Орудие одним выстрелом уничтожило большой склад боеприпасов на берегу бухты Северная, укрытый в скалах на глубине 30 м». Однако ни одна из штолен Сухарной балки не была взорвана огнем немецкой артиллерии до последних дней обороны северной стороны Севастополя, то есть до 25—26 июня. А взрыв, о котором пишет Манштейн, произошел от детонации боезапаса, открыто выложенного на берегу бухты и подготовленного для эвакуации на южную сторону.

При стрельбе по остальным объектам снаряды легли на расстоянии от 100 до 740 м от цели.

Следует заметить, что результаты применения установки «Дора» оказались ничтожны, по поводу чего Манштейн писал: «В целом эти расходы, несомненно, не соответствовали достигаемому эффекту». А начальник генерального штаба вермахта генерал-полковник Гальдер оценил «Дору» так: «Настоящее произведение искусства, однако бесполезное».

Тут стоит заметить, что штаб 11-й армии выбирал цели довольно неудачно. В первую очередь целями для семитонных бронебойных снарядов «Доры» должны были стать береговые башенные батареи № 30 и № 35,

защищенные командные пункты флота, Приморской армии и береговой обороны, узлы связи флота, штольни подземных арсеналов, спецкомбинаты № 1 и № 2 и склады горючего, укрытые в толще Инкерманских известняков.

Что же касается восьми снарядов, выпущенных по береговой батарее № 16, то это просто конфуз. 254-мм пушки там были сняты еще в конце 1920-х годов, и с тех пор там, кроме несчастного привидения, заснятого мной в 2002 г., никого не было. Кстати, я облазил и отснял всю батарею № 16 вдоль и поперек, но никаких серьезных повреждений не обнаружил.

К 27 июня из ствола «Доры» с учетом полигонных испытаний было сделано около 300 выстрелов, и ствол ввиду полного износа отправили на ремонт в Эссен. Лафет и все оборудование по приказу Гитлера начали перевозить под Ленинград в район станции Тайцы, куда позднее прибыл и отремонтированный ствол. Туда же должны были перевезти вторую однотипную пушку «Густав». Наступление Красной Армии лишило немцев возможности использовать сверхмощные орудия под Ленинградом. С началом прорыва блокады Ленинграда пушки срочно эвакуировали в тыл.

Еще раз использовали «Дору» во время Варшавского восстания в сентябре — октябре 1944 г. По Варшаве было выпущено около 30 снарядов.

В 1944 г. планировалось применить «Дору» для стрельбы с французской территории по Лондону. Для этой цели были разработаны трехступенчатые реактивные снаряды H.326.

Кроме того, фирма Круппа спроектировала для «Доры» новый ствол с гладким каналом калибра 52 см. Длина ствола 48000/92,3 мм/клб. Лафет был почти одинаков с установкой «Дора». Дальность стрельбы предполагалась 100 км. Однако снаряд содержал всего 30 кг взрывчатого вещества, то есть фугасное действие его

было ничтожно. Гитлер приказал прекратить работы над 52-см стволом и потребовал создания орудия, стреляющего фугасными снарядами весом 10 тонн с 1200 кг взрывчатого вещества. Понятно, что создание такого орудия было фантазией.

Всего в Германии в ходе войны было изготовлено три 80-см орудия, из которых два в боевых условиях не стреляли.

22 апреля 1945 г. во время наступления в Баварии 3-й американской армии передовые патрули одной из частей при прохождении через лес в 36 км севернее горда Ауэрбаха обнаружили в тупике железнодорожной линии 14 тяжелых платформ и разбросанные вдоль путей остатки какой-то огромной и сложной металлической конструкции, сильно поврежденной взрывом. Позже в близлежащем тоннеле были найдены и другие детали, в частности два гигантских артиллерийских ствола (один из которых оказался неповрежденным), части лафетов, затвор и т. д. Командир части полковник Портер организовал сбор разбросанных деталей и после тщательного осмотра специалистами пришел к заключению, что все они являются частями двух сверхмощных артиллерийских орудий. Опрос пленных показал, что обнаруженные конструкции принадлежат сверхмощным орудиям «Дора» и «Густав». По завершении обследования остатки обеих артсистем сдали в металлолом.

Третье сверхмощное орудие — один из «Густавов» — оказалось в советской зоне оккупации, и дальнейшая его судьба западным исследователям неизвестна. Автор обнаружил упоминание о нем в «Отчете уполномоченного Министерства вооружения о работе в Германии в 1945—1947 гг.», т.2. Согласно отчету: «...в июле 1946 г. специальная группа советских специалистов по заданию Министерства вооружений предприняла изучение 800-мм установки «Густав». Группой составлен отчет с описанием, чертежами и фото 800-мм орудия и прове-

дена работа по подготовке к вывозу 800-мм железнодорожной установки «Густав» в СССР». Руководил группой инженер-майор Б.И. Житков. Установка в Советский Союз была доставлена.

В 1946—1947 гг. эшелон с частями 80-см орудия «Густав» прибыл в Сталинград на завод «Баррикады». На заводе орудие изучалось в течение двух лет. По сведениям, полученным от ветеранов КБ, заводу было поручено создание аналогичной системы, но в архивах подтверждения этому я не нашел. К 1950 г. остатки «Густава» были отправлены на заводской полигон Прудбой, где они хранились до 1960 г., а затем были сданы на лом.

Вместе с орудием на завод «Баррикады» было доставлено семь гильз. Шесть из них впоследствии сдали на лом, а одна, использовавшаяся как пожарная бочка, уцелела и позже была отправлена на Малахов курган.

Как уже говорилось, командование СОРа так и не смогло понять, кто обстреливал Севастополь. В разведсводках имелись сведения о 240-мм и 24-дюймовых (610-мм) железнодорожных установках и т. д.

После окончания боев в Крыму в мае 1944 г. специальная комиссия занималась поиском огневой позиции сверхтяжелого орудия в районах сел Дуванкой (ныне Верхнесадовое) и Заланкой (Фронтовое), но безуспешно. Документов об использовании «Доры» также не оказалось среди трофеев Красной Армии, захваченных в Германии. Поэтому официальные историки сделали заключение, что «Доры» под Севастополем вообще не было, а все слухи о ней — деза абвера.

Зато писатели патриотического жанра и мемуаристы-лампасники оттянулись по «Доре» по полной программе. В десятках детективных историй героические разведчики, партизаны, летчики и моряки находили и уничтожали «Дору». Нашлись люди, которые «за уничтожение «Доры» были награждены правительственными

ми наградами, а одному из них якобы даже присвоили звание Героя Советского Союза.

Подводя итоги, можно сказать, что большие пушки, а точнее, мортиры решили исход битвы за Севастополь. Какие же выводы в артиллерийском отношении сделали наши славные маршалы и генералы? Я опять обращусь к секретному четырехтомному труду «Артиллерия в Великой Отечественной войне». Там в книге I «Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны» 82 страницы заняты главой «Артиллерия в обороне Одессы и Севастополя». Само по себе объединение этих двух сражений — полнейшая глупость. Там — равнина, здесь — горы; там — опереточное румынское воинство, здесь — 11-я армия Манштейна; там — успех, здесь — катастрофа. 7 страниц занимают выводы. Вот что говорится о Севастополе: «Централизованное управление артиллерией было достаточно гибким и оперативным... Широко используя маневр артиллерийским огнем, а в некоторых случаях и самой артиллерией, командование Приморской армии создавало на направлениях главного удара противника плотность артиллерии от 35—40 до 60—70 орудий и минометов (не считая 50-мм минометов) на 1 км фронта. В таких случаях (при достаточном количестве боеприпасов) артиллерийским огнем удавалось не только задержать продвижение противника на тех или иных рубежах, но и срывать его атаки.

Взаимодействие всех видов артиллерии в бою хорошо обеспечивалось заблаговременным планированием ее огня и маневра (поскольку такое планирование было возможно) и поддерживалось непрерывным и гибким ее управлением в ходе боя...

Успешные действия артиллерии всех видов и калибров в обороне Одессы и Севастополя объяснялись не только высоким моральным духом, порождаемым патриотизмом и ненавистью к врагу, боевым мастерством

артиллеристов, но и хорошим инженерным оборудованием и маскировкой боевых порядков частей и подразделений...»[1] и т. д.

Итак, все хорошо, прекрасная маркиза!.. Я так и не смог понять, зачем на такой аллилуйщине ставить гриф «секретно»? Она достойна лишь «Правды» и учебников допризывника.

Глава 14

ТРЕТИЙ ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ

28 мая командование СОРа получило директиву командующего Северо-Кавказским фронтом Буденного[2]. Там говорилось:

«1. Противник к наличному составу сил, блокирующих Севастопольский оборонительный район, с 20 мая начал интенсивную переброску своих войск к Севастополю с целью начать в ближайшем будущем активные действия. По данным всех видов разведки, перебрасывается около четырех пехотных дивизий, одной танковой дивизии и одной легкой пехотной дивизии.

2. Севастопольский оборонительный район имеет прочную систему обороны, могущую противостоять любому наступлению противника.

Приказываю:

1. Предупредить весь командный, начальствующий, красноармейский и краснофлотский состав, что Севастополь должен быть удержан любой ценой. Переправы на Кавказский берег не будет.

[1] Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. С. 203, 205.

[2] Северо-Кавказский фронт образован 20 мая 1942 г. после упразднения Северо-Кавказского направления и расформирования Крымского фронта. В состав Северо-Кавказского фронта вошли 44, 47 и 51-я армии, в оперативное подчинение — СОР, Черноморский флот, Азовская военная флотилия и Керченская ВМБ.

2. Создать армейский резерв; кроме того, иметь резерв в секторах обороны для нанесения мощных контрударов.

3. В борьбе против паникеров и трусов не останавливаться перед самыми решительными мерами»[1].

Между тем корабли Черноморского флота и транспорты продолжали доставлять в Севастополь боеприпасы и пополнения. Так, 27 мая в 2 часа ночи крейсер «Ворошилов» в охранении эсминцев «Сообразительный» и «Свободный» вышел из Батуми и в тот же день в 21 ч 31 мин прибыл в Севастополь с личным составом и вооружением 9-й бригады морской пехоты.

При входе в Севастопольскую бухту корабли были атакованы германскими самолетами — бомбардировщиками и торпедоносцами. Выпущенная по крейсеру при прохождении им первой линии бонов торпеда выскочила на берег в районе Херсонесского музея, но не взорвалась. Повреждений и жертв не было. Корабли уклонялись от атак маневрированием. Эсминцы отражали налет торпедоносцев огнем главного калибра.

На крейсере и эсминцах в Севастополь была доставлена 9-я бригада морской пехоты в составе 3017 человек, восемь 122-мм, восемь 76-мм и семнадцать 45-мм орудий, 27 станковых пулеметов, 16 минометов, 1213 винтовок и 60 т боезапаса.

Помимо надводных кораблей к грузовым перевозкам с Кавказа в Севастополь были привлечены и подводные лодки. Так, в 3 ч 40 мин 29 мая подводная лодка Л-4 прибыла из Новороссийска в Севастополь, доставив 50 т боезапаса и 11 т продовольствия. В 21 ч 20 мин лодка ушла в Новороссийск.

Наши официальные историки считают временем начала третьего штурма Севастополя 2 июня 1942 г. Действительно, в этот день немцы начали интенсивную ар-

[1] Хроника... Вып. 2. С. 248.

тиллерийскую и авиационную подготовку штурма. 2 июня немцы выпустили по позициям защитников СОРа и кораблям около 6 тысяч снарядов.

2 июня в 40 милях южнее Ялты торпедоносцы Хе-111, базировавшиеся на аэродроме в Саки, потопили торпедой танкер «Громов» (836 брт). Танкер шел с грузом бензина из Туапсе в Севастополь. После гибели «Громова» перевозка топлива в Севастополь танкерами была прекращена, далее использовались только подводные лодки.

Со 2 по 7 июня немцы сделали 9 тысяч самолето-вылетов и сбросили на СОР 46 тысяч бомб крупного калибра. Вражеские самолеты непрерывными волнами по 30—40 машин совершали налеты на боевые порядки войск. Артиллерия противника выпустила 126 тысяч тяжелых снарядов. В среднем на каждый квадратный метр полосы нашей обороны на направлениях предстоящих ударов приходилось по 1,5 тонны снарядов.

6 июня впервые была замечена стрельба немецких осадных мортир калибром в 615 мм, стрелявших по батареям береговой обороны. Один снаряд пробил крышу башни 30-й батареи и вывел башню из строя. Другой снаряд не разорвался, по нему-то и был установлен калибр мортиры.

В ночь с 5 на 6 июня в Севастополь пришли лидер «Ташкент», эсминец «Бдительный» и подводная лодка Л-5. Они доставили 510 человек маршевого пополнения, 12 человек летного состава, 71 т артиллерийских боеприпасов, 15 т авиационного бензина и 12 т продовольствия.

Манштейн спланировал на первом этапе наступления на Севастополь главный удар нанести 54-м армейским корпусом с севера и северо-востока. При этом задачей 132-й пехотной дивизии ставилось нанесение фронтального удара через долину р. Бельбек на высоты южнее ее, оставляя в стороне наш плацдарм в районе Любимовки. А действовавшая левее 22-я пехотная дивизия фланговым ударом с востока южнее р. Бельбек через Камышловский овраг обеспечивала 132-й дивизии успешное преодоление рубежа р. Бельбек. 50-я пехотная дивизия, наступавшая еще левее, должна была, продвигаясь через Камышлы, нанести удар в юго-западном направлении. На левом фланге корпуса 24-я пехотная дивизия получила задачу наступать в направлении Инкерманских высот с целью выхода на северное побережье Северной бухты и в район Инкерманского монастыря. На южном участке вспомогательный удар должен был наносить 30-й армейский корпус. В его задачу входил захват исходных позиций для последующего наступления на Сапун-гору и Балаклаву. Для этого 72-я пехотная дивизия должна была наступать по обе стороны Ялтинского шоссе, а 28-я легкая пехотная дивизия — захватить северную гряду скалистых высот восточнее Балаклавской бухты. 170-я пехотная дивизия оставалась в резерве. По мнению Манштейна, все эти действия германских войск, учитывая сильнопересеченную местность, могли быть осуществлены только в ходе тщательно подготовленных наступательных боев с ограниченными целями.

Румынскому горному корпусу, действовавшему между двумя ударными немецкими группировками, ставилась задача сковать советские войска. Для этого 18-я румынская пехотная дивизия должна была атаками местного значения обеспечить наступление левого фланга 54-го корпуса, а 1-я румынская горнострелковая дивизия — поддерживать наступление правого фланга 30-го корпуса, захватив высоту Сахарная Головка.

Накануне штурма, в 2 ч 55 мин 7 июня, советская артиллерия произвела огневой налет на вражеские позиции. Однако из-за недостатка боеприпасов он длился всего 20 минут.

Через 2 часа началась артподготовка немцев. В воздухе одновременно действовало до 250 германских самолетов. Через полчаса в атаку пошли пехота и танки.

Главный удар немцы наносили в направлении от Камышлы на пост Мекензиевы Горы, а вспомогательный — в направлении деревень Камары и Кадыковка.

В результате ожесточенных боев, длившихся весь день, на направлении главного удара враг вклинился в передний край нашей обороны в стыке между 79-й особой стрелковой бригадой и 172-й стрелковой дивизией и, потеснив левофланговые части 172-й дивизии и части 79-й бригады, к исходу 7 июня вышел на рубеж высот 64,4; 57,8 и 59,7. На остальном фронте севастопольской обороны многочисленные атаки вражеских частей были отбиты, и наши части удержали свои рубежи.

За день боев немцы и румыны потеряли до 300 человек убитыми. Наши потери составили убитыми и ранеными 1500 человек, было разбито 5 дотов, 6 оголовков, две 45-мм пушки и три 82-мм миномета.

За 7 июня немецкая авиация произвела до 2000 самолето-вылетов, сбросив до 9000 бомб.

На следующий день, 8 июня, германская авиация совершила свой первый налет в 5 часов утра, а пехота двинулась вперед лишь спустя 5 часов. Под натиском 50-й и 22-й германских пехотных дивизий, наступавших при поддержке авиации, артиллерии и танков, 79-я особая стрелковая бригада (третий сектор обороны) и 172-я стрелковая дивизия (четвертый сектор) к исходу дня отошли на рубеж: южные скаты высоты 192,0, 1 км северо-восточнее станции Мекензиевы Горы и юго-западные скаты высоты 104,5. При этом основные силы 747-го стрелкового полка 172-й дивизии попали в окружение противника.

К ночи 287-й стрелковый полк 25-й стрелковой дивизии (третий сектор) под натиском противника и в результате отхода 79-й бригады был вынужден развернуться фронтом на север южнее высоты 192,0.

Правофланговые части 95-й стрелковой дивизии (четвертый сектор) из-за отхода 172-й дивизии развернулись фронтом на восток. Остальные части четвертого сектора удерживали свои рубежи обороны.

На участке вспомогательного удара противника войска первого и второго сектора в этот день отразили все атаки и удержали свои рубежи.

9 июня немцы начали прорывать нашу оборону в стыке третьего и четвертого секторов, чтобы выйти к Северной бухте. В течение дня, подводя новые резервы пехоты и танков, противник вел ожесточенные атаки на участке между высотой 90,0 и постом Мекензиевы Горы. Особенно сильным атакам подверглись части 345-й стрелковой дивизии, вступившей в бой у поста Мекензиевы Горы. В результате упорных боев 287-й стрелковый полк 25-й дивизии, 79-я особая бригада, 345-я стрелковая дивизия и правый фланг четвертого сектора к исходу дня отошли на 400—800 м и заняли рубежи: поляна в 2 км северо-западнее хутора Мекензия, в 300 м севернее кордона Мекензия № 1, пост Мекензиевы Горы и высота 49,0. 172-я стрелковая дивизия была отведена в район станции Инкерман, где остатки ее подразделений приводились в порядок.

На остальных участках фронта севастопольской обороны 9 июня все атаки противника были отбиты.

На следующий день, 10 июня, наши войска после ожесточенных боев были вынуждены оставить железнодорожную станцию Мекензиевы Горы и кордон Мекензия № 1.

С 8 по 10 июня в Севастополь на эсминцах «Свободный» и «Бдительный», двух тральщиках, а также на подводных лодках С-31, С-32 и Л-5 были доставлены 67 человек летно-технического состава ВВС флота, 265 т боезапаса, пятнадцать 7,62-мм пулеметов, 75 автоматов ППШ, 30 т авиационного бензина и 3 т продовольствия. На транспорте «Абхазия» были доставлены 250 человек маршевого пополнения, 37 бойцов Приморской армии, 261 т боезапаса, 100 т авиабоезапаса, 13 авиационных моторов, 168 т продовольствия и 90 т цемента.

10 июня в 2 ч 05 мин эсминец «Бдительный» вышел из Севастополя. На переходе в 5 ч 50 мин в 60 милях к юго-востоку от м. Айя «Бдительный» был безрезультатно атакован бомбардировщиками противника. В 11 ч 30 мин эсминец прибыл в Новороссийск.

Оставшиеся в Севастополе на день транспорт «Абхазия» и эсминец «Свободный» были неоднократно атакованы немецкой авиацией. В 9 ч 55 мин 10 июня от прямого попадания бомбы в кормовую часть транспорт «Абхазия» затонул у пирса № 1 Сухарной балки. На транспорте погибло 168 т боезапаса, 95 т авиабоезапаса и 96 т продовольствия.

В 13 ч 10 июня эсминец «Свободный», стоявший у артиллерийской стенки Корабельной бухты, получил 9 прямых попаданий бомб. На эсминце начались пожары и взрывы боезапаса. В 14 ч 20 мин эсминец затонул, погибло 56 человек.

11 июня наши войска контратаками отбили у неприятеля железнодорожную станцию Мекензиевы Горы, но на следующий день немцы вернули себе станцию и оттуда перешли в наступление к Трензиной и Графской балкам. 12 июня немцам удалось захватить стационарную морскую батарею № 705 у Сливной станции. Уйти смогли лишь 12 краснофлотцев из команды батареи.

Только за 12 июня части СОРа потеряли 735 человек убитыми и 1234 ранеными, уничтожено 12 орудий.

Вечером 12 июня в главную базу прибыли крейсер «Молотов» и эсминец «Бдительный». На крейсере было доставлено 2998 человек личного состава 138-й стрелковой бригады, шестнадцать 76-мм и двенадцать 45-мм орудий, восемь 120-мм минометов, 150 т боезапаса, 9 кухонь, 162 противотанковых ружья, 1005 автоматов ППШ, а также продовольствие и медикаменты. На эсминце прибыло 343 человека маршевого пополнения и 40 т боезапаса.

13 июня немцы изменили приемы наступательных боев и стали применять тактику прогрызания нашего

переднего края. Она заключалась в том, что первоначально на узком участке фронта производились массированные налеты авиации, вслед за ней на тот же участок бросались танки, прикрываемые, в свою очередь, массированным огнем минометов и артиллерии. Одновременно авиация противника бомбила огневые позиции нашей полевой артиллерии и стационарные батареи береговой обороны главной базы.

Потери частей СОРа за 13 июня составили 735 человек убитыми и 1234 ранеными. Было разбито 7 орудий, прожектор, 23 пулемета и 50 минометов. Три орудия были повреждены.

13 июня с 1 часа до 3 ч 40 мин крейсер «Молотов» и эсминец «Бдительный», стоя на якоре в Севастопольской бухте и по выходе из главной базы, из района Херсонесского маяка, вели огонь по скоплениям войск противника в районах населенных пунктов: дача Торопова, Бахчисарай и Сюрень. Крейсер выпустил 90 снарядов, а эсминец — 350. В 3 ч 45 мин «Молотов» и «Бдительный» вышли из главной базы в Туапсе. На корабли было принято 910 раненых и личный состав погибших кораблей: со «Свободного» 101 человек, с «Абхазии» 30 человек. В 19 ч 45 мин «Молотов» и «Бдительный» прибыли в Туапсе.

13 июня в 4 ч 40 мин транспорт «Грузия» с пополнением и грузом боеприпасов вошел в Севастопольскую бухту. При подходе к Минной пристани в Южной бухте транспорт был атакован немецкими самолетами и от двух прямых попаданий бомб в 4 ч 48 мин затонул. Большая часть людей спаслась вплавь.

13 июня адмирал Октябрьский получил донесение, что в Севастополе положение с боеприпасами «на грани катастрофы». Так, в зенитной артиллерии оста́лось по пятнадцать 76-мм снарядов на пушку. Из Москвы для снабжения Севастополя на Кавказ прибыли 20 транспортных самолетов «Дуглас».

15 июня в 2 ч 20 мин крейсер «Молотов» в охранении эсминца «Безупречный» с частями 138-й стрелковой бригады вышел из Новороссийска и в 23 ч 59 мин прибыл в Севастополь. В 20 ч 40 мин в Севастополь из Туапсе прибыла подводная лодка С-32. Из Новороссийска прибыли подводные лодки: М-33 — в 23 ч 20 мин и М-111 — в 23 ч 59 мин. В 23 ч 25 мин прибыли базовые тральщики «Защитник» и «Взрыв», вышедшие из Новороссийска в 4 ч 40 мин. На этих судах в Севастополь было доставлено 2325 человек личного состава 138-й стрелковой бригады, 1075 человек маршевого пополнения, 442 т боезапаса, сорок два 72-мм миномета, 1486 автоматов ППШ, 50 противотанковых ружей, 30 т бензина и 12 т продовольствия.

17 июня немцам удалось продвинуться в район четвертого сектора. 172-я и 95-я стрелковые дивизии были фактически разгромлены, а 30-я башенная 305-мм батарея окружена немцами.

К полуночи 17 июня войска СОР занимали следующие рубежи:

Первый сектор (109-я и 388-я стрелковые дивизии): Генуэзская башня — западные склоны высоты 99,4 — западнее совхоза «Благодать» — высота 33,1 (исключительно) — 400 м западнее высоты 56,0 — хутор в 100 м восточнее отметки 36,0.

Второй сектор (386-я стрелковая дивизия, 7-я и 8-я бригады морской пехоты): южные и юго-восточные скаты Федюхиных высот — памятник сражению на Черной речке — высоты 72,5 — 126,1 — 67,1 — 119,9.

Третий сектор (25-я стрелковая дивизия и 79-я морская стрелковая бригада): высота 119,9 — юго-западные скаты высоты 115,7 — южный отрог Камышловского оврага (исключительно) — безымянная высота в 1 км южнее высоты 90,0 — высота 66,1.

Четвертый сектор (345-я и 95-я стрелковые дивизии): высота 66,1 исключительно — отроги Графской

балки — 1 км южнее высоты 43,5 — 500 м северо-восточнее Бартерьевки — западные скаты высоты 36,1 и далее на запад до уреза воды.

К концу дня 18 июня остатки 95-й стрелковой дивизии оборонялись на рубеже: верхняя балка Голландия — Братское кладбище — деревни Буденновка и Учкуевка. На правом фланге 95-й дивизии противнику мелкими подразделениями удалось просочиться на побережье Северной бухты в районе балки Голландия.

К этому времени 345-я стрелковая дивизия вела бой на рубеже балок Трензина и Графская. 138-я стрелковая бригада, заняв верховья балок Графская и Сухарная, вела бой и создавала опорные пункты для прикрытия устья Сухарной балки и бухты Голландия.

Торпедные катера Д-3 и СМ-3, выйдя в ночь на 18 июня из Анапы, произвели набеговую операцию на порт Ялта с целью уничтожения торпедных катеров противника. В 4 ч 05 мин наши катера выпустили по порту 4 торпеды. Одна торпеда взорвалась в районе боновых ворот, а три — в порту. Кроме того, порт был обстрелян четырьмя 82-мм снарядами М-8 и пулеметным огнем. На отходе катера были обстреляны с берега артиллерийским и пулеметным огнем и получили повреждения, два краснофлотца были убиты и два ранены. В 18 часов торпедные катера пришли в Новороссийск.

В 1 час ночи 18 июня транспорт «Белосток» в охранении базового тральщика «Якорь» и пяти сторожевых катеров прибыл из Новороссийска в Севастополь. На подводных лодках, прибывших в Севастополь 17 июня, и на транспорте «Белосток» было доставлено 360 человек маршевого пополнения, 80 человек разных воинских команд, 341 т боезапаса и 238 т продовольствия.

19 июня командующий Черноморским флотом и Севастопольским оборонительным районом адмирал Октябрьский доложил Сталину, что войска СОРа потеряли до 23 тысяч человек.

Согласно «Хронике...», «в этот день на северном участке фронта противник подошел к Северным укреплениям, занял Бартеньевку и Братское кладбище. Тем самым немцы получили возможность вести прицельный артиллерийский огонь по всему городу и лишили защитников СОРа возможности пользоваться Северной и Южной бухтами.

Из создавшейся обстановки было видно, что остатки частей четвертого сектора, прижатые к северному побережью Северной бухты, долго не продержатся и будут истреблены немецкой авиацией...

В результате яростных атак на левом фланге северного участка фронта общий фронт 95-й стрелковой дивизии был нарушен, и дивизия вела бой на отдельных пунктах сопротивления. К исходу 19 июня наиболее ожесточенный бой продолжался в районе северных укреплений. В район расположения местного стрелкового полка к западу от северного дока прорвались тяжелые танки противника. Группы вражеской пехоты вышли на побережье Северной бухты в районе бухты Голландия и установили на берегу 2 пушки, простреливавшие всю Северную бухту»[1].

Спору нет, положение было тяжелым, но совсем не столь драматичным, как представлял его адмирал Октябрьский в донесении в Ставку и как это было отражено в «Хронике...». С тяжелыми немецкими танками все ясно, разве что это были наши КВ. Ну, установили немцы пару 37-мм противотанковых пушек или 75-мм пехотных орудий. И что из этого? Неужели их нельзя было уничтожить огнем береговых и полевых орудий? В конце концов во время пребывания транспортов и боевых судов ставить на несколько часов дымовые завесы. Ведь иной раз во время налетов вражеской авиации дымом закрывали все севастопольские бухты чуть ли не на целый день. Другой вопрос, что командование Черно-

[1] Хроника... Вып. 2. С. 298.

морского флота, заранее зная о приближении немцев к Северной бухте, не удосужилось вывезти оттуда соединения катеров-тральщиков. В результате при обстреле порта были потоплены или повреждены (и брошены) катера-тральщики № 565 («Фрунзе»), № 566 («Киров»), № 553, № 554, № 555, № 557, № 560 («Вега»), которые можно было перевести в бухты Камышовая, Стрелецкая, Карантинная и замаскировать там. Эти катера-тральщики могли пригодиться при эвакуации СОРа.

«Войска СОРа будут вынуждены, — докладывал далее Октябрьский Сталину, — если не будет оказана срочная помощь, немедленно сделать переход на новый рубеж обороны, проходивший по южному побережью Северной бухты, через гору Суздальская, Сапун-гору и высоты Карагач.

Севастопольскому оборонительному району необходимо:

1) 10 000 человек маршевого пополнения, половина которого должна быть вооружена;

2) вывезти раненых, число которых достигло 12 000 и для которых не хватает места, медсостава и медикаментов;

3) усилить оборону зенитной артиллерией;

4) дать хотя бы 25 Як-1 и 10 Ил-2;

5) немедленно поставить на линию Кавказ — Севастополь обещанные 20 самолетов «Дуглас» с ночными экипажами, так как подавать в Севастополь маршевое пополнение и все снабжение, а также вывозить раненых можно только ночью самолетами-ночниками и подводными лодками»[1].

В связи с выходом немцев к Северной бухте в районе башенной батареи № 35 у мыса Херсонес интенсивно шло строительство новой пристани.

20 июня к входу в Севастопольскую бухту подошел крейсер «Коминтерн» с маршевым пополнением в ох-

[1] Хроника... Вып. 2. С. 298.

ранении базовых тральщиков «Мина», «Взрыв» и «Защитник» и трех сторожевых катеров. Однако из-за невозможности войти в бухту по приказанию начальника штаба флота крейсер возвратился в Новороссийск. Риторический вопрос: а что, нельзя было разгрузиться в Карантинной, Стрелецкой, Камышовой бухте или даже в Балаклаве? Вспомним, что в годы Крымской войны в Камышовой бухте базировался французский флот, а в Балаклаве — английский.

К исходу 20 июня немцы заняли всю Северную сторону за исключением трех опорных пунктов: района Константиновской батареи, которую защищал личный состав ОХРа, и береговых батарей № 2 и № 12; района Михайловской батареи (по другим источникам 11 июня), защищаемой личным составом 110-го зенитного полка, береговой батареи № 702; и района Инженерной пристани.

В ночь на 21 июня вдоль всего южного берега Северной бухты строилась система укреплений.

23 июня немцам удалось овладеть Константиновской батареей, а уцелевшие ее защитники с наступлением темноты отправились вплавь к южному берегу. Доплыло 40 человек.

23 июня из Новороссийска в Севастополь прибыли лидер «Ташкент» и эсминец «Безупречный», а из Туапсе — подводная лодка С-32. Эти суда доставили 529 человек маршевого пополнения, 102,4 т боезапаса, 35 т бензина, 106,3 т продовольствия, а также вооружение для перебрасываемой в Севастополь 142-й стрелковой бригады.

24 июня в связи с изменениями на сухопутном фронте севастопольской обороны была произведена новая нарезка секторов.

Части первого сектора обороняли рубеж от Балаклавы до высоты 113,2 (исключительно). Состав сил сектора был усилен двумя батальонами 9-й бригады морской

пехоты и одним батальоном дотов береговой обороны главной базы.

Части второго сектора обороняли рубеж от высоты 113,2 до высоты 75,0 (исключительно). Из состава сил сектора была исключена 8-я бригада морской пехоты и включены в его состав два батальона дотов береговой обороны главной базы.

Части третьего сектора обороняли рубеж от высоты 75,0 до станции Инкерман. Из состава сил сектора исключены 79-я особая стрелковая бригада и 2-й полк морской пехоты, а включены в его состав 8-я бригада морской пехоты и один батальон дотов береговой обороны главной базы.

Части четвертого сектора получили для обороны район вдоль южного берега Северной бухты от станции Инкерман до Павловского мыска. В состав четвертого сектора вошли 79-я особая стрелковая бригада, 2-й полк морской пехоты, сводный батальон Черноморского флотского экипажа, рота местного стрелкового полка, сводная рота 177-го отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны и стационарные огневые точки по южному побережью Северной бухты. Бронепоезд «Железняков» был переброшен на Килен-площадку и придан 79-й особой бригаде.

К утру 24 июня все эти части заняли оборону побережья от Инкерманской электростанции до Павловского мыска. 345-я стрелковая дивизия заняла рубеж от станции Инкерман до Инкерманской электростанции. Остатки 138-й стрелковой бригады и остатки 95-й стрелковой дивизии (сводный полк 95-й стрелковой дивизии) были отведены в глубину.

Задача частей четвертого сектора не допускать высадки вражеского десанта с Северной стороны и прорыва вдоль Симферопольского шоссе.

В ночь на 24 июня командованием береговой обороны главной базы из частей обороны города и частей береговой обороны главной базы, прибывших с Северной

стороны, был сформирован полк трехбатальонного состава численностью до 1500 человек. Ему была поставлена задача обороны побережья от станции Севастополь до Карантинной бухты. Полк к утру 24 июня занял указанный рубеж.

Днем 24 июня противник главный удар наносил на Инкерманском направлении. После ожесточенных боев к исходу дня немецкие части вышли на рубеж: высота 110,3 — маяк Восточный Инкерманский — балка Цыганская. На остальных участках фронта все атаки немцев были отражены, и наши войска оборонялись на прежних позициях.

Потери частей СОРа за 24 июня составили 261 человек убитыми и 801 ранеными.

Немецкая авиация произвела более 500 самолето-вылетов, сбросив свыше 2500 бомб.

Авиация главной базы в течение ночи на 24 июня произвела 16 самолето-вылетов на бомбардировку войск противника перед передним краем обороны. Днем восемь Ил-2, два И-15, четыре И-153 в сопровождении шести Як-1, двух И-153 и одного И-16 штурмовали его войска и технику.

Прибывший в Севастополь к полуночи на 24 июня эсминец «Бдительный» доставил две роты 142-й стрелковой бригады (364 человека), 3 пулемета ДШК, 12 станковых пулеметов, 60 автоматов ППШ, четыре 75-мм пушки и 1600 зарядов к ним, а также 20 т боезапаса для Приморской армии. В 1 час ночи «Бдительный» вышел из Севастополя и в 12 ч 40 мин прибыл в Новороссийск.

В 12 ч 40 мин 24 июня эсминец «Безупречный» и в 14 ч 05 мин лидер «Ташкент» вышли из Новороссийска и в 23 часа прибыли в Севастополь. На «Ташкенте» было доставлено 1142 бойца, вооружение и боезапас 142-й стрелковой бригады и 10 т концентратов, а на «Безупречном» — 365 бойцов, вооружение и боезапас для 142-й стрелковой бригады и 5 т концентратов.

25 июня в 3 ч 32 мин базовые тральщики «Взрыв» и «Защитник», в 4 ч 13 мин сторожевой корабль «Шквал» и базовый тральщик № 412 и в 14 ч 45 мин эсминец «Бдительный» вышли из Новороссийска в Севастополь. «Бдительный», «Взрыв» и «Защитник» прибыли в Севастополь в 23 часа, а через полчаса прибыли «Шквал» и тральщик № 412. На кораблях было доставлено 1100 бойцов 142-й стрелковой бригады и ее вооружение, 64 т боезапаса для Приморской армии, 13,5 т продовольствия, 55 т медицинского имущества и 24 ящика консервов.

С утра 26 июня части 25-й стрелковой дивизии, [illegible]-й бригады и 3-го полка морской пехоты отражали ожесточенные атаки противника, стремившегося прорваться в Инкерманскую долину. Весь день шли кровопролитные бои, доходившие до штыковых ударов и рукопашных схваток. Под воздействием превосходящих сил противника наши части отошли к югу. К вечеру части 25-й стрелковой дивизии, 8-й бригады и 3-го полка морской пехоты заняли рубеж: изгиб реки Черная — Каменный столб — Инкерманский монастырь — южный берег Инкерманской долины у устья реки Черная.

26 июня в 12 ч 33 мин эсминец «Безупречный» и в 13 ч 55 мин лидер «Ташкент» вышли из Новороссийска в Севастополь. На лидере находилось 944 бойца 142-й стрелковой бригады, 760 винтовок, 8 противотанковых ружей, 125 автоматов ППШ, четыре 76-мм пушки с передками и 1360 выстрелов к ним, 26 т продовольствия, 20 т стрелкового боезапаса, 1,5 т груза ВВС флота, 3 т груза для Военного совета флота и боезапас для Приморской армии. На «Безупречном» находилось 320 бойцов 142-й бригады, 20 т стрелкового боезапаса, 15 т продовольствия, 2 т грузов для авиации и боезапас для Приморской армии.

В 18 ч 57 мин в 40 милях к югу от мыса Аю-Даг «Безупречный» был потоплен пикирующими бомбардировщиками Ю-87. Вскоре к месту гибели эсминца подошел

лидер «Ташкент». Но в воздухе, согласно донесению командира лидера, появились германские самолеты. Поэтому «Ташкент», сбросив на воду спасательные круги и жилеты, полным ходом ушел в Севастополь. Через два дня подводные лодки М-112 и М-118 подняли из воды трех человек из команды эсминца. Остальные члены экипажа и 320 бойцов погибли.

Видимо, действия командира лидера были правильными. Но почему адмирал Октябрьский не мог выслать ночью в район гибели «Безупречного» катера с Кавказа и из Севастополя? Море было спокойным, там могли сесть и МРБ-2, наконец. Что касается подводных лодок М-112 и М-118, то они оказались там не по приказу комфлота, а случайно и спасали людей в инициативном порядке.

Лидер «Ташкент» прибыл в Севастополь в 23 ч 15 мин без потерь и повреждений.

27 июня в 1 час 50 мин «Ташкент», приняв на борт 2100 раненых, вышел из Севастополя в Новороссийск. В 4 ч 30 мин лидер, находясь в 28 милях по пеленгу 120 от м. Айтодор, был обнаружен вражеской воздушной разведкой. И с 4 ч 45 мин в течение четырех часов «Ташкент» подвергся 86 атакам бомбардировщиков Ю-88 и Ю-87, сбросивших 336 бомб. Артиллерийским огнем лидера было сбито два самолета.

Прямых попаданий в «Ташкент» не было, но от близких разрывов бомб лидер получил три пробоины: в районе полубака, первого котельного отделения и румпельного отделения. Рулевое устройство и левая машина вышли из строя. Лидер принял около 1000 т воды. Из команды корабля было убито 3 и ранено 10 человек, из числа принятых на борт раненых убито 6 и вторично ранено 5, а в затопленных кубриках погибло еще 50 человек.

В 6 ч 45 мин эсминец «Сообразительный», прибывший в 4 утра из Поти, и 4 сторожевых катера, в 7 ч 20 мин 4 других сторожевых катера, в 8 ч 20 мин 8 торпедных катеров и в 8 ч 40 мин эсминец «Бдительный» и еще

7 торпедных катеров вышли из Новороссийска для оказания помощи «Ташкенту». Кроме того, из Анапы на помощь лидеру в 8 ч 45 мин вышли 5 сторожевых катеров, от мыса Утриш — спасательное судно «Юпитер», из Геленджика в 10 ч 35 мин — морской буксир «Черномор».

В итоге в 20 ч 15 мин лидер «Ташкент» на буксире у «Бдительного» и «Юпитера» в охранении сторожевых и торпедных катеров прибыл в Новороссийск.

На фронте третьего сектора обороны бои не прекращались всю ночь на 28 июня. Особо ожесточенные бои завязались на рубежах 25-й стрелковой дивизии и 3-го полка морской пехоты, прикрывавших противнику выход в Инкерманскую долину.

Противник ввел в дело 21-см мортиры и 15-см шестиствольные реактивные минометы. Впервые за все время обороны германская авиация ночью поддерживала свои войска. Наши части отошли к станции Инкерман. 28 июня защитники СОРа потеряли 518 человек убитыми и 1108 ранеными.

В 3 ч 35 мин 28 июня базовые тральщики «Взрыв» и «Защитник» вышли из Новороссийска: 330 человек маршевого пополнения, боезапас и продовольствие для севастопольской обороны и в 23 ч 25 мин прибыли в Севастополь, но не в Северную бухту, а в Камышовую.

В тот же день, в 23 ч 25 мин в Камышовую бухту прибыли подводные лодки Д-5 и А-4, а также подводная лодка М-118, которые доставили: снарядов 152-мм — 203 шт., 122-мм — 706 шт., 85-мм — 223 шт., 76-мм — 1000 шт., консервов 14 т, автобензина 35 т, всего боезапаса 180 т.

После выгрузки в Камышовой бухте подводная лодка Д-5 приняла на борт 65 раненых и 41 человека эвакуированных членов семей ГК ВКП(б) и в 5 ч 20 мин 29 июня вышла в Новороссийск. После выгрузки, приняв на борт раненых, в это же время ушли на Кавказ подводные лодки М-118 и А-4.

29 июня в Севастополь прибыли подводные лодки: в 1 ч 10 мин Щ-209 с грузом снарядов и 32 т бензина; в 22 ч 00 мин Л-23 с грузом снарядов, 49 т бензина и 30 т продовольствия; в 22 ч 45 мин Л-4 с грузом снарядов и М-31 с грузом снарядов (70 — 152-мм) и консервов. Всего было доставлено 160 т боеприпасов.

В 2 часа ночи 29 июня немцы открыли мощный артиллерийский огонь по южному берегу Северной бухты от Килен-площадки до Северной электростанции и произвели несколько налетов бомбардировщиков, действовавших в том же районе. В 2 ч 15 мин по всей Северной бухте противник поставил дымзавесу, которая под действием слабого северного ветра медленно двигалась к южному берегу Северной бухты. В 2 ч 35 мин на шлюпках и катерах немцы начали переброску десанта в направлении Троицкой, Георгиевской и Сушильной балок. Отражение десанта для оборонявшихся частей затруднялось сплошной пеленой пыли и дыма, вставшей от разрывов снарядов, мин, бомб и подошедшей дымзавесы.

Наши части, оборонявшие этот участок южного побережья Северной бухты, а также артиллерия 117-го и 2-го артдивизионов береговой обороны потопили часть шлюпок и катеров противника до подхода их к берегу. Но все же большей части плавсредств удалось подойти к берегу и высадить первый бросок, который закрепился на южном берегу Северной бухты.

В тот же день в 5 ч 30 мин немцы, численностью до пехотной дивизии, двумя группами, с танками, перешли в наступление из района Федюхиных высот и Новые Шули в направлении на высоту 75,0 и хутор Дергачи, а также на Сапун-гору и истоки Хомутовой балки. Несмотря на упорное сопротивление частей 386-й стрелковой дивизии и 8-й бригады морской пехоты, фронт обороны был прорван.

После прорыва фронта в районе Сапун-горы мелкие части немцев повели наступление через станцию Ин-

керман на английский редут Виктория. Одновременно силами до батальона противник ворвался по Воловьей балке на гору Суздальскую. Под воздействием этих сил и десантных частей из Георгиевской и Сушильной балок части четвертого сектора обороны к полудню 29 июня отошли на западные скаты Килен-балки, на Камчатку и английский редут Виктория.

В течение дня 29 июня немецкая авиация произвела более 1500 самолето-вылетов, сбросив около 10 тысяч бомб.

Авиация главной базы в ночь на 29 июня произвела 21 самолето-вылет на бомбардировку войск противника перед передним краем обороны. Семь Як-1 патрулировали в воздухе, прикрывая аэродром Херсонесский маяк. Днем действия севастопольской авиагруппы ограничились вылетом двух Ил-2 и трех И-16 на штурмовку наступавших войск противника.

На совещании у командующего севастопольской обороной командиры дивизий и бригад доложили, что в дивизиях осталось по 300—400 человек, в бригадах по 100—200 человек и совсем отсутствовали артиллерийский боезапас и мины. Люди были измотаны.

Глава 15

АГОНИЯ

К исходу 29 июня немцы захватили плато Сапун-горы, хутор Дергачи и Максимову дачу, почти всю Корабельную сторону, за исключением Малахова кургана, казарм Учебного отряда и Зеленой горки у железнодорожного вокзала.

Отходя, наши войска взорвали хлебозавод, отделение автоматической телефонной станции и железнодорожный тоннель. Были подорваны 11 штолен филиала артиллерийского арсенала базы в Инкермане.

В тот же день адмирал Октябрьский вместе с Военным советом Черноморского флота перебрался на запасной флагманский командный пункт, устроенный в подземном помещении 35-й башенной батареи. Туда еще 28 июня перевели командный пункт охраны водного района. Через несколько часов на 35-ю батарею прибыл и Военный совет Приморской армии.

Вслед за командованием СОРа в район 35-й батареи — 16-й ложной батареи[1] переходили все тыловые службы армии и флота — санотдел, инженерный отдел и др. В 2 ч 00 мин 30 июня начальник штаба СОРа капитан 1 ранга А.Г. Васильев приказал все радиовахты, пост скрытой связи на командном пункте СОРа в Южной бухте закрыть, а всему личному составу убыть на 35-ю батарею.

Одновременно с закрытием радиовахт на командном пункте Южной бухты, в 2 ч 00 мин 30 июня радиоцентр на 35-й береговой батарее вступил в строй, открыв 7 радиовахт. Узел связи был оборудован в потерне (подземном коридоре) левого командно-дальномерного поста на глубине 26 м, а антенны были выведены через вентиляционные отверстия.

30 июня был свернут командный пункт ПВО Черноморского флота. По приказу командования были сброшены в море у м. Фиолент 2 радиолокационные станции воздушного обнаружения РУС-2. Оперативная служба ПВО была прекращена. Средства связи не работали. ПВО перестала существовать, а сигналы оповещения о воздушном противнике более не передавались.

В течение ночи на 30 июня немцы подтягивали силы и сосредотачивали их в трех районах: в районе хуторов Золотая Балка, Дергачи и Килен-балки. Всю ночь производилась переброска немецких войск с Северной стороны на южный берег Северной бухты.

[1] 16-я ложная батарея находилась на берегу моря в 3,5 км от 35-й батареи в сторону м. Фиолент. При ее создании были использованы бетонные укрепления дореволюционной береговой батареи.

Хутор Бермана, Юхарина балка, хутор Николаевка, Хомутовая балка, Лабораторная балка, слобода Корабельная, город, бухты к западу от города и район башенной батареи № 35 подверглись сильному артиллерийскому обстрелу. Сотни самолетов бомбили город, аэродром Херсонесский маяк и 35-ю батарею.

На аэродроме Херсонесский маяк доукомплектовывался отдельный стрелковый батальон военно-воздушных сил, и из химических частей береговой обороны главной базы был сформирован второй батальон. Оба эти батальона составляли резерв командования СОРа.

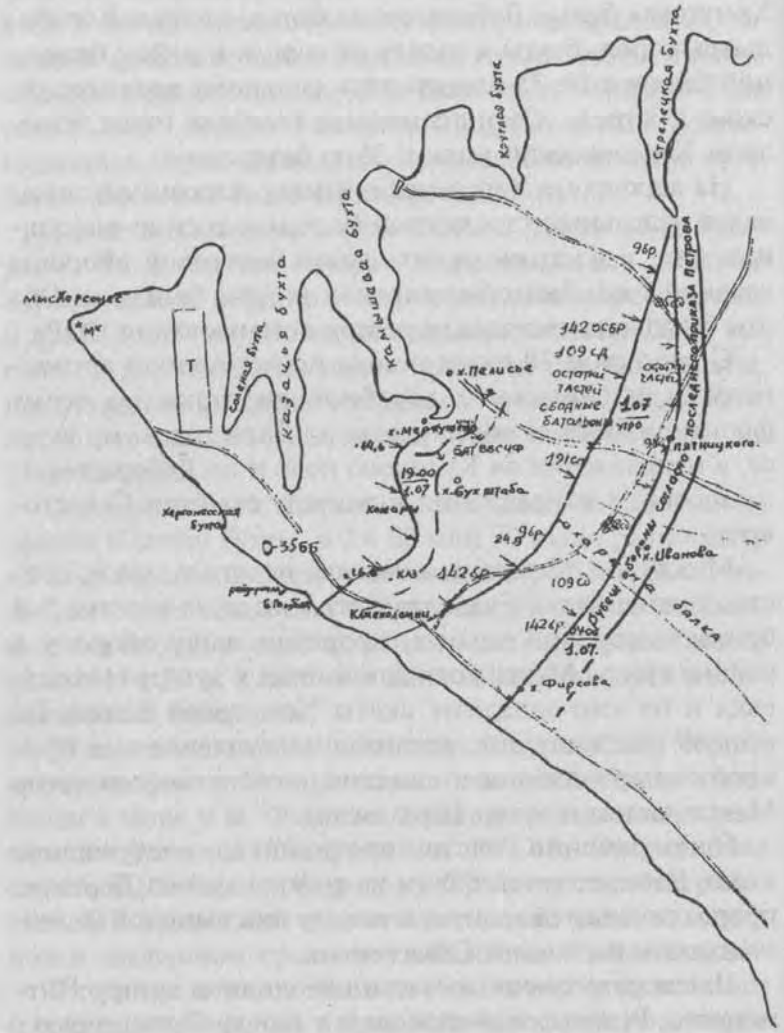
С рассветом 30 июня немцы после мощной артподготовки и авианалета возобновили атаки по всему фронту, нанося главные удары по Балаклавскому шоссе, в направлении на Куликово поле и по Лабораторному шоссе, в направлении к вокзалу станции Севастополь.

Между 8 и 12 часами немецкая пехота и танки, действовавшие вдоль Балаклавского шоссе на участке 9-й бригады морской пехоты, прорвали нашу оборону в районе хутора Максимовича и вышли к хутору Николаевка и на юго-западные скаты Хомутовой балки. Во вторую половину дня, развивая наступление под прикрытием артиллерии и авиации, немцы заняли хутор Максимовича и хутор Николаевку.

Одновременно части противника, наступавшие вдоль Лабораторной балки из района хутора Дергачи, прорвали нашу оборону и к исходу дня вышли к железнодорожной станции Севастополь.

Наши разрозненные части отходили к хутору Пятницкого, Рудольфовой слободе и к городу Севастополю.

Личный состав стационарных батарей № 19 (у хутора Максимовича), № 706 (у отметки 77,8) и № 703 (у отметки 73,0), израсходовав весь боезапас, подорвал материальную часть и вел бои в окружении. Бои продолжались до позднего вечера. Весь личный состав этих батарей погиб.

Хутора бухта
Стрелецкая бухта
Мекензиева бухта
Казачья бухта
Камышовая бухта
Мыс Херсонес
Т
Северная бухта
Херсонесская бухта
Карантинная бухта
Круглая бухта
Камышовая бухта
Казачья бухта
Балаклавская бухта
Стрелецкая бухта
Хутора бухта
Мекензиева бухта
Северная

Для организации обороны на 1 и 2 июля, а также для обеспечения отхода командующим СОРа был назначен генерал-майор П.Г. Новиков, а его помощником капитан 3 ранга Ильичев. Новикову было приказано организовать оборону по линии старых укреплений, проходившей от хутора Фирсова через высоты 36,3 и 30,6 до Стрелецкой бухты и в ночь на 2 июля или на следующую ночь эвакуироваться на подводных лодках.

Таким образом, было принято решение об эвакуации для избранных. Формально всю ответственность за это можно свалить на Ставку, а точнее, на Сталина. Однако трудно ожидать, чтобы в Ставке могли доподлинно знать о ситуации в СОРе и о реальном состоянии кораблей Черноморского флота. На самом же деле части СОРа могли еще держаться, а сколько — зависело от поддержки флота. Эвакуация же начальства привела к полному развалу обороны.

Позднее попавший в плен к немцам генерал-майор П.Г. Новиков заявил: «Можно было бы еще держаться, отходить постепенно, а в это время организовать эвакуацию. Что значит отозвать командиров частей? Это развалить их, посеять панику, что и произошло. А немец, крадучись, шел за нами до самой 35-й батареи»[1].

Отъезд начальства обеспечивала парашютная группа особого назначения ВВС Черноморского флота под командованием старшего лейтенанта В.К. Квариани. «После заседания Военного совета флота и армии перед группой была поставлена задача по обеспечению и сопровождению командиров и ответственных работников с посадочными талонами на рейдовый причал для посадки на подводные лодки, а также осуществление охраны Херсонесского аэродрома во время прилетов транспортных самолетов, соблюдения порядка при посадке по посадочным талонам в условиях нахождения

[1] Цит. по: Маношин И.С. Героическая трагедия. Симферополь, Таврида, 2001. С. 58.

там неуправляемой многотысячной вооруженной массы военных и гражданских лиц»[1].

Утром 30 июня германская авиация разбомбила здание эвакогоспиталя № 1428 в Камышовой бухте, погибло много раненых. К исходу дня берег Камышовой бухты в районе пристани, представлявшей собой две баржи со сходнями, был забит ранеными, ожидавшими эвакуации. Там же было множество неорганизованных военных, отбившихся от своих частей, или просто дезертиров, женщины с детьми и старики. Люди метались по берегу, но никто ничего толком не знал об эвакуации. Из города подходили все новые и новые военные и гражданские лица.

Бывший командир крейсера «Червона Украина» капитан 2 ранга И.А. Заруба описывает ситуацию так: «...вместе с комиссаром отдела пошли в Камышовую бухту. То, что там я увидел, меня поразило. Толпы людей, солдаты, матросы с оружием и без. Все чего-то ждут. К пристани не подойти. Тысячи людей, шум, крики. Решил пойти на 35-ю батарею. Это было в 1 час 35 минут 1 июля. Придя на 35-ю батарею к ее главному входу, увидел еще худшее. Весь дворик и коридоры навеса были переполнены комсоставом Приморской армии. Двери на запорах. Здесь я узнал, что 29 июня было дано распоряжение по армии всему старшему офицерскому составу оставить свои части. Части остались без управления. Все это было похоже на панику в полном смысле слова...»[2]

В ночь на 1 июля на аэродром в Херсонесе один за другим стали приземляться транспортные самолеты «Дуглас» (ПС-84). Всего из Краснодара вылетело 16 таких машин, но три из них, потеряв ориентировку, вернулись. Самолеты доставили 23 650 кг боеприпасов и 1721 кг продовольствия.

[1] Цит. по: Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 59.
[2] Заруба И.А. Воспоминания. Госархив Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Д. 282.

Первым же обратным рейсом на Кавказ улетели Ф.С. Октябрьский, член Военного совета Черноморского флота Н.М. Кулаков, бригадный комиссар М.Г. Кузнецов, генерал А.П. Ермилов. Позже Октябрьский признался, что его в целях маскировки особисты переодели в «гражданский плащ»[1]. Уж не в женский ли, как у Керенского?

В первый самолет залез и комендант Херсонесского аэродрома майор Попов, на которого была возложена организация посадки на самолеты. Попов впоследствии был приговорен военным трибуналом к расстрелу. Бежал к немцам[2].

Самолеты брали штурмом. В такой обстановке, имея посадочные талоны, не смогли попасть в самолет комиссар 386-й дивизии В.И. Володченков и начальник штаба дивизии подполковник В.С. Степанов. Они были вынуждены вернуться в 35-ю батарею и по приказанию начальника штаба армии Крылова были эвакуированы на подводной лодке Щ-209. Также не удалось влезть в самолет и прокурору Черноморского флота бригадному военюристу А.Г. Кошелеву. Позже, 2 июля, находясь под скалами 35-й батареи, после неудачной попытки попасть на катера он рассказывал: «Меня оттеснили».

«Организовать нормальную эвакуацию было невозможно, — вспоминает А.И. Зинченко. — Кто посильнее, тот и попадал в самолет. На 3-й самолет дошла и моя очередь, но когда я попытался влезть в самолет, один из команды по посадке ударил меня сапогом в голову так, что я потерял сознание. Брали в основном моряков, а у меня форма была сухопутная»[3].

[1] Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 81. (Октябрьский Ф.С. Письмо к Линчику. Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. Л. 174.)

[2] Там же. С. 78. (П. Иноземцев. Воспоминания. Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. Л. 363.)

[3] Там же. С. 80. (Зинченко А.И. Воспоминания. Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. Л. 169.)

По улетавшим самолетам из толпы красноармейцев и матросов, сдерживаемых автоматчиками, периодически открывался огонь из винтовок. Всего 13 самолетов ПС-84 вывезли на Кавказ 222 начальника, 49 раненых и 3490 кг грузов.

Около 1 ч 30 мин 1 июля Военный совет Приморской армии в составе Петрова, Моргунова, Крылова, Чухнова и других командиров штаба армии, штабов соединений, командиров соединений, комиссаров и других лиц спустились по винтовому трапу в левый подземный ход-потерну 35-й батареи и затем, пройдя ее, вышли на поверхность через левый командно-дальномерный пост вблизи спуска к рейдовому причалу. Было относительно тихо. Немцы продолжали вести беспокоящий огонь из орудий с северной стороны по аэродрому и всему Херсонесскому полуострову. Причал охраняли автоматчики из состава отдельного батальона охраны 35-й батареи. К тому времени на прибрежных скалах и около причала уже собралось множество неорганизованных военных и гражданских.

Начальник отдела укомплектования Приморской армии подполковник Семечкин рассказывал: «Мы шли на посадку на подводную лодку. Я шел впереди Петрова. В это время кто-то из толпы стал ругательски кричать: «Вы такие-разэдакие, нас бросаете, а сами бежите». И тут дал очередь из автомата по командующему генералу Петрову. Но так как я находился впереди него, то вся очередь попала в меня. Я упал...»[1]

Людей с причала переправляли на небольшом буксире «Папанин» на подводные лодки, находившиеся мористее. На лодки попадали только счастливчики, имевшие пропуска за подписью Октябрьского и Кулакова. В соответствии с решением Военного совета СОРа эвакуации в первую очередь на двух подводных лодках и самолетах подлежал только высший и старший

[1] Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 83. (Лощенко А.И. Воспоминания. Госархив Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Д. 282.)

комсостав от командира полка и выше. В списке этом всего значилось 139 человек, из них 77 человек от Черноморского флота.

Подводная лодка Щ-209 приняла на борт Военный совет Приморской армии со штабом армии, всего 63 человека, и в 2 ч 59 мин 1 июля вышла на Новороссийск, куда и прибыла после сложного похода 4 июля около 8 часов утра. Подводная лодка Л-23 приняла на борт 117 человек руководящего состава СОРа.

Взятые в резерв штаба СОРа сторожевые катера СКА-021 и СКА-0101 30 июня стояли замаскированные в камышах бухты Казачьей в ожидании распоряжения командования на выход.

Из своих укрытий катера вышли уже в сумерки 30 июня и подошли к причалу 35-й батареи. СКА-021 взял на борт 70 человек, причем из-за неорганизованной посадки к причалу он подходил несколько раз. Потом на катере возникли неполадки с мотором. Наконец в 3 часа ночи 1 июля СКА-021 вышел в море, взяв курс на Синоп. СКА-0101, взяв людей, вышел раньше, в 1 час ночи.

На переходе СКА-021 был атакован немецкими самолетами и от полученных повреждений стал тонуть. Командир катера Гладышев был убит. В живых осталось лишь 16 человек. Их позднее сняли вышедшие из Севастополя сторожевые катера СКА-023 и СКА-053 и доставили в Туапсе. По другим же данным, людей с СКА-021 снял СКА-0101, который вернулся к нему и прибыл в Сочи 3 июля.

В ту же ночь, 1 июля, катера-тральщики «Ильич» и «Ревсовет», приняв людей, вышли из Севастополя на Кавказ, но в Батуми прибыли лишь на десятые сутки. Тогда же из Камышовой бухты на Кавказ, держась берегов Турции, ушли три катера-тральщика КАТЩ-85, 86 и 87 охраны района Камышовой бухты с командиром ОХРа старшим политруком А.И. Песковым и военкомом политруком И.И. Христенко. Всего на этих катерах

вместе с командирами из 7-й бригады морской пехоты эвакуировалось 45 человек. Из-за плохой мореходности и поломки двигателей два катера пришлось бросить. До Батуми 4 июля дошел только один катер.

В 22 часа 30 июля из Севастополя вышло гидрографическое судно «Грунт»: 12 человек команды и 16 эвакуируемых. По пути судно было атаковано немецкими самолетами, зашло в Синоп и, получив там уголь, отправилось в Батуми, куда прибыло 7 июля.

Интересна история рейдового буксира СП-2, вышедшего в ночь с 30 июня на 1 июля 1941 г. из Севастополя с 77 бойцами СОРа. Буксир пошел 7-узловым ходом к Турции. Топливо кончилось, когда на горизонте появились горы. Тогда моряки поставили самодельные паруса и шли со скоростью 1—2 узла. Подошедшие на катере турки с изумлением смотрели на «парусник». Но потом все же взяли его на буксир и доставили в Синоп. Под нажимом советского военного атташе в Турции местные власти согласились снабдить СП-2 топливом, водой и продовольствием. В ночь на 4 июля СП-2 покинул Синоп и взял курс на Батуми. Буксир шел в пределах территориальных вод Турции и через 4 дня прибыл в Батуми.

Для эвакуации раненых и летно-технического состава Херсонесского аэродрома 1 июля прилетела группа гидросамолетов авиации Черноморского флота: один МТБ-2 «Чайка», один ГСТ-9 и десять МБР. «Чайка» села в бухте Казачьей, туда же, отбомбившись по позициям противника в Севастополе, приземлился и ГСТ-9. На борт «Чайки» было принято 29 человек, на ГСТ-9 — 26 раненых и медработников во главе с военврачом 2 ранга Корнеевым и командиром 12-й авиабазы капитаном Пустыльником. «Чайка» долетела нормально, а ГСТ-9 из-за поломки двигателя сел на воду примерно в 30 милях от Феодосии. Утром 2 июля самолет был обнаружен шедшим из Севастополя базовым тральщиком

«Щит», на борт которого и были приняты 33 человека с аварийного самолета, а сам самолет отбуксировали в Геленджик.

В ночь на 1 июля бомбардировщики ВВС Красной Армии в составе восьми ДБ-3 и девяти СБ бомбили войска и батареи противника на Севастопольском фронте. А авиация Черноморского флота в эту ночь совершила 32 самолето-вылета, нанося бомбовые удары по позициям противника в Севастополе.

Вечером 30 июня самолеты: шесть Як-1, семь Ил-2, один И-16, один И-15-бис, два И-153 и один ЛаГГ-3 перелетали из Севастополя в Анапу.

1 июля авиация СОРа боевых вылетов не производила. Вечером три Як-1, три И-16, один И-153 и один У-2 перелетели из Севастополя в Анапу. Четвертый Як-1, вылетевший из Севастополя, произвел вынужденную посадку на воду вблизи Туапсе. Самолет и пилот были подобраны. Три У-2, вылетевшие из Севастополя, пропали без вести.

Базовые тральщики «Защитник» и «Взрыв», вышедшие 1 июля из Новороссийска, около полудня пришли к пристани 35-й батареи, где при помощи катеров и шлюпок приняли на борт 377 человек личного состава СОРа. В 3 часа ночи 2 июля тральщики вышли из района главной базы и в 20 ч 20 мин прибыли в Новороссийск.

Базовые тральщики «Щит» и № 412 на подходах к Севастополю были атакованы 12 германскими бомбардировщиками и в результате близких разрывов бомб получили небольшие повреждения. Из-за повреждений, а также из-за того, что огни на фарватере № 3 главной базы не горели, эти тральщики, боясь своих мин, без захода в район пристаней повернули обратно и в 23 ч 05 мин вернулись в Новороссийск.

1 июля немцы подошли к 35-й башенной батарее почти на 1 км. Батарея сделала 6 выстрелов шрапнелью, поставленной на картечь.

К ночи на 2 июля, по оценкам очевидцев, на берегу у причала 35-й батареи скопилось более 10 тыс. человек. Единственным путем вывода начсостава к причалу был подземный переход батареи с выходом наверх через левый командно-дальномерный пост. Однако особая трудность заключалась в том, чтобы провести несколько сотен старших командиров сквозь многочисленные массы людей, но иного выхода не было.

В 22 часа 1 июля к причалу 35-й батареи подошел первый сторожевой катер СКА-052. Как только катер подошел к причалу, на него тут же, без всякой очереди, прыгнула масса людей. Катер накренился и дал задний ход, чтобы не лечь на борт. Потом с катера спустили шлюпку и подобрали еще несколько плавающих человек. В целях экономии топлива СКА-052 сначала пошел курсом на мыс Сарыч, а потом повернул круто на юг. Там торпедный катер противника пытался атаковать СКА-052, но артиллерийско-пулеметным огнем катера был отогнан. В 40 милях от Крымского берега СКА-052 повернул к берегам Кавказа и, отбившись от двух налетов Ю-88, прибыл в Новороссийск.

В течение ночи на 2 июля с пристани 35-й батареи с эвакуированными на борту отошли сторожевые катера СКА-028, 029, 071, 088 и 046. На подходах к Севастополю сторожевые катера СКА-0105 и 014 встретили стоявший без хода подбитый СКА-029. На нем находились тяжелораненые, всего 51 человек. СКА-0105 снял на борт раненых, а СКА-014 взял на буксир подбитый катер. СКА-052 на подходах к Севастополю был атакован немецкими самолетами, получил повреждения и, не подходя к пристаням, повернул обратно на Новороссийск. Все эти сторожевые катера благополучно дошли до Новороссийска.

29 июня из Новороссийска в Севастополь с грузом боезапаса вышла подводная лодка А-2. В 1 час 32 мин 2 июля, находясь в районе подходной точки военного фарватера № 3, она получила приказ выгрузить боеза-

пас в море и идти за людьми в Херсонесскую бухту. В 21 ч 18 мин А-2 подошла к Херсонесской бухте, где легла на грунт с целью подготовки к уничтожению всех важных и секретных документов на случай, если попадет в безвыходное положение. В 21 ч 59 мин лодка всплыла на расстоянии 1 кабельтова от берега. А с берега доносилась ружейно-пулеметная и артиллерийская стрельба, взмывали в небо осветительные ракеты. А-2 подошла к берегу на полукабельтов, но, не обнаружив у пристани плавсредств, командир приказал дать световые сигналы на берег. К берегу никто не подходил. Тогда с лодки дали сигнал на берег голосом. И только в 22 ч 30 мин к лодке на автомобильных камерах подплыли 4 бойца, а до 23 часов подплыли еще 5 человек.

Командир лодки приказал ждать до полуночи, но больше никто не подплыл, а к этому времени немцы усилили пуски белых ракет в сторону лодки, и они стали ее освещать. К тому же ночь была лунная, и командир решил переменить место.

Подводная лодка М-112, вышедшая 29 июня с грузом боезапаса из Новороссийска, в 14 ч 18 мин 2 июля находилась в перископном положении на военном фарватере № 3 главной базы. В 19 ч 40 мин в районе Херсонесской мерной мили между 2-м и 3-м створами с лодки обнаружили баркас, по которому велся огонь из береговых орудий. В 19 ч 56 мин баркас был потоплен.

В 21 час М-112 пришла в район Херсонесской бухты. На берегу шла перестрелка. Командир лодки принял решение всплыть для выяснения обстановки и маневрировать параллельно берегу. В 23 ч 03 мин к борту лодки подошла шлюпка с 8 бойцами СОРа. От них командир М-112 узнал, что Севастополь сдан и все бухты в районе 35-й батареи заняты противником. В 23 ч 59 мин командир М-112 принял решение возвращаться в Новороссийск.

1 июля «примерно между 22.00 и 23.00 генерал Новиков и сопровождающие его командиры начали выходить из 35-й береговой батареи через амбразуру башни. Но, как писал полковник Пискунов со слов майора Какурина, начальника штаба 95-й стрелковой дивизии, выходившего вместе с генералом, перед ними на их пути из батареи встала стихия в лице находившихся на батарее людей, которые внимательно следили за деятельностью Новикова. В результате оказались задержанными начальник штаба 109-й стрелковой дивизии подполковник С. Камарницкий, майор А. Какурин и начальник разведки 95-й дивизии майор И.Я. Чистяков»[1].

Там же указано, что Новиков был без гимнастерки, то есть без знаков отличия.

Когда катер подошел к причалу, чтобы забрать генерал-майора, то «заслон из моряков-автоматчиков охраны не выдержал.

Несмотря на предупредительную стрельбу автоматчиков охраны, толпа, прорвав заслон, стремительно бросилась по всему причалу. Под ее напором по всей длине причала были сброшены в воду не только находившиеся на причале раненые, но и ряды людей прорвавшейся толпы, оказавшихся на краю его.

Немного погодя рухнула секция причала вместе с людьми. В воде образовалось «месиво» из барахтающихся и пытающихся спастись сотен людей, часть которых утонула, а напор не ослабевал, и люди по инерции некоторое время падали в воду. Подходивший катер к первому пролету сильно накренился от нахлынувших на его палубу людей, которые почти все, не удержавшись, попадали в воду. Катер выпрямился и отошел от причала. Командир в мегафон передал, что посадка невозможна, и катер отошел несколько дальше в море. Многие вплавь поплыли к катеру»[2].

---

[1] Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 120—121. (Пискунов Д.И. Воспоминания. Госархив Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 235. Л. 40.)

[2] Там же. С. 122.

Об этом свидетельствует старшина 1 статьи И.И. Карякин: «После контратаки вечером 1 июля я и старшина 2-й статьи Н. Рыбцов пробрались по подвесному мостику вплотную к скале. На пристани и мостике была сплошная масса людей. На скале находился капитан 3 ранга Ильичев, оставленный Октябрьским старшим по эвакуации. Его попытки освободить мостик для прохода людей, подлежащих эвакуации, успеха не имели. Он сам и его автоматчики стреляли в передних, не давали вплавь добираться до скалы и били короткими очередями. Нам удалось выбраться на берег и с наступлением темноты, спрятав оружие в скалах, вплавь, скрываясь под настилом мостика, добрались до скалы, где сидели, держась за канаты, пока не подошел сторожевой катер СКА-0112. Пользуясь темнотой, мы прыгнули на катер. Было один или два часа ночи. После принятия людей и как только на катер зашел Новиков, катер отвалил и ушел в море»[1].

На рассвете 2 июля сторожевой катер СКА-0112 был обнаружен и атакован четырьмя немецкими торпедными катерами. В течение почти часа шел бой. В левый торпедный аппарат катера S-40 попал 45-мм снаряд, взорвался бак со сжатым воздухом. На счастье немцев, торпеда не сдетонировала, но возник пожар, трое матросов были убиты, а 10 человек, включая командира капитан-лейтенанта Шнейдер-Панкса, получили ранения. Был тяжело поврежден и катер S-28. Немцам с трудом удалось отбуксировать его в Ак-Мечеть. После предварительного ремонта S-28 отправили в Констанцу, где он простоял почти год, не участвуя в боевых действиях.

Но и 20-мм автоматы немцев вывели из строя моторы СКА-0112 и перебили прислугу. Катер стал тонуть. Оставшиеся в живых уже не сопротивлялись. Но в 6 часов утра появился Ю-88 и начал обстреливать катер.

[1] Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 123. (Карякин И.И. Воспоминания. Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. Л. 252—255.)

В это время несколько человек вылезли из кубрика и бросились за борт. Позже подошел немецкий катер S-72, на который были сняты все оставшиеся в живых. Из 20 человек команды и 74 эвакуируемых в живых осталось 16 человек. Все, за исключением одного красноармейца, были ранены. Немцы подорвали СКА-0112, и он затонул. На палубе немецкого катера всех раненых перевязали и прикрыли брезентом. Все это происходило в видимости Ялты. Вскоре катер подошел к ялтинскому причалу, и все раненые были высажены на берег. Туда же высадили и оставшихся в живых 15 человек с СКА-0124, который был потоплен немцами в районе мыса Сарыч. Всего на ялтинском песчаном берегу оказался 31 человек, и в их числе генерал Новиков, капитан 2 ранга Заруба, политрук Звездкин, старшина 1 статьи Карякин, а также командиры и бойцы из штаба Новикова и оставшиеся в живых члены экипажа СКА-0112.

По сведениям Зарубы, «Новикова возили в Севастополь к Манштейну. На мой вопрос — «зачем»? — он мне рассказал, что с ним разговаривал фельдмаршал Манштейн. Интересовался, как себя чувствую, не обижают ли, почему не в форме. Приказал одеть в форму, расхваливал доблесть и геройство наших солдат. Предлагал работать на них. Я сказал: «Я солдат и останусь верным присяге и Родине до конца. А за похвалу спасибо»[1].

Генерал Новиков погиб в 1944 г. в немецком концлагере Флессенбург.

2 июля между 1 ч 15 мин и 2 часами ночи командой 35-й батареи тремя взрывами были подорваны башни и часть помещений. Как и кто производил взрывы — до сих пор неизвестно.

Официальные историки утверждают, что батарея полностью израсходовала свой боезапас. Но это касается только 2-й башни. А в погребе 1-й башни после вой-

[1] Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 132. (Заруба И.А. Воспоминания. Госархив Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Д. 282. Л. 162.)

ны были найдены несколько десятков снарядов. Почему их не перегрузили во 2-ю башню, можно только гадать. Интересно, что когда в 1952 г. срезали автогеном замок орудия в 1-й башне, в пороховой камере оказался заряд и произошел взрыв.

О взрыве батареи № 35 2 июля 1942 г. не были предупреждены множество людей, нашедших убежище в десятках ее подземных помещений. Тележурналист Евгений Ручкан писал, что в 1999 г. в помещении насосной станции было найдено много трупов, включая труп девушки-санитарки с большой косой.

После войны руины 35-й береговой батареи не раз снимали кинематографисты, поскольку, и разрушенный, этот последний бастион защитников Севастополя выглядит довольно грозно. В 1980-е годы здесь хотели сделать мемориал защитников Севастополя, но к настоящему времени установили лишь два памятных знака и мемориальную табличку. Сегодня же на 35-й развернулось бойкое строительство. В 15 шагах от шарового погона бывшей башни стоит забор, ограждающий виллу «нового украинца».

В советские времена никто не интересовался последними днями агонии Севастополя, разумеется, официальные благонамеренные издания в счет не идут. Поэтому тайны СОРа еще ждут своих первооткрывателей.

Вот, к примеру, И.С. Маношин пишет: «В течение 29—30 июня при отходе наших войск на Корабельной стороне были взорваны Северная электростанция, спецкомбинат № 1 и другие объекты, а также запасной арсенал флота взрывчатых веществ и негодного боезапаса в Инкермане, которого было около 400 вагонов»[1]. Что это за такая масса «негодных боеприпасов»? А почему их нельзя было использовать для обороны города?

Мало известно и о втором последнем оплоте защитников СОРа — районе побережья между ветряком ЦАГИ и бывшим Георгиевским монастырем, где геройски сражался 456-й погранполк 109-й стрелковой дивизии. Этот полк в ночь на 1 июля по приказу командира полка подполковника Г.А. Рубцова незаметно для противника, во избежание назревающего окружения, в связи с прорывом противника на Сапун-горе и отходом слева 9-й бригады морской пехоты, оставил свои позиции в Балаклаве и перешел на рубеж обороны: ветряк ЦАГИ — Георгиевский монастырь — мыс Фиолент. Там их поддержала огнем четырехорудийная 152-мм береговая батарея № 18 на мысе Фиолент. Но на батарее к утру 1 июля оставалось всего около 30 шрапнельных снарядов и несколько практических, и ни одного бронебойного. Батарея № 18 погибла около 20 часов 1 июля. В ночь на 2 июля погиб весь состав 456-го погранполка.

[1] Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 73.

При захвате немцами Севастополя были уничтожены противником или своими экипажами следующие суда: подводная лодка Д-6 (находилась в капремонте на Севморзаводе еще с 22 июня 1941 г., ввести ее в строй так и не удалось), катера-тральщики № 153, 158, 565, 566, 553, 554, 555, 557, 510, бронекатер № 037, 3 сторожевых катера, 4 морских буксира, около 60 рейдовых катеров, 20 барж, 3 плавучих крана, коллектор, гидрографическое судно «Горизонт» и корпуса недостроенных двух тральщиков и сетевого заградителя.

К утру 2 июля в районе бухт Камышовой и Казачьей, 35-й батареи и Херсонесского полуострова собралось 50—60 тысяч красноармейцев и краснофлотцев. Большинство из них сохранило личное оружие, и были даже две боеспособные пушки — 45-мм и 76-мм. Немцы интенсивно атаковали плацдарм последних защитников Севастополя, однако в течение дня им удалось продвинуться лишь не несколько сот метров. Отдельные группы бойцов пытались прорваться в направлении Балаклавы и уйти к партизанам, но удалось это лишь нескольким десяткам человек. Остальные же надеялись на помощь с моря.

Согласно сводке о поступлении личного состава частей РККА и РККФ из Севастополя за 2—7 июля 1942 г. по состоянию на 12 часов 7 июля: 4 июля прибыло из Севастополя на СКА-082 — 108 человек, на СКА-0108 — 90 человек, на СКА-019 — 79 человек, на СКА-038 — 55 человек, в том числе 39 человек начсостава, на подводной лодке М-112 — 8 человек.

На переходе из Новороссийска в Севастополь 2 июля при невыясненных обстоятельствах погибли сторожевые катера СКА-021 и СКА-0112.

А бои у мыса Херсонес продолжались. Бойцы и командиры все еще надеялись на приход наших кораблей. Предоставлю слово противнику — князю Боргезе: «9 июля. Бой за форт Горки. (Немцы и итальянцы называли башенные батареи № 30 и № 35 фортами Максим Горький I и Максим Горький II. — *А. Ш.*) Мы его не скоро забудем. Полковник Бебер после боя сказал мне, что даже во время Первой мировой войны он не видел таких разрушений в Вердене.

Форт Горки у мыса Фиолент после падения Севастополя оставался последним очагом сопротивления русских... Наши сторожевые и торпедные катера получили приказ принять участие в штурме, т. е. заблокировать выходы из форта. В море вышли 4 наших катера, экипажи которых были вооружены автоматами и ручными гранатами. Маленькая группа из 8 отважных моряков проникла с моря в галереи. Поднятый ими шум, стрельба из автоматов и взрывы гранат ввели застигнутых врасплох обороняющихся в заблуждение относительно количества атакующих, что помогло немцам сломить упорную оборону противника.

В результате участия наших моряков в штурме были захвачены в галереях форта 80 военнопленных»[1].

Бои у мыса Херсонес продолжались до 12 июля включительно.

[1] Боргезе В. Десятая флотилия. С. 199—200.

А теперь процитирую «Хронику...»: «Два МБР-2, вылетавшие в район Севастополя в ночь на 3 июля с целью эвакуации личного состава СОРа, задания не выполнили из-за того, что ночной старт не был выложен, и Казачья бухта обстреливалась пулеметным огнем противника. По сообщению экипажей этих самолетов, южнее Херсонесского маяка в районе новой пристани, у берега наблюдалось большое скопление людей. С берега сигнализировали фонарями, давали красные и белые ракеты. У береговой черты стояли один сторожевой катер МО и несколько шлюпок. В районе башенной батареи № 35 наблюдались взрывы артиллерийских снарядов. Дневная воздушная разведка, проведенная в районе Севастополя, оказалась безрезультатной из-за неблагоприятных метеорологических условий»[1].

Обратим внимание на последнюю фразу официального источника. Разведчики Пе-2 не могли видеть даже наземные объекты. Сложные метеорологические условия были в последующие дни.

Вот опять цитата из «Хроники...» за 5 июля: «Ночью на 5 июля три СБ и семь МБР-2 бомбардировали торпедные катера противника в порту Ялта».

Из-за метеорологических условий один СБ ушел к Керчи и бомбил ее, а два МБР бомбили Феодосию. Два МБР вообще вернулись, не найдя целей.

Самолеты ДБ-3 поставили в районе Северной бухты в Севастополе шесть английских мин типа A-IV и сбросили бомбы. Участвовало 8 самолетов, но 2 из них из-за неблагоприятных метеоусловий вернулись на аэродром, не сбросив бомбы[2].

Последние 6 сторожевых катеров вышли из Новороссийска в Севастополь 5 июля в 2 ч 30 мин. В 23 ч 30 мин СКА-088 и СКА-0108, согласно донесению командира звена Скляра, прибыли в район Херсонес-

[1] Хроника... Вып. 2. С. 334.
[2] Хроника... Вып. 3. С. 12.

ского полуострова. В полночь они прошли 10-узловым ходом в 100 метрах от берега, который непрерывно освещался ракетами. Стрельбы не было слышно. В 00 ч 11 мин 6 июля катера подошли к берегу на 50 м, тут же с берега по ним открылся пулеметный огонь. Катера ответили пушечно-пулеметным огнем и поставили дымзавесу, сбросив в воду морскую дымовую шашку, одновременно прекратив огонь по берегу. По сброшенной шашке был открыт шрапнельный огонь с берега. Людей на берегу не было видно, и в 1 час ночи катера развернулись и пошли в Новороссийск. В 4 ч 55 мин с катеров была обнаружена шлюпка с 12 красноармейцами. В 13 ч 42 мин катера прибыли в Новороссийск.

Звено сторожевых катеров старшего лейтенанта Щербины в точке с координатами ш = 44°23,1' д = 33°21,6' взяли на борт 7 человек, плывших в кузове автомашины на автомобильных камерах. В 00 ч 09 мин 6 июля катера прошли траверз мыса Фиолент в 2—2,5 милях от него. В 00 ч 53 мин катера подошли на четверть кабельтова к пристани 35-й батареи. С берега начался ружейный обстрел. В 00 ч 57 мин с катера заметили на берегу белые проблески и легли курсом на них. Подошли к Херсонесскому маяку на 1,5 кабельтова и были обстреляны артиллерийским и ружейным огнем. На катерах остановили моторы для прослушивания. Пройдя правее маяка на 25—50 м, людей на берегу не заметили. В 1 час 05 мин катера под непрерывным обстрелом пошли вдоль берега до 35-й батареи в 40—50 м от берега. В 1 час 10 мин на катерах снова заглушили моторы и стали звать голосом людей с берега и дали белую ракету. В 1 час 35 мин снова осмотрели берег. Обстрел катеров продолжался. Людей ни на берегу, ни на воде видно не было. В точке с координатами ш = 44°32,4', д = 33°25,2' катера подобрали трех человек с плота, которые сообщили, что на берегу остались около двух тысяч человек, попрятавшихся в камнях и по пещерам. Противник обстреливал людей под берегом.

Хотя катера и подверглись атаке самолетов противника, все они благополучно прибыли в Новороссийск в 21 час 30 мин 6 июля.

Тут сразу возникает множество вопросов. Почему неблагоприятные метеоусловия не позволили нашим бомбардировщикам бомбить даже площадные береговые объекты, а немцам якобы метеоусловия не мешали бомбить быстроходные маневренные корабли? Почему группы сторожевых катеров с ходом до 26 узлов с малыми потерями ходили к Севастополю, а лидеры и эсминцы проектов 7 и 7У с ходом 35—40 узлов и с куда лучшим зенитным вооружением не могли участвовать в спасении людей и заодно поддержать защитников Херсонеса огнем своих 130-мм орудий?

К 4 июля 1942 г. в составе Черноморского флота находились: 1 линкор, 4 крейсера, 1 вспомогательный крейсер, 1 лидер, 7 миноносцев, 2 СКР (малых миноносца), 10 базовых тральщиков, 65 торпедных катеров, 41 подводная лодка, 1 речной монитор, 10 канонерских лодок, 7 бронекатеров. (Наши бронекатера и в 1941 г., и в 1944 г. ходил у берегов Крыма, причем осенью и весной, а не летом.)

Кроме того, имелись многие десятки сторожевых катеров специальной постройки, десятки мобилизованных судов, сторожевых кораблей, тральщиков и т. д. И вся эта армада бездействовала, когда гибли тысячи защитников СОРа!

В мае 1961 г. в Севастополе проходила военно-историческая конференция, посвященная 20-летию начала героической обороны Севастополя. Там выступал Ф. С. Октябрьский, получивший в 1958 г. (!) звание Героя Советского Союза. Он сказал: «Товарищи, обстановка тогда сложилась трудная... В этих условиях встал

вопрос, как быть? Если эвакуировать армию, то были бы потеряны армия и флот, оказавшийся сильно преуменьшившимся из-за потерь в боях. В конечном счете была потеряна армия, но сохранен флот»[1].

Разумеется, тогда никто не возмутился речам адмирала, явно пародировавшим слова Кутузова, сказанные в 1812 г. Но тогда врагу была оставлена горящая, а главное, пустая Москва! В 1812 г. была сохранена армия, которую в тогдашних условиях можно было воссоздать не менее чем за 5 лет. А тут на убой немцам было оставлено свыше 100 тысяч закаленных в боях бойцов, которые могли не пустить немцев на Кавказ. А что касается флота, то линкор, крейсера, эсминцы и даже канонерские лодки не сыграли по воле тех же адмиралов никакой роли в последующих боях. В то же время наша промышленность в 1942—1943 гг. сдала флоту сотни бронекатеров, торпедных и сторожевых катеров и т. д. Сотни катеров тех же типов нам поставили союзники. Причем они были лучше на порядок их советских довоенных аналогов — более мореходными и имели скорострельные зенитные автоматы, наши и импортные, РЛС и т. д. Причем при необходимости не только новые катера, но и старые катера, и подводные лодки типа «М» легко перебрасывались по железной дороге на Черное море.

Летом 1942 г. судьбу Черного моря решали сухопутные силы и базы. И если бы тогда удалось отстоять Севастополь, немцы не проникли бы на Кавказ, и ход войны мог кардинально измениться. При этом были оправданы любые потери кораблей. Даже если бы погибло 90% кораблей и катеров Черноморского флота, эти потери были легко восполнимы в течение последующих 3—4 месяцев. (Понятно, речь идет об общей мощи флота, включая авиацию, торпедные катера, подводные лодки, десантные корабли и т. д. Естественно,

[1] Цит. по: Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 51.

линкор на Черное море перевести было нельзя, да и особой нужны в этом не было.)

Этого не мог не понимать адмирал Октябрьский ни в 1942 г., ни в 1961 г. По данным Г.И. Ванеева, всего за период с 1 по 10 июля в порты Кавказского побережья было доставлено 1726 бойцов СОРа, а убито или взято в плен было 130 125 человек[1]. Различные немецкие источники указывают число пленных 90—100 тыс. человек. Судя по всему, правы немцы, а не Ванеев. В сводках, предоставляемых военными, наверняка не указывались тыловые подразделения, местные подразделения и т. д.

Сообщение же Совинформбюро о том, что был оставлен Севастополь, от 3 июля 1942 г. было верхом лжи и цинизма: «Сколь успешно выполнил севастопольский гарнизон свою задачу, это лучше всего видно на следующих фактических данных. Только за последние 25 дней штурма севастопольской обороны полностью разгромлены 22, 24, 28, 50, 132-я и 170-я немецкие пехотные дивизии и четыре отдельных полка, 22-я танковая дивизия и отдельная мехбригада, 1, 4, 18-я румынские дивизии и большое количество частей из других соединений...

Советские войска потеряли с 7 июня по 3 июля 11 385 чел. убитыми, 21 099 — ранеными, 8300 — пропавшими без вести, 30 танков, 300 орудий, 77 самолетов. Бойцы, командиры и раненые из Севастополя эвакуированы»[2].

То есть все штурмовавшие Севастополь германские части уничтожены, а наши части благополучно эвакуированы на Кавказ.

1 июля Гитлер за взятие Севастополя присвоил генерал-полковнику Манштейну чин генерал-фельдмаршала. Манштейна завалили подарками, в том числе и от

[1] Ванеев Г.И. Севастополь 1941—1942. Кн. 2. С. 249.

[2] Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. С. 169.

представителей династии Гогенцолернов. Среди них был и оригинальный подарок. Манштейн писал: «Один русский священник, бежавший от большевиков во Францию и живший теперь в Виши, прислал мне толстую трость. Она была изготовлена из узловатой виноградной лозы, в набалдашник был вделан топаз, а на узком металлическом кольце стояла надпись на русском языке. В письме священник писал, что его дед во время Крымской войны, будучи командиром полка, участвовал в обороне Севастополя. Он был тяжело ранен в ногу, и солдаты его полка сделали ему эту трость. Обрадованный тем, что я занял Севастополь и освободил Крым от большевиков, он, священник, захотел послать мне эту трость в знак благодарности»[1].

Ну а теперь господа Никита Михалков и К° по воскресеньям в телепередачах, посвященных белой эмиграции, восхваляет подобных персонажей и их потомство.

[1] Манштейн Э. Утерянные победы. С. 297.

Раздел III

Тайны «запретного» города

Глава 1

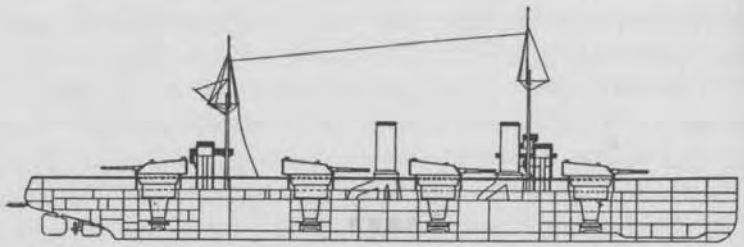
НАШ «БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК»

О том, что татары считали бухты Севастополя опасными с точки зрения злых духов, шайтана и т. п., русские узнали еще в конце XVIII века. Но лишь в XX веке наш флот потерял там в ходе катастроф три самых крупных корабля. Это были наиболее серьезные потери от небоевых причин в трехсотлетней истории отечественного флота.

Естественно, что во всех трех случаях немедленно создавались авторитетные комиссии, затем обстоятельства гибели служили темой исследования десятков историков и инженеров-кораблестроителей, но в итоге ни одна из катастроф не получила достоверного объяснения.

20 октября 1916 г. через четверть часа после утреннего подъема матросы, находившиеся в районе первой башни линкора «Императрица Мария», стоявшего вместе с другими кораблями в Севастопольской бухте, услышали характерное шипение горящего пороха, а затем увидели дым и пламя, выбивавшиеся из амбразур башни, горловин и вентиляторов, расположенных вблизи нее. На корабле сыграли пожарную тревогу, матросы разнесли пожарные рукава и начали заливать водой подбашенное отделение.

В 6 ч 20 мин корабль потряс сильный взрыв в районе погреба 305-мм зарядов первой башни. Столб пламени и дыма взметнулся на высоту 300 м. Когда дым рассеял-

Линкор «Императрица Мария».

ся, стала видна страшная картина разрушений. Взрывом вырвало участок палубы позади первой башни, снесло боевую рубку, мостик, носовую трубу и фок-мачту. В корпусе корабля позади башни образовался провал, из которого торчали куски искореженного металла, выбивались пламя и дым. Множество матросов и унтер-офицеров, находившихся в носовой части корабля, было убито, тяжело ранено, обожжено и сброшено силой взрыва за борт. Перебило паровую магистраль вспомогательных механизмов, перестали работать пожарные насосы, отключилось электроосвещение. Затем последовал еще ряд мелких взрывов.

На корабле были отданы распоряжения о затоплении погребов второй, третьей и четвертой башен, приняты пожарные шланги с портовых плавсредств, подошедших к линкору. Тушение пожара продолжалось. Линкор буксиром развернули лагом в ветру. К 7 часам утра пожар стал стихать, корабль стоял на ровном киле, казалось, что он будет спасен. Но через две минуты раздался еще один взрыв, более мощный, чем предыдущие. Линкор стал быстро оседать носом и крениться на правый борт. Когда носовая часть и пушечные порты ушли под воду, линкор, потеряв остойчивость, опрокинулся вверх килем и затонул на глубине 18 м в носу и

14, 5 м в корме с небольшим дифферентом на нос. Погибли инженер-механик мичман Игнатьев, два кондуктора[1] и 225 матросов.

На другой день, 21 октября 1916 г., поездом из Петрограда в Севастополь отбыла специальная комиссия по расследованию причин гибели линейного корабля «Императрица Мария» под председательством адмирала Н.М. Яковлева. Одним из ее членов был назначен генерал для поручений при морском министре А.Н. Крылов.

За полторы недели работы перед комиссией прошли все оставшиеся в живых матросы и офицеры линкора «Императрица Мария». Было установлено, что причиной гибели корабля послужил пожар, возникший в носовом погребе 305-мм зарядов и повлекший за собой взрыв пороха и снарядов в нем, а также взрыв в погребах 130-мм орудий и боевых зарядных отделений торпед. В результате был разрушен борт и сорваны кингстоны затопления погребов, и корабль, имея большие разрушения палуб и водонепроницаемых переборок, затонул. Предотвратить гибель корабля после повреждения наружного борта, выровняв крен и дифферент заполнением других отсеков, было невозможно, так как на это потребовалось бы значительное время.

Рассмотрев возможные причины возникновения пожара в погребе, комиссия остановилась на трех наиболее вероятных: самовозгорание пороха, небрежность в обращении с огнем или самим порохом и, наконец, злой умысел. В заключении комиссии говорилось, что «придти к точному и доказательно обоснованному выводу не представляется возможным, приходится лишь оценивать вероятность этих предположений...».

Самовозгорание пороха и небрежность обращения с огнем и порохом были признаны маловероятными. В то же время отмечалось, что на линкоре «Императрица Мария» имелись существенные отступления от требова-

[1] Кондукторы в русском военном флоте — ближайшие помощники офицеров-специалистов.

ний устава в отношении доступа в артиллерийские погреба. Во время стоянки в Севастополе на линкоре работали представители различных заводов, причем количество их достигало 150 человек ежедневно. Работы велись и в снарядном погребе первой башни — их выполняли 4 человека с Путиловского завода. Пофамильная перекличка мастеровых не проводилась, а проверялось лишь общее количество людей.

Комиссия не исключила и возможность «злого умысла»; более того, отметив плохую организацию службы на линкоре, она указала «на сравнительно легкую возможность приведения злого умысла в исполнение».

Немедленно после гибели линкора Морское министерство приступило к разработке срочных мер по подъему корабля и вводу его в строй. Предложения итальянских и японских специалистов были отклонены из-за сложности и дороговизны. Тогда А.Н. Крылов в записке в комиссию по рассмотрению проектов подъема линкора предложил простой и оригинальный способ. Он предусматривал подъем линкора вверх килем путем постепенного вытеснения воды из отсеков сжатым воздухом, ввод в таком положении в док и заделку всех разрушений борта и палубы. Затем целиком загерметизированный корабль предлагалось вывести на глубокое место и перевернуть, заполнив водой отсеки противоположного борта.

За исполнение проекта А.Н. Крылова взялся корабельный инженер Сиденснер, старший судостроитель Севастопольского порта. К концу 1916 г. вода из всех кормовых отсеков была отжата воздухом, и корма всплыла на поверхность. В 1917 г. всплыл весь корпус. В январе — апреле 1918 г. корабль отбуксировали ближе к берегу и выгрузили оставшийся боезапас. Только в августе 1918 г. портовые буксиры «Водолей», «Пригодный» и «Елизавета» отвели линкор в док. С линкора сняли 130-мм артиллерию, часть вспомогательных механизмов и другое оборудование, сам корабль оставался в доке в положении вверх килем до 1923 г.

За четыре с лишним года деревянные клетки, на которых покоился корпус, подгнили. Из-за перераспределения нагрузки появились трещины в подошве дока. «Марию» вывели и поставили на мель у выхода из бухты, где она простояла вверх килем еще три года. В 1926 г. корпус линкора вновь был введен в док в том же положении и в 1927 г. окончательно разобран. Работы выполнял ЭПРОН[1]. При опрокидывании линкора во время катастрофы многотонные башни 305-мм орудий корабля сорвались с боевых штыров и затонули. Незадолго перед Великой Отечественной войной эти башни были подняты эпроновцами.

Казалось бы, инженеры, обследовав поднятый корабль, смогли бы достоверно установить причину его гибели, но, увы, этого не произошло.

Поэтому писатели, инженеры и историки начали собственные расследования обстоятельств гибели «Императрицы Марии». Даже краткий обзор опубликованных книг и статей занял бы десятки страниц, поэтому я ограничусь лишь исследованием двух версий — самовозгорание пороха и диверсия.

В журнале «Цитадель» № 2 (7) за 1998 г. инженер-химик Н.В. Гаврилкин довольно подробно исследовал возможности самовозгорания русских порохов выделки после 1907 г. Там говорится: «Случаи, когда разложение пироксилинового пороха заходило настолько далеко, что его можно определить визуально, были в России сравнительно редки. Отечественные пороха, изготовленные после 1907 г. из хорошего, вполне стойкого пироксилина, являлись настолько стабильными, что даже спустя 10 лет признаки разложения у них почти не наблюдались...

Максимальное давление пороховых газов в орудиях главного калибра линкоров типа «Севастополь» составляет 2400 кг/см. В течение доли секунды в каморе орудия объемом 224,6 литра сгорает 130 кг пороха без пере-

[1] Экспедиция подводных работ особого назначения.

хода горения в детонацию. В пороховом погребе на каждый полузаряд приходится намного больше объема, чем на полузаряд в каморе орудия. Даже при сгорании всего пороха в погребе давление будет намного меньше, чем в каморе. Поэтому переход горения в детонацию при воспламенении всех полузарядов в пороховом погребе корабля невозможен...

...При практически одинаковой степени разложения пороха вероятность одновременной вспышки всех полузарядов, находящихся в одном пороховом погребе, равна нулю. В конкретный момент времени может воспламениться только один полузаряд, от которого загорятся другие, находящиеся рядом.

Что из этого получается, видно из аварии, произошедшей 30 октября 1915 г. в носовой башне балтийского линкора «Севастополь», имевшего практически идентичный с «Императрицей Марией» тип трехорудийной башенной установки главного калибра, устройство снарядных и зарядных погребов, а также их систем.

Во время постановки линкора на якорь в Кронштадтской гавани после выхода его из дока производилась перегрузка 42 полузарядов из верхнего в нижний погреб. Когда работа была почти закончена, один из трех оставшихся наверху полузарядов сорвался со стропа и упал с высоты около 8 м на палубу нижнего порохового погреба. Туг же произошло его воспламенение с последующим воспламенением находившихся рядом полузарядов. Несмотря на быстрое распространение пламени, взрыва в течение 6—8 минут не произошло. Затем было включено орошение, и по затоплению погреба на один метр пожар прекратился.

Аналогичная картина наблюдалась бы при воспламенении по различным причинам одного полузаряда на линкоре «Императрица Мария». Скорость распространения пламени в пороховом погребе была бы очень большой — прошло около двух минут от появления дыма до

момента взрыва, поэтому велика вероятность воспламенения не одного, а нескольких полузарядов в разных местах порохового погреба носовой башни линкора...

В июле — августе 1917 г. полузаряды с порохом партии ОД-16/14 извлекли из погребов 2, 3-й и 4-й башен «Императрицы Марии» после ее подъема в Севастополе и отправили в арсенал. В 1919-м, ввиду острой необходимости в порохах, эти полузаряды были подвергнуты осмотру и сортировке. Часть зарядов имела негерметичную укупорку и была залита водой и илом, картузы и стягивающие их шелковые шнуры совершенно истлели. В исправных футлярах порох не изменился.

В 1927 г. про порох «Императрицы Марии» вновь вспомнили... В лаборатории ЦОЗа были проведены испытания физико-химических качеств образцов партии ОД-16/14. Они показали полное соответствие данным приемных испытаний партии в январе 1915-го...

Затем порох был испытан стрельбой на Научно-испытательном артиллерийском полигоне РККА под Ленинградом в январе 1927 г. Полученные результаты оказались почти идентичны приемным...

Всех приведенных данных достаточно, чтобы отметить, что взрыв линкора «Императрица Мария» произошел не от воспламенения отдельного полузаряда вследствие неосторожного обращения с порохом и не от самовозгорания пороха при его химическом разложении, а от другой причины».

Как видим, позиция Гаврилкина достаточно аргументирована. Тем не менее полностью исключать вариант самовозгорания зарядов я бы не стал.

А теперь перейдем к диверсионной версии гибели «Императрицы Марии». Сразу же после гибели линкора жандармским управлением в Севастополе развертывается бурная деятельность — производятся обыски на квартирах и аресты 47 подозреваемых в причастности к взрыву лиц.

Через неделю после трагических событий начальник Севастопольского жандармского управления полковник Редлов, используя поступившие к нему от агентуры данные, в письме на имя начальника штаба командующего Черноморским флотом привел возможные версии причин взрыва, не исключая при этом, что корабль был взорван шпионами. «В матросской среде, — писал Редлов, — определенно держится слух о том, что взрыв был произведен злоумышленниками с целью не только уничтожить корабль, но и убить командующего Черноморским флотом, который своими действиями за последнее время, а особенно тем, что разбросал мины у Босфора, окончательно прекратил разбойничьи набеги турецко-германских крейсеров на побережье Черного моря, кроме того, он своими энергичными действиями в этом направлении вызвал недовольство в командном составе, особенно у лиц с немецкими фамилиями, которые при бывшем командующем флотом (адмирал Эбергард — *А.Ш.*) абсолютно ничего не делали».

Понятно, что в годы революции и Гражданской войны было не до поисков агентуры, взорвавшей линкор. Но вот в 1933 г. органами ОГПУ Украины в крупном судостроительном центре страны Николаеве была разоблачена резидентура немецкой разведки, действовавшая под прикрытием торговой фирмы «Контроль-К», возглавляемой Виктором Эдуардовичем Верманом, 1883 года рождения, уроженцем города Херсона, проживавшим в Николаеве и работавшим начальником механосборочного цеха «Плуг и молот». Цель организации — срыв судостроительной программы набирающего мощь военного и торгового флота Советского Союза. Конкретные задачи — совершение диверсий на Николаевском заводе имени Анри Марти, а также сбор информации о строящихся там судах, большинство из которых были военными. Этот крупнейший судостроительный завод страны образовался на базе того самого Русского судостроительного акционерного общества «Руссуд», со стапелей которого сошли «Императрица Мария» и однотипный линкор «Александр III». В ходе следствия выяснилось много интересных фактов, уходящих корнями в дореволюционный Николаев.

Сам Верман являлся разведчиком со стажем. На допросе он рассказывал: «Шпионской деятельностью я стал заниматься в 1908 году (именно с этого периода начинается осуществление новой морской программы России. — *А.Ш.*) в Николаеве, работая на заводе «Наваль» в отделе морских машин. Вовлечен в шпионскую деятельность я был группой немецких инженеров того отдела, состоящей из инженера Моора и Гана... Моор и Ган, а более всего первый, стали меня обрабатывать и вовлекать в разведывательную работу в пользу Германии».

Деятельность Вермана подробно изложена в той части архивного следственного дела, которая называется «Моя шпионская деятельность в пользу Германии при царском правительстве».

Так уж сложились обстоятельства, что ему было поручено взять на себя руководство всей немецкой разведсетью на юге России: в Николаеве, Одессе, Херсоне и Севастополе. Вместе со своей агентурой он вербовал людей для разведывательной работы, собирал материалы о промышленных предприятиях, данные о строящихся военных судах подводного и надводного плавания, об их конструкции, вооружении, тоннаже, скорости.

На допросе Верман рассказывал: «Из лиц, мною лично завербованных для шпионской работы в период 1908—1914 гг., я помню следующих: Штайвеха, Блимке, Наймаера, Линке Бруно, инженера Шеффера, электрика Сгибнева». Все они сотрудники судостроительных заводов, имеющие право прохода на строящиеся корабли.

Особый интерес вызвал электрик Сгибнев. Он отвечал за работы по оборудованию временного освещения строящихся на «Руссуде» военных кораблей, в том числе и «Императрицы Марии»».

В 1933 г. в ходе следствия Сгибнев показал, что Вермана очень интересовала схема артиллерийских башен дредноутов. А ведь первый взрыв на линкоре «Импера-

рица Мария» раздался именно под носовой артиллерийской башней. Сгибнев рассказал: «В период 1912—1914 гг. я передавал Верману сведения в устной форме о строящихся линейных кораблях типа «Дредноут»: «Мария» и «Александр III», в рамках того, что мне было известно о ходе их постройки и сроках готовности отдельных отсеков кораблей».

Таким образом, у Вермана концентрировалась в руках ценнейшая информация о возрастающей мощи русского флота на Черном море. После оккупации юга России немцами его разведывательная деятельность была вознаграждена по достоинству. Из протокола допроса: «В 1918 году по представлению капитан-лейтенанта Клосса я был германским командованием за самоотверженную работу и шпионскую деятельность в пользу Германии награжден Железным крестом 2-й степени».

Но вернемся к взрыву на «Марии». В этот период Верман как немец был выслан из Севастополя и устроить взрыв не мог. Но в Николаеве и Севастополе была оставлена хорошо подготовленная разведсеть. Позднее он сам говорил об этом: «Я лично осуществлял связь с 1908 года по разведывательной работе со следующими городами: ... Севастополем, где разведывательной работой руководил инженер-механик завода «Наваль» Визер, находившийся в Севастополе по поручению нашего завода специально для монтажа строившегося в Севастополе броненосца «Златоуст». Знаю, что у Визера была своя шпионская сеть в Севастополе».

Любопытный момент: следователи НКВД не заинтересовались показаниями Вермана, касающимися гибели «Императрицы Марии». На мой взгляд, это не случайность, а большая политика. Работая над другой темой, я обнаружил, что, например, при допросах в НКВД бывшего министра Временного правительства Н.В. Некрасова и бывшего генерала Джунковского, как только они начинали говорить о масонах и масонских заговорах, следователи их прерывали и переводили разговор на их участие в мифических антисоветских заговорах 1930-х годов. А между тем и Некрасов, и Джунковский были лидерами масонского заговора 1917 г.

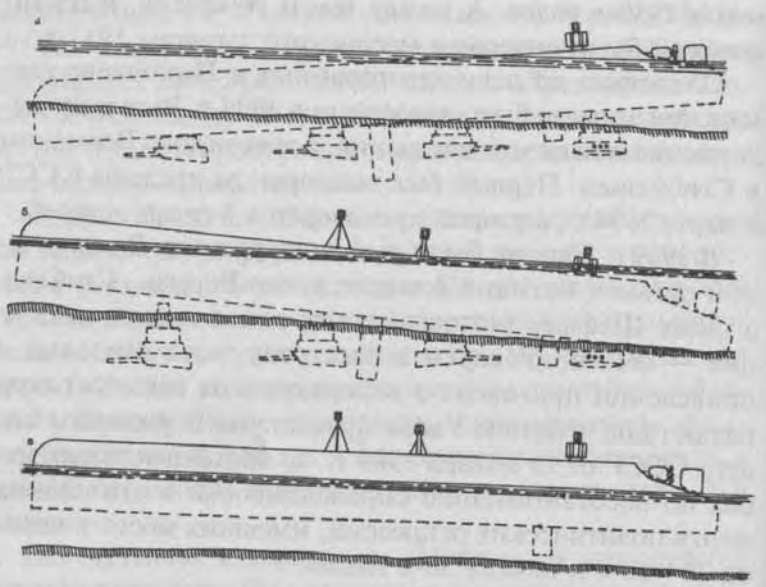
Следствие по делу арестованных в Николаеве германских агентов было закончено в 1934 г. Вызывает недоумение и легкость наказания, понесенного Верманом и Сгибневым. Первый был выдворен за пределы СССР в марте 1934 г., а второй приговорен к 3 годам лагерей.

В 1989 г. оба они были реабилитированы. В заключении органов юстиции говорится, что Верман, Сгибнев, а также Шеффер (который понес самое тяжкое наказание — был приговорен к расстрелу, хотя сведений о приведении приговора в исполнение не имеется) подпадают под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов».

На мой взгляд, самой убедительной является версия о диверсии, но и она недостаточно обоснована. Следователи НКВД сделали все, чтобы спрятать концы в воду.

29 октября 1955 г. в Севастополе почти на том же месте, где погибла «Императрица Мария», затонул линкор «Новороссийск». Этот линкор был построен в Италии. После войны в счет репараций Англия и США решили передать Советскому Союзу из состава итальянского флота линкор «Джулио Чезаре» («Юлий Цезарь»), крейсер «Эммануэль Филиберто Дуке д'Аоста», а также пять эсминцев.

Линкор «Джулио Чезаре» был заложен 24 июня 1910 г. в Генуе и 14 мая 1914 г. вошел в состав итальянского флота. Первоначально его нормальное водоизмещение составляло 23,6 тыс. т, а вооружение состояло из тринадцати 305/46-мм орудий главного калибра и восемнадцати 120/50-мм орудий противоминного калибра. Интересно, что орудия главного калибра находились в пяти башнях — двух двухорудийных и трех трехорудийных.

Фазы подъема линкора «Императрица Мария»:
а) положение корабля после всплытия кормы 5 ноября 1917 г.;
б) после всплытия носовой оконечности 22 марта 1918 г.;
в) установившееся положение перед вводом в док

В 1933—1937 гг. линкор прошел модернизацию, в ходе которой средняя 305-мм башня была снята. В остальных же четырех башнях стволы 305-мм орудий рассверлили до 320 мм. Казематные 120-мм пушки были заменены шестью двухорудийными 120/50-мм установками. Универсальную артиллерию составляли четыре двухорудийные 100-мм установки ОТО («Минизини»)[1], а зенитные установки были представлены шестнадцатью 37-мм и двенадцатью 20-мм автоматами. Толщина брони пояса составляла 247 мм в цитадели и 127 на оконечностях. Толщина брони башен главного

[1] Как на советских крейсерах «Красный Кавказ» и «Красный Крым».

калибра: бок — 220 мм, крыша — 240 мм. Теперь полное водоизмещение линкора достигло 29 тыс. т, а скорость хода составляла 27,8 узла.

3 сентября 1943 г. линкор «Джулио Чезаре» пришел на Мальту, где был интернирован союзниками. После войны он прошел капитальный ремонт.

6 февраля 1949 г. в албанском порту Валона (в настоящее время Влёра) линкор был передан СССР и на нем поднялся советский военно-морской флаг. При передаче корабль именовался «Z.11». 26 февраля советский экипаж повел линкор в Севастополь. Приказом по Черноморскому флоту от 5 марта 1949 г. линкору присвоили новое имя «Новороссийск».

Вскоре линкор «Новороссийск» стал флагманским кораблем эскадры Черноморского флота. В 1953 г. корабль поставили в Николаеве на капитальный ремонт, в ходе которого итальянские зенитные автоматы заменили советскими (четыре спаренных 37-мм В-11 и шесть ординарных 37-мм 70К), поставили РЛС «Залп-М» и произвели другие работы.

Слух о предполагаемой замене 320-мм итальянских пушек на 305-мм отечественные — полнейшая липа: в этом случае пришлось бы делать новые башни. Наоборот, планировалась замена итальянских стволов новыми советскими 320-мм стволами.

В 1951 г. заводу «Баррикады» было дано задание изготовить 320-мм баллистический ствол для башен «Новороссийска». В декабре 1954 г. 320-мм ствол, получивший заводской индекс Бр-104, был сдан заказчику. Испытания его проводились на Ржевке с полигонного станка МП-10.

В боекомплект «Новороссийска» входили итальянские 525-кг бронебойные и 458-кг фугасные снаряды. Бронебойный снаряд при весе заряда 175 кг имел начальную скорость 800 м/с и дальность 28,6 км при угле возвышения 27°.

Началось производство и советских 320-мм снарядов, но были ли они поставлены на линкор, неизвестно. С.В. Елагин и А.Е. Тарас высказали предположение,

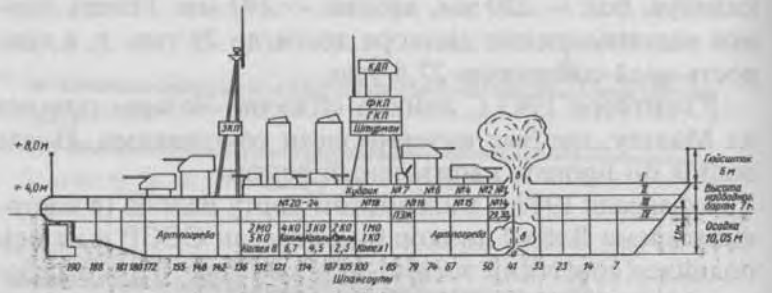

Схема прохождения взрыва через носовую оконечность линкора «Новороссийск» в 1 ч. 30 мин. 48 с.
Палубы: I — удлиненного полубака; II — батарейная; III — броневая (жилая); IV — карапасная (1-я платформа).
а — перебитый киль; б — пробоина площадью 150 м^2; в — разрыв (рванина) полубака.

что в СССР для «Новороссийска» к октябрю 1955 г. были созданы 320-мм снаряды с ядерными боевыми частями[1].

В мае 1955 г. «Новороссийск» вновь вступил в строй. В течение лета и осени линкор несколько раз выходил в море. 28 октября «Новороссийск» вернулся в Севастополь из очередного похода и занял место в районе Морского госпиталя, встав на две бочки. В 1 ч 31 мин 29 октября 1955 г. под носовой частью линкора между первой и второй башнями и их погребами по правому борту произошел взрыв, разрушивший все горизонтальные перекрытия от днища до палубы полубака. В подводной части корпуса с правого борта образовалась пробоина площадью более 150 кв. м, а с левого вдоль киля — вмятина со стрелой прогиба 2—3 м. Общая площадь повреждений подводной части корпуса составила 340 кв. м на участке длиной 22 м. Сразу же несколько носовых отсеков заполнились водой, и корабль получил большой дифферент на нос.

[1] Статья «Гибель линкора «Новороссийск» 29 октября 1955 года» была включена редактором А.Е. Тарасом в справочник «Корабли и катера ВМФ СССР 1939—1945 гг.» в качестве приложения.

Несмотря на энергичные действия экипажа и немедленно прибывших с других кораблей аварийных партий, остановить распространение воды не удалось, линкор продолжал погружаться носом и терять остойчивость.

Тогда была предпринята попытка отбуксировать «Новороссийск» кормой на прибрежную отмель, но отдали только швартов с кормовой бочки, что позволило лишь развернуть корабль и приблизить корму к Госпитальной стенке до 130 м (глубина там была около 16 м). Преодолеть держащую силу левого якоря и носовой бочки (с нее швартов перерезали только в 3 ч 30 мин, когда нос уже вошел в грунт на два-три метра) буксиры не смогли.

Можно было приблизиться к берегу, дав задний ход машинами, которые после похода еще не успели остыть, и время подготовки их не превысило бы получаса. Но сделано это не было. Вскоре крен на левый борт достиг 18—20°, и линкор повалился набок, а в 4 ч 15 мин, то есть через 2 ч 45 мин после взрыва, опрокинулся вверх килем и затонул.

Причиной опрокидывания стала потеря поперечной остойчивости из-за нарастания дифферента на нос и появления больших свободных поверхностей воды в высокорасположенных отсеках.

В ходе катастрофы погибло 607 человек, из которых приблизительно 50—100 погибли непосредственно из-за взрыва и затопления носовых отсеков, остальные — при опрокидывании корабля и после него.

Своевременной эвакуации экипажа организовано не было. Большинство участников борьбы за непотопляемость корабля и почти весь личный состав электромеханической боевой части остались внутри корабля. Многие из них, оказавшись в воздушных подушках отсеков, были живы почти трое суток. Но спастись удалось только девятерым морякам. Семь из них вышли сами через 5 часов после опрокидывания через прорезанную в кормовой части днища горловину, еще двоих человек спустя 50 часов вытащили водолазы.

Расследованием катастрофы занималась правительственная комиссия во главе с заместителем Председателя Совмина СССР В. Малышевым.

Согласно докладу этой комиссии от 17 октября 1955 г., «можно утверждать, что взрыв 29 октября 1955 г. являлся взрывом заряда, расположенного на дне Севастопольской бухты, в месте якорной стоянки линкора.

В целом из сопоставлений записей геофизических станций можно сделать вывод, что заряд при взрыве был, во всяком случае, не меньше заряда отечественной мины «АМД-1000» (1000 кг тротила).

Размеры воронки при опыте практически совпали с размерами воронки в месте стоянки линкора «Новороссийск», что свидетельствует о близости величин зарядов при этих взрывах...

На основании произведенных расчетов и соответствующих испытаний экспертной комиссией признается возможным нахождение под линкором донной мины, сохранившей потенциальную боеспособность и не вытраленной при неконтактном тралении вследствие того, что часовой механизм прибора срочности не отработал установленного на нем срока (часы стояли).

Такая мина под влиянием внешнего механического воздействия (толчка) может перейти в опасное состояние и взорваться после доработки часов. Механическим воздействием на механизм мины могло быть следующее:

при постановке линкора на бочки в 18 ч 28 октября 1955 г., в процессе буксировки корабля и подтягивания его к бочкам, якорь-цепь, протаскиваясь по грунту, могла задеть за лежащую на грунте мину. В результате поворачивания или толчка мины мог произойти запуск ранее остановившегося часового механизма взрывателя.

Возможность протраливания якорь-цепью дна бухты в районе нахождения мины, следовательно, механического воздействия цепи на мину, считается установленной.

В результате подробного рассмотрения всех обстоятельств и последствий взрыва установлено следующее:

повреждения линкора «Новороссийск» были вызваны взрывом заряда, находившегося на грунте под носовой частью корабля;

вес заряда в тротиловом эквиваленте определяется величиной 1000—1100 кг;

наиболее вероятно, что 29 октября 1955 г. под кораблем имел место взрыв немецкой мины типа RMH или LMB с взрывателем М-1, поставленной в период Великой Отечественной войны»[1].

Но в том же докладе говорится: «Комиссия установила, что охрана крепости Севастополь от прорыва подводных лодок велась неудовлетворительно.

Вход в базу должен был прикрываться бонами и противоторпедными сетями, поставленными при входе в Севастопольскую бухту...

В ночь с 28 на 29 октября с. г., несмотря на то что дежурный буксир находился, как обычно, у боновых ворот, последние также не были закрыты, и только после подрыва линкора «Новороссийск» по приказанию начальника оперативного Управления штаба флота их закрыли в 2 часа 35 минут 29 октября, т. е. через 1 час 4 минуты после взрыва.

С целью обнаружения подводных лодок, пытающихся проникнуть в базу, у входа в бухту предусмотрено также непрерывное несение дозора большим охотником за подводным лодками.

Фактически по вине командования 24 дивизии ОВРа и с ведома штаба флота корабли несли дозор с перерывами ввиду частого их отвлечения для выполнения других, не свойственных дозору задач. Такое грубое нарушение было допущено и в ночь с 28 на 29 октября с. г., когда дозорный большой охотник 28 октября в 5 ч 50 мин был снят с дозора оперативным дежурным 24 дивизии ОВРа

[1] Гибель линейного корабля «Новороссийск». Составитель Б.А. Каржавин. СПб., Политехника, 1992. С. 87—88.

без замены его другим кораблем, послан к мысу Лукулл обеспечивать полеты авиации и вернулся для выполнения дозорной службы только в 1 ч 17 мин 29 октября, т. е. за 14 минут до взрыва.

Наблюдение за подводными лодками осуществлялось шумопеленгаторной станцией «Сатурн-12», установленной у мыса Херсонес. Станция устаревшего типа и малошумные подводные лодки на малом ходу обнаруживать не может. 28 октября с. г. станция находилась в плановом ремонте и не работала с 8 ч 40 мин до 19 ч 00 мин»[1].

Таким образом: «...в результате систематических, грубых и преступных нарушений приказов и инструкций по водной охране крепости командиром 24 дивизии ОВРа контр-адмиралом Галицким и его подчиненными Севастопольская крепость часто оставалась без охраны от проникновения подводных лодок и торпед. Так было и накануне взрыва 28 октября и в ночь с 28 на 29 октября с. г.»[2].

Выводы комиссии Малышева оспариваются уже почти 50 лет десятками морских специалистов. Версия с взрывом магнитной мины выглядит весьма неубедительно. Для сравнения приведу подрыв крейсера проекта 26 «Киров» (полное водоизмещение 9436 т) на германской мине 17 октября 1945 г. в Финском заливе. Как и в случае с «Новороссийском», взрыв произошел в районе носовой башни. Вес заряда взрывчатого вещества был эквивалентен 910 кг тротила, это приблизительно столько же, что и при взрыве «Новороссийска». «Киров» принял 2000 т воды, потерял ход на 50 минут, но благополучно был отбуксирован в Кронштадт.

Характер повреждений линкора «Новороссийск» и крейсера «Киров» совершенно различны. Крейсер «Киров» от взрыва магнитной донной неконтактной мины получил контузию корпуса корабля, на днище разо-

[1] Гибель линейного корабля «Новороссийск»/Сост. Б.А. Каржавин. СПб., Политехника, 1992. С. 82—83.

[2] Там же. С. 83—84.

шлись швы и т. п. А линкор «Новороссийск» получил сквозную пробоину.

Многие специалисты исключают возможность срабатывания германской мины через 12 лет[1].

Поэтому можно считать наиболее вероятным источником взрыва диверсию. Первоначально многие специалисты полагали, что взрыв «Новороссийска» — дело рук итальянских подводных диверсантов из 10-й флотилии МАС. Эти диверсанты, которыми командовал князь Валерио Боргезе, прославились подрывом двух британских линкоров «Куин Элизабет» и «Вэлиант» 18 декабря 1941 г. в египетском порту Александрия. После двух взрывов оба линкора легли на грунт. Через несколько месяцев их подняли, а в 1943 г. отремонтировали.

Но, увы, никаких реальных доводов, что взрыв «Новороссийска» — дело рук «черного князя», пока не представлено. Главный аргумент сторонников итальянского следа — итальянцам было обидно, что «Юлий Цезарь» плавает под советским флагом.

Делаются намеки и на личные мотивы. Князь Валерио Боргезе был женат на русской графине Дарье Васильевне Олсуфьевой, эмигрировавшей еще ребенком с родителями в 1918 г. Несколько родственников Дарьи были репрессированы и погибли в ГУЛАГе.

Б.А. Каржавин, один из исследователей гибели «Новороссийска», написал Елене Боргезе, дочери Валерио и Дарьи, письмо с просьбой рассказать о роли князя Боргезе в катастрофе линкора «Новороссийск». Она не ответила.

Интересная версия приводится в статье С.В. Елагина и А.Е. Тараса «Гибель линкора «Новороссийск» 29 октября 1955 г.». По их мнению, атака на «Новороссийск» была проведена британскими сверхмалыми подводны-

[1] Германские фирмы давали гарантийный срок годности электрических батарей на мине в воде — 6 месяцев. Все поднятые в Севастополе германские мины в начале 50-х гг. были небоеспособны.

ми лодками Х-51, Х-52, Х-53 и Х-54. Эти лодки прибыли в Черное море на борту надводного корабля «примерно 24—25 октября. 25—26 октября диверсионные субмарины на буксире больших подводных лодок начали движение к берегам Крыма...

Успешно выполнив атаку линкора «Новороссийск», обе сверхмалые подводные лодки второго эшелона скрытно вышли в открытое море около 3.00 28 октября, где еще до рассвета встретились со своими буксировщиками за пределами территориальных вод СССР».

Акция против «Новороссийска» совпала с натовскими маневрами «Босфор-55», в ходе которых линкор «Нью-Джерси» и пять американских эсминцев пришли в Стамбул (замечу, в нарушение конвенций по проливам).

На мой взгляд, британский след выглядит куда более убедительно, чем итальянский. Но, увы, и эта версия не имеет документальных подтверждений.

Наконец, О.Л. Сергеев в статье «Двойной взрыв», опубликованной в «Независимом военном обозрении», считает, что «гибель линкора «Новороссийск» явилась результатом интриг в отечественном ВПК».

«На основании данных, полученных подкомиссиями, трудно уйти от мысли о возможной причастности к гибели «Новороссийска» отечественных спецслужб.

Реализация программы строительства океанского флота, идеологом и главным действующим лицом которой был Главнокомандующий ВМФ Николай Кузнецов, вступила в противоречие с корпоративными интересами армейского командования, стремившегося к сохранению и поддержанию в боеготовом состоянии многомиллионных группировок Сухопутных войск.

В этих условиях снятие с должности главкома ВМФ за упущения по службе и «крупные недостатки в судостроении» означало крушение военно-морской программы и использование высвободившихся ресурсов в интересах разработки и создания вооружения и военной техники Сухопутных и Ракетных войск...

Симптоматично принятое уже в начале 1956 г. решение уничтожить материалы свидетельских показаний и не возбуждать уголовного дела против непосредственных виновников катастрофы с целью не допустить проведения следствия, которое неминуемо вело к раскрытию истинных причин катастрофы «Новороссийска» и установлению ее заказчиков и исполнителей».

Последняя версия, на мой взгляд, совсем фантастическая, но я не мог не упомянуть ее как из-за оригинальности, так и из-за того, что не только О.Л. Сергеев разделяет ее.

Очередная катастрофа в нашем «бермудском треугольнике» произошла через 20 лет. В 10 часов утра 30 августа 1974 г. большой противолодочный корабль (БПК) «Отважный»[1] прибыл в район ракетных стрельб в районе мыса Херсонес. Здесь уже находились эсминец «Сознательный» и ракетный катер Р-59 (по пеленгу 340 на дистанции 123 кабельтова), ракетные катера «Вихрь» и «Бриз» (по пеленгу 335 в 20 кабельтовых), а также ракетные катера «Буря» и «Зарница» — в кильватере у «Отважного».

Целью учения были контрольные испытания зенитных ракет комплекса «Оса-М», установленных на малых ракетных кораблях (МРК) проекта 1234. А «Отважный» должен был наводить на них авиацию. Неясно,

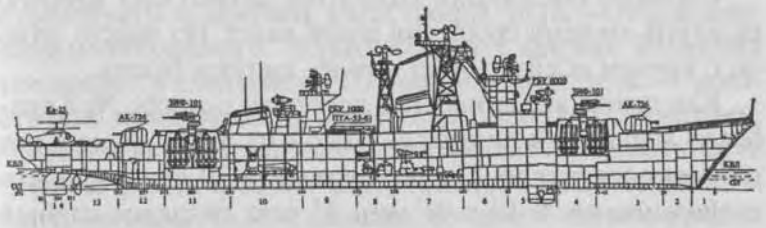
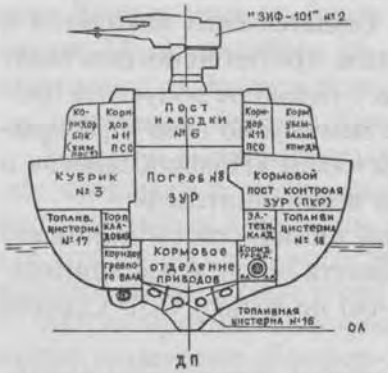

Схема БПК «Отважный» проекта 61.

[1] БПК проекта 61 «Отважный» был построен в Николаеве в 1965 г.

Поперечное сечение БПК пр. 61 по 205-му шпангоуту. Вид в корму.

зачем наводить авиацию на МРК, находившиеся всего в 20 милях от берега? Видимо, членам комиссии было более комфортно находиться на БПК «Отважный», чем на МРК водоизмещением всего 700 т, то есть БПК использовался как яхта.

Но до пусков ракет «Оса» дело не дошло. В 10 ч 01 мин 15 сек в кормовом посту контроля ракет мичман Шупортяк принимал доклады со своих боевых постов и делал переключения. Тут он услышал из погреба № 8 хлопок, свист и тут же увидел вспышку огня у носовой переборки погреба, в районе левого барабана с ракетами. Затем последовала еще одна сильная вспышка, озарившая весь погреб. Появившийся дым начал обволакивать стекло поста. Мичман вроде бы пытался доложить командиру батареи старшему лейтенанту Костину, но тот доклада не получил. Как потом заявил Шупортяк, связь якобы не работала.

Согласно инструкции Шупортяк должен был вручную включить систему орошения водой ракет. Но вместо этого он с криком «Сейчас будет взрыв!» кинулся бежать.

Как потом выяснилось, в ракетном погребе № 8 сработал маршевый двигатель одной из ракет. Время его работы составляло 22 сек. Через 15—20 сек после его срабатывания, в 10 ч 01 мин 35 сек, раздался слабый взрыв (хлопок), сопровождавшийся сотрясением корпуса корабля и повышением шума в районе погреба. Это сработал стартовый двигатель ракеты.

В 10 ч 01 мин 40 сек в погребе № 8 прогремел более сильный взрыв — сработали стартовые двигатели нескольких ракет. Через 20 сек прогремел новый сильный взрыв.

На помощь «Отважному» устремилась целая эскадра кораблей. В 10 ч 30 мин из Стрелецкой бухты вышли малые противолодочные корабли МПК-10 и МПК-62, в 10 ч 32 мин из Севастопольской бухты вышел БПК «Бедовый». В 10 ч 34 мин в сторону «Отважного» двинулось спасательное судно «Бештау», находившееся в море на расстоянии 7 миль от горящего корабля. В 10 час 35 мин из Севастопольской бухты вышло спасательное судно СС-26. В течение последующих 15 минут к «Отважному» подошли тральщики БТ-271, БТ-318 и БТ-259, малый противолодочный корабль МПК-62, буксир СП-15 и др.

С 10 ч 46 мин БПК «Сознательный» и «Бедовый» буксировали «Отважного» к берегу. Но пожар все увеличивался, рвались боеприпасы, горело топливо.

В 15 ч 07 мин начальник штаба Черноморского флота приказал личному составу «Отважного» покинуть корабль. Через полчаса «Бедовый» отдал буксирный конец. В 15 ч 57 мин нос «Отважного» скрылся под водой. До мыса Херсонес оставалось 17,8 мили.

В день катастрофы «Отважного» главнокомандующий ВМФ адмирал Горшков, прибывший в Севастополь, подписал приказ, в котором «для определения обстоятельств и причин катастрофы БПК «Отважный» Краснознаменного Черноморского флота» назначил комиссию в следующем составе: председатель — заместитель главнокомандующего адмирал Н.Н. Амелько, заместитель председателя — заместитель командующего Черноморским флотом контр-адмирал В.А. Самойлов и контр-адмирал Н.В. Соловьев, а также 7 членов комиссии от контр-адмирала до капитана 2 ранга.

Министру обороны маршалу Гречко, вернувшемуся из заграничного визита к 1 сентября, еще на аэродроме

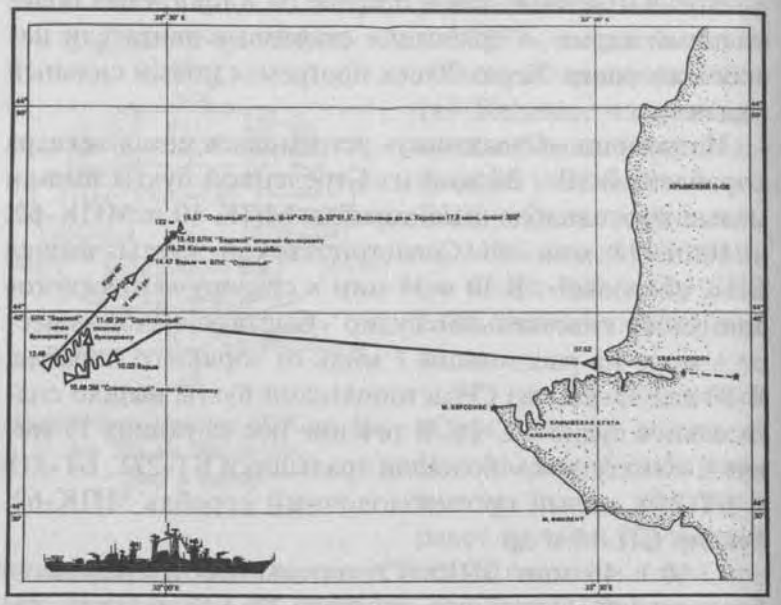

Схема буксировки горящего БПК «Отважный».

доложили о гибели «Отважного». Он сразу же предположил, что это диверсия, и приказал назначить комиссию по расследованию обстоятельств и причин гибели «Отважного» во главе со своим заместителем по вопросам вооружения генерал-полковником Алексеевым. В эту комиссию вошла большая группа генералов и представителей промышленности, проектных и конструкторских организаций.

Комиссия первым делом велела доставить на один из кораблей проекта 61 команду «Отважного» и проверила действие личного состава по сигналу «Боевая тревога» на своих постах, знание своего заведования и обязанностей по его обслуживанию, проверила классность по специальности у личного состава. Результаты были неутешительные — комиссия вынесла заключение о слабых знаниях личного состава. А мичман Шупортяк да-

же не знал, как пользоваться трехпозиционным переключателем и как включить с поста контроля ракет орошение погреба № 8.

Командование ВМФ, рассматривая причины пожара на «Отважном», сделало акцент на возможность срабатывания двигателя ракеты В-601 комплекса «Волна». В заключении комиссии фигурировало 7 возможных причин этого, включая «умышленный запуск двигателя специальным устройством». Мол, проник на корабль диверсант, поставил устройство и убежал.

Итак, повторилось то же самое, что и с двумя утонувшими в Севастополе линкорами: причина гибели окончательно не установлена, виновных найти не удалось. И во всех трех случаях корабли спасали долго и бестолково, и споры о том, как можно было спасти их, не утихли до сих пор.

Но в отличие от «Марии» и «Новороссийска» в случае с «Отважным» большую роль сыграл коммерческий фактор. Ведь комплекс «Волна» поставлялся на экспорт, и начальство сделало все, чтобы скрыть от покупателей истинные причины трагедии.

Глава 2

«БАБЬЕ ЛЕТО» СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ КРЕПОСТИ

После каждой большой войны появляются горе-теоретики, утверждающие, что успеха во всех последующих войнах можно достичь, используя лишь один вид оружия. Так, после Второй мировой войны американское правительство считало, что Третью мировую войну можно выиграть путем стратегических бомбардировок с применением как ядерных, так и обычных бомб.

В отличие от американцев Сталин в 1945—1953 гг. предпочел гармонично развивать все виды вооружения. Именно в эти годы были созданы атомная и водородная бомбы, принята на вооружение баллистическая ракета

Р-2, началась разработка баллистических ракет средней и большой дальности Р-5, Р-12 и Р-7, создавалась стратегическая авиация, мощная система ПВО «Беркут» с зенитными управляемыми ракетами С-25. Но наряду с этим строились и обычные артиллерийские корабли, включая крейсера и линкоры, совершенствовалась береговая оборона.

Сразу же после освобождения Севастополя советские инженеры осмотрели разрушения на башенных батареях № 30 и № 35. Разрушения на батарее № 35 полностью исключали ее восстановление, а вот на батарее № 30 не подлежала восстановлению лишь верхняя часть артиллерийских башен.

В 1947 г. руководством ВМФ был поднят вопрос о восстановлении батареи № 30, но уже не с двух-, а с трехорудийными башнями. Дело в том, что в период с 1925 по 1940 год с линкора «Полтава» («Фрунзе») были сняты 4 трехорудийные башни главного калибра. Две башни были установлены на о. Русском вблизи Владивостока на батарее № 981 (иногда ее называли «Ворошиловской»). Эта батарея вошла в строй в 1934 г. Кстати, она существует и поныне, правда, в законсервированном состоянии. В последний раз 305/52-мм орудия о. Русский стреляли в 1961 г. А в дальнейшем, до 1993 г., стрельба велась с помощью вкладных 45-мм учебных стволиков.

Оставшиеся две башни «Полтавы» в 1941 г. было решено установить на полуострове Ханко, и к 22 июня 1941 г. их погрузили на баржу для отправки к месту монтажа. Война сорвала планы постройки батареи на полуострове Ханко, а сама баржа с башенными установками затонула в 1942 г. и была поднята лишь в 1948 г.

50 лет назад наши инженеры не знали методов сетевого планирования, тем не менее, пока ЭПРОН разрабатывал планы подъема баржи, инженеры Ленинградского Металлического завода прорабатывали варианты переделки корабельных башен в береговую установку МБ-3-12ФМ, а на месте бывшей батареи № 30 уже в 1947 г. начались восстановительные работы.

Интересно, что ни сверхмощные снаряды калибра 60—80 см, ни подрывные заряды немецких саперов не смогли серьезно повредить железобетонный блок батареи № 30. Не было даже сдвигов кирасной брони и кирасного кольца, за исключением небольшой вмятины в кирасе. Взрывной волной были вырваны броневые двери в подбашенных помещениях, но в целом внутренние помещения сохранились.

В 1911 г. инженеры Металлического завода, не мудрствуя лукаво, сделали одинаковые шаровой погон и ряд других установочных частей для трехорудийных башен линкоров и двухорудийных башен береговых батарей. Теперь это оказалось кстати, и трехорудийные башни опускались прямо в колодцы двухорудийных башен 30-й батареи.

В башнях были установлены старые стволы, изготовленные Обуховским заводом в 1913 г. Эти стволы были расстреляны еще до войны, но в 1940—1942 гг. их лейнировали (вставили тонкие внутренние трубы) на заводе «Баррикады». Благодаря лейнированию после расстрела ствола его не надо менять целиком, а достаточно вынуть тонкий лейнер. Поэтому эти стволы сохранились до сегодняшнего дня.

Для увеличения дальности стрельбы угол возвышения в трехорудийных башнях был увеличен с +25° (на «Полтаве») до +40°.

Согласно тактико-техническим требованиям орудийный блок и основной командный пункт батареи должны были выдерживать прямое попадание 458-мм снаряда и фугасной авиабомбы ФАБ-2000, а фактически после постройки батареи выяснилось, что они могут выдерживать прямое попадание лишь 406-мм снарядов американских пушек и фугасных авиабомб ФАБ-1000.

В специальных погребах каждой башни помещалось снарядов: дальнобойных — 90, полубронебойных — 180, бронебойных — 180, фугасных — 90.

Замечу, что большинство 305-мм снарядов в боекомплекте батареи было изготовлено до 1917 г. В 1960-х го-

дах для 305-мм береговых башен в СССР был спроектирован специальный выстрел с ядерной боевой частью. Однако доставлялись ли эти выстрелы на 30-ю батарею и на Ворошиловскую батарею на острове Русском, автору установить не удалось.

Военные инженеры в 1913 г. выбрали место для батареи на открытой местности почти на гребне холма. Для своего времени они поступили вполне грамотно — такая посадка башен обеспечивала максимальный сектор стрельбы, а о точных приборах управления стрельбой тогда и не мечтали. К началу 1950-х годов такое расположение батареи уже не устраивало руководство ВМФ. Но что делать — не начинать же с нуля, тут и временной фактор, и огромные расходы. Тогда пошли на хитрость. Рядом с бывшей батареей № 30 на расстоянии 1 и 2 км с двух сторон от нее стали строить новые береговые батареи, в точности повторявшие очертания новой трехорудийной батареи. Причем новые батареи строили с учетом всех современных требований маскировки, и они удачно вписались в рельеф местности. С вводом в строй новой батареи вошли в строй две «соседки». Туда ездили автомобили, проводились учения личного состава, и т. д. Надо ли говорить, что «соседки» были ложными батареями. Причем был проведен целый комплекс мероприятий с целью убедить вероятного противника в том, что батарея на месте 30-й является ложной, а «соседки» — боевыми. Сама же батарея № 30 была замаскирована так, как будто она и осталась разрушенной.

Приказом главкома ВМС от 13 февраля 1954 г. батарея была принята в эксплуатацию. Позднее на базе батареи был сформирован Отдельный дивизион № 1545 береговой обороны Черноморского флота. 29 октября 1959 г. дивизион был переименован и получил № 459.

Личный состав дивизиона состоял из 223 человек, из которых 8 были офицеры. Для зенитной и противодесантной обороны дивизиону были приданы восемь 57-мм зенитных пушек С-60 и четыре счетверенные 14,5-мм зенитные пулеметные установки ЗПУ-4.

Для управления стрельбой 305-мм орудий на командном пункте батареи была установлена радиолокационная станция орудийной наводки «Залп-Б», созданная в 1953 г. Станция работала в 3-см диапазоне и обеспечивала автоматическое сопровождение цели по двум координатам. Артиллерийский огонь корректировался по всплескам от попадания снарядов в воду. В ходе испытаний РЛС «Залп-Б» устойчиво вела эсминец проекта 30бис в режиме сопровождения на дистанции 320 кабельтовых (58,5 км). Всплески от падения 305-мм снарядов надежно обнаруживались РЛС «Залп-Б» на дистанции 28,7 км, а разрывы дальнобойных снарядов — на дистанции 33,9 км. Кроме РЛС для обнаружения вражеских кораблей на батарее был установлен теплопеленгатор «Астра-2». Опознавание «свой — чужой» производилось с помощью аппаратуры опознавания «Факел-М3».

Государственные испытания батареи были проведены с 5 по 30 октября 1954 г. При стрельбе воздушная волна была столь сильна, что привела к разрушению нескольких жилых строений в совхозе им. Софьи Перовской на расстоянии 300—800 м от башен. Жертв среди населения не было, поскольку ему было предписано заранее покинуть дома.

С 1954 г. и, по крайней мере, до 1959 г. батарея в среднем ежегодно делала 20—30 выстрелов боевыми и уменьшенными зарядами.

В 1966 г. дивизион (то есть башенная батарея) вошел в состав 51-го отдельного ракетного полка, преобразованного в дальнейшем в 417-й отдельный ракетный артиллерийский полк. В 1991 г. дивизион включен в состав 521-й отдельной береговой ракетно-артиллерийской бригады (ОБРАБР). А в 1996 г. 459-й отдельный башенно-артиллерийский дивизион вошел в состав 632-го отдельного ракетного артиллерийского полка.

В настоящее время батарея находится на консервации и принадлежит Российскому Черноморскому флоту. Ее хотят обратить в музей, но статус батареи (дивизиона) до сих пор не определен.

Для защиты южной части района Севастополя вместо 305-мм батареи № 35 после войны было начато строительство 180-мм башенной береговой батареи, которая получила наименование объект «Буря».

Проектирование 180-мм двухорудийных береговых башенных установок МБ-2-180 началось еще в 1931 г. на Ленинградском Металлическом заводе, а заводские испытаний первой башенной установки были закончены 31 декабря 1935 г.

К началу Великой Отечественной войны батареи с башенными установками МБ-2-180 имелись на Северном, Балтийском и Тихоокеанском флотах. На Черном же море только строились или были намечены к постройке шесть 180-мм башенных батарей (Евпатория, мыс Фиолент у Севастополя, Батуми, мыс Панагия и Коп-Такиль, Новороссийск).

180-мм береговая батарея № 330 (объект «Буря»), имела следующее расположение:

Огневая позиция — отрог балки Бермана в 2 км севернее мыса Фиолент.

Командный пункт — оконечность мыса Фиолент (бывшая батарея № 18). Удаление КП от центра батареи — 1648,3 м.

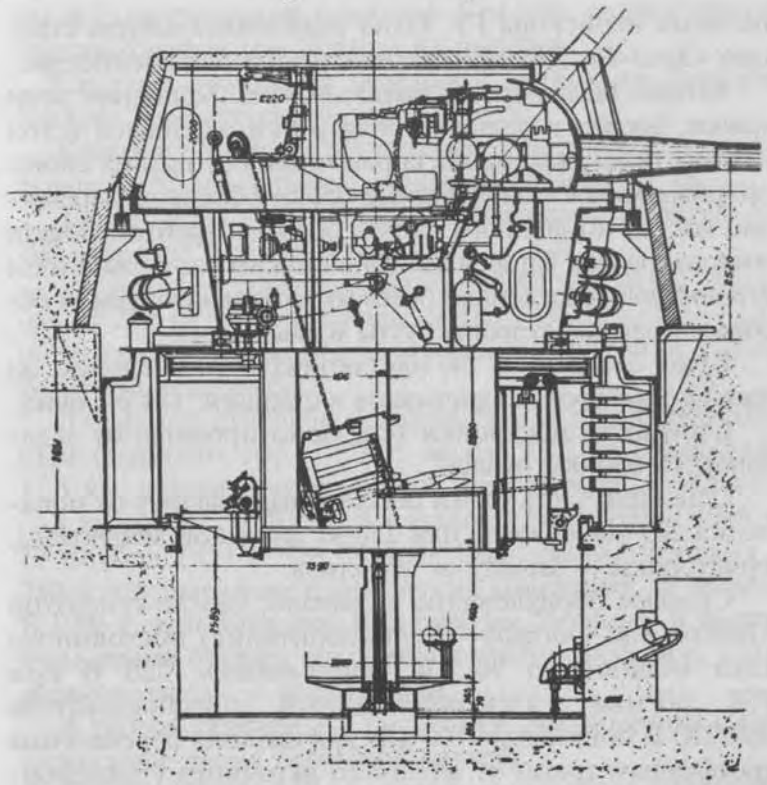
Боковой наблюдательный пункт № 1 — район Языковой балки.

Боковой наблюдательный пункт № 2 — бывший правый компост батареи № 35.

Боковой наблюдательный пункт № 3 — гора Каябаш (бывшая батарея № 21).

Прожекторный пост № 1 — 2,5 км северо-западнее мыса Фиолент.

Прожекторный пост № 2 — 0,5 км западнее бывшего Георгиевского монастыря.

Разрез 180-мм башенной установки Мб-2-180 на береговой батарее № 330.

Директриса стрельбы: 270° (241°30 справа через 0 до 121°30 слева).

Позиция: полузакрытая. Мертвое пространство — 37,5 кабельтовых.

Вооружение: две 180-мм двухорудийные башенные установки МБ-2-180. Боекомплект — 408 снарядов и 840 полузарядов на башню. Расстояние между башнями — 364,8 м.

Система ПУС «Буй». Два 8-метровых стереодальномера ДМС-8б (в бронированной рубке РД-2-8). Один визир центральной наводки ВБК-1. Два башенных при-

цельных перископа ГУ. Одна радиолокационная станция «Залп-Б». Два прожектора. Два теплопеленгатора.

Батарея была хорошо замаскирована. Башенные установки, боевая и дальномерная рубки окрашены в тон местности и покрыты маскировочными сетями на стационарных каркасах; орудийные блоки обсажены деревьями, массив командного пункта обсыпан грунтом. Место жилого городка батареи выбрано с таким расчетом, чтобы его постройки заслоняли огневую позицию батареи от обзора с моря (со стороны бухты Камышовая).

Штат батареи № 14/106 составлял 269 человек, из них 12 офицеров, 73 мичманов и старшин, 184 рядовых.

Стоимость постройки (согласно проектному заданию): 15 600 000 рублей.

Основная часть блока обеспечивала защиту от попадания 203-мм снаряда или 250-кг фугасной авиабомбы, пристройки — защиту от осколков.

Силовое оборудование включало: дизель-генератор «Ruston and Gornsby» (Великобритания) постоянного тока мощностью 90 кВ, напряжением 220 В при 750 об/мин, электромашинный преобразователь 380/220 В мощностью 100 кВт для питания переменным трехфазным током от внешнего источника (трансформаторная подстанция 6000/380 В заглубленного типа между орудийными блоками).

Запас дизельного топлива составлял 2200 л: две емкости по 2000 л и расходный бак емкостью 220 л. (на 135 часов непрерывной работы дизеля).

Водоснабжение блока (часовое потребление 2,64 кубометра) обеспечивалось от внешней сети (артезианская скважина и запасной подземный резервуар емкостью 50 кубометров).

Система воздуха высокого давления (для артустановок) состояла из электрокомпрессора К-7 и 9 баллонов (в блоке) суммарной емкостью 450 л.

Вентиляция помещений блока — приточно-вытяжная искусственная (электровентиляторы). На заборных и выбросных каналах имелись волногасительные каме-

ры и герметические клапаны. Средств коллективной противохимической защиты не имелось.

Система отопления водяная с котлом на твердом топливе и естественной циркуляцией.

Командный пункт оборудован в бетонном массиве бывшей 152-мм четырехорудийной батареи № 18.

Запасные погреба боезапаса — два вместимостью по 200 снарядов и 400 полузарядов каждый.

Убежище — одно вместимостью 40 человек с защитой от 250-кг фугасной авиабомбы. Газоубежище — одно (в жилом городке) на 45 человек с защитой от 250-кг фугасной авиабомбы.

Дальность стрельбы батареи № 330 полубронебойным снарядом обр. 1928 г. весом 97,5 кг составляла 37,5 км, а фугасным снарядом того же веса — 38,6 кг.

Строительство батареи началось 25 сентября 1946 г. 17 ноября 1951 г. эта батарея была реорганизована в 330-й отдельный артиллерийский башенный дивизион. В 1996 г. этот дивизион был передан Украине. В настоящее время батарея находится в стадии разборки, а говоря по-русски — расхищения.

А теперь перейдем к последней построенной в послевоенное время береговой батарее.

Стационарная 130-мм четырехорудийная береговая батарея № 623 была сформирована приказом командующего Черноморским флотом № 00354 от 21 мая 1944 г., то есть через 9 дней после завершения советскими войсками штурма и освобождения Севастополя от немцев. Первоначально батарея входила в состав 118-го артиллерийского дивизиона береговой обороны главной базы Черноморского флота.

Для установки батареи Инженерным отделом Черноморского флота была выбрана бывшая огневая позиция (бетонный массив с четырьмя орудийными двориками еще дореволюционной постройки) 152-мм батареи № 18 на самой оконечности мыса Фиолент. В несколвких десятках метров юго-восточнее огневой позиции был построен командный пункт батареи.

Поскольку в районе мыса Фиолент началось строительство башенной 180-мм батареи № 330 (объект «Буря»), командный пункт ее решили разместить в массиве бывшей 18-й батареи. Поэтому 623-ю батарею пришлось переместить на новую огневую позицию. Место для нее было выбрано на пологом склоне возвышенности примерно в 1 км южнее. На новое место на западном берегу мыса Фиолент был перенесен и командный пункт батареи.

Вскоре после переноса на новую позицию батарея была поставлена на консервацию. В марте 1957 г. она вошла в состав вновь сформированного в Севастополе 778-го отдельного артиллерийского полка береговой обороны Черноморского флота (войсковая часть № 90135). До начала 1990-х годов территория новой огневой позиции батареи находилась в ведении Береговых ракетно-артиллерийских войск Черноморского флота. Из этого района ежегодно производились учебные стрельбы подвижных береговых ракетных и артиллерийских комплексов. Подземные сооружения бывшего батарейного КП также использовались во время учений.

После распада СССР и начавшегося сокращения Черноморского флота территория батареи была передана городскому совету Севастополя. Последние годы здесь ведется активное дачно-коттеджное строительство. В результате часть огневой позиции с орудийными блоками № 1 и № 2 попала под застройку, но блоки № 3 и № 4 с прилегающими к ним подземными сооружениями, а также командный пункт пока сохранились и доступны для осмотра.

Орудийные блоки батареи представляют собой железобетонные сооружения, имеющие в плане вид восьмиугольника. В центре блока расположен круглый орудийный дворик с фундаментом под 130-мм морскую артиллерийскую установку системы Б-13-3С. Казенная часть орудия и наводчики были защищены стальным броневым щитом (так называемой полубашней), а сам

дворик прикрывался сверху вращающимся на роликах броневым куполом системы инженера Вылкоста (такие же купола были установлены на 130-мм орудиях 1020-й (бывшей 19-й) батареи в Балаклаве). Орудия и купола были демонтированы с батареи еще в начале 1960-х годов, но их крепления и массивные литые роликовые погоны сохранялись до последних лет, пока не были уничтожены мародерами охотниками за металлом.

Внутри блока вокруг орудийного дворика проходит закрытая кольцевая галерея с окнами для подачи снарядов и пороховых зарядов к орудиям. В полу галереи имеются каналы для кабельных трасс, а на стенках сохранились крепления для приборов. С двух сторон к галерее примыкают помещения с нишами для хранения окончательно снаряженного боезапаса первой подачи. Эти ниши имеют металлические стеллажи для снарядов и пороховых зарядов и могли герметически закрываться стальными дверцами, ныне украденными.

Все четыре орудийных блока соединяются между собой потерной, сложенной из бутового камня с железобетонным перекрытием. Сейчас примерно половина этой потерны отгорожена дачниками глухой каменной стенкой во избежание несанкционированного проникновения на их фазенды из-под земли. Входы в потерну располагались в промежутках между орудийными блоками. Для естественного освещения потерна имеет световые люки, защищенные металлическими решетками и съемными стальными крышками (разумеется, ныне украденными). К потерне примыкали помещения основных снарядных и зарядных погребов. Снаряды хранились в погребах в штатных деревянных ящиках, отдельно от взрывателей. Пороховые заряды, упакованные в герметические пеналы, лежали на специальных стеллажах (остатки стеллажей до сих пор сохранились в погребе 4-го орудия). Погреба имели систему принудительной вентиляции: напротив них в стенах потерны имеются ниши с выходящими в них маховиками герметических клапанов и фундаментами вентиляторов.

Для самообороны огневой позиции батареи между орудийными двориками и на флангах были построены 4 стрелковые огневые точки в виде небольших цилиндрических железобетонных колпаков с амбразурами. По команде «оборона с суши» колпаки занимались бойцами с ручными пулеметами. В последние годы дачники использовали два из них в качестве фундаментов для бетонных водяных резервуаров.

Амбразуры могли закрываться изнутри стальными заслонками. Доступ в огневые точки осуществлялся через люки в потолке потерны. Как ни странно, но и заслонки и крышки люков до сих пор уцелели.

Командный пункт батареи расположен примерно в 500 м юго-западнее, практически на самом обрыве западной части мыса Фиолент. КП построен в виде заглубленного в землю бункера с каменными стенами и железобетонным перекрытием толщиной около метра.

В потолке рубки имеется круглое отверстие, через которое выходила наружу верхняя часть оптического визира (перископа) центральной наводки ВБК-1. В боевой обстановке на этом визире работали командир батареи и матрос-наводчик. Здесь же располагалась часть приборов системы управления стрельбой «Москва-ЦН».

Основные приборы «Москвы» располагались этажом ниже — в помещении центрального поста. Здесь были установлены центральный автомат стрельбы (аналоговое вычислительное устройство разработки еще конца 1930-х годов) и ряд других устройств.

И в заключение стоит сказать еще об одной уникальной береговой батарее, аналогов которой не было ни в СССР, ни на Западе. В отличие от других батарей она была мобильной, то есть могла перевозиться штатными армейскими тягачами АТТ. В состав батареи входили 4 артсистемы 152-мм СМ-9.

Это была самая мощная в СССР, да и, видимо, во всем мире специальная береговая мобильная установка. Проектирование 152-мм подвижных береговых установок началось еще в 1941 г. Так, в конце 1941 г.

в томской группе ОКБ-172 были выполнены эскизные проекты установки 152-мм качающихся частей МУ-2 и Б-38 на гусеничные лафеты полевой 203-мм гаубицы Б-4, а также проект установки МУ-2 на возимом основании (проект МУ-2П).

В 1941 г. в Артиллерийском НИИ (АНИИ) был разработан аванпроект 152-мм береговой подвижной установки АМ-1-152 с качающейся частью от МУ-2. Угол вертикального наведения установки составлял 0°; +40°; угол горизонтального наведения 360°. Приводы наведения ручные, скорость вертикального наведения 3 град./с, скорость горизонтального наведения 2 град./с. Подача боеприпасов ручная.

На основе аванпроекта АМ-1-152 в МАЦКБ[1] под руководством А.Г. Гаврилова была начата разработка 152-мм установки на мехтяге СМ-9. Технический проект был закончен в 1945 г., а в 1947 г. заводу № 172 (г. Пермь) был выдан заказ на изготовление одного опытного образца установки СМ-9. Выбор этого завода для изготовления СМ-9 непонятен, поскольку он в советский период не изготавливал подобных орудий. Поэтому качающаяся часть и нижнее основание с шаровым погоном изготавливались заводом № 232. К концу 1948 года завод № 172 изготовил все заказанные ему конструкции, но собрать установку не мог, так как основания с шаровым погоном не были доставлены с завода № 232. В начале 1949 г. установка была собрана и прошли заводские испытания в Перми. С 25 августа 1949 г. по декабрь 1949 г. на НИАПе проведена вторая часть заводских испытаний, которая не могла быть выполнена по условиям полигона завода № 172. Испытания выявили много конструктивных недоработок. В мае — июне 1950 г. в Ленинграде прошли полигонные испытания, а в феврале 1952 г. — Государственные ис-

[1] МАЦКБ — Морское артиллерийское центральное конструкторское бюро.

пытания. Однако СМ-9 на вооружение принята не была, а направлена на доработку.

В ЦКБ-34 под руководством Б.С. Короткова система была доработана и получила индекс СМ-9-1. В конце 1954 г. 4 качающиеся части к СМ-9-1 были изготовлены на заводе № 232, затем отстреляны на НИМАПе[1] на полигонном станке, приняты ВМФ и в I квартале 1955 г. отправлены на завод № 221.

В 1955—1956 гг. на заводе «Баррикады» было изготовлено 4 установки СМ-9-1. Комплекс в составе четырехорудийной батареи в сентябре — ноябре 1956 г. в районе Севастополя прошел государственные испытания.

Артустановка государственные испытания выдержала, а комиссия по результатам испытаний отметила, что артустановка легко осваивается личным составом, имеет лучшую кучность по сравнению с железнодорожной при одинаковой баллистике, устойчива на походе при достаточной проходимости и маневренности, но переход из походного положения в боевое занимает много времени. В состав комплекса рекомендовано включить систему ПУС «Бурея» и артиллерийскую радиолокационную станцию управления огнем «Бурун».

В 1957 г. Артиллерийское управление ВМФ приняло решение о нецелесообразности принятия на вооружение ВМФ установки СМ-9-1, так как ее тактико-технические характеристики имеют незначительные преимущества перед 130-мм установкой СМ-4-1.

Здесь стоит заметить, что руководство Артуправления сравнило нечто с пальцем, а затем заявило, что у нечто есть лишь незначительные преимущества перед пальцем.

На самом деле боеприпасы и баллистика у 130-мм установок СМ-4-1 были идентичны 130-мм установкам СМ-2-1, установленным на эсминцах проекта 56, а у

[1] НИАП — Научно-исследовательский артиллерийский полигон. НИМАП — Научно-исследовательский морской артиллерийский полигон.

СМ-9-1 боеприпасы и баллистика идентичны 152-мм установкам МК-5бис, установленным на крейсерах проекта 68бис.

Установки СМ-4-1 давали дальность 22,2 км. Вес снаряда 33,4 км, вес ВВ в фугасном снаряде 1,4 кг. Сравним: у СМ-9-1 дальность стрельбы 30,2 км, вес снаряда 55 км, вес ВВ в снаряде 6,3 кг.

А в перспективе в 1970-х годах у нас и у американцев на вооружение поступили 152-мм специальные снаряды с ядерными боевыми частями, а 130-мм так и не смогли сделать.

152-мм самонаводящиеся (корректируемые) снаряды у нас состояли на вооружении свыше 20 лет, а над аналогичными 130-мм снарядами свыше 30 лет бьются сотрудники целого ряда институтов. Проектов много, а родить ничего не могут.

Ни в одной стране мира не нашлось умников, которые бы сказали, зачем строить крейсера со 152-мм артиллерией, когда они по сравнению с артиллерией эсминцев имеют лишь «незначительные преимущества».

Приказом главкома ВМФ № 0065 от 12 марта 1957 г. 152-мм установка СМ-9-1 в составе батареи была принята к боевой эксплуатации на Черноморском флоте, в серийное производство не рекомендована.

К 1 января 1984 г. все четыре установки СМ-9-1 находились на складе Черноморского флота.

Качающаяся часть СМ-9-1 взята от артустановки МУ-2МБ. Ствол состоит из лейнера, моноблока и казенника. Затвор поршневой двухтактный. Привод затвора ручной, усилие на рукояти затвора до 10 кг. Заряжание картузное. Снаряд досылается ручным прибойником, а заряд — вручную.

Люлька литая цилиндрической формы. Тормоз отката гидравлический веретенного типа. Накатник пневматический. Механизм вертикального наведения секторного типа, привод ручной, усилие на маховик до 10 кг. Механизм горизонтального наведения имел также ручной привод. Шаровой погон имел один ряд шаров.

Основание представляло собой сварной корпус с 6 сварными станинами, из которых две хребтовые и четыре откидные. В концы станин вмонтированы винтовые домкраты. На походе основание является рамой лафетной повозки.

Бронирование состояло из правого и левого щитов, прикрывающих наводчиков, а также двух съемных щитов, прикрывающих заряжающих.

Установка СМ-9-1 перевозилась на двух повозках: лафетной и ствольной. Обе повозки имели передний и задний двухскатные хода с торсионным подрессориванием. Колеса 12х20 с шиной ГК. Возка системы производилась гусеничным тягачом АТТ со скоростью до 30 км/час. Боекомплект и различное имущество перевозилось на автомобилях ЯАЗ-210А.

Специально для установки СМ-9-1 ЦКБ-34 сконструировало командно-дальномерный подвижный пост СМ-30-1. Завод «Баррикады» изготовил один такой пост. Высота линии визирования над местом установки — от 7,5 до 20 м. Вес повозки поста в походном положении — 12,6 т. Наибольшая скорость передвижения повозки 30 км/час.

1991 год стал концом существования береговой артиллерии в Крыму. В настоящее время все береговые батареи Севастополя, за исключением башенного дивизиона № 459, являются местами добычи «старателей», уничтожающих уникальные сооружения, которые могли бы стать достопримечательностями Севастополя и привлекать десятки тысяч экскурсантов за сезон.

Глава 3

ОБЪЕКТ К-825

Многие читатели видели фильм «Подводная лодка». Там германская субмарина прошла буквально через огонь, воду и медные трубы в Средиземке и Атлантике, но была потоплена союзной авиацией в родной базе у причала. Всего немцы за войну потеряли в своих базах от действия вражеской авиации 67 подводных лодок, или 8,6% от всех лодок, потопленных противником.

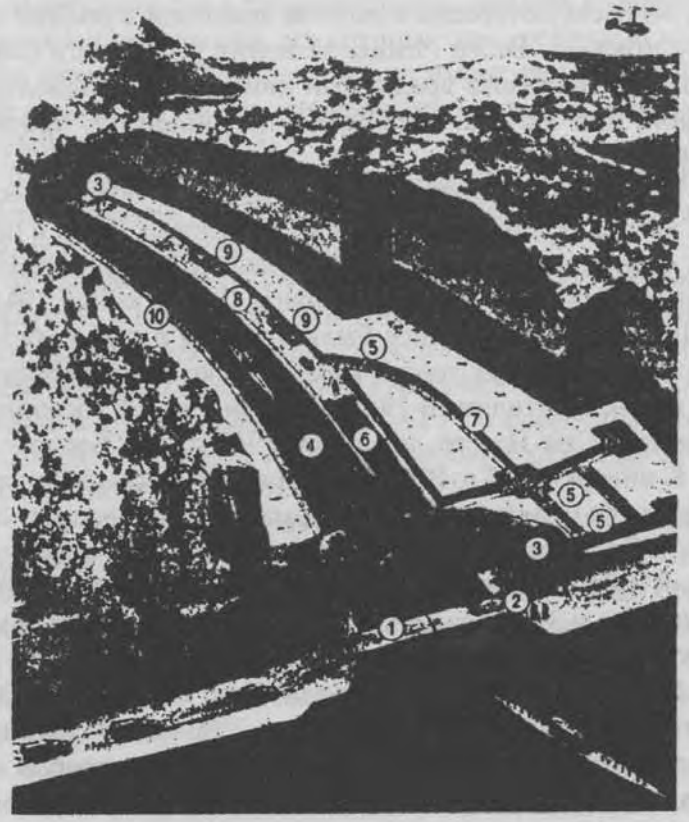
В принципе потерь могло быть много больше, если бы немцы не построили в своих передовых базах в портах французского побережья Бискайского залива бетонные укрытия для подводных лодок. Так, к концу 1941 г. в Лориане и Ла-Паллисе были введены в строй убежища для подводных лодок, каждое из которых рассчитано на две флотилии. В 1942 г. вошли в строй убежища в Бресте и Сен-Назере, а в марте 1943 г. — в Бордо.

К январю 1943 г. ВВС Англии и США начали интенсивные бомбардировки баз германских подводных лодок в Бискайском заливе. С января по май (включительно) 3568 тяжелых бомбардировщиков сбросили 5429 т фугасных и 3704 т зажигательных бомб. При этом союзники потеряли 98 бомбардировщиков.

Всего же в 1943 г. на Лориан было сброшено 4500 т фугасных бомб, а на Сен-Назер — 2000 т. Оба французских городка были полностью разрушены, погибли несколько тысяч мирных граждан. Но, увы, в укрытиях Лориана, Сен-Назера и других баз Бискайского залива не погибло ни одной германской подводной лодки.

Надо ли говорить, что с появлением ядерного оружия уязвимость подводных лодок в незащищенных базах резко возросла. А Севастополь находится менее чем в 300 км от Турции — участника блока НАТО, где были размещены базы ВВС США.

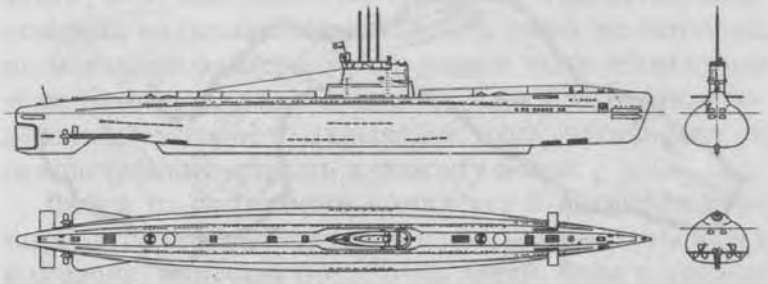
И вот в середине 1950-х годов было решено построить в районе Севастополя первый в СССР подземный комплекс по ремонту и укрытию средних подводных лодок проекта 613. Выбор пал на Балаклаву, бухта которой до войны вообще не использовалась в военных целях.

План-схема подземного завода с морским судоходным каналом — объект К-825 в Балаклаве.

Летом 1957 г. в Балаклаве появились маркшейдеры Министерства специальных монтажных работ. Активно участвовали в работах инженеры и рабочие «Метростроя». Работали круглосуточно, в 4 смены. Закончилось строительство в 1961 г.

Согласно первоначальным планам, внутри скалы высотой 130 м, нависшей над Балаклавской бухтой, должны были быть созданы комплекс из четырех сухих доков и судоремонтный завод, где одновременно могли

Подводная лодка пр. 613.

ремонтироваться четыре средние подводные лодки. Но в конце концов построили завод и только один док. Соответственно уменьшилось и число укрытий для подводных лодок.

В окончательном варианте внутри объекта К-825[1], как назвали комплекс, могли поместиться одновременно 7 подводных лодок проектов 613, 613В, 644 и А615.

Из Балаклавской бухты подводная лодка, своим ходом зайдя в начало канала, после прохождения батопорта перемещалась специальной системой тросов, лебедок и крутящихся барабанов по полукилометровой штольне. Это было уникальнейшее сооружение, построенное как в подводной части Балаклавской бухты, так и на уровне воды в скале высотой 130 м.

Подземный судоремонтный завод в Балаклаве строился в противоатомном отношении первой категории устойчивости. Подземный сухой док имел длину 70 м, ширину 10 м и глубину 7,5 м.

Инфраструктура подземного комплекса позволяла, полностью изолировав себя от внешнего мира с перекрытием подводных шлюзов, автономно осуществлять ремонт лодок, выпуская их периодически через специа-

[1] В некоторых материалах комплекс именовался «объект ГТС-825».

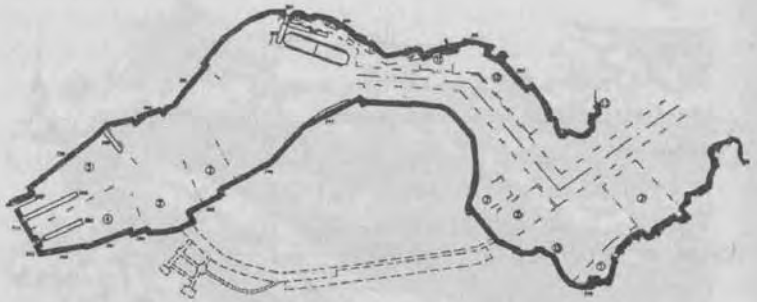

Схема подземного канала для подводных лодок в Балаклаве.

льный шлюз прямо в море, а также укрывать в штольнях при ядерном ударе около тысячи человек.

Персонал объекта К-825 считался отдельной воинской частью; штатная должность командира — капитан 2 ранга. Военнослужащие, рабочие и служащие части имели свои привилегии, так как трудились под землей на вредном производстве. Рабочий день был сокращенным, и каждому ежедневно выдавался стакан молока.

В военное время предусматривалось развертывание госпиталя на 50 коек. В 1967 г. была сформирована 14-я дивизия подводных лодок, и в подземных сооружениях объекта К-825 оборудовали ее «защищенный командный пункт». Причем командный пункт с узлом специальной связи, блокировавшимся дополнительной системой герметичных дверей.

Канал длиной 506 м проходит насквозь через гору. Ширина канала от 6 до 12 м, глубина 6—8 м. Рядом с каналом размещалась производственная потерна длиной 300 м.

Самый большой диаметр штольни достигал 22 м. Со стороны бухты вход в штольню перекрывался многотонным плавучим батопортом, изготовленным по специальном проекту на 54-м механическом строительном

заводе Черноморского флота. Батопорт поддували воздухом, и он всплывал. Это позволяло полностью закупоривать подземный объект. Точно такой же батопорт, но меньшего размера, установили в подземном сухом доке. Подводная лодка вводилась в док в надводном положении, батопорт закрывался, воду откачивали, и можно было приступать к ремонту лодки.

Выход из подземного комплекса в открытое море также перегораживался батопортом, который отводился в сторону, выпуская подводные лодки. Вход в подземный комплекс со стороны Балаклавской бухты был настолько искусно замаскирован, что найти его было невозможно даже с близкого расстояния.

Таким образом, комплекс был полностью изолирован от внешней среды. Его защита позволяла выдержать прямое попадание атомной бомбы мощностью до 100 килотонн.

Канал и док имели дугообразную форму, что облегчало обслуживание стоящих в них подводных лодок. В одной стороне канала работали специалисты, обеспечивавшие загрузку торпед, а в противоположной находился цех, где торпеды готовили к использованию, в частности заряжали кислородом. Затем по рельсам на тележках торпеды доставлялись в любую часть штольни для загрузки на подводные лодки.

Кроме загрузки боезапаса подводные лодки могли подзарядить свои аккумуляторные батареи, для чего стояли мощные генераторы. Осуществлялся подвод воды и солярки. Таким образом, подводная лодка, придя с боевой службы, могла пройти все необходимые виды техобслуживания и ремонта, а затем выйти в полном снаряжении из подземного комплекса.

Обслуживали комплекс не один десяток человек. Около 100 человек — промышленно-производственный персонал, 38 доковых рабочих и 42 человека входили в состав группы технических систем, которые обслуживали инженерные системы подземного объекта.

47 человек подразделения ВОХР несли постоянную службу на трех постах: на входе и выходе из тоннеля и возле дока.

Последним руководителем спецкомплекса был капитан 3 ранга А.В. Туницкий, который до самого конца, до распада Советского Союза, командовал этим уникальным сооружением.

Общая подземная площадь всех помещений комплекса составляла 11 тыс. кв. м, объем превышал десятки тысяч кубометров, длина канала была больше ширины Балаклавской бухты, высота отдельных помещений достигала высоты трехэтажного дома.

Южнее, рядом с подземным каналом, был построен спецсклад — хранилище для ядерных боеприпасов, а в северной части — защищенное хранилище для топлива.

Склад для топлива был построен в виде подземных вертикальных емкостей и позволял хранить до 4 тыс. т нефтепродуктов. Под защитой многометровой толщи скального грунта из хранилища по узкоколейной железной дороге подвозили и загружали у подземного причала продовольствие, запасные части, торпеды, артиллерийские снаряды и другие необходимые грузы. Здесь же размещалась мастерская по профилактическому осмотру и ремонту узлов и деталей подводных лодок.

Западный выход из канала закрывался специальным сооружением, состоящим из сборных железобетонных плит шириной 2 м, длиной 10 м и высотой 7 м.

Более 20 лет на подземном судоремонтном заводе ремонтировались подводные лодки. В среднем подводная лодка находилась в доке до месяца.

В 1984 г. на объекте К-825 произошел забавный инцидент. Главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами государств — участников Варшавского Договора Маршал Советского Союза В.Г. Куликов осматривал этот объект. Планом был предусмотрен показ возможности ремонта лодок в доке и укрытия их в объекте. Командование дивизии решило не отвлекать

для показа подводные лодки, находившиеся на боевом дежурстве или занятые боевой подготовкой. Поэтому в канал объекта К-825 заранее завели три готовящиеся в ремонт и списанные подводные лодки. «При выходе из объекта, у памятника старшему матросу Борису Нечаеву, планировалось вручить маршалу макет субмарины в память о посещении дивизии и Балаклавы. Все шло строго по плану. Заслушав доклад сопровождающих об укрытии в канале нескольких лодок и увидев это своими глазами, маршал вдруг дал приказание командующему флотом подготовить одну из этих лодок для перехода в Севастополь, на ней он решил выйти сам. Вокруг воцарилась тишина, почти как в «Ревизоре» — немая сцена. Вышестоящие смотрят вопросительно на подчиненных: командующий — на командира дивизии, тот — на начальника штаба, взор которого устремился на командира бригады, крайним оказался самый младший — командир подводной лодки. Что делать? Первым понял ситуацию и нашел остроумный выход начальник штаба дивизии: он доложил свое предложение шепотом командиру дивизии, тот — командующему флотом, наконец, прозвучал доклад маршалу, что для вывода корабля из объекта необходимо 2 часа, далее 1 час на экстренное приготовление к бою и походу, а сам переход в Севастополь займет 4 часа. Таким образом, только через 7 часов маршал будет в Севастополе. Если же на машине, то через 20 минут. Тем более что планом его дальнейшей работы на флоте было предусмотрено посещение соединения морской пехоты. Конечно, такой продолжительный по времени переход на лодке маршалу не понравился, он отменил свое приказание, и все сопровождавшие его лица вздохнули с облегчением»[1].

Несколько слов стоит сказать и о подводных лодках Черноморского флота. Там были только дизельные лод-

[1] Подводные силы Черноморского флота. С. 156.

ки, а ввод в строй Черноморского флота атомных подводных лодок был нецелесообразен из-за замкнутого театра военных действий. Дело в том, что в соответствии со статьей 12 Конвенции о режиме проливов, подписанной рядом государств, в том числе и СССР, 20 июля 1936 г. в Монтрё (Швейцария), черноморские государства имеют право проводить свои подводные лодки через черноморские проливы только при следовании их на ремонт вне верфей Черного моря или к новому месту базирования. Проход проливами разрешается в одиночку, то есть в зоне проливов может находиться в состоянии транзита лишь одна иностранная подводная лодка, притом в светлое время суток и только в надводном положении. При необходимости подводные лодки могли проходить проливы в сопровождении надводных кораблей. Исходя из этой Конвенции, наши лодки совмещали боевую службу в Средиземном море с последующим ремонтом в Лиепае на Балтике и возвращением таким же образом в пункты базирования на Черном море.

Другой вопрос, что среди моряков циркулировали слухи, что какие-то наши подводные лодки скрытно, в подводном положении, проходили в оба конца проливы.

Официально же первая подводная лодка Черноморского флота вошла в Средиземное море 10 ноября 1964 г. Это была С-70, которой командовал капитан 2 ранга В.И. Бежанов. А на следующий день проливы прошла С-74. (Обе лодки проекта 613.) 18 декабря С-70 и С-74 вышли из Средиземного моря и 29 декабря 1964 г. прибыли в ВМБ Лиепая. Там они провели навигационный ремонт и докование. Завершив 15 апреля ремонт в Лиепае, С-70 и С-74 вновь вышли на боевую службу в Средиземное море, но уже несли ее в составе смешанной эскадры. 20 июня 1965 г. лодки вернулись в Балаклаву.

Всего в Средиземном море в 1964 г. несли боевую службу 9 лодок, 18 надводных кораблей и 16 вспомогательных судов Черноморского, Северного и Балтийского флотов. На следующий год там было уже 28 лодок, 24 корабля и 37 вспомогательных судов. Для кораблей боевой службы в 1964 г. было подано 23 800 т топлива, продовольствия, технического имущества, других материальных ценностей, а в 1965 г. — 32 380 т. В последующие годы эти цифры продолжали расти.

В 1959 г. Турция разрешила разместить на своей территории 865-ю эскадрилью стратегических ракет армии США. На ее вооружении состояли тридцать 50-тонных ракет «Юпитер» с дальностью полета 3180 км. Ракеты несли моноблочные боеголовки мощностью 1 мегатонна. Говорят, что Хрущев пришел в бешенство, когда кто-то сказал, что сейчас, мол, в Турции нацеливают «Юпитер» на его дачу.

Естественно, что правительство СССР предприняло ряд ответных мер. Одной из них стал переход в 1960 г. в Черное море по внутренним водным путям двух подводных лодок проекта 644, каждая из которых несла по две крылатые ракеты П-5. При нормальных условиях (+20°С) дальность стрельбы их составляла 574 км, а средняя скорость 345 м/с. Для того времени это было достаточно эффективное оружие. Ракеты П-5, запущенные у нейтральных вод Черного моря, могли поразить любой объект на территории Турции, а поразить Стамбул — даже стреляя из своих баз в Балаклаве и Севастополе.

Первые две подводные лодки проекта 644 С-46 и С-69 были введены в состав 155-й бригады подводных лодок в ноябре 1960 г. и стали базироваться на Балаклаву. Их габариты позволяли входить в канал объекта К-825.

21 сентября 1961 г. на подводной лодке С-69 побывали первый и второй летчики-космонавты майоры Ю.А. Гагарин и Г.С. Титов и под флагом командующего

Черноморским флотом адмирала С.Е. Чурсина выходили в море на рейд Балаклавы. После погружения космонавты прошли по всем отсекам, а потом в центральном посту Г. Титов долго наблюдал за работой рулевого на горизонтальных рулях. Космонавты отметили сходство обстановки на подводной лодке с космическим кораблем. Видимо, они поделились своими впечатлениями о посещении лодки с космонавтами отряда, так как после них на лодке в том же году побывали летчики-космонавты А.Г. Николаев и П.Р. Попович.

Несколько позже на Черное море по внутренним водным путям прибыли дизельные подводные лодки — носители ракет П-5: С-158 и С-162 (проекта 644), С-164 (проекта 665), Б-67 и Б-318 (проекта 651).

Все ракетные лодки в 1960—1980-х годах не реже, чем один раз в год, проводили ракетные стрельбы. Так, в 1980 г. подводная лодка С-158 произвела двухракетный залп по квадрату 4 х 4 км[1] в западной части Черного моря, в центре которого был установлен деревянный щит. При этом одна ракета П-5Д попала внутрь квадрата, а другая упала рядом со щитом.

Следует заметить, что в ракете П-5Д за счет применения высокоточного радиовысотомера РВ-5М удалось снизить высоту полета ракеты с 400 м (у первых образцов П-5) до 250 м, что с учетом сверхзвуковой скорости и малого полетного времени (10—20 минут) затрудняло ее перехват. Мощность специальной боевой части у ракеты П-5 составляла 200 килотонн, а позже была доведена до 650 килотонн. Таким образом, на Черном море подводные лодки с ракетами П-5 продолжали оставаться грозным оружием и могли успешно поразить любые объекты на территории Турции.

Следует заметить, что в 1970-х годах использование этих лодок и ракет П-5 в Атлантике по территории США уже не имело шансов на успех, но в Черном море

[1] 4 х 4 км — типовая мишень для ракет П-5.

в условиях подавляющего господства советского флота и авиации ракеты П-5 продолжали оставаться эффективным оружием даже в 1980-х годах.

Замечу, что ракетные подводные лодки базировались на Балаклаву и ни разу не выходили в Средиземное море. Там действовали ракетные лодки Северного и Балтийского флотов.

В итоге 30 марта 1967 г. была сформирована 14-я дивизия подводных лодок в составе 153, 155, 27-й бригад и 381-го дивизиона подводных лодок. Управление дивизии находилось в Балаклаве.

14-я дивизия подводных лодок представляла собой крупное флотское соединение, подчиняющееся непосредственно командующему Черноморским флотом. Она базировалась в трех военно-морских базах Крыма, имела в своем составе 47 подводных лодок, из них больших — 1, средних — 34, малых — 12. Суммарный торпедный залп дивизии по морским и береговым целям — более 400 торпед, ракетный залп — 6 крылатых ракет П-5Д. Миноподъемность дивизии — около 400 мин, состоящих на вооружении на период создания дивизии.

В 1964 г. в ВМФ СССР было введено понятие «боевая служба», и черноморские лодки начали выполнять соответствующие задачи в Черном море. Ракетным подводным лодкам нарезался район боевого патрулирования, где они маневрировали, находясь в суточной готовности к ракетной стрельбе по береговым объектам с получением приказания. А управление ракетными подводными лодками осуществлялось непосредственно Генеральным штабом. Лодки перед сеансом связи 10—12 часов находились на постоянном курсе, затем всплывали на перископную глубину на сеанс связи и определение своего места. И так до следующего сеанса связи.

Торпедным лодкам нарезались районы поиска, как правило, находящиеся на удалении не менее 17 миль от турецкого берега. Почему именно столько? СССР определил свои территориальные воды шириной 12 миль.

По принципу взаимности мы принимали турецкие территориальные воды также шириной 12 миль, хотя фактически они составляли 6 миль. Дополнительно к 12 милям добавлялись 5 миль на ошибку в знании своего места. На флоте эти 5 миль называли «главкомовской поправкой». Нарезались районы зарядки аккумуляторных батарей вне районов поиска, или же зарядку производили в обследованной части района поиска на максимальном удалении от берега.

Если в 1964 г. боевую службу в Черном море выполняли три подводные лодки, то впоследствии их количество постоянно росло. В 1969 г. Черноморскому флоту была поставлена задача: «Осуществлять боевое патрулирование в Черном море одной ракетной подводной лодкой в суточной готовности к нанесению удара и одной торпедной. Периодически, исходя из обстановки на театре, вести наблюдение у пролива Босфор лодками, надводными кораблями во взаимодействии с ВМФ НРБ».

В результате в 1969 г. в Черном море боевую службу несли уже 8 подводных лодок дивизии, а в 1970 г. — 11 лодок. До 1975 г. ежегодно в Черном море на боевой службе находилось 10—11 подводных лодок. Лодки практически сменяли друг друга в море день в день. Нагрузка на торпедные лодки была велика. Некоторые из них дважды в году несли боевую службу, например, в 1974 г. экипажи С-70, С-217 и С-348. Ракетных лодок для постоянного патрулирования не хватало. Они по одному разу в год выходили на боевую службу, зато в боевом дежурстве стояли больше, чем торпедные.

В 1984 г. в районе Севастополя были введены особые меры секретности. 27 марта 1984 г. было принято постановление Совета Министров СССР № 261-71, в соответствии с которым в пределах территории Севастополя устанавливалась пограничная зона, въезд в которую с 15 июня 1984 г. начал осуществляться по пропускам.

Но для Балаклавы режим закрытого города действовал и ранее, только теперь для выполнения этого постановления командование 14-й дивизии подводных лодок и военная комендатура Балаклавы еще более усилили пропускной режим. Его осуществлением руководил командир дивизии как начальник гарнизона. Ему подчинялась военная комендатура города, которую возглавлял майор Н. Завезун. На двух КПП при въезде в Балаклаву неслось круглосуточное дежурство личным составом гарнизона совместно с милицией. У каждого въезжающего в Балаклаву гражданина проверялись документы, для жителей Балаклавы основанием для поездок был штамп в паспорте с балаклавской пропиской, для остальных — официальный документ местных властей, не возражающих против въезда гражданина в Балаклаву, с указанием цели и сроков действия данного разрешения. Пропускная система была такова, что простой житель Севастополя не мог свободно въехать в Балаклаву, хотя она и являлась частью города Севастополь — центром одного из его районов.

В 1984 г. на государственные испытания в Севастополь в 153-ю бригаду подводных лодок пришли первые «Варшавянки» проекта 877, построенные на заводе «Красное Сормово». На испытаниях присутствовал главный конструктор проекта Ю. Кормилицын. Этот проект уже зарекомендовал себя как самый современный и малошумный среди отечественных лодок, а за рубежом получил прозвище «Черная дыра».

До 1992 г. 8 подводных лодок проекта 877 различных модификаций прошли государственные испытания в 153-й бригаде подводных лодок, а затем внутренними водными путями были переведены на Северный флот. А на Черноморский флот прибыли с Северного флота 7 порядком изношенных подводных лодок проекта 641 (обозначение НАТО «Фокстрот») — Б-9, Б-36, Б-41, Б-59, Б-109, Б-326 и Б-854.

Через год после введения в районе Севастополя статуса пограничной зоны высшее руководство решило проверить, как выполняется оное постановление Сове-

та Министров. В августе 1985 г. под руководством начальника штаба флота вице-адмирала В. Селиванова было проведено двустороннее учение по обороне пунктов базирования Севастополь, Балаклава от нападения подводных диверсионных сил и средств и диверсионно-разведывательных групп.

В учении были задействованы 25 диверсионно-разведывательных групп, всего 65 человек. Противостояли им 155 береговых патрулей, 38 засад, 45 поисковых групп и постов УВД, 19 постов ГАИ, 10 дежурных подразделений гарнизонов Севастополя и Балаклавы, 4 поста погранзаставы, 5 постов НиС и РТП.

В учении принимала участие не только дивизия, но и все соединения и части, дислоцированные в Севастополе и Балаклаве. Ну а как оно проходило в самой Балаклаве, рассказывает начальник штаба дивизии капитан 1 ранга Альберт Мефодиевич Евстафьев: «Перед учениями провели со всеми командирами частей Балаклавского гарнизона инструктаж под руководством командира дивизии — начальника гарнизона. Главное — усилить бдительность, пропускной режим, ведь были случаи на таких учениях, когда специально предъявлялись на КПП поддельные документы, пропуска даже с женскими фотографиями, и не реагировала на них «бдительная» дежурно-вахтенная служба. А для убедительности припугнули командиров, что возможен даже захват кого-либо из них диверсионно-разведывательными группами — такие действия разрешены, сопротивляться при этом нельзя, а вот не допустить подобное можно.

Развернули на КП дивизии пост, собрали доклады о готовности к учению, которое должно было начаться в 17.00. Где-то за два часа до этого времени поступил доклад от коменданта Балаклавского гарнизона, что в одном из виноградников им лично задержаны и доставлены в комендатуру два подозрительных лица без документов, с вещмешками. Предварительный допрос резу-

льтатов не дал, продолжается работа по выяснению личностей задержанных. На КП потирали руки от предвкушения первой победы над «противником». Решили пока не докладывать на КП флота и начштабу флота, руководителю учений, а доклад произвести с началом учения, показав тем самым сразу свою бдительность. Так и сделали. Начальник штаба флота, выслушав по телефону наш доклад, только хмыкнул и сказал, чтобы меры безопасности, установленные на учении, строго соблюдались. Наступил вечер. Все пирсы, корпуса лодок осветились прожекторами, вооруженные вахтенные и патрули внимательно всматривались в воду, стараясь увидеть то, что так хотелось, — пузыри на поверхности, а если повезет, то и самого подводного пловца. Ведь командиры лодок обещали за проявленную бдительность, если будет диверсант обнаружен, предоставить отпуск.

И пошли со всех пирсов доклады на КП бригад, оттуда на КП дивизии, что видят около каждой подводной лодки пузыри на воде, всплески слышны, как будто кто-то плывет в ластах. Обложили дивизию «диверсанты» со всех сторон. И чем больше докладов, тем больше указаний усилить бдительность. Она усиливается, как результат — новые доклады об обнаружении подводных пловцов, но уже не от вахтенных: заместитель комбрига 153-й бригады подводных лодок азартно-возбужденным голосом докладывает, что лично видел подводного диверсанта в воде. Идут доклады на КП флота. Там тоже пост развернут по руководству этим учением. Они, получая эти доклады и зная точно, по каким объектам предусмотрено фактическое воздействие, улыбаются, но через телефон эту усмешку не увидишь, тоже дают указание усилить бдительность. Напряжение возрастает. При очередном докладе начальнику штаба тот не выдержал:

— Вы разберитесь в обстановке и прекратите докладывать о каждом всплеске рыбы в бухтах, о воздушных пузырях со дна моря и из трещин цистерн ваших дыря-

вых корпусов. По объектам дивизии ни один диверсант не работает. Верна для ваших подчиненных русская пословица: «У страха глаза велики!»

За то учение дивизия на разборе получила хорошую оценку, была отмечена именно ее повышенная бдительность. А задержанные комендантом «диверсанты» оказались испуганными небритыми мужиками с глубокого похмелья, которые промышляли набегами на окрестные дачи и огороды»[1].

В конце ноября 1985 г. на Черноморский флот прибыл главнокомандующий войсками Юго-Западного стратегического направления генерал армии И. Герасимов вместе с генералами штаба войск ЮЗН.

Герасимов прибыл в Балаклаву, где для него специально было организовано небольшое шоу — поиск ракетного крейсера «Слава» подводной лодкой «Горьковский комсомолец» (Б-380 пр. 641Б). На генерала армии надели пилотку подводника и новую «канадку», что ему весьма понравилось, и посадили в лодку.

Крейсер «Слава» с генералами штаба ЮЗН вышел из Севастополя и вскоре был обнаружен подводной лодкой Б-380, которая выпустила по нему учебную гидроакустическую торпеду. Генералы лично наблюдали, как учебная торпеда, будто змея, наводилась на винты крейсера, обозначая это выпуском сигнальных ракеток. А затем раздался довольно сильный стук — торпеда ударилась в кормовую часть крейсера.

В 1990 г. начался развал Черноморского флота. Коснулось это и подводных лодок. Первыми были проданы на слом в Турцию и Италию, а также отправлены на судоразделочную базу в Инкерман 11 лодок проекта 613 (С-100, С-172, С-197, С-230, С-234, С-287, С-296, С-339, С-344, С-379 и С-389) и одна ракетная лодка проекта 651 (Б-318).

[1] Подводные силы Черноморского флота. С. 250—251.

Однако еще работал наш ВПК, и в январе 1991 г. из Сормова в Севастополь по внутренним водным путям прибыла Б-871 — новейшая лодка проекта 877В.

20 декабря 1991 г. было расформировано управление 131-го отдельного дивизиона. Последнюю в нем опытовую лодку СС-243 списали 1 сентября 1991 г. Заниматься ее конвертовкой было некому, и она вместе с учебно-тренировочной станцией УТС-10[1] попросту затонула на глубине 6 м в Практической гавани. «Отслужив свое, она ждала разделки на металлолом, но «доброжелатели» ускорили этот процесс, сняв с подводной лодки часть арматуры, изготовленной из цветных металлов»[2].

После развала СССР начались переговоры между правительствами России и Украины о разделе Черноморского флота. Понятно, что для «обороны» незалежной Украины в большом флоте нужды не было, да и денег на его содержание у самостийников не оказалось.

Но новейшая лодка Б-871 показалась националистам лакомым кусочком. Видимо, спецслужбы США и НАТО были готовы заплатить солидные деньги за секреты проекта 877В. И с подачи западной разведки была начата операция по захвату этой лодки.

Предоставлю слово капитану 1 ранга Игорю Федоровичу Леухину, в то время старшему помощнику командира Б-871: «Вечером 13 марта 1992 г. помощник командира Б-871 по работе с личным составом капитан-лейтенант В. Петренко собрал моряков срочной службы украинской национальности и под надуманным предлогом повел их на подводную лодку, стоявшую у плавпирса в Южной бухте. Прибыв на пирс, Петренко дал приказание: «Команде вниз», а сам вытащил ракетницу и выпустил три красные ракеты. С противоположного берега бухты на катере прибыл капитан 1 ранга Лупаков. В центральном посту он по общекорабельной

[1] УТС-10 — переоборудованная подводная лодка Щ-209.
[2] Подводные силы Черноморского флота. С. 274.

связи зачитал текст присяги на верность народу Украины. На заранее приготовленном листе поставили свои подписи Петренко, командир БЧ-5 капитан-лейтенант О. Клигман, старшие лейтенанты командир БЧ-1 И. Баринов и командир моторной группы А. Рясик, командир группы гидроакустиков лейтенант В. Литвинов и радиометрист А. Махно.

Оценив сложившуюся ситуацию, стоявшие на вахте вахтенный моторист матрос Марат Абдуллин и вахтенный трюмный матрос Анатолий Заяц загерметизировались в 4-м отсеке и, угрожая прекратить вентилирование аккумуляторной батареи, что было чревато взрывом газовой смеси, потребовали связи с командиром или со старпомом.

Мы стояли с командиром на верхней территории около матросской столовой, и неожиданно из строя моряков, возвращавшихся с ужина в казарму, кто-то спросил нас: «А что делать нам, русским?» Вопрос сразу насторожил. После объяснения стало ясно, что Петренко увел на корабль для «срочного дела» матросов-украинцев. Командир отправил меня на подводную лодку, а сам направился в команду уточнить обстановку и доложить командиру соединения.

В центральном посту я увидел замкомдива капитана 1 ранга Лупакова. Старший лейтенант Баринов зачитывал текст украинской присяги. По их реакции стало ясно, что меня не ждали. Я изъял вахтенный журнал ЦП, объявил о незаконности их действий и потребовал немедленно покинуть корабль. Моя попытка доложить ОД бригады обстановку по прямому телефону не удалась, т.к. Лупаков попросту выхватил из рук телефонную трубку. Проявив субординацию по отношению к заместителю командира дивизии, я еще раз потребовал покинуть подводную лодку и убыл на пирс к телефону. После доклада я вернулся в центральный пост и объявил учебную тревогу для повышения готовности корабля. Обстановка прояснилась неожиданным образом. Я узнал, что в отсеках посторонних нет, присягу никто не

принимал, а в 4-м отсеке загерметизировались М. Абдуллин и А. Заяц. Экипаж беспрекословно выполнил все мои команды. Захват корабля и переприсягание не удались. Лупаков и Петренко вынуждены были покинуть лодку.

После приведения подводной лодки в исходное положение я построил экипаж по большому сбору на пирсе. К этому моменту на корабль прибыл командир. В его присутствии Лупаков начал вести пропаганду за принятие украинской присяги. На приказание командира выйти из строя принявшим украинскую присягу Петренко стал призывать моряков не делать этого, предупреждая о нависшей над ними угрозе уничтожения, при этом называя командование «фашистами».

С подходом к пирсу командира бригады капитана 1 ранга А. Косткина Лупаков прыгнул в катер и ретировался»[1].

Замечу, что попытка захвата боевого корабля в зарубежных базах Великобритании или США была бы поводом для ввода войск для наведения порядка. Так было и в XIX, и в XX веках. Соответственно, Россия, послав в Севастополь хотя бы одну Псковскую воздушно-десантную дивизию, навсегда могла бы решить вопрос с Севастополем и Крымом вообще. Но, увы, у нас правил «всенародно избранный» выпивоха, для которого приказ из Вашингтона был куда важнее интересов русского народа.

В сентябре 1993 г. вышел приказ командующего Черноморским флотом, в котором после формулировки: «Ввиду невозможности дальнейшего использования по прямому назначению боевых кораблей... нецелесообразности их восстановления... исключить из состава 14-й дивизии подводных лодок большие подводные лодки Б-6, Б-36, Б-41, Б-105 пр. 641, среднюю подводную лодку СС-128 пр. 633...». Причем Б-36 поставили в судоремонтный завод № 13 для использования в качестве запасных частей при ремонте Б-435.

[1] Подводные силы Черноморского флота. С. 275—276.

В июле 1994 г. в свой последний парад на День Военно-Морского Флота в Севастополе вышла С-384 — последняя подводная лодка проекта 613. Она гордо пронесла советский Военно-морской флаг по Севастопольской бухте, погрузилась под перископ и вышла на внешний рейд главной базы флота. Эта лодка честно служила стране 42 года, в том числе 33 года на Черноморском флоте.

В конце 1994 г. «корабли замерли у пирсов. Закончились флотские запасы некоторых марок масел, а главное — вышел срок службы аккумуляторных батарей. Их пришлось выгрузить. А без аккумуляторной батареи подводная лодка теряет свое основное свойство — способность погружаться и подавать «электрическую кровь» на все потребители и приборы подводного организма»[1].

15 декабря 1994 г. согласно директиве Главнокомандующего штаба ВМФ от 9 июля 1994 г. была расформирована 14-я дивизия подводных лодок. За 27 лет через дивизию прошли со своими командирами и экипажами 106 лодок постоянного и 24 лодки переменного состава.

В постоянном составе было пятьдесят четыре подводные лодки пр. 613, одиннадцать пр. 633, двенадцать пр. А615, десять пр. 641, четыре пр. 644, три пр. 690, две пр. 640, две пр. 641Б, две пр. 651, по одной подводной лодке проектов 655, 611АВ, 619, 1710, 1840,877В.

В разные годы в состав дивизии входили лодки Северного флота: шестнадцать единиц пр. 641Б и 8 пр. 877.

В конце 1994 г. командование флота принимает решение упразднить базу подводных лодок в Балаклаве. Казарменно-жилищный фонд и коммунальные сооружения, всего 29 зданий, были безвозмездно переданы в постоянное пользование Исполкому Севастопольского Совета народных депутатов.

[1] Подводные силы Черноморского флота. С. 281—282.

16 февраля 1995 г. 155-я бригада подводных лодок была передислоцирована из Балаклавской бухты в Южную бухту. В составе бригады были подводные лодки Б-435, Б-871, «Горьковский комсомолец», Б-9, средняя подводная лодка-лаборатория СС-533, катера-торпедоловы ТЛ-1005 и ТЛ-997, водолазные катера РВК-516 и РВК-429, плавучие зарядовые станции ПЗС-61 и ПЗС-63; судно-мусоросборщик МУС-899.

270-й военно-морской лазарет был передан в состав 810-й бригады морской пехоты и переведен в бухту Казачья.

В принадлежавшем 155-й бригаде балаклавском военном городке стала дислоцироваться воинская часть национальной гвардии Украины.

С начала 1995 г. в составе Черноморского флота уже не было ни одной боеспособной подводной лодки. Лишь 22 мая 1996 г. в состав «сил постоянной готовности» формально ввели подводную лодку Б-871.

Судьба других подводных лодок Черноморского флота сложилась по-разному. Ряд подводных лодок как Черноморского, так и Северного флотов, проходивших боевую подготовку на Черноморском флоте, были отправлены на Север (четыре лодки пр. 877: Б-177, Б-459, Б-471 и Б-800 и две лодки пр. 641Б: Б-437 и Б-498).

В 1991 г. на слом пошли подводные лодки проекта 613 — С-74, С-287 и С-379, выведена из состава флота большая специальная лодка БС-153, на которой проводились испытания баллистических ракет Р-39 комплекса Д-19. На следующий год были разобраны подводные лодки проекта 641 — Б-6 и Б-105; С-11 и С-37 проекта 633; С-70 и С-243 проекта 613. В 1993 г. флот потерял подводные лодки проекта 613Ц С-384 и проекта 641 Б-36, а в 1994 г. сданы для разборки на металл подводные лодки проекта 641 — Б-109, Б-326 и Б-854, а также С-128 проекта 633КС и С-376 проекта 613. В 1995 г. была списана лодка проекта 651 Б-67 и разобрана лодка Б-9, предназначенная для для передачи Украинским ВМС. Лодка-мишень СС-256 также предназначалась для Украины (ВМСУ) и была основательно разграблена.

Две ремонтирующиеся в Болгарии на заводе «Арсенал» (порт Варна) субмарины класса «Фокстрот» — Б-41 и Б-326 — из-за отсутствия финансирования были проданы на металл за долги[1].

Забавная история произошла с опытовой подводной лодкой СС-310 проекта 690. После раздела Черноморского флота между Украиной и Россией эта лодка осталась в составе Черноморского флота России и дожидалась своей очереди на списание. В 1999 г. моряки-ветераны Украины загорелись желанием сделать в Киеве музей, среди экспонатов которого была бы и подводная лодка. Их поддержали ветеранские организации, в том числе председатель Союза ветеранов Украины генерал армии И. Герасимов (который ходил на «Горьковском комсомольце» в атаку по крейсеру «Слава»).

На запрос Украины в октябре 1999 г. председатель Совета Министров РФ В.В. Путин подписал распоряжение о передаче в дар Украине подводной лодки СС-310 для организации военно-морского музея. Президент Украины поручил кабинету министров Украины принять меры по созданию военно-морского музея, а также по обеспечению транспортировки и ремонта полученной от России лодки.

В конце концов было принято решение о бесплатной передаче лодки Киевскому международному благотворительному фонду «Славутич». Лодку перевели на Херсонский судостроительный завод для временной стоянки. Вскоре фонд забыл о СС-310, и она без охраны и присмотра за два года стоянки благополучно утонула у стенки, предварительно основательно разграбленная охотниками за цветными металлами. Администрация Херсона, видя такое положение, решила оставить лодку в Херсоне и сделать из нее музейный комплекс, основой которого станет питейное заведение — бар.

В итоге в составе Черноморского флота осталась одна действующая подводная лодка — Б-871. Это вызвало

[1] По данным севастопольского историка флота В.В. Костриченко «Трагедия Черноморского флота» (рукопись).

необходимость сокращения 155-й бригады подводных лодок. В январе 2002 г. был создан отдельный дивизион подводных лодок.

Подводная лодка Б-435 проекта 641 была передана Украине и получила название «Запоріжжя». Ее поставили в плавучий док в Балаклаве. Любопытно, что в доке она стояла под военно-морским флагом Украины — мол, знай наших!

После вывода в 1994 г. 14-й дивизии подводных лодок из Балаклавы уникальный объект К-825 полностью разграбили. Все металлическое вывезли и вынесли для сдачи на металлолом, в том числе и кабельные тросы. Одним словом, объект К-825 по своему техническому состоянию приведен в полнейшую негодность. И только в 2003 г. на страницах городских газет и в передачах севастопольского телевидения развернулась дискуссия, что надо бы из объекта сделать музей «холодной войны». «А пока идет полемика, нужно это городу или нет, где взять деньги на восстановление объекта и куда потом тратить доходы от деятельности возможного музея, появились предприимчивые люди, которые катают на лодках по каналу штольни стихийных экскурсантов, взимая в них плату, правда, не в казну города»[1].

К 2004 г. из Балаклавы был выведен плавучий док, плавучий стенд для запуска ракет и другие вспомогательные суда и плавсредства ВМФ. Там остались лишь несколько катеров «Морской охорони» и ряд гидрографических судов Украины. Кроме того, там в укромном уголке проходят ремонт два боевых катера Грузии. Видимо, они достались господам Шеварднадзе и Саакашвили без вооружения, и на них установили... 37-мм зенитные автоматы обр. 1939 г.

Сама же Балаклава постепенно превращается в яхт-клуб. Ее бухта заставлена парусно-моторными и новейшими моторными яхтами стоимостью в миллионы долларов. Любопытно, что гиды, сопровождающие по Балаклаве группы туристов, на вопрос: «А чья вот та яхта?

[1] Подводные силы Черноморского флота. С. 282.

А чья вот эта?» — отвечают, что владелец этого большого парусника Сережа из Одессы, очень хороший человек, а вон та яхта Пети, который также не менее хороший человек. Но вот «склероз» не дает экскурсоводу вспомнить фамилии этих «хороших людей».

Глава 4

СЕКРЕТЫ БАЛАКЛАВСКОГО ПОЛИГОНА

Крылатые ракеты

Совет Министров СССР совершенно секретным постановлением № 7401 от 28 мая 1953 г. принимает решение о создании нового ракетного полигона в районе Севастополя. Фактически это было личное решение Л.П. Берии. Он делал полигон для испытаний крылатых ракет, которые создавались под руководством его сына Серго Лаврентьевича.

Самым подходящим местом — высоко над морем (более 200 м), далеко от населенных пунктов, но есть дороги, на побережье можно разместить много наблюдательных постов — определили бывший Георгиевский монастырь. Сам монастырь был упразднен в 1926 г., а его строения переданы курортному тресту.

В октябре 1953 г. вышла директива Главного штаба Советской армии о формировании воинской части № 99375 — учебно-технической части № 53 ВМС с базированием в районе Севастополя. Годовой праздник части устанавливался 30 ноября. 28 октября 1953 г. Главкомом ВМС был подписан приказ о назначении капитана 1 ранга А.П. Перцева командиром в/ч 99375.

В начале 1954 г. из помещений бывшего Георгиевского монастыря выселили разведку флота, только семьи разведчиков еще долго (до 1961 г.) жили в бывших монастырских гостиницах. Это были четыре двухэтажных дома, в одном из которых останавливался А.С. Пушкин. В монастыре разместился штаб части.

Для строительства полигонных сооружений была выделена специальная строительная часть — строительное управление № 79, начальник управления инженер-подполковник Ильин. Было развернуто несколько строительных площадок, на которых одновременно шли работы. Наименование некоторых площадок сохранилось до сих пор:

Площадка № 1 — измерительная позиция. Построено здание для измерительных средств и связи;

Площадка № 2 — техническая позиция: построили сооружения № 4 и № 5 для подготовки ракет, кино-, фотолабораторию, здание расчетного бюро, механическую мастерскую и котельную. При строительстве сооружения № 4 была первая жертва в истории части — рухнула стена и погиб один из строителей;

Площадка № 3 — в районе мыса Кая-Баши (взрывоопасная зона). Построены хранилища для взрывоопасных элементов;

Площадка № 4 — весовая. Построены сооружения для навески стартовых агрегатов. От этой площадки сейчас уже следов не осталось — ее захватили дачники;

Площадка № 5 — береговая стартовая позиция. Построены две стартовые площадки с пусковыми установками, подземные бункеры для размещения командного пункта испытаний, аппаратуры предстартовой подготовки и пуска, управления ракетой, отдельный бункер для электростанции, отдельная котельная и хранилище № 8.

Техническая зона была окружена двухрядным проволочным ограждением с наблюдательными вышками и тремя караульными помещениями.

Вне технической зоны построили казармы, санитарную часть, столовую и жилой городок.

От мыса Айя до мыса Херсонес на побережье были построены площадки для размещения измерительных средств.

Темпы строительных работ были такие, что в апреле 1954 г. основные работы завершились, а уже в мае 1954 г. полигон начал проводить эксперименты.

Самая главная задача при испытаниях — получение информации. С первых дней существования полигона самое серьезное внимание уделялось созданию полигонного измерительного комплекса (ПИК). В часть стали поступать передвижные телеметрические станции РТС-5И, кинофототеодолиты КФТ-10/20 и средства обработки информации. Из Феодосии прибыли расчетчики — целое отделение девушек, опытные телеметристы.

Первым «изделием», испытанным на полигоне в Балаклаве (в/ч 99375), стала береговая система «Стрела».

Разработка береговой системы вооружения «Стрела» была начата в филиале ОКБ-155 под руководством А.Я. Березняка по Распоряжению Совмина № 3346 от 21 апреля 1954 г.

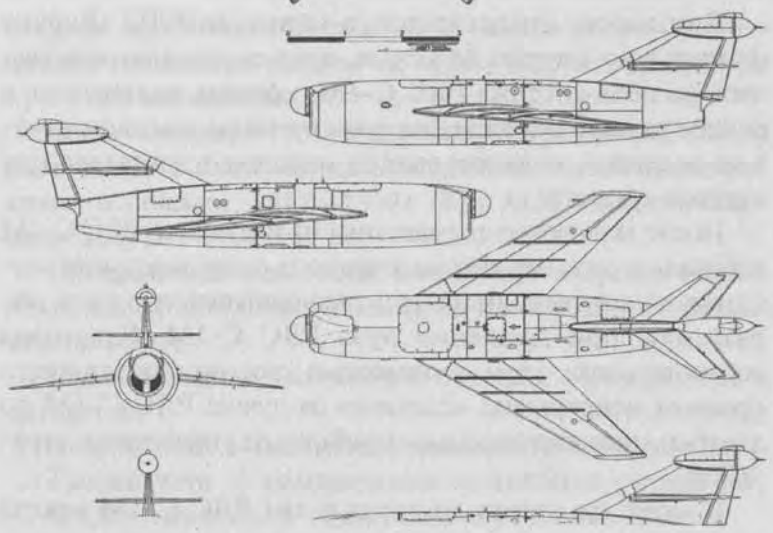
Ракета[1] создавалась на базе корабельной крылатой ракеты «Комета». Основное ее отличие заключалось в оснащении стартовым пороховым ускорителем СПРД-15, разработанным КБ-2 завода № 81 Министерства авиационной промышленности под руководством главного конструктора И.И. Картукова.

Пусковые установки комплекса «Стрела» предполагалось размещать в хорошо защищенных стационарных укрытиях.

Замечу, что в служебной документации ракеты (самолеты-снаряды) первоначально имели индекс КСС, а затем С-2. Так, в Наставлении 1959 г. ракета называется С-2, а в сноске говорится, что ее «заводской условный индекс» — КСС.

Действие комплекса происходило следующим образом. РЛС «Мыс» вела поиск цели. При обнаружении

[1] После приказа Министерства обороны от 30 октября 1959 г. самолет-снаряд стали называть крылатой ракетой.

Самолет-снаряд КСС.

цели во все подразделения подавалась команда «Боевая тревога» колоколами громкого боя.

По данным РЛС «Мыс», на цель наводилась РЛС «Бурун» и переводилась в режим полуавтоматического сопровождения цели. По данным РЛС «Бурун», на цель наводилась и РЛС С-1М, но не включалась.

По команде из центрального поста (время подачи команды определялось приборами управления стрельбой) производился вывод маршевых двигателей на полные обороты и старт.

Траектория полета ракеты складывается из участка автономного полета по программе до вывода в луч РЛС С-1М, участка полета в луче станции С-1М на стабилизируемой автопилотом высоте (участка марша, бортовая станция С-3 работает при этом в режиме «А») и участка самонаведения на цель (станция С-3 работает в режиме «Б»).

В процессе предстартового контроля РЛС «Бурун» непрерывно следила за целью, а по ее данным наводилась на цель антенна РЛС С-1М, которая включалась в режим автосопровождения с излучением высокочастотной энергии с началом вывода маршевых двигателей на полные обороты.

После включения передатчика на излучение РЛС С-1М работала в режиме автоматического сопровождения, создавая в направлении на цель равносигнальную зону, образуемую при вращении луча РЛС С-1М. Стартовая установка при этом с помощью синхроннослеДящего привода непрерывно «следила» за лучом РЛС С-1М по данным, вырабатываемым приборами управления стрельбой.

С момента старта до входа в луч РЛС С-1М ракета летела, управляясь только автопилотом (режим автономного полета), который выдерживал направление, приданное ракете при сходе с направляющих стартовой установки. Вывод ракеты на маршевую высоту производился корректором высоты и программным устройством автопилота.

При входе ракеты в луч (начало участка марша) бортовая станция С-3 начинала работать в режиме наведения (режим «А»).

На этом участке ракета, удерживаясь на маршевой высоте с помощью барометрического корректора высоты, летела в луче станции С-1М. При отклонении ракеты от равносигнальной линии луча станции С-1М бортовая станция С-3 реагировала на эти отклонения, вырабатывала сигналы, пропорциональные отклонениям, и выдавала в автопилот управляющие по курсу команды для удержания ракеты на непрерывно следующей за целью равносигнальной линии луча станции С-1М.

На определенном, заданном до старта расстоянии от цели происходила разблокировка стороны самонаведения станции С-3. При достаточной мощности отраженных от цели импульсов РЛС С-1М станция С-3 осуществляла захват цели (переходит в режим «Б») и обеспечивала наведение ракеты на цель. Корректор высоты при этом отключался.

Более подробно о комплексе «Стрела» («Сопка») рассказано в моей «Энциклопедии отечественного ракетного оружия. 1817—2002» (М., АСТ; Минск, Харвест, 2003).

Программой испытаний комплекса «Стрела» на Балаклавском полигоне было предусмотрено несколько этапов работ:

Первый этап — испытание станции обнаружения и наведения.

Второй этап — испытания аппаратуры управления.

Третий этап — комплексные испытания ракеты.

Четвертый этап — испытания в условиях помех.

Для первого этапа были предусмотрены полеты самолета-аналога.

Поскольку ракета КСС была создана на базе истребителя МиГ-15, то для отработки систем управления и наведения на боевом истребителе МиГ-15-бис установили систему управления и наведения ракеты. Таким образом был создан самолет-аналог СДК-5С. Летчик вводил самолет в луч станции наведения ракеты и переводил управление самолетом на береговой комплекс. Истребитель велся по трассе стрельбы береговым комплексом, а на конечном участке полета вместо попадания в цель летчик брал управление на себя и уводил самолет. Так было намного надежнее и дешевле проводить первый этап испытаний, чем использовать недоработанные ракеты. Первый полет самолета-аналога СДК-5С был проведен 23 мая 1954 г. Всего на полигоне прошло 170 полетов самолетов-аналогов. Летчики, пилотировавшие СДК-5С, получили звание Героя Советского Союза.

В 1955 г. на полигоне начались пуски ракет КСС (С-2). В ходе одного из пусков ракета повернула в сторону городка части и упала около столовой части. По-

мощник командира части по материально-техническому обеспечению воспользовался поводом — списал всю посуду и получил новую.

13 октября 1955 г. на полигоне был проведен показательный пуск сразу двух ракет С-2 по двум морским целям. На пуске присутствовали первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, Председатель Совета министров Н.А. Булганин, первый заместитель председателя Совета министров А.И. Микоян, секретарь ЦК КПСС Г.М. Маленков, министр обороны Г.К. Жуков, главнокомандующий ВМФ Н.Г. Кузнецов, президент Югославии Иосип Броз Тито.

29 сентября 1956 г. часть посетили Н.С. Хрущев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов, секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, главнокомандующий ВМФ Н.Г. Кузнецов. Для них был произведен еще один показательный пуск.

12 января 1957 г. часть опять провела показательный пуск для Главнокомандующего ВМФ адмирала С.Н. Горшкова и командующих флотами.

Как уже говорилось, комплекс «Стрела» был предназначен для установки на стационарных защищенных позициях. Поэтому в 1955 г. на мысе Айя (Святой мыс) и на Кольском полуострове было начато строительство объектов 100[1] и 101.

В 1956 г. на базе учебного отдела Балаклавского полигона был создан учебный отряд. Ему передали площадку № 5 с пусковой установкой. Там было проведено обучение личного состава 362-го и 616-го отдельных береговых ракетных полков, сформированных для эксплуатации объектов 100 и 101.

Постановлением Совмина № 2004-1073 от 1 декабря 1955 г. была начата работа по подвижному комплексу «Сопка». Ракеты С-2 (4К-87) у комплексов «Стрела» и «Сопка» были практически одинаковые, поэтому

[1] Подробнее об объекте 100 читатель узнает в главе 5.

в 1960-х годах комплекс «Стрела» часто именовали стационарным комплексом «Сопка».

Всего до 1 января 1958 г. с Балаклавского полигона было произведено 55 пусков ракет КСС (С-2). Наиболее интересные пуски ракет на государственных испытаниях с трех пусковых установок, находившихся на высотах 398,9 м, 396,4 м и 586 м над уровнем моря, проведены летом 1957 г.

5 июня был произведен первый пуск ракеты № 0125. Пусковая установка находилась на высоте 389,9 м, дрейфующая мишень БРН-20 — в 83 км от станции наведения С-1. На 296-й секунде полета ракета прошла мимо мишени на 40—50 м вправо от центра мишени на высоте 10—11 м от ватерлинии и приводнилась за мишенью в 9 км.

8 июня была произведена залповая стрельба двумя ракетами № 0324 и № 0224 с пусковых установок на высотах 398,9 м и 396,4 м по дрейфующей мишени БРН-20 на дальность 80 км. Интервал между пусками составил 10,7 сек. Ракета № 0325 на 145-й секунде полета приводнилась на расстоянии 35 км от станции наведения С-1 с боковым отклонением 3,8 км от директрисы стрельбы вправо. А ракета № 0224 на 360-й секунде полета приводнилась на расстоянии 98 км от станции наведения С-1 с боковым отклонением 20 км от директрисы стрельбы вправо.

19 июня был произведен пуск ракеты КСС № 0425 с пусковой установки на высоте 586 м по дрейфующей группе мишеней, пришвартованных друг к другу (БКЩ[1], БРН-20, тральщик «Бельбек»[2]). Дальность мишеней от станции наведения составляла 65,5 км. На

[1] БКЩ — большой корабельный щит.

[2] Тральщик «Бельбек» — бывший германский тральщик Т-912 полным водоизмещением 874 т. Вступил в строй в 1938 г., прибыл в Севастополь 27 июля 1946 г. 8 апреля 1957 г. обращен в корабль-цель, а 7 мая 1957 г. переименован в ЦЛ-5. Однако в документах по испытаниям ракет КСС назывался по-старому — «Бельбек».

243-й секунде полета ракета прошла мимо цели на 22 м вправо от центра группы мишеней и на высоте 3—5 м от ватерлинии и приводнилась за мишенями в 40 км.

24 июня ракета КСС № 0130 была запущена с ПУ на высоте 586 м. Стреляли по дрейфующей мишени тральщику «Туман»[1], находившемуся на дальности 67 км от станции наведения С-1. На 217-й секунде полета ракета резко пошла вверх и с разворотом по курсу вправо. Подъем продолжался до высоты около 4000 м, затем, на 280-й секунде полета, ракета упала.

3 июля 1957 г. произведена условная стрельба двумя ракетами № 0126 и № 0320 по дрейфующей мишени тральщику «Туман» на дальность 68,4 км. Интервал между пусками составил 11,2 секунды.

Ракета № 0126: достигнуто прямое попадание в мишень — правее центра мишени на 10 м и выше ватерлинии на 8,7 м. Время полета до мишени — 224 сек.

Ракета № 0320: достигнуто прямое попадание в мишень — правее центра мишени на 2,5 м и выше ватерлинии на 3,2 м. Время полета до мишени — 225 сек.

6 июля проведены залповые стрельбы тремя ракетами № 0525, № 0420 и № 0324 по дрейфующей мишени тральщику «Туман», находившемуся на дистанции 63,7 км от станции наведения С-1. Интервалы стрельбы — 10 сек и 10,4 сек.

Ракета № 0525: прямое попадание в мишень — правее центра мишени на 4 м и выше ватерлинии на 7 м. Время полета до мишени 222 сек. Высота стрельбы 586 м.

Ракета № 0420 упала в море на 110-й секунде полета, высота стрельбы 398,9 м.

Ракета № 0324: прямое попадание в мишень — правее центра мишени на 3,2 м и выше ватерлинии на 8 м. Время полета до мишени 222,5 сек. Высота стрельбы 400 м.

[1] Тральщик «Туман» — бывший германский тральщик Т-913. Вступил в строй в 1940 г., однотипный с «Бельбеком».

Итого в ходе государственных испытаний объекта 100 проведено 10 пусков ракет КСС. Прямых попаданий в мишень было засчитано четыре (номера ракет 0126, 0320, 0525, 0324), попаданий в «приведенную» цель — два (номера ракет 0125, 0425), неудачных пусков — четыре (номера ракет 0325, 0224, 0130, 0420). По результатам этих стрельб ракетный комплекс на мысе Айя приказом Главнокомандующего ВМФ СССР от 30 августа 1957 г. был введен в строй.

Испытания подвижного берегового ракетного комплекса «Сопка» частично проводились на полигоне «Песчаная Балка» у поселка Черноморск. Ракета в документах уже именовалась не КСС, а С-2. (О них автор рассказал в книге «Огненный меч Российского флота», М., Яуза, ЭКСМО, 2004.) Однако личный состав двух подвижных дивизионов «Сопка» был подготовлен специалистами Балаклавского полигона.

В конце 1950-х годов комплекс «Сопка» был передан Китаю. Но в Балаклаву китайцев не пустили, а в Китай поехала группа специалистов полигона.

Сравнительно мало известно об испытаниях на Балаклавском полигоне крылатой ракеты П-5, созданной в ОКБ-52 под руководством В.Н. Челомея.

Первый этап летных испытаний П-5 проводился в Балаклаве на плавучем стенде 4А с августа 1957 г. по март 1958 г. Ракеты запускались из контейнера СМ-49. Первый пуск 28 августа 1957 г. был неудачен, второй тоже, третий и четвертый пуски оказались успешными.

В 1970 г. была начата разработка берегового противокорабельного комплекса «Рубеж» на базе корабельного комплекса П-15М «Термит».

Спаренная пусковая установка этого комплекса КТ-161 на шасси вездехода МАЗ-543В (с одной левой кабиной) представляла собой автономную машину. Так оказалась реализованной идея создания «катера на колесах», так как эта машина несла собственную РЛС це-

леуказания «Гарпун», систему приборов управления стрельбой, аппаратуру опознавания корабля по принципу «свой — чужой», систему средств внутренней и внешней радиотелефонной закрытой связи.

Вся аппаратурная часть была взята с катера проекта 205У, лишь к ее индексу прибавили букву «Р». Блок из двух пусковых контейнеров КТ-161 сделан из алюминиевых сплавов. Ракета та же, П-15М, но на ней установлен принципиально новый радиовысотомер. Дело в том, что «Рубеж» может стрелять с закрытых позиций, удаленных от береговой черты на дальность до 10 км, в том числе и из-за гор высотой до 600 м. Для этого и понадобился новый высотомер.

Габариты пусковой установки: длина 14,2 м, ширина 2,97 м, высота 4,0 м. Вес установки около 40 тонн. Дальность стрельбы минимальная — 8 км, максимальная — 80 км. Маршевая высота полета 25 м или 50 м. Время перехода пусковой установки из походного положения в боевое — 5 минут.

В составе батареи комплекса «Рубеж» имелось четыре пусковые установки КТ-161 и четыре транспортно-заряжающие машины. Итого в батарее 16 ракет.

Комплекс «Рубеж» прошел на Балаклавском полигоне все этапы испытаний — от заводских до государственных.

Для проведения испытаний комплекса «Рубеж» в районе Кая-Баши построили стартовую позицию из бетонированной площадки и капонира для укрытия машины управления пуском. На второй площадке дооборудовали хранилище № 5 под цех подготовки с профильными лабораториями.

Ракету и подвижную пусковую установку готовили в хранилище. В подготовке и обслуживании пусковой установки активное участие принимал личный состав обучаемого дивизиона БРАВ (береговых ракетно-артиллерийских войск). На площадке перед хранилищем загружали ракеты в пусковую установку и выезжали на стартовую позицию. В основном это была площадка

в районе Кая-Баши. На государственных испытаниях стартовая позиция менялась в зависимости от программы. Пришлось создавать временные измерительные посты в районе старта, сделать подвижный центральный пост кинофототеодолитов в кунге и возить катушки кабелей.

Первые пуски делали без людей в пусковой установке и определяли возможное воздействие на людей по поведению животных, размещенных на разных расстояниях от пусковой установки, и по их состоянию после пуска.

В качестве подопытных животных в основном использовали баранов, а в ряде случаев и кроликов. С подопытными баранами произошел забавный анекдот. На одном из первых пусков в кресла боевого поста посадили баранов. После стрельбы врачи из Ленинградской медицинской академии обнаружили у всех баранов синяки и шишки. Назревал грандиозный скандал. А между тем часть баранов успели зарезать и съесть сами испытатели, и тут выяснилось, что и бараны, не участвовавшие в стрельбе, имели те же повреждения. Дело в том, что в совхозе под Джанкоем, где брали баранов, чабаны их безжалостно лупят палками.

На полигоне были проведены бросковые испытания, стрельбы в точку, стрельба по неподвижной мишени, по движущейся мишени. Закончились испытания совместными учениями береговой обороны и комплекса.

Сложной была организация взаимодействия всех участников испытаний. Для обеспечения безопасности привлекалось большое количество кораблей охраны района, самолеты контроля чистоты района, управляемая мишень, корабль управления мишенью, береговые РЛС. Сложность возрастала из-за того, что район испытаний перекрывал рекомендованные курсы и пути судоходства в районе Севастополя. За время испытаний 1976—1977 гг. было проведено 19 пусков.

Постановлением Совмина № 853-875 от 22 октября 1978 г. комплекс «Рубеж» был принят на вооружение. Однако и после завершения Государственных испытаний полигону пришлось заниматься «Рубежом», вопреки протестам руководства полигона, тщетно докладывавшего московскому начальству, что у них и так хватает тем. Поэтому с пусковой установки полигона пришлось запустить еще 6 ракет «Рубеж» в ходе контрольно-серийных испытаний. Стрельбы проводила команда испытателей из инженеров части, предприятий разработчиков и изготовителей элементов комплекса с помощью офицеров и прапорщиков берегового подвижного ракетного дивизиона БРАВ Черноморского флота.

Комплекс широко поставлялся за границу: в Польшу, Румынию, Болгарию, Алжир, Индию, Кубу. Сотрудникам полигона неоднократно приходилось отстреливать экспортные варианты комплекса.

После сравнительно долгого перерыва в работах над крылатыми ракетами полигон занялся комплексом 3М-25 «Метеорит».

9 декабря 1976 г. вышло постановление Совмина о разработке универсальной стратегической крылатой ракеты 3М-25 «Метеорит» в КБ В.Н. Челомея. Ракета должна была запускаться с наземных пусковых установок, атомных подводных лодок проекта 667 и стратегических бомбардировщиков Ту-95.

Конструктивно ракета была выполнена по схеме «утка». Маршевая ступень имела стреловидное складывающееся крыло и двухкилевое складывающееся оперение. Воздухозаборник маршевого двигателя помещен внизу фюзеляжа.

Стартовая ступень имела два жидкостных реактивных двигателя с суммарной тягой 24 т с управляемыми поворотными соплами. Время работы двигателей составляло 32 секунды. Стартовая ступень была создана

на базе первой ступени межконтинентальной баллистической ракеты 15А20.

Система управления ракетой была полностью автономной и корректировалась устройством радиолокационного считывания местности.

Стартовый вес наземного и морского варианта составил 12 650 кг, а вес второй ступени — 6380 кг.

Длина фюзеляжа ракеты 12,8 м, внешний диаметр 900 мм, размах крыла 5,1 м. Ракета была предназначена для стрельбы по наземным целям при дальности не менее 5000 км.

Для испытаний ракет «Метеорит» Николаевским заводом был построен новый самый большой погружаемый стартовый комплекс МКУ-63. В состав ПСК входили две пусковые установки, эквиваленты корабельных систем управления предстартовой подготовки и пуска ракеты, систем управления повседневного обслуживания, элементы конструкции легкого корпуса подводной лодки, а также загрузочное устройство.

Испытания и приемка ПСК всегда производились аналогично приемке подводной лодки. Сначала у причала производили кренование. По его результатам проектировщики определяли необходимую балластировку ПСК. Балластировку производили штатными чугунными болванками, потом — выход в море для вывески. Вывеска позволяла определить остаточную плавучесть. По вопросу вывески у испытателей с проектантами часто возникали баталии. Чем больше остаточная плавучесть, тем легче и безопаснее работать на ПСК, но тем тяжелее затянуть стенд на глубину, и лебедки могли не справиться. Новая лебедка эту проблему решила, но ограничение не сняла.

После вывески производилось пробное погружение ПСК и проверка герметичности. На последних ПСК были установлены датчики наличия воды, которые через командную радиолинию управления могли сигна-

лизировать о поступлении воды в ПСК. Впервые такой прибор был установлен на ПСК «Вьюга».

Испытания комплекса начались пусками с наземного стенда в мае 1980 г. на северном полигоне в Неноксе. В мае 1981 г. начались испытания комплекса и в Балаклаве.

Первый раз погружаемый стартовый комплекс МКУ-63 был выведен в море 26 января 1982 г. Перед выходом в море погоду оценили с надеждой на улучшение, а получилось наоборот. В штормовых условиях пришлось уходить с позиции. Сильными порывами ветра ПСК понесло к берегу, а с буксира долго не могли подать концы. С большим трудом буксир был подан, ПСК немного помяли. Потом радовались, что стенд уцелел.

Второй выход сделали 29 января 1982 г. Это дата первого подводного пуска ракеты «Метеорит». Второй пуск состоялся 20 февраля 1982 г., а третий — 28 апреля 1982 г.

По результатам первых трех пусков была проверена безопасность подводного старта и выявлены отдельные замечания по ракете и носителю. Приняли решение начать пуски с подводной лодки, а устранение замечаний подтвердить пусками с ПСК.

Пуски с ПСК после устранения замечаний были проведены 26 декабря 1985 г. и 23 января 1987 г. Всего с ПСК провели 5 пусков.

На одном пуске, при заполнении пускового контейнера с ракетой водой, во время предстартовой подготовки произошел отказ системы подачи воды в контейнер. При подъеме ПСК в надводное положение сорвало крышку контейнера, вода хлынула внутрь контейнера, сорвала ракету с узлов крепления и погасила запас плавучести ПСК. Поднять ПСК на поверхность травлением тягового троса не удавалось. Спасательного судна на позиции в готовности не было. Пришлось добиваться

прихода на позицию спасателя и с его помощью поднять ПСК на поверхность.

В 1988 г. на ПСК был отработан аварийный выброс крылатой ракеты, а также проведены работы по коррозионным испытаниям элементов комплекса.

Для корабельных испытаний «Метеорита» решено было переоборудовать одну из атомных подводных лодок проекта 667А, в соответствии с договором ОСВ-1 выведенную из состава морских стратегических ядерных сил. Для переоборудования выбрали лодку К-420. Два отсека с шахтами для баллистических ракет вырезали, а вместо них вставили блок из трех отсеков, в результате чего длина лодки увеличилась на 20 м. 12 контейнеров с пусковыми установками СМ-290 для ракет «Метеорит-М» были помещены вне прочного корпуса лодки, в междубортном пространстве под углом 45°к основной плоскости лодки. В районе размещения контейнеров ширина легкого корпуса была увеличена до 15 м. Диаметр же прочного корпуса наоборот был уменьшен по сравнению с диаметром прочного корпуса демонтированных отсеков.

В контейнерах ракеты «Метеорит» хранились на стартовом агрегате со сложенными консолями крыльев и с загерметизированным маршевым двигателем. Пуск мог производиться с глубины 40 м при скорости лодки 10 узлов.

26 декабря 1983 г. в Беринговом море состоялся первый пуск ракеты 3М-25 с борта подводной лодки К-420. Следующий пуск с К-420 произвели лишь 6 ноября 1984 г. Это был 22-й пуск «Метеорита» с начала испытаний и 6-й пуск за 1984 г. (В 1984 г. было запущено две ракеты с Ту-95, три со стенда КС-2 и одна с подводной лодки).

Государственные (совместные) испытания ракетного комплекса «Метеорит» начались только в 1988 г. В этом году с подводной лодки было произведено три пуска ракет.

Сложность и громоздкость комплекса, а также необходимость постройки специальных носителей стали причиной того, что в 1989 г. все работы над «Метеоритом-М» были свернуты.

Испытания «Метеорита» на К-420 были завершены 15 декабря 1989 г. В 1990 г. оборудование комплекса сняли (полностью или частично?), и К-420 в торпедном варианте в декабре того же года включили в состав Северного флота. 5 июля 1994 г. подводную лодку К-420 исключили из боевого состава флота, передали ОРВИ на долговременное хранение и в бухте Сайда (Гаджиева) поставили на прикол.

Ракеты стартуют из-под воды

Формально первый в истории пуск ракеты с подводной лодки, находившейся в погруженном положении, был произведен в России в июле 1838 г. 24 июня с подводной лодки конструкции генерала А.А. Шильдера водоизмещением 16,4 т были запущены две пороховые 4-дюймовые (102-мм) ракеты, «которые по причине не сильного волнения не могли долететь до своей цели и разорвались в волнах в недальнем расстоянии от лодки. Трубы, в которых находились ракеты, чтобы оные не подмочило, были закрыты герметически, отчего по выпуске пяти ракет трубы наполнились водой, значительно увеличили тяжесть лодки и были причиной неожиданного погружения оной. Между тем волной захлестнуло разговорную трубу, и не прежде как через четверть часа по отлитии сей воды можно было продолжить дальнейший путь».

Итак, первые испытания ракет подводного старта завершились большой конфузией. Следующую попытку сделали немцы в ходе Второй мировой войны. Проект пусковой установки для подводного старта 21-см ракет был разработан инженером Эрристом Штейнхофом, работавшим в научно-испытательном центре Пе-

немюнде. Его брат капитан-лейтенант Фриц Штейнхоф предоставил для опытов свою подводную лодку IXб серии.

В Свинемюнде лодку оборудовали установками для пуска пороховых ракет, разработанными Вальтером Дорнбергом и названными поэтому «дорнбергверфер» («доверфер»). При испытаниях летом 1942 г. использовались пороховые ракеты калибром 21 см. Пуски их проводились с лодки, погруженной в воду на 10—15 м, и прошли успешно. Однако информация о подводных пусках ракет была воспринята военно-морским командованием без всякого энтузиазма, и эксперимент дальнейшего развития не получил.

После войны наработки германских ученых попали в НИИ-88 (подмосковная деревня Подлипки, ныне г. Королев). На базе немецких материалов в 1947 г. там начались работы по подводному пуску ракет.

В середине 1949 г. работы по исследованию различных способов старта с математическим моделированием и экспериментальными пусками моделей ракет различного масштаба были начаты в НИИ-4 ВМФ в Ленинграде. Энтузиастами этих работ стали сотрудники этого института Н.П. Проконенко, Д.Д. Ткаченко, А.Г. Вызольмирский, А.С. Аводнин. Они не только на макетах прорабатывали различные аспекты создания и применения ракет с подводным стартом, но и старались формулировать требования к этому новому виду оружия.

В 1949 г. к исследованиям с макетами ракет был подключен и Феодосийский ракетный полигон. Из НИИ-88 на полигон доставили около тысячи образцов так называемых подводных реактивных снарядов калибра 132 и 540 мм. Каждый такой снаряд был снабжен пороховым ракетным двигателем, обладал положительной плавучестью и имел внутри специальную камеру, куда перед пуском устанавливался специальный самописец, который во время пуска фиксировал параметры движения снаряда (курс, тангаж, крен) в водной и воздушной

средах. Снаряды друг от друга отличались не только длиной и калибром, но и конфигурацией носовой части — от тупой до самой острой.

Для пусков ракет командование Черноморского флота выделило две подводные лодки: Б-32 (командир капитан 2 ранга Мельников) и С-73 (командир капитан 3 ранга Науменко). На обеих лодках были демонтированы артиллерийские орудия, а взамен установлены пусковые установки. С лодки С-73 проводились пуски ракет калибра 540 мм, а с Б-32 — калибра 132 мм.

Пуски производились с глубин от 5 до 60 м при скоростях лодок 2—5 узлов. При этом пусковые трубы на каждом пуске устанавливались под различными углами возвышения — от 30 до 90°. Так как надо было обеспечить безопасное плавание подводных лодок в подводном положении, то работы не решились вести в Феодосийском заливе. И район испытаний был выбран в Судакской бухте ближе к мысу Меганом. На берегу были оборудованы временные измерительные пункты.

К 1952 г. работы по отработке подводного старта ракет из работ внутриинститутского плана были переведены на более высокий уровень — их включили в планы научно-исследовательских работ как НИИ-88, так и НИИ-4 ВМФ.

Между тем руководство страны требовало немедленно создать баллистические ракеты, способные стартовать из-под воды. ВВС США насчитывали около 1500 стратегических бомбардировщиков В-47 «Стратоджет» и В-52 «Стратофортрес», которые могли с многочисленных баз, расположенных вокруг нашей страны, поразить любой объект в СССР. Причем В-52 могли действовать даже с территории США. Кроме того, сотни палубных бомбардировщиков с трех десятков тяжелых авианосцев могли также нанести ядерные удары по приморским районам Советского Союза.

У нас же тогда не было ни межконтинентальных ракет, ни межконтинентальных бомбардировщиков, по-

этому самолеты-снаряды и баллистические ракеты подводных лодок могли стать единственным средством ответного удара. С 1959 г. в боевой состав флота стали вводиться подводные лодки проектов 611-АВ и 629, оснащенные соответственно двумя и тремя баллистическими ракетам Р-11ФМ. А уже 13 октября 1961 г. был принят на вооружение новый лодочный комплекс Д-2 с баллистической ракетой Р-13.

Вес ракеты Р-11ФМ составлял 5,52 т, а табличная дальность — 167 км, вес Р-13 — 13,74 т, дальность — 600 км[1]. Ахиллесовой пятой обеих ракет был их надводный старт. Официально считалось, что для пуска двух-трех ракет лодке необходимо пробыть в надводном положении 15 минут, но фактически требовалось намного больше времени. С учетом мощной противолодочной обороны США всплытие наших лодок хотя бы на четверть часа у Восточного побережья Америки было чрезвычайно рискованным делом.

3 ноября 1955 г. было принято постановление Правительства о работах по подводному старту. Головными организациями были определены:

— по ракете — ОКБ-10 НИИ-88 (конструктор Чарнко Е.В.);

— по системе управления — СКБ-626 (главный конструктор Семихатов Н.А.);

— по носителю — ЦКБ-16 (главный конструктор Евграфов Я.Е. — главный конструктор самой массовой серии подводных лодок — проекта 613).

ЦКБ-16 разработало проект первого погружаемого стенда. Стенд состоял из двух понтонов — легкого и прочного, расположенных один под другим, и пусковой шахты диаметром 2 м и длиной 20 м, проходящей сквозь них и скрепленной фланцем с прочным понтоном. Стенду обеспечили способность погружаться на глубину 20 м, запас плавучести в надводном положении

[1] Подробнее о баллистических ракетах рассказано в Энциклопедии отечественного ракетного оружия.

составлял около 11 т, положительная плавучесть в погруженном состоянии — около 4 т. Водоизмещение стенда около 100 т.

Пусковую шахту оборудовали пусковой установкой. Снаружи и в верхней части 20-метровой шахты была предусмотрена площадка для обслуживания, а в нижней — съемные устройства для отвода вниз или вверх газов стартующей ракеты. На стенде также была установлена аппаратура для записи давлений в шахте, перемещений и ускорений стенда при пуске ракет.

Идеальным местом для испытаний ракет подводного старта была Балаклава. Там имелась полигонная инфраструктура, большие глубины рядом с берегом, наличие бухты, близко расположен порт, можно вести работы круглый год.

Для проведения экспериментов по подводному старту в 1956 г. в части были построены в балке Мраморной лебедочная установка и бункер для управления пуском. В Мраморной бухте на расстоянии около 450 м от берега на глубине 45 м установили железобетонное основание (якорь) с блоком. Через блок пропустили тяговый трос диаметром 30 мм, протянутый по уложенным на дне роликам. Один конец тягового троса крепился к электрической лебедке, другой предусматривалось закрепить на погружающемся подводном стенде. Создавая на береговой лебедке усилие в 11 т, можно было устанавливать стенд на заданной глубине. Ходовой конец троса, соединяющийся со стендом, в нерабочем состоянии сбрасывали на дно. По дну был проложен многожильный электрокабель для питания электроаппаратуры стенда и ракеты. Концы кабеля и тягового троса, лежащие на дне, соединяли легким канатом с буем, который обозначал их местонахождение на грунте.

Для отработки пусков ракет из-под воды под руководством Чарнко были созданы ракеты С4.1 и С4.5. Обе экспериментальные ракеты по своим весогабаритным

характеристикам соответствовали первой серийной баллистической ракете Р-11ФМ, но имели приспособления для подводного старта. Ракета С4.1 была снабжена шестью твердотопливными (пороховыми) двигателями ОД-200, а ракета С4.5 имела жидкостно-реактивный двигатель (ЖРД). Таким образом, сразу хотели решить вопрос о преимуществе твердотопливных и жидкостных ракет при подводном старте.

Погрузка ракеты на погружающийся подводный стенд производилась плавучим краном на технической позиции, находящейся в 7 км от полигона. Затем стенд буксировали на полигон для проведения испытаний.

Первый пуск ракеты С4.1 с неподвижного погружающегося стенда, произведенный 23 декабря 1956 г. с уменьшенным количеством топлива, был удачным: подтвердились расчетные параметры выхода из воды и полета ракеты. Второй пуск был произведен 20 марта 1957 г. Его задачи также были выполнены. Третий пуск намечалось производить при волнении моря 5—6 баллов. Такой прогноз метеослужба предсказывала на 2 апреля, и ракету погрузили на стенд, но прогноз не подтвердился. Комиссия перенесла пуск на 5 апреля. Ракета в этот период оставалась на стенде, и в нее попала вода. Поэтому пуск отложили. Только 7 апреля провели третий пуск, а 17 апреля 1957 г. — четвертый.

Ракету С4.1 предполагали запустить более 20 раз. Надеялись, что она после пуска будет сохраняться и можно будет ее переснарядить, но ракеты разбивались при ударе о воду. Пустили только четыре ракеты. Надежда на возможность многоразового использования материальной части не оправдалась. Кстати, и при испытаниях последующих типов ракет так и не сумели производить повторные пуски изделия.

После удачных пусков ракет с пороховым ракетным двигателем комиссия приступила к проведению пусков

ракет с ЖРД С4.5. На этих испытаниях намечалось определить:

— возможность создания ракеты с жидкостным двигателем;

— параметры движения ракеты в шахте подводной лодки, в воде, при переходе из воды в воздух и в воздухе;

— параметры работы ЖРД в шахте подводной лодки, в воде, при переходе из воды в воздух и в воздухе;

— величину давления в зоне сопел (при старте на глубине 30—35 м), в шахте, а также усилий и ускорения, передаваемых на стенд или подводную лодку;

— возможность старта жидкостных ракет на глубине 30—35 м из шахт с закрытым дном.

Первый и второй пуски ракет С4.5 были произведены соответственно 9 февраля и 2 марта 1958 г. при волнении моря 2 балла. Первая ракета после подъема на 100 м успешно приводнилась. Вторая ракета упала, разрушилась и утонула.

Третий пуск проводился 5 марта 1958 г. при волнении моря 3 балла. Ракета после подъема на высоту 80 м, падая, разломилась на две части, которые упали в море. При этом пуске была повреждена пусковая шахта. Обломки обеих упавших в море ракет были подняты и доставлены на техническую позицию.

Четвертый пуск состоялся 18 марта 1958 г. Ракета поднялась на высоту 50 м, затем приводнилась и затонула.

Пуски ракет, проведенные с неподвижного погружающегося стенда, принципиально решили задачу выхода ракеты из-под воды на воздушную траекторию и подтвердили расчетные параметры.

На следующем этапе испытаний предусматривались аналогичные исследования, но с движущегося основания — переоборудованной для этих целей подводной лодки.

Для испытаний ракет типа С4 в ОКБ-16 был разработан проект переделки боевой подводной лодки С-229

из проекта 613 в проект В613. В тактико-техническом задании на опытную лодку имелись требования обеспечить старт ракеты из пусковой шахты подводной лодки во время ее движения в подводном положении на глубине 15—20 м со скоростью 3—4 узла при волнении моря до 5 баллов.

Конструктивная и архитектурная особенность этой опытной подводной лодки заключалась в том, что две пусковые шахты на ней были «подвешены» вне прочного и легкого корпусов, они находились в районе прочных наружных цистерн в средней части корабля. Пусковая аппаратура и обслуживающие системы были установлены на освобожденных для них местах в 3-м отсеке. В связи с принятием на корабль дополнительных грузов были сняты торпеды и артустановка.

Опытные тактико-технические элементы подводной лодки пр. В613

Водоизмещение, т	1044
Осадка (в крейсерском положении), м	6,4
Глубина погружения, м:	
предельная	200
с ракетой, не более	30
Скорость, уз.:	
надводная (полный ход)	6,9
подводная: полный ход	4,7
экономический ход	2,5

Переоборудовали подводную лодку С-229 на заводе № 444. После проведения заводских ходовых испытаний в июле 1957 г. лодка была предъявлена комиссии.

Первый пуск ракеты С4.1 с движущейся подводной лодки был произведен 9 июля 1957 г. с глубины 29 м при скорости подводной лодки 2,5 узла в штилевую погоду. Второй пуск состоялся 18 июля с глубины 28,5 м при скорости подводной лодки 3,5 узла и волнении моря 2—3 балла. При третьем (последнем) пуске, произведенном

27 июля с глубины 28 м, скорость подводной лодки составила 4,5 узла. Все три пуска прошли успешно.

Испытания на этом были прерваны из-за отсутствия готовых ракет С4.1. Возобновились они только в следующем году, буквально через две недели после пусков ракет с жидкостным двигателем с неподвижного подводного стенда.

Первый пуск ракеты С4.5 с подводной лодки проекта В613 был совершен 29 марта 1958 г. С глубины 30 м при скорости 3,5 узла и волнении моря 2 балла ракета поднялась на высоту 60 м, а в момент приводнения разбилась. Хвостовая часть ее всплыла, а остальные части найдены не были. В шахте обнаружились незначительные повреждения.

Второй пуск состоялся 4 апреля при тех же параметрах глубины и скорости. На море стоял штиль. Ракета поднялась на высоту 50 м, после приводнения всплыла и благополучно была доставлена на техническую позицию.

Третий (последний) пуск был произведен 11 апреля также с глубины 30 м, но при скорости 4,5 узла и волнении моря 1—2 балла. Ракета поднялась на высоту 60 м, при падении разбилась и затонула.

Итак, первые в мире пуски баллистических ракет с подводной лодки в подводном положении были произведены в районе Балаклавы. В США же запустили свою первую ракету из-под воды 20 июля 1960 г. с подводной лодки «Джордж Вашингтон». Собственно говоря, американцы запуска ракеты не производили, они паром выстреливали ракеты из шахты под водой, а двигатель ракеты запускался только в воздухе.

Всего за 15 месяцев испытаний в Балаклаве со стенда и с подводной лодки С-229 было произведено 14 пусков ракет С4.1 и С4.5.

Эти испытания позволили доработать ракету Р-11ФМ для подводного старта. Новая модификация получила индекс С4.7. Вес ее составил 5470 кг.

23 января 1958 г. вышло постановление Совмина о переоборудовании подводной лодки Б-67 проекта В611 по проекту ПВ611 для запуска с нее опытных баллистических ракет С4.7 на полную дальность стрельбы из подводного положения.

Архитектура подводной лодки Б-67 при переоборудовании по проекту ПВ-611 практические осталась без изменения, и основные кораблестроительные элементы изменились незначительно.

Первый подводный старт с Б-67 в августе 1959 г. оказался неудачным. Лодка погрузилась на стартовую глубину. Находившиеся на опытном судне «Аэронавт» представители флота и промышленности ждали пуск. Время «Ч» прошло, по УКВ с «Аэронавта» запросили лодку, почему не выполнен старт, и получили в ответ: «Старт состоялся». После всплытия Б-67 была открыта шахта, где стояла нестартовавшая ракета, а через несколько секунд произошел самопроизвольный запуск двигателя ракеты. Ракета сорвала крепления по-походному и ушла в небо. Причину аварийного старта установить не удалось.

Следующая попытка подводного пуска с Б-67 состоялась почти через год, 14 августа 1960 г. В ходе заполнения шахты водой последовал удар, и лодку встряхнуло. Оказалось, что ракету сбросило со стартового стола, головная часть ракеты была смята. Причиной аварии оказался заводской дефект в системе заполнения шахты водой.

Только 10 сентября 1960 г. впервые в СССР состоялся пуск экспериментальной баллистической ракеты С-4.7 из подводного положения с подводной лодки Б-67 с глубины 30 метров при скорости лодки 3,2 узла. При этом ракета пролетела 125 км.

Однако вскоре все работы по С4.7 были прекращены, так как к этому времени в разработку уже была принята ракета с подводным стартом с существенно более высокими тактико-техническими данными и даль-

ностью свыше 1000 км. Был проведен конкурс проектов ракет, на который представили две ракеты: Р-15 комплекса Д-3 КБ М.К. Янгеля (у Янгеля начинал ракетную карьеру нынешний президент Украины Л.Д. Кучма) и Р-21 комплекса Д-4 КБ В.П. Макеева.

Замечу, что в книге «Ракеты и космические аппараты конструкторского бюро «Южное» говорится, что эскизный проект ракеты Р-21 был разработан в КБ Янгеля и передан в КБ Макеева в интересах ускорения создания ракет Р-14 и Р-16 для РВСН (ракетных войск стратегического назначения) у Янгеля.

По ряду причин постановлением Совмина от 3 декабря 1958 г. разработка ракеты Р-15 была прекращена.

Первый этап испытаний комплекса Д-4 с ракетой Р-21 (несекретное ее название 4К-55) было решено проводить на Балаклавском полигоне.

Сложность и медлительность операций с кабелями при испытании ракет С4.1. подвигли руководство полигона на грандиозный проект. Предусматривалось закрыть вход в балку Мраморную, по дну балки проложить рельсовый ход, установить мощные шлюзовые насосы и работать. Стенд готовится к пуску в верхнем положении, а на пуск спускается по рельсам на нужную глубину. При необходимости можно осушить балку и осмотреть все остатки ракет. Застопорила этот проект колоссальная стоимость. Хотя, если бы тогда знали, сколько придется построить стендов за историю полигона, проект скорей всего был бы осуществлен.

Параллельно с испытанием баллистической ракеты Р-21 полигон должен был испытывать «Аметист» — первую в мире крылатую ракету, стартующую из-под воды.

Для проведения испытаний этих комплексов в 1959—1960 гг. было проведено большое дооснащение Балаклавского полигона, капитальное строительство новых сооружений. На полигон поступили новые телеметрические станции «Трал», РТС-5И, передвижные электростанции, компрессоры высокого давления, автобусы, грузовые машины. Были построены основные испытательные сооружения части. На 2-й площадке воздвигли

трехэтажный монтажно-испытательный корпус с двумя сборочными цехами и 30-тонными монтажными мостовыми кранами, электроагрегатной спецтоков, профильными лабораториями на 1-м и 2-м этажах и аккумуляторную мастерскую. На 1-й площадке построили служебное здание с аппаратными для телеметрической аппаратуры, в Мраморной балке — новую лебедочную на 2 тяговые лебедки, причал и здание аппаратной.

Были оборудованы две морские позиции, на каждой — центральный массив с поворотным блоком и 4 понтона с ручными лебедками на каждом. Каждый понтон стоял на двух мертвых якорях.

На полигон протянули дополнительную железнодорожную ветку, проложили правительственную связь (на 2-ю площадку).

В городе построили жилой дом для офицеров. В районе штаба были построены гостиница и столовая военторга, в жилом городке поставлены финские домики.

В 1960 г. на полигоне была проведена помпезная операция «Скумбрия» — Всесоюзная выставка новейшего вооружения. На ней побывали руководители государства во главе с Н.С. Хрущевым, руководители стран демократии, министры обороны и командующие флотами.

К приезду Хрущева готовились очень тщательно. В тех местах, где он должен был побывать, на площадках были сделаны шикарные туалеты, но так как канализации на полигоне не было, то они делались на 1—2 посещения. После капитального ремонта штаба полигона в таком туалете разместили партком и машбюро. Пытались восстановить лестницу для спуска к морю. Отдельные марши лестницы валяются на спуске, наверное, и сейчас, но до приезда Хрущева не успели, а потом не было средств.

Для испытаний ракеты Р-21 в ЦКБ-16 был спроектирован погружающийся стенд ПСД-4. Он значительно отличался от первого стенда габаритными размерами, водоизмещением, усложненной конструкцией, боль-

шой насыщенностью приборами, увеличенной глубиной погружения.

Конструкция ПСД-4 представляла собой П-образный понтон, в прорези которого была установлена пусковая шахта без крышки, способная изменять свое положение с помощью гидравлики. Она могла занимать горизонтальное положение для погрузки макета на технической позиции и вертикальное положение для пуска на стартовой позиции. В шахте размещались пусковая установка и необходимые приборы.

В бортовых частях стенда размещались 10 балластных цистерн (по 5 с каждого борта) с кингстонами и клапанами вентиляции, приводы которых были сгруппированы и выведены на верхний мостик.

На палубе понтона находились 4 башнеподобные цистерны для обеспечения плавучести, внутри которых размещались электрическая аппаратура, приборы предстартовой подготовки, телеметрических измерений и пуска ракет, а также оборудование систем вентиляции и кондиционирования воздуха.

После затопления всех балластных цистерн (остаточная плавучесть при этом составляла около 5 т) стенд с помощью береговой лебедки и проложенного по дну троса устанавливался на заданной глубине стартовой позиции и удерживался от вращения в горизонтальной плоскости оттяжками с якорями.

Для передачи телеметрической информации во время прохождения ракетой подводного участка стенд соединялся кабелем с антенным плотиком.

Основные характеристики ПСД-4

Водоизмещение, т:	
в надводном положении	220
в подводном положении	650
Основные размерения, м:	
длина	24,0
ширина	8,6
высота борта	3,3
внутренний диаметр пусковой шахты	2,45
Осадка (с ракетой), м	1,75

Стенд был изготовлен на заводе № 444 в Николаеве.

Параллельно подводная лодка С-229 была вновь переделана, но на сей раз по проекту 613Д4. В 4-м отсеке лодки в диаметральной плоскости установили пусковую шахту длиной 14 126 мм и внутренним диаметром 2450 мм без крышки, для чего убрали часть жилых помещений и одну группу аккумуляторных батарей. Верхняя часть шахты выступала над палубой на 6,8 м, а нижняя — на 2 м за корпус лодки. В пусковой шахте находились пусковая установка, электрические и воздушные разъемы и датчики. Для обслуживания ракеты на лодке предусматривались новые системы заполнения и осушения шахты, автономной гидравлики, подачи сжатого воздуха к шахте и пусковой установке, заполнения (самотеком) кольцевого зазора. Для передачи телеметрической информации на береговые станции был разработан буксируемый плотик с антеннами. Объемное водоизмещение подводной лодки после переоборудования возросло с 1045 т до 1104 т, а осадка увеличилась с 4,55 м до 4,95 м.

Завод № 444 закончил изготовление стенда в мае 1961 г., а лодка была сдана лишь в июне того же года.

В Балаклаве проводились испытания макетных образцов ракеты Р-21, получивших индекс К1.1.

Первый пуск ракеты К1.1 со стенда ПСД-4 был произведен 17 мая 1961 г., но ракета так и не вышла из-под воды. Второй пуск 25 мая был удачный. Всего до 22 июля 1961 г. провели 5 пусков К1.1.

Пуски второго этапа испытаний производились с 29 августа по 11 сентября 1961 г. с движущейся подводной лодки С-220 пр. 613Д4. Ракета К1.1 стартовала с глубины 40 м при скорости лодки 2,5 узла. Старт прошел нормально, движение ракеты в воде, выход из воды и движение на начальном воздушном участке траектории были устойчивыми. Отсечка двигателя произошла в заданное время. Поднявшись на высоту 250—300 м, ракета упала на расстоянии 1500—2000 м от места выхода

и при ударе о воду взорвалась из-за смешивания остатков компонентов топлива.

Остальные два пуска второго этапа прошли при аналогичных условиях, за исключением того, что скорость лодки была увеличена до 3,5 узла.

Испытания доказали надежность старта ракеты из подводного положения с движущейся подводной лодки при скорости не более 3,5 узла, безопасность личного состава, конструкций подводной лодки, пусковой установки и самой ракеты.

Третий и четвертый этап испытаний проводились опять на стенде ПСД-4 с 21 октября по 3 ноября 1961 г. На третьем этапе была установлена возможность применения для ракеты Р-21 пусковой шахты меньшего диаметра — 2150 мм. А на четвертом этапе испытаний была подтверждена безопасность подводной лодки при пуске из подводного положения в случае заклинивания ракеты в шахте.

В феврале 1962 г. начались совместные испытания комплекса Д-4 на Северном флоте. Всего в ходе испытаний было проведено 27 пусков. В мае 1963 г. комплекс Д-4 был принят на вооружение.

1 апреля 1959 г. вышло Постановление Совмина № 363-170 о разработке первой в мире противокорабельной ракеты «Аметист» с подводным стартом. Головным разработчиком назначили ОКБ-52.

Ракета «Аметист» проектировалась для двух режимов дальности стрельбы: 40—60 км при высоте полета 60 м и 80 км на больших высотах. Длина ракеты 8,2 м, диаметр корпуса 650 мм, стартовый вес 3,7 т.

«Аметист» была первой твердотопливной ракетой, разработанной в ОКБ-52. Замечу, что там ни до «Аметиста», ни после особых симпатий к твердотопливным крылатым ракетам не питали, предпочитая ракеты на жидком топливе.

Первый этап испытаний ракет «Аметист» состоял в отработке подводного старта ракет, в ходе которого

производились так называемые бросковые пуски. Для таких пусков в ЦКБ-16 в 1959 г. спроектировали специальный погружаемый стенд ПСА (погружаемый стенд «Аметист»), на котором пусковые контейнеры ракет СМ-10 располагались под углом 32,5°. В 1960 г. стенд ПСА был изготовлен заводом № 444. В июне 1961 г. ПСА был сдан судоремонтному полигону. Стенд базировался на Балаклаву, а пуски с него производились в бухте Мраморной у мыса Фиолент. Стрельбы обеспечивались кабельным судном КС-4, на котором находился пост дистанционного управления стендом.

Первый пуск в Мраморной бухте состоялся 24 июня 1961 г. Фактически вместо ракеты «Аметист» стреляли габаритно-весовым макетом (ГВМ). На нем из штатного оборудования имелся только стартовый агрегат. Испытания прошли успешно — ГВМ прошел по расчет-

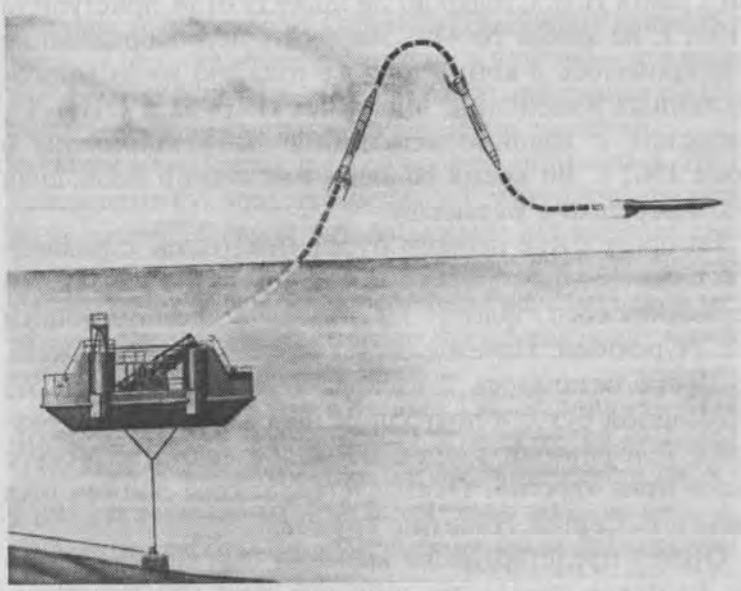

Схема обработки старта крылатой ракеты «Аметист» с подводного стенда.

ной подводной траектории и нормально вышел из воды. Через два дня провели повторный пуск ГВМ и снова удачно.

После этого было решено перейти к пускам ракет, полностью укомплектованных бортовой аппаратурой, за исключением головки самонаведения. Кроме того, маршевый двигатель был снабжен одной шашкой смесевого топлива вместо двух. Длительность горения этой шашки составляла всего 25 с. В апреле — мае 1962 г. со стенда ПСА было запущено 6 таких ракет, из них 4 пуска прошли успешно, а 2 — нет.

Для испытания ракет «Аметист» в ЦКБ-16 в июле 1960 г. закончили технический проект 613А, по которому должны были переделать штатные подводные лодки проекта 613. На лодки устанавливались две пусковые установки типа СМ-107.

К переоборудованию лодки С-72 (командир — капитан 2 ранга Н.Б. Столяров) по проекту 613А приступили в 1961 г. на заводе № 444. Закончить переоборудование планировалось в конце того же года, но из-за многочисленных изменений, вносимых ОКБ-52 и НИИ-49, заводские и ходовые испытания были закончены в июне 1962 г. Во время ходовых испытаний подводная лодка перешла в Балаклаву.

На проведение первого пуска «Аметиста» с подводной лодки в Мраморную бухту прибыло все начальство Черноморского флота во главе с командующим С.Е. Чурсиным. Начался отсчет оперативного времени. До пуска оставалось 2 часа. С-72 маневрировала по Мраморной бухте в подводном положении. Вдруг раздался телефонный звонок из штаба флота: «Пуску с лодки пока «дробь». Оказывается, вскоре должен был подъехать Сергей Никитич Хрущев.

Отсчет предстартового времени был прекращен, а все флотское начальство ринулось на КПП Балаклавского полигона встречать высокого гостя. КПП располагалось на бугорке. И вот, не доезжая метров 70—80 до

бугорка, в низине, останавливаются две обкомовские «Волги». В первой машине открывается дверь, оттуда выскакивает амбал в штатском и услужливо открывает заднюю дверь, из которой вылезает молодой человек. На нем тенниска салатного цвета с короткими рукавами (их тогда называли «бобочка»), брюки кофейного цвета (тогда тоже были модные, китайские) и босоножки коричного цвета на босу ногу. Как вспоминает Ю.С. Кузнецов: «Не знаю, откуда он прибыл на м. Фиолент, видимо, где-то отдыхал в санатории, но видок у него был весьма импозантный, больше он походил на рядового работягу; выйдя из машины, Сергей сладко потянулся». Все начальство во главе с адмиралом Чурсиным ринулось под горку пожать руку Сергею Никитичу.

Потом С.Н. Хрущев с сопровождавшим его руководством из Крымского обкома проследовал на смотровую площадку в Мраморную бухту. Оглядев бухту, Сергей изрек: «Ну что, сей полудрагоценный камень втиснется в нашу драгоценную корону?» Полудрагоценный камень — это, понятно, «Аметист», а корона — это крылатые ракеты П-5, П-6 и П-35, испытывавшиеся на Севере, в Неноксе, где дела шли в целом неважно.

Пуск «Аметиста» с С-72 прошел нормально. Не поблагодарив руководство полигона за отлично проведенную работу, Сергей важно сказал: «Разрешаю делать второй пуск» — и убыл в неизвестном направлении. Между тем программа пусков была рассчитана до мелочей заранее, и время второго пуска никак не зависело от результатов первого.

Второй пуск в том же июле 1962 г. прошел удачно. В обоих пусках ракеты 4К-66 имели ту же комплектацию, что и в предыдущие 6 пусков со стенда ПСА. На этом экспериментальные испытания закончились, и дальнейшие работы по «Аметистам» были перенесены на полигон «Песчаная Балка».

Летно-конструкторские испытания ракет «Аметист» проводились на «Песчаной Балке» с декабря 1962 г. по

декабрь 1964 г. в объеме 15 пусков (с 12 декабря 1962 г. по 15 декабря 1964 г.). Из них три пуска было по подвижной мишени КЦ-183Ц, шедшей со скоростью около 30 уз., и 4 пуска по групповой цели. Группу целей составляли мишень пр. 1784, БКЩ пр. 436-бис и тот же катер-цель КЦ-183Ц. Дальность стрельбы — до 70 км.

6 ноября 1967 г. одновременно были подписаны два акта — акт о приемке комплекса «Аметист» на вооружение и акт о вводе в строй головной атомной подводной лодки проекта 670 К-43. Вслед за головной лодкой в строй вошли еще 10 атомоходов проекта 670 с ракетными комплексами «Аметист».

Формально комплекс «Аметист» был принят на вооружение ВМФ постановлением Совмина от 3 июня 1968 г. В ВМФ ракета «Аметист» получила секретный индекс П-70 и несекретный — 4К66. Ко времени принятия на вооружение было произведено 50 пусков ракет «Аметист».

Начало серийного производства американских атомных подводных лодок, и особенно подводных лодок с баллистическими ракетами «Поларис А-1», заставило советское руководство всерьез заняться средствами противолодочной обороны (ПЛО).

Постановлением Совмина № 111-463 от 13 октября 1960 г. было предусмотрено создание принципиально новых противолодочных ракетных комплексов для вооружения подводных лодок и надводных кораблей в целях обеспечения «эффективного поражения подводных лодок противника на больших дистанциях». По этому постановлению были начаты работы над ракетными комплексами «Вьюга», «Шквал», «Вихрь», «Пурга» и торпедами «Енот», ПЛАТ-1, ПЛАТ-2 и др.

Ракетный комплекс РПК-2 «Вьюга» был первым отечественным ракетным комплексом класса «подводная лодка — воздух — подводная лодка».

Первоначально головным разработчиком комплекса было ОКБ-9 (Уралмаш), но 20 июля 1964 г. работы над

«Вьюгой» были переданы ОКБ-8 с передачей в ОКБ-8 инженерно-технического персонала, работавшего по теме. Главным конструктором комплекса «Вьюги» был назначен Л.В. Люльев.

Помимо подводных лодок РПК-2 мог при необходимости поражать надводные корабли.

Ракеты «Вьюга» запускались из штатных торпедных аппаратов подводных лодок. Ракеты выстреливались из торпедных аппаратов сжатым воздухом, затем включался стартовый двигатель, с помощью которого ракета выходила из воды, и лишь в воздухе включался твердотопливный маршевый двигатель.

Первоначально ракета проектировалась в двух вариантах — диаметром 533 мм и диаметром 650 мм для пуска из торпедных аппаратов соответствующих калибров.

Ракета «Вьюга» калибра 533 мм длиной 8,2 метра представляла собой аналог американской ракеты «Саброк»[1].

Ракета «Вьюга» калибра 650 мм длиной 11,3 м в качестве боевой части имела винтовую малогабаритную самонаводящуюся торпеду с зарядом обычного взрывчатого вещества и дальностью хода 8—10 км.

По сложившейся традиции первый этап испытаний комплекса «Вьюга» решили проводить на Балаклавском полигоне.

Для испытаний 650-мм ракет на заводе № 444 был переоборудован погружающийся стенд ПСД-4, созданный для испытаний баллистических ракет комплекса Д-4. Стенд получил новый индекс В-1.

Первый пуск комплекса «Вьюга» со стенда состоялся 9 апреля 1963 г. Испытания шли тяжело. Удачных пусков с полным выполнением программы было мало. На первом этапе отработки подводного участка часто не

[1] Ракета «Саброк» принята на вооружение подводных лодок в 1964 г., стартовый вес 1853 кг. После выхода из воды движение по баллистической траектории. Система управления ракеты инерциальная, без коррекции. Боевая часть только специальная W-55 мощностью 5 кТ.

срабатывало устройство сброса грузов, которое должно было обеспечить возможность многоразового использования ракеты. Иногда грузы отстреливались в аппарате и заклинивали изделие в контейнере. Бывало, что грузы не отстреливались, и приходилось искать изделие под водой на большой площади.

На этапе отработки воздушного участка изделие то не выходило из воды, то выходило, но не летело в нужное место и самоликвидировалось из-за выхода за пределы безопасной для пуска зоны. Отклонения от заданной трассы стрельбы, как испытатели ни увеличивали пределы опасного сектора, всегда его превосходили, и изделие самоликвидировалось.

Последний, девятый, пуск со стенда состоялся 26 февраля 1964 г.

Для испытаний 650-мм и 533-мм ракет «Вьюга» на заводе № 444 подводная лодка С-65 проекта 613 была переделана в проект 613РВ. Лодка была оснащена двумя 533-мм и двумя 650-мм торпедными аппаратами. Для обеспечения пусков ракет калибра 650 мм вне прочного корпуса лодки в районе носовой оконечности смонтировали две пусковые установки, закрыв их водопроницаемым обтекателем. В новых отсеках разместили приборы управления стрельбой «Вьюга К-613РВ», навигационный комплекс «Север Н-613РВ», аппаратуру предстартовой подготовки, телеметрии и др. Надводное водоизмещение подводной лодки достигло 1055 т, а подводное — 1350 т.

В ноябре 1964 г. межведомственная комиссия Черноморского флота приняла лодку в состав опытовых кораблей. Она перешла в Феодосию к месту постоянного базирования. С 1965 г. по май 1967 г. в ходе летно-конструкторских испытаний с подводной лодки С-65 произвели 21 пуск. В ходе государственных испытаний с 16 мая по 25 июля 1968 г. с лодки было выполнено 17 пусков.

Ракета меньшего диаметра была принята на вооружение под индексом 82Р. Постановлением Совмина № 617-209 от 4 августа 1969 г. ракетный комплекс «Вьюга» с ракетой 82Р был принят на вооружение. Этот ракетный комплекс получил индекс РПК-2, он поступил на вооружение атомных подводных лодок проектов 705, 705К, 671, 671РТ, 671РТМ.

На Балаклавском полигоне с 1962 г. испытывались и неуправляемые противолодочные ракеты «Вихрь».

В комплекс входили спаренная пусковая установка и система управления, которая вырабатывала исходные данные для стрельбы по целеуказаниям от корабельной гидроакустической станции или противолодочного вертолета.

Сама ракета — баллистическая твердотопливная неуправляемая. Поражение подводной лодки обеспечивалось специальной боевой частью на дистанциях от 10 до 28 км и на любых глубинах. Стрельба могла производиться одиночными ракетами или двухракетным залпом. Главный конструктор комплекса Н.П. Мазуров.

Для испытаний на 5-й площадке установили две пусковые установки. В ходе испытаний предлагалось выбрать также тип пусковой установки.

В бункере была смонтирована система управления пуском. Пороховые двигатели собирались в снаряжательной мастерской на третьей площадке. Вся ракета собиралась в 5-м хранилище. Собранная ракета на технологической тележке доставлялась на 5-ю площадку и автокраном загружалась на пусковую установку.

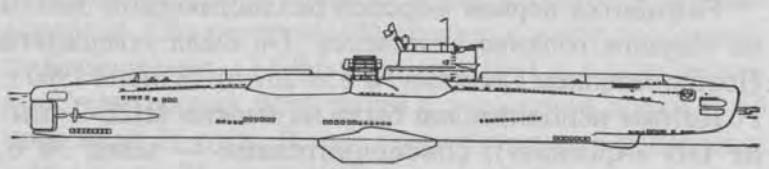
Разработка первой морской баллистической ракеты на твердом топливе комплекса Д-6 была утверждена Постановлением Совмина № 656-267 от 18 июня 1960 г. Головным исполнителем было назначено ЦКБ-7 (ныне ПО «Арсенал»), соисполнителями — завод № 6, НИИ-13, 88, 137, ЦКБ-34 и другие. В том же году был разработан эскизный проект комплекса Д-6.

Ракета имела две ступени. Стартовый вес ее составлял 21—22,5 т. Длина ракеты полная 14,5—15 м, максимальный диаметр корпуса 1,85 м. Дальность стрельбы 2500 км (первоначально было задано 800 км). Круговое вероятное отклонение составляло 4 км. Головная часть моноблочная с боевой частью типа «49» мощностью 0,3—1 мегатонна.

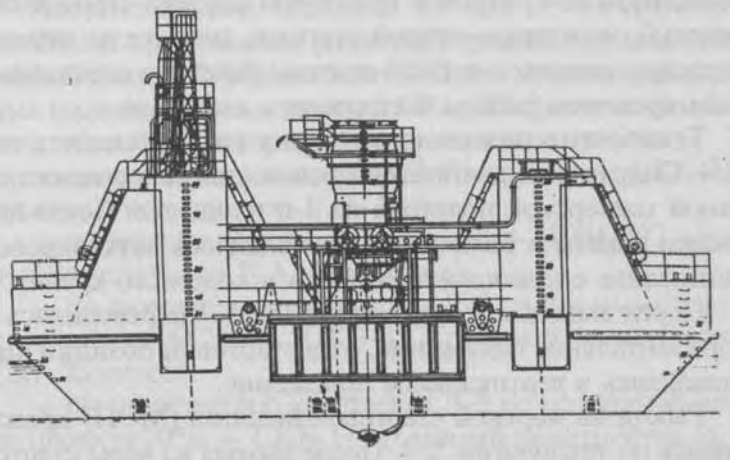
К концу 1959 г. ЦКБ-16, пользуясь предварительными данными, полученными от головных исполнителей комплекса, разработало эскизный проект 629Д6 размещения на подводной лодке проекта 629 ракетного комплекса Д-6. На лодке предусматривалась установка трех ракет в вертикальных шахтах. Параллельно был разработан технический проект 613Д6 переоборудования подводной лодки проекта 613 для отработки и испытания на ней комплекса Д-6 путем запуска натурных макетов ракеты на ходу подводной лодки. Проект 613Д6 был завершен в ноябре 1960 г., а в январе 1961 г. рабочие чертежи были переданы заводу № 444.

На заводе № 444 в Николаеве началось строительство погружающегося стенда ПСД-6 для отработки ракет комплекса Д-6.

Работы над Д-6 были прекращены на стадии опытно-конструкторской отработки постановлением Совмина № 316-137 от 4 июня 1961 г., где Д-6 был назван «неперспективным изделием». Тем же Постановлением Совмина началась разработка нового комплекса Д-7 с твердотопливной ракетой РТ-15М.

Подводная лодка пр. 613Д7.

Погружающийся стенд ПСД-7.

Головными исполнителями были утверждены:

— по ракетном комплексу — СКБ-385 МО (главный конструктор В.П. Макеев);

— по размещению комплекса на новых подводных лодках — ЦКБ-18 ГКС (начальник и главный конструктор бюро П.П. Пустынцев);

— по разработке технической документации на переоборудование погружающегося стенда и подводных лодок проектов 613 и 629Б — ЦКБ-16 ГКС (начальник и главный конструктор Н.Н. Исанин).

К этому времени техническая готовность стенда ПСД-6 составляла 47%. Лишь в конце 1962 г. на завод прибыла документация на переделку погружающегося стенда ПСД-6 в ПСД-7. Многострадальная подводная лодка С-229, которую уже переделывали по проекту 613Д6, стала переделываться по проекту 613Д7. Окончательно работы были завершены в июле 1963 г.

Пуски ракет комплекса Д-7 на Балаклавском полигоне начались в 1964 г. Макет ракеты имел индекс К1.9.

На полигон на испытания поставлялось изделие К1.9, которое состояло из головной части (там размещалась

аппаратура телеметрии и нештатная система управления ракеты), имитатора второй ступени, имитатора первой ступени, двигателя первой ступени ракеты с ограниченным временем работы и стартового двигателя.

Технология подготовки к пуску ракеты аналогична Д-4. Снаряжение двигателей производилось в снаряжательной мастерской полигона на 3-й площадке. После доставки ракеты в Балаклаву производилось двухкрановое кантование с помощью плавкрана и колесного крана.

Перед выходом в море шахта ПСД-7 переводилась в горизонтальное положение, а на стартовой позиции выставлялась в вертикальное положение.

Работа на морской стартовой позиции (МСП) проводилась по технологии Д-4. После выхода из воды стартовый двигатель отбрасывался, а двигатель первой ступени уводил ракету в сторону, чтобы не повредить ПСД-7.

Всего было произведено два пуска ракет К1.9.

Начало совместных испытаний ракеты РТ-15М (4К-22) Постановлением Совмина № 800-273 от 16 июля 1963 г. было отложено до получения положительных результатов испытаний межконтинентальной твердотопливной ракеты РТ-2. Кстати, ракета РТ-15 (8К96) представляла собой вторую и третью ступени ракеты РТ-2 (8К98).

Однако работы по РТ-2 (8К98) сильно затянулись. Первый пуск ее состоялся лишь в феврале 1966 г., а на вооружение она была принята лишь 18 декабря 1968 г. Поэтому, а также в связи с началом работ по комплексу Д-5 решением Комиссии по военно-промышленным вопросам ВСНХ СССР от 24 марта 1964 г. все работы по комплексу Д-7 были прекращены. К этому времени подводная лодка проекта 613Д7 была подготовлена к испытаниям ракет, но в связи с закрытием темы ее возвратили на завод № 444 для демонтажа оборудования. В ЦКБ-7 началась разработка новой твердотопливной ракеты Р-31 в составе комплекса Д-11. Главным конструктором комплекса стал П.А. Тюрин.

Постановлением Совмина № 386-179 от 24 апреля 1962 г. принимается решение о разработке малогабаритной ракеты Р-27 комплекса Д-5 для вооружения атомных подводных лодок проекта 667А. Постановлением были утверждены головными исполнителями работ:

— по ракете и комплексу Д-5 в целом — СКБ-385 (главный конструктор В.П. Макеев);

— по системе управления ракетой — НИИ-592 (главный конструктор Н.А. Семихатов);

— по размещению комплекса Д-5 на подводной лодке проекта 667А — ЦКБ-18 (главный конструктор С.Н. Ковалев);

— по размещению комплекса Д-5 на подводной лодке проекта 705Б — СКБ-143 (главный конструктор М.Г. Русанов);

— по разработке технической документации погружающегося стенда и экспериментальной подводной лодки для отработки и испытаний комплекса Д-5 — ЦКБ-16 (главный конструктор Н.Н. Исанин).

Проект 705Б через полгода был передан из СКБ-143 в ЦКБ-16, где получил новый номер 687[1].

Первый этап испытаний ракеты Р-27 было решено провести в Балаклаве. Для этого в ОКБ-16 был разработан проект переоборудования стенда ПСД-7 в ПСД-5.

Основные данные ПСД-5

Водоизмещение, т,	241
Основные размерения, м:	
длина	24,0
ширина	8,6
высота борта	3,3
длина шахты с пусковой установкой	9,75
внутренний диаметр шахты	1,7
Осадка (с ракетой), м	1,95
Глубина погружения рабочая, м, не более	50
Скорость буксировки, уз, не более	4
Сохранение мореходных качеств:	
при волнении моря, баллов, не более	3
при скорости ветра, м/с, не более	10

[1] Приказ председателя Государственного комитета по судостроению от 11 декабря 1962 г.

А бедную лодку С-229 из проекта 613Д7 стали переделывать в проект 613Д5.

Бросковые испытания макета ракеты Р-27, получившего индекс 4К-10, состоялись 25 сентября 1965 г. со стенда ПСД-5 в Мраморной бухте.

С января 1967 г. начались испытания натурных макетов 4К-10 ракет Р-27 с подводной лодки проекта 613Д5. На испытаниях проверялись поведение ракеты при выходе из-под воды на начальный участок воздушной траектории на подводном ходу лодки и функционирование всех систем, обслуживающих ракету.

Первый пуск натурного макета, произведенный 18 января 1967 г. с глубины 45 м при скорости хода 3 узла, волнении моря 3 балла и скорости ветра 7—8 баллов, прошел нормально. 10 августа 1967 года был проведен последний, шестой, пуск с подводной лодки проекта 613Д7.

Полномасштабные летные испытания ракет Р-27 были проведены на Северном флоте на головной подводной лодке К-137 «Ленинец» проекта 667А.

Постановлением Совмина № 162-164 от 13 марта 1968 г. комплекс Д-5 с ракетой Р-27 был принят на вооружение ВМФ.

22 сентября 1964 г. вышло Постановление Совмина № 808-33 о начале работ над первой межконтинентальной лодочной ракетой Р-29 комплекса Д-9. Головным разработчиком комплекса Д-9 было назначено СКБ-385 (позже переименованное в КБМ). Кроме того, в разработке участвовали:

— НИИ-592 (позже — НИИавтоматики), главный конструктор Н.А. Семихатов — по комплексу бортовых и корабельных систем управления стрельбой и полетом ракет;

— ЦПБ «Волна», главный конструктор Н.Ф. Шульженко — по переоборудованию подводной лодки проекта 658 под комплекс Д-9 (проект 701);

— ОКБ-2, главный конструктор А.М. Исаев — по разработке ракетных двигателей первой и второй ступеней ракеты;

— ННН-885, главный конструктор Н.А. Пилюгин — по разработке бортовой гиростабилизированной платформы с астровизиром и созданию азимутальной астрокоррекции полета.

Ракеты Р-29 с дальностью около 7800 км могли поражать территорию вероятного противника из удаленных районов Мирового океана, вне эффективной зоны противолодочной обороны противника или из операционных зон Северного или Тихоокеанского флота под прикрытием собственной ПВО и ПЛО. В крайнем случае ракеты могли быть запущены из собственных баз прямо от причала. Поэтому новые ракеты могли запускаться как из-под воды, так и в надводном положении подводной лодки.

Для нового комплекса ЦКБ-16 разработало проект нового погружающегося стенда ПСД-9.

Основные данные ПСД-9

Водоизмещение, т:	
надводное	433,5
подводное	996
Основные размерения, м:	
длина	24,0
ширина	10,2
высота борта	3,6
высота пусковой шахты	13,5
внутренний диаметр шахты	2,1
Осадка, м:	
с ракетой	5,4
без ракеты	5,2
Глубина погружения рабочая, м	40—50
Скорость буксировки, уз	3—4
Сохранение мореходных качеств при волнении моря, баллов, не более	2

В конце 1966 г. на завод № 444, где изготавливался ПСД-9, доставили пусковую установку 4С-75.

Пуски ракеты 4К-75 проводились с плавучего стенда ПСД-9 с глубины 40—50 метров (шесть пусков) и из

подводного положения полностью затопленной шахты (один пуск).

Первый пуск ракеты 4К-75 с погруженного стенда ПСД-9 состоялся 23 сентября в Мраморной бухте. Старт был неудачным из-за выхода из строя амортизаторов и преждевременной остановки двигателя. Ракета, не достигнув расчетной высоты, упала и при ударе о воду взорвалась. Образовалось большое токсичное облако из продуктов сгорания и несгоревших компонентов топлива, которое ветром понесло в направлении командного пункта испытаний. Пришлось надеть противогазы и эвакуировать участников испытаний.

Второй пуск, из надводного положения стенда, был очень важным. Его результаты подтвердили возможности старта ракет комплекса Д-9 с подводных лодок не только из подводного, но, в случае необходимости, и из надводного положения.

После седьмого пуска комиссия приняла решение о возможности перехода ко второму и третьему этапам испытаний.

В 1967—1968 гг. на полигоне в Балаклаве провели 7 пусков ракеты 4К-75Б со стенда ПСД-9. Первый пуск состоялся 18 сентября 1967 г.

На первых двух пусках происходили события, в которые не верили судостроители, — вырывало шахту, и она всплывала вместе с цистерной плавучести. Очевидно, что если бы эти испытания производились с подводной лодки, она бы погибла. По этим пускам была произведена корректировка крепления шахты к корпусу подводной лодки. Во время третьего пуска прошла команда АВД (аварийное выключение двигателя). Стенд сняли с позиции и вернулись в Балаклаву, причем стенд не хотели туда пускать с аварийной ракетой. Был разработан план аварийных работ со всеми возможными мерами безопасности, и только тогда испытателей пустили в Балаклаву.

Дальнейшие пуски ракет Р-29 проводились на полигоне Капустин Яр (20 пусков) и в Баренцевом море с подводных лодок проектов 701 и 667Б (20 пусков).

Постановлением Совмина № 177-67 от 12 марта 1974 г. комплекс Д-9 с ракетой Р-29 был принят на вооружение ВМФ.

В конце 1970 г. — начале 1971 г. в руководстве ВМФ возникла идея замены комплекса Д-5 на атомных подводных лодках проекта 667А на новый более эффективный. На конкурсной основе было рассмотрено два проекта: на твердом топливе — КБ «Арсенал» (главный конструктор П.А. Тюрин) и на жидком ракетном топливе — СКБ-385 (главный конструктор В.П. Макеев). В итоге конкурса, проведенного в институте № 28 ВМФ, выбор пал на проект КБ «Арсенал».

10 июня 1971 г. вышло Постановление Совмина № 374-117, согласно которому КБ «Арсенал» приступило к работам по проектированию ракеты Р-31 комплекса Д-11.

Одним из требований заказчика было сохранение прежнего диаметра шахты, чтобы не затронуть прочный корпус подводной лодки. Это условие ограничивало увеличение размеров ракеты, что, в свою очередь, сокращало возможности по увеличению дальности ракеты. По просьбе разработчиков КБ «Арсенал» заказчик разрешил немного увеличить высоту шахты. Размеры диаметра ракеты были выбраны предельными, оставляя зазор между ракетой и шахтой минимальным по условиям размещения системы амортизации. При таких ограничениях удалось обеспечить заданную дальность полета, но за счет увеличения веса ракеты. Этот, казалось бы, недостаток обернулся рядом преимуществ. Так, при старой схеме старта заполнение шахты водой требовало мощных насосов, шум которых демаскировал подводную лодку, увеличивал время предстартовой подготовки, следовательно, это снижало боеготовность и боевую устойчивость подводной лодки.

В комплексе же Д-11 происходил сухой старт с помощью порохового аккумулятора давления, при задействовании которого ракета выталкивалась пороховыми газами, разделительная мембрана прорывалась пороховыми газами и ходом ракеты. Это позволяло осуществить катапультируемый старт при погружении подводной лодки на глубину 50 м, при ходе корабля до 5 узлов и при волнении моря до 8 баллов. Причем запуск маршевого двигателя происходил над водой, что также было условием заказчика, в целях большей безопасности подводной лодки.

Для бросковых испытаний КБ завода «Арсенал» разработало испытательный реактивный снаряд (ИРС). ИРС по весу и габаритам соответствовал ракете. На нем был установлен двигатель 1-й ступени со штатной камерой сгорания, но заряда топлива хватало только для обеспечения увода ИРС в сторону от погружающегося стенда, чтобы не повредить его. Штатный вес ИРСа создавался четырьмя грузами весом 3,3 т. Грузы крепились пироболтами. Предусматривалось, что на воздушном участке грузы будут отстреливаться и ИРС, получив положительную плавучесть, после приводнения не утонет, его можно будет использовать для следующих экспериментов. В головной части ИРСа были размещены сбрасываемые и вылавливаемые емкости с кассетами телеметрической системы «Мир». На головной части был установлен узел формирования каверны. Каверна была необходима для стабилизации ракеты на подводном участке, так как под водой ракета шла без работающих двигателей. Запуск двигателя предусматривался только после выхода ракеты из воды.

В 1972 г. в Балаклаву был доставлен модернизированный под Р-31 погружающийся стенд ПСД-9. В 1972—1976 гг. в Мраморной бухте провели 17 пусков макетов ракеты Р-31, причем 3 из них провели их подводного положения стенда. Затем испытания были перенесены на другие полигоны.

В 1980 г. комплекс Д-11 приняли в опытную эксплуатацию на подводную лодку К-140. Кроме того, 1 сентября 1969 г. вышло постановление Совмина о создании атомной подводной лодки проекта 999, вооруженной 16 ракетами Р-31. Проектирование лодки велось в ЦПБ «Волна». В конце 1973 г. работы по подводной лодке проекта 999 были прекращены в связи с переходом ЦПБ на новую тематику. Согласно договору ОСВ-1 все оставшиеся ракеты Р-31 были уничтожены выстреливанием с подводных лодок, а К-140 была списана в январе 1990 г.

Последней баллистической ракетой, испытанной на Балаклавском полигоне, стала ракет Р-39 комплекса Д-19.

Р-39 имела три ступени с твердотопливными двигателями. В состав боевой части входило десять боеголовок и жидкостный реактивный двигатель, обеспечивавший индивидуальное наведение головки на цель. Стартовый вес ракеты составлял 90 т.

Для проведения испытаний ракеты Р-39 в Николаеве был построен новый плавучий стенд. А Кронштадтский морской завод переоборудовал дизельную ракетную лодку К-159 проекта 629А в проект 619. В лодке была размещена только одна шахта для запуска ракет Р-39. После переоборудования лодка получила наименование БС-153 и была по внутренним водным путям переведена на Черное море.

По проекту Д-19 в Мраморной бухте с погружающегося стенда было произведено 7 пусков (первый состоялся в сентябре 1977 г.).

26 октября 1978 г. БС-153 вошла в состав 155-1 бригады подводных лодок. 29 декабря она произвела под Балаклавой первый в ВМФ СССР пуск ракеты комплекса Д-19. В 1979 г. провели еще 6 удачных пусков.

До 1987 г. подводная лодка БС-153 под командованием капитана 1 ранга М. Горишного обеспечивала ис-

пытания новой техники, затем с января 1987 г. была переведена в состав 153-й бригады подводных лодок и начала подготовку к испытаниям по плану объединения «Рубин». Но в сентябре 1990 г. в связи с невозможностью дальнейшего использования по прямому назначению и нецелесообразностью восстановления она была исключена из состава ВМФ и сдана на металлолом.

На совместных летных испытаниях с наземного стенда на полигоне Капустин Яр было запущено 17 ракет Р-39. Больше половины пусков были неудачными из-за недоработки двигателей первой и второй ступеней. После доработки двигательных установок начались пуски ракет с головной подводной лодки типа «Акула». Из 13 пусков 11 были успешны.

После окончания совместных летных испытаний комплекс Д-19 с ракетой Р-39 и головной крейсер ТК-208 проекта 941 подвергли интенсивной эксплуатации, по положительным результатам которой комплекс Д-19 был в 1984 г. принят на вооружение.

Несколько слов скажу о крылатой ракете «Малахит». Разработка крылатой ракеты «Малахит» велась ОКБ-52 по Постановлению Совмина № 250-89 от 28 февраля 1963 г. (по одному постановлению с «Базальтом»). Головным разработчиком ее было все то же ОКБ-52.

Ракета «Малахит», имевшая индексы секретный П-120 и несекретный 4К-85, предназначалась на замену «Аметиста», но, в отличие от «Аметиста», новая ракета могла запускаться как с подводных лодок, так и с надводных кораблей.

П-120 внешне повторяла обводы П-70, но существенно отличалась конструкцией стартовых агрегатов. Как мы уже знаем, стартовый агрегат П-70 состоял из двух спарок, а стартовик П-120 повторял конструкцию стартовиков семейства П-5, то есть имел двухтрубную конструкцию с двумя двигателями отброса. В такой комплектации П-120 запускалась и с надводных кораблей. А для пуска с подводных лодок на каждую из труб насаживалось еще по одной (малой) трубе. В этих трубах находились двигатели подводного хода.

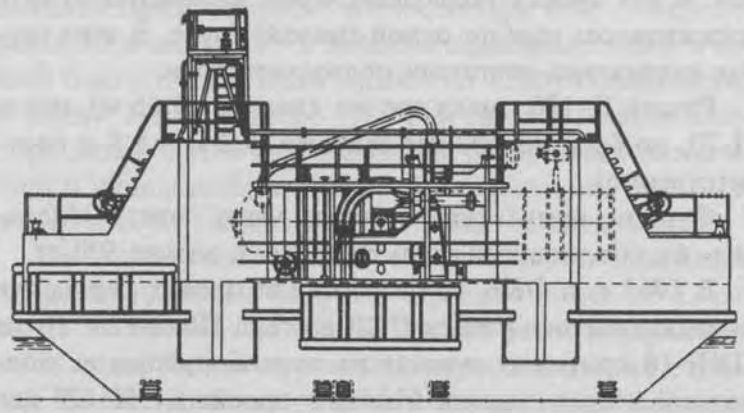
Ракета П-120 имела тот же диаметр (0,65 м), что и П-70, но была на 600 мм длиннее (8,2 м и 8,8 м соответственно).

Фугасно-кумулятивная боевая часть ракеты «Малахит» была одинакова с «Аметистом» и весила 500 кг.

В 1963 г. в ОКБ-16 разработали проект переделки погружающегося стенда ПСД в стенд ПСП-120. То же ЦКБ-16 получило задание на переоборудование подводной лодки проекта 613АД в проект 613П-120 для подводного пуска ракет «Малахит». Однако проработки ЦКБ-16 показали, что из-за малого водоизмещения подводная лодка проекта 613П-120 в момент старта будет малоуправляемой. Поэтому разработчики предложили использовать для опытных пусков «Малахита» лодки проекта 611 с большим водоизмещением. ВМФ согласился с заключением Бюро по проектной проработке и дал согласие выделить для переоборудования подводную лодку проекта АВ611. Однако переоборудование выполнено не было. ГКС и ВМФ приняли решение проводить летно-конструкторские испытания с боевой подводной лодки проекта 670М.

Переоборудование стенда ПСА по проекту ПСП-120 на заводе № 444 продвигалось медленно из-за задержки основными разработчиками и изготовителями поставок частей комплекса: пусковой установки, аппаратуры корабельной системы управления ракетой, аппаратуры корабельных систем предстартовой подготовки и старта и контрольно-измерительной аппаратуры.

Только в августе 1968 г. закончились основные монтажные работы, и стенд перевели на техническую позицию в/ч 99375 в Балаклаву, где продолжалось его дооборудование. После швартовых испытаний и

Погружающийся стенд ПСП-120.

пробных погружений 28 декабря 1968 г. был подписан акт о готовности погружающегося стенда проекта ПСП-120.

С 17 июля по 20 октября 1969 г. в районе Балаклавы с погружающегося стенда ПСП-120 было запущено 3 ракеты «Малахит». Обеспечивало пуск все то же кабельное судно КС-4. Три пуска подтвердили устойчивое и стабильное прохождение ракетами всех участков траектории: контейнера стенда, подводной траектории, перехода с водной на воздушную траекторию и воздушной траектории.

Параллельно испытания ракеты П-120 шли на полигоне «Песчаная Балка» под Феодосией[1].

Постановлением Совмина от 17 марта 1972 г. комплекс «Малахит» был принят на вооружение малых ракетных кораблей проекта 1234, а постановлением Совмина от 21 ноября 1977 г. комплекс «Малахит» был принят на вооружение подводных лодок проекта 670М.

[1] Подробнее об этом рассказано в моей книге «Огненный меч Российского флота».

К 1970 г. американцы прекратили полномасштабные работы по созданию неуправляемых реактивных торпед, хотя, возможно, какие-то исследования в этой области и велись. Вскоре вообще все неуправляемые торпеды были сняты с вооружения ВМФ США. Для дезинформации советского руководства американцы подкинули в прессу сведения об испытаниях в ВМФ США противолодочной реактивной торпеды, имевшей фантастическую скорость — от 200 до 300 узлов, то есть 100—150 м/с, что в полтора раза выше скорости «Шквала». В СССР эту дезу приняли всерьез и во всю прыть продолжали работать над неуправляемыми реактивными торпедами.

Работы над противолодочной торпедой (подводной ракетой) «Шквал» были начаты по Постановлению Совмина № 111-463 от 13 октября 1960 г. Проектирование торпеды было поручено НИИ-24 (в настоящее время — ГНПО «Регион»). Главным конструктором комплекса «Шквал» был назначен И.Л. Меркулов, затем его сменил В.Р. Серов, а завершил работу Е.Д. Раков.

Эскизный проект торпеды был утвержден в 1963 г. Согласно эскизному проекту дальность хода ракет 15—20 км, а скорость хода на маршевом участке 100 м/с (194 узла!).

Высокая скорость движения торпеды ВА-111 получена за счет применения подводного реактивного двигателя, работающего на твердом гидрореагирующем топливе, обеспечивающем большую тягу, а также за счет движения торпеды в газовой каверне, что снижает сопротивление при ее движении в воде.

Первые опытные пуски торпед «Шквал» начались в 1964 г. на полигоне на озере Иссык-Куль со специального плавучего стенда.

Для проведения конструкторских и государственных испытаний вновь задействовали подводную лодку С-65 проекта 613, на которой отрабатывался комплекс «Вьюга». Работы по ее дооборудованию велись на Черномор-

ском судостроительном заводе и на электромонтажном предприятии «Эра» на Севастопольском морском заводе. В апреле 1966 г. лодка перебазировалась в Феодосию.

Из-за затянувшихся испытаний ракеты М-4 на озере Иссык-Куль и последующей доработки ракеты к испытаниям на подводной лодке С-65 приступили только в 1976 г. С нее провели 7 пусков ракеты М-5, после чего государственные испытания завершились.

В 1977 г. противолодочный комплекс «Шквал», не имеющий аналогов за рубежом, был принят на вооружение.

Поскольку глубина старта ракет новых комплексов значительно превысила допустимую глубину эксплуатации подводной лодки С-65, к тому же уже выработавшей свой ресурс, было принято решение на переоборудование подводных лодок С-11 и С-49 по проекту 633РВ. И лодку С-49, прибывшую в августе 1969 г. с Северного флота, поставили в сентябре 1970 г. на переоборудование. Работы велись в Севастополе на сдаточной базе завода «Красное Сормово» и на Севастопольском морском заводе. На лодке установили такую же аппаратуру, как и на С-65. Ее 533-мм торпедные аппараты соответствовали серийным на атомных лодках проекта 671, а 650-мм торпедные аппараты соответствовали аппаратам на лодке проекта 671РТ.

Переоборудование подводной лодки С-49 завершилось в 1972 г., и лодка ушла в Феодосию, где 25 декабря 1972 г. на ней впервые в СССР был осуществлен пуск ракето-торпеды «Водопад» с глубины 50 м. В последующие два года были выполнены еще 24 успешных ракетных пуска с глубин 50—150 м. В 1975 г. на С-49 установили систему глубоководной стрельбы, позволяющую в том же году провести еще 22 пуска противолодочных ракето-торпед, в том числе впервые в мире с глубины

240 м. До июля 1985 г. лодка С-49 была задействована уже в серийных испытаниях всех имеющихся на вооружении ВМФ ракето-торпед.

В 1986—1991 гг. подводная лодка С-49 прошла ремонт и снова участвовала в испытаниях, а в октябре 1995 г. после 34 лет службы лодка была списана.

Подводная лодка С-11 прибыла в 27-ю бригаду подводных лодок в сентябре 1976 г. и также приняла участие в заводских, летно-конструкторских и государственных испытаниях противолодочных комплексов и в серийных испытаниях ракет после приемки их на вооружение. Обеспечивали все эти испытания подводные лодки-цели проекта 690, которые лишь обозначали цель.

Комплекс «Водопад» поступил на вооружение в 1981 г. под индексом РПК-6. В 1984 г. был принят на вооружение комплекс «Ветер» (РПК-7).

Замечу, что при опытных пусках различных образцов противолодочного оружия в качестве мишеней использовались подводные лодки проекта 613 С-76 и С-233. На них для предохранения от возможного контактного попадания уязвимые части корпуса защищались так называемой шубой, то есть обшивались тремя слоями дерева: внутренний — лиственницей, а два наружных — дубом. Защита гребных винтов этих лодок обеспечивалась специальным кольцевым ограждением. От подводников требовалось изрядное мужество, так как при стрельбе на попадание лодку, находившуюся на глубине до 200 м, таранила торпеда весом до 2 т на скорости до 50 узлов. Последствия таких ударов могли быть очень серьезными. С-233 получила вмятину прочного корпуса по правому борту 1-го отсека.

После развала СССР Балаклавский полигон прекратил существование. Какая-то часть оборудования была вывезена, остальное разграблено. Естественно, что никому не пришло в голову сделать на месте зна-

менитого полигона музей, я уж не говорю о мемориальном центре.

Часть территории полигона передана монахам. 22 июля 1993 г. Совет по делам религий при кабинете министров Украины зарегистрировал устав религиозной организации — Свято-Георгиевского мужского монастыря Симферопольской и Крымской епархии Украинской православной церкви Московской патриархии.

На мысе Фиолент под сенью монастыря расцвели различные богоугодные заведения: частные пансионаты «Афалина», «Веста» и др. Девицы, обитающие там, почему-то не похожи ни на весталок, ни на монашек. Но, как говорится, не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься. А тут всё рядом — в одном флаконе.

Правда, на территории Крыма остался последний российский полигон «Песчаная балка». Но после сбития украинской ракетой С-200 российского авиалайнера президент Кучма категорически запретил с этого полигона пуски... противокорабельных ракет, чем практически парализовал работу полигона. Логика Кучмы незатейлива — во всех безобразиях на Украине виноваты злыдни москали.

Глава 5

РАКЕТНАЯ БАЗА — ОБЪЕКТ 100

Как уже говорилось, ракетный комплекс «Стрела» было решено располагать на защищенных стационарных позициях. На Северном флоте на острове Кильдин строили объект 101. Его разместили в большой яме в скале, а сверху возвели толстое бетонное покрытие.

Иначе решили вопрос размещения «Стрелы» на Черноморском флоте. Летом 1955 г. в 13 км юго-восточнее Балаклавы, там, где главная гряда Крымских гор с высоты 587 м отвесным утесом мыса Айя обрывается в море, развернулось строительство объекта 100.

Для эксплуатации объекта 100 на Черноморском флоте осенью 1955 г. был сформирован 51-й отдельный специальный дивизион. Его личный состав занимался испытанием и освоением первого комплекса. Первым командиром 51-го дивизиона был подполковник Масальский.

В конце 1956 г. строительство объекта 100 было практически завершено, а личный состав прошел спецподготовку. В результате на базе отдельного дивизиона был сформирован 362-й отдельный береговой ракетный полк. 23 февраля 1957 г. полк вошел в состав сил боевого ядра флота. Первым командиром полка стал подполковник Г. Сидоренко (позже генерал-майор, начальник береговых войск и морской пехоты Черноморского флота).

В сентябре — октябре 1958 г. Черноморский флот проверяла Главная инспекция Министерства обороны под руководством Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского. 4 октября в его присутствии с отличными результатами была выполнена инспекторская стрельба двумя дивизионами 362-го отдельного ракетного полка по одной цели на максимально допустимую дальность. Маршал объявил благодарность всему личному составу полка.

14 апреля 1959 г. 362-й ракетный полк посетили министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, заместитель Председателя Совета Министров СССР В.И. Малышев и министр оборонной промышленности Д.Ф. Устинов, которые, ознакомившись с полком, положительно отозвались о содержании техники, внутреннем порядке и работе командования и личного состава.

1 июля 1960 г. в Севастополе был сформирован 51-й отдельный береговой ракетный полк, имеющий на воо-

ружении подвижный береговой ракетный комплекс «Сопка».

В августе 1962 г. на Кубу был доставлен отдельный береговой ракетный полк Черноморского флота в составе четырех дивизионов. В каждом дивизионе было по две пусковые установки с 8—10 ракетами.

С начала 1962 г. по 1971 г. 362-й и 51-й ракетные полки произвели 93 учебных пуска ракет С-2 («Сопка»). При этом было отмечено 39 попаданий.

16 августа 1960 г. вышло Постановление Совмина № 903-378 о разработке на базе комплекса П-35 противокорабельного комплекса береговой обороны «Редут». Ракета берегового комплекса получила индекс П-35Б. Минимальная дальность стрельбы ракеты П-35Б — 25 км, максимальная — 270 км. Высота полета маршевая — 400, 4000 или 7000 м. Высота полета на конечном участке — 100 м. Габариты и устройства ракеты почти не отличались от П-35.

Для комплекса «Редут» была создана подвижная пусковая установка СПУ-35 на четырехоосном шасси автомобиля ЗиЛ-135К (после перенесения производства шасси в Брянск — БАЗ-135МБ)[1]. Габариты пусковой установки: длина 13,5 м, ширина 2,86 м, высота 3,53 м. Вес установки с ракетой 21 тонна. Скорость движения СПУ-35 по шоссе — до 40 км/час. Запас хода — 500 км. Экипаж СПУ-35 — 5 человек. Время перехода из походного положения в боевое — около 1,5 часа. Пуск ракеты производился под углом 20°. Система управления комплекса — «Скала» (4Р43).

Батарея комплекса «Редут» имела в своем составе 8 пусковых установок и 8 транспортно-заряжающих машин. Итого 16 ракет.

Летные испытания ракеты П-35Б начались осенью 1963 г. После двух пусков была выявлена неудовлетворительная работа двигателей КР-7-300 и бортовой аппаратуры, и дальнейшие испытания были перенесены на 1964 год. Постановлением Совмина № 631-202 от 11 августа 1966 г. комплекс «Редут» был принят на вооружение.

[1] Мощность двигателя 320 л.с., грузоподъемность 9 т, максимальная скорость 65 км/ч, запас хода 1000 км.

16 июля 1961 г. вышло постановление Совмина о перевооружении береговых стационарных комплексов «Утес» с ракет «Сопка» на ракеты П-35Б.

Переделка объекта 100 с комплекса «Стрела» на ракеты П-35Б заняла 4 года. Проектировщикам и заказчику приходилось дорабатывать проект на месте производства работ. Так, первоначально по проекту предполагалось использовать часть старых вентиляционных систем и почти всю систему отопления. Но в процессе реконструкции выяснилось, что эти системы нецелесообразно оставлять в сооружении. Проект во многом не соответствовал реальному состоянию дел, а к работам приступили без предварительной его проработки.

В 1969 г. монтажные работы были в основном завершены, и начались автономные испытания систем и сдача их в эксплуатацию. К осени 1969 г. объект был готов к проведению комплексных испытаний, после которых был сдан и вошел в боевой строй береговых ракетно-артиллерийских войск Черноморского флота.

Первый пуск ракеты П-35Б в 362-м отдельном береговом ракетном полку в Балаклаве был произведен 30 мая 1971 г. Официально оба балаклавских дивизиона, оснащенные ракетами П-35Б, были введены в строй Постановлением Совмина от 28 апреля 1973 г.

После перевооружения на ракеты П-35Б стало возможно даже поражение береговых целей в Турции. Кстати, ракеты П-35Б, основным назначением которых было поражение кораблей, имели и дополнительный режим для поражения береговых объектов.

В 1974 г. на базе комплекса П-35 началась разработка комплекса 3М44 «Прогресс». Основным изменением в ракете была новая бортовая система наведения с повышенными помехозащищенностью и избирательностью. Для нее были разработаны новые агрегаты бортового электрооборудования и стартовый агрегат, обеспечивающие лучшие эксплуатационные характеристики. Повышена скрытность и неуязвимость ракеты при подходе к цели за счет увеличения протяженности конечного участка траектории и снижения высоты полета на этом участке.

После государственных испытаний в 1976—1977 гг. комплекс «Прогресс» был рекомендован к принятию на вооружение кораблей проектов 58 и 1134, а также береговых систем «Редут» и «Утес». Официально «Прогресс» был принят на вооружение в 1982 г. Производство ракет для береговых комплексов велось с 1982 по 1987 год.

С середины 1980-х годов ракетный полк, дислоцировавшийся на объекте 100, мог произвести залп из 8 ракет «Прогресс», что не могло быть выполнено ни одним береговым комплексом мира, не считая, разумеется, объекта 101 на о. Кильдин, тоже перевооруженного на ракеты «Прогресс».

На объекте 100 хранение и предстартовая подготовка осуществлялись в специальных подземных помещениях с соблюдением всех необходимых условий. Десятиметровая ракета в горизонтальном положении со сложенными крыльями хранилась на технологических телегах со стартовыми агрегатами и после предстартовой подготовки и заправки жидким топливом была готова к пуску. Выдвигающиеся из-под земли спаренные пусковые контейнеры позволяли быстро производить перезарядку новых ракет.

В середине 1990-х годов объект 100 был передан Украине. В настоящее время комплекс небоеспособен и восстановление его невозможно. Каждый жирный украинец тащит оттуда все, что пожелает.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Сейчас говорят очень много о будущем Севастополя и его окрестностей. Официальный Киев давно выдвигает идею преобразования главной базы Черноморского флота в город-курорт. Однако Севастополь — не Ялта и даже не Балаклава. И он никогда не сможет стать курортной столицей Крыма. Да, действительно, туда приезжают сотни тысяч отдыхающих из России и с Украины. Но там что-то пока не видно ни европейцев, ни американцев, которые вряд ли рискнут купаться в Севастопольских бухтах. Вся инфраструктура города была ориентирована на обслуживание военно-морского флота, и если боевые корабли завтра уйдут из Севастополя, то город попросту погибнет.

Хорошим примером для политиков, разглагольствующих о гигантских конверсионных программах, может служить опыт использования частными фирмами гидрографических судов Черноморского флота для перевозки «челноков» по маршруту Севастополь — Стамбул. Почти половина этих судов погибли из-за разгильдяйства их команд и руководства компаний.

Серьезной угрозой для судьбы Севастополя и Крыма в целом является «татарский фактор». Начну с того, что в мае 1944 г. было выселено из Крыма, арестовано и мобилизовано в Красную Армию немногим менее 200 тысяч крымских татар. Однако вопреки мнению либералов эта акция привела не к геноциду татарского населения, а к демографическому взрыву. В 1991 г.

в Крым хотело вернуться, по разным данным, от 2 до 5 миллионов (!) людей, считающих себя крымскими татарами. И сейчас в Крым татары возвращаются не единицами, а целыми кланами.

Уже вернувшиеся татары, за редким исключением, не желают ассимилироваться среди многонационального населения полуострова, а наоборот, всеми силами пытаются обособиться. Создаются татарские школы, гимназии, политические и военные формирования, а главное — «параллельные» органы власти. Нетрудно догадаться, что все это делается для захвата политической власти в Крыму. Следующим этапом будет провозглашение независимой татарской республики Крым или присоединение Крыма к Турции.

Единственной альтернативой этому может быть тесный союз Украины и России, а возможно, и тройственный союз братских славянских народов — русских, украинцев и белорусов — в едином государственном образовании.

В настоящее время в Крыму только две силы — русские и татары. Причем ежегодно соотношение в численности населения, в стоимости собственности, в площади занятых земель существенно меняется в пользу татар. Этого, к сожалению, не хотят понять деятели в Киеве, которые постоянно используют «татарскую карту» в целях ущемления прав русского населения в Крыму.

Национал-либералы типа Ющенко зовут Украину на Запад и в НАТО. Кончиться это может одним — развалом Украины, которая никогда не была государством, а была лишь административной единицей в советской империи. Одни области (Донецкая, Харьковская и др.) были в составе русского государства с XV века, а другие (Львов, Закарпатье) были присоединены лишь в ходе Второй мировой войны. Официальный украинский язык — это язык искусственный и не родной для боль-

шинства населения современной Украины. Язык общения у большинства этих людей — русский, суржик (смесь русского с украинским), закарпатские языки, язык русинов, татарский и т. д.

Экономические связи западных и восточных областей Украины весьма слабы. Промышленность восточных областей неразрывно связана с Россией, да и вся Украина живет на русских энергоносителях. Надо ли говорить, что рывок на Запад приведет к распаду государства, созданного в административных границах УССР.

Приложения

Приложение 1

БАТАРЕИ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ КРЕПОСТИ

Северный район крепости

Батарея № 1

Двенадцать 9-дюймовых пушек обр. 1867 г. установлены на бетонном основании, обстрел круговой. Высота над уровнем моря 18,5 сажени (39,5 м). Защищена бетонной брустверной стенкой толщиной 1 сажень (2,13 м), впереди которой земляной бруствер толщиной 6 саженей (12,8 м). Имелось 4 бетонных погреба: 2 зарядных и 2 снарядных, в каждом по 260 снарядов.

Батарея построена в 1894—1896 гг. К 1905 г. в боевой готовности. У правого фланга батареи расположен ложемент[1] на две 57-мм береговые пушки Норденфельда. Ложемент построен в 1902 г., но пушки к 1906 г. не установлены из-за отсутствия установочных частей.

Батарея № 2

Четыре 152/45-мм пушки Кане, установленные на бетонных основаниях. Расстояние между орудиями 12 саженей (25,6 м)[2]. Угол горизонтального обстрела 130°. Толщина земляного бруствера 5 саженей (10,67 м). Впереди каждого основания под бруствером расположен бетонный погреб на 360 патронов. К 1 января 1905 г. батарея находилась в стадии постройки, срок окончания которой 1 сентября 1905 г.

---

[1] Ложемент в данном случае — бетонированная яма (окоп).

[2] Везде под расстоянием между орудиями подразумевается расстояние между центрами вращения орудий.

Батарея № 3

Восемь 11-дюймовых мортир обр. 1877 г. на бетонных основаниях. Батарея построена в 1893—1894 гг. Бруствер бетонный, толщиной 6 саженей (12,8 м). Обстрел круговой. Расстояние между мортирами правой половины бруствера 12 саженей (25,6 м), а левой — 14 саженей (29,9 м). Между орудиями располагалось 4 зарядных и 5 снарядных погребов (всего 704 снаряда). У правого фланга батареи № 3 располагался ложемент на две 57-мм береговые пушки Норденфельда. Ложемент построен в 1902 г., но пушки к 1 января 1906 г. не установлены. В 1907 г. на батарее № 3 планировалось установить четыре 10/45-дюймовые пушки.

Батарея № 4

Четыре 152/45-мм пушки Кане. Батарея начата постройкой в 1904 г. Высота орудий над уровнем моря 13,4 сажени (28,6 м). Назначение, устройство и размеры сооружения те же, что и на батарее № 2. К 1 января 1906 г. на батарее имелось 3 бетонных и 1 временное деревянное основания с установленными на них пушками. Орудия были готовы к действию. В 1907 г. было сделано бетонное основание к последней 4-й пушке.

К 1921 г. батарея получила № 3, вооружение то же, то есть четыре 152/45-мм пушки, но только морские.

Батарея № 5

Четыре 11-дюймовые пушки обр. 1867 г., установленные на бетонные основания. Батарея построена в 1896—1897 гг. Высота орудий над уровнем моря 6 саженей (12,8 м). Обстрел круговой. Расстояние между орудиями 10,5 сажени (22,4 м). Бетонный бруствер толщиной 1,43 сажени (3,1 м), земляной бруствер толщиной 6 саженей. Между орудиями расположено 3 снарядных погреба. В каждом погребе по 360 снарядов.

Батарея № 6

Три 11-дюймовые пушки обр. 1877 г., установленные на бетонных основаниях. Батарея построена в 1893—1894 гг. и перестроена в 1898 г. Между орудиями расположены 3 снарядных погреба. 2 крайних рассчитаны на 202 снаряда, а средний — на 303 снаряда. (Одна 11-дюймовая пушка установлена в 1900 г.)

Батарея № 7

Шестнадцать 9-дюймовых мортир обр. 1877 г. на бетонных основаниях. Батарея построена в 1894—1895 гг. Высота над уровнем моря 23,3 сажени (49,7 м). Обстрел круговой. Расстояние между орудиями парных барбетов — 6 саженей (12,8 м), а на смежных барбетах — 9 саженей (19,2 м). Бетонный бруствер толщиной 1 сажень (2,13 м). Имелось 3 снарядных погреба общей вместимостью 850 снарядов и 2 зарядных погреба на 850 зарядов.

Батарея № 16

Четыре 10/45-дюймовых орудия в районе Учкуевки. Бетонный бруствер толщиной около 7 футов (2,1 м). Имелось 2 бетонированных колодца для установки скрывающихся прожекторов. В начале 1920-х годов батарее присвоен № 2. К 1923 г. в строю имелось две 10-дюймовые пушки, а третья была неисправна. Четвертое же орудие неизвестно куда делось в годы Гражданской войны и интервенции.

Батарея № 24

Четыре 120/50-мм пушки. Построена в 1911 г. в районе Бельбека.

Северная временная батарея

Шесть 6-дюймовых пушек в 190 пудов на деревянных основаниях. Батарея построена в 1904 г. Бруствер земляной толщиной 6 саженей. Горизонтальный обстрел 130°. Расстояние между орудиями 10 саженей (21,3 м). Емкость погребов 1080 снарядов и 1680 зарядов.

Южный район крепости

Батарея № 8

Батарея у Артиллерийской бухты. Построена до войны 1854—1855 гг. В 1876 г. на батарее установлено восемнадцать 6-дюймовых мортир обр. 1867 г., на деревянных основаниях. Батарея возобновлена в 1885 г., к 1906 г. разоружена. Земляные барбеты толщиной 3 сажени. В 1906 г. на этой упраздненной батарее № 8 планировалось установить восемь 152/45-мм пушек Кане.

Батарея № 9 (Александровская)

Шесть 11-дюймовых пушек обр. 1867 г., установленных на бетонных основаниях. Батарея построена в 1876—1877 гг. и перестроена в 1897—1898 гг. Высота орудий над уровнем моря 10,5 сажени (22,5 м). Батарея находилась на обрыве у моря. Обстрел круговой. Расстояние между орудиями 10,5 сажени. Бруствер: бетонная стенка в 1 сажень толщиной, впереди земляной бруствер в 6 саженей. На батарее располагалось 5 снарядных погребов общей вместимостью 630 снарядов и 3 зарядных погреба.

На правом фланге батареи располагались четыре 57-мм береговые пушки Норденфельда, построенные в 1898 г. Пушки на бетонном основании. Высота над уровнем моря 4 сажени (8,5 м). Обстрел круговой. Расстояние между орудиями 7,7 сажени (16,4 м).

На месте батареи пушек Норденфельда в 1912—1913 гг. была построена полковником Энбергом долговременная батарея на четыре 120/50-мм пушки. Новая батарея тоже носила № 9. На этой батарее был установлен броневой пост системы Голенкина.

В начале 1920-х годов батарея получила № 4, там были установлены две 120/50-мм пушки на деревянном основании.

К 1941 г. на месте батареи № 9 была размещена батарея № 13 с четырьмя 120/50-мм пушками.

Батарея № 10

Восемь 11/35-дюймовых пушек, установленных на бетонных основаниях. Построена в 1885—1894 гг. Высота над уровнем моря 7 саженей (14,9 м). Обстрел круговой. Расстояние между орудиями там, где нет траверса, 12 саженей (25,6 м), а где устроен траверс — 16 саженей (34,1 м). Перед орудиями бетонная стенка толщиной 6,5 сажени (13,9 м), а в промежутках 1,5 сажени (3,2 м). Общая вместимость погребов 475 снарядов.

Батарея № 11

Восемь 9-дюймовых мортир обр. 1877 г. на бетонных основаниях. Построена в 1898—1900 г. Мортиры установлены в 1900 г. Высота над уровнем моря 24 сажени (51,2 м). Обстрел круговой. Расстояние между центрами орудий 5 саженей (10,7 м). Бруствер перед орудиями: 1,5 сажени (3,2 м) бетона и 6 саженей (12,8 м) земли. Имелось три снарядных погреба на 135 снарядов каждый.

Батарея № 12

Восемь 11-дюймовых мортир на бетонных основаниях. Построена в 1893—1894 гг. у Карантинной бухты. Высота над уровнем моря 14,5 сажени (30,9 м). Обстрел круговой. Расстояние между орудиями 15 саженей (32 м). Бруствер толщиной: 1,5 сажени бетона и 6 саженей земли. Имелось два снарядных погреба на 178 снарядов каждый.

На батарее в 1901 г. построен ложемент для двух 57-мм береговых пушек Норденфельда. Но к 1 января 1906 г. пушек там еще не было. В 1907 г. на батарее № 12 планировалось установить четыре 10/45-дюймовые пушки.

Батарея № 13

Шестнадцать 9-дюймовых мортир обр. 1877 г. на бетонных основаниях. Батарея построена в 1894—1896 гг. у Карантинной бухты. Высота над уровнем моря 16,5 са-

жени (35,2 м). Обстрел круговой. Расстояние между орудиями 8 саженей (17,1 м). Толщина бруствера: 1 сажень бетона и 6 саженей земли. Общая вместимость двух погребов 700 снарядов. Батарея № 13 имела общую горжу с батареей № 12.

Батарея № 14

Четыре 152/45-мм пушки на бетонных основаниях. Батарея располагалась между Стрелецкой и Круглой бухтами. В начале 1920-х годов батарея получила № 5 и была вооружена четырьмя 152/45-мм, но морскими пушками.

Батарея № 15 (Великого князя Михаила Николаевича)

Восемь 10/45-дюймовых пушек. Построена в 1909—1910 гг. западнее Стрелецкой бухты и восточнее Песочной бухты (сейчас там находится Парк Победы). Батарея двухфасная, на каждом фасе должно было быть по четыре 10-дюймовых орудия. В начале 1920-х годов батарея получила № 6 и имела на вооружении три 10/45-дюймовые пушки на левом фасе.

Временная Херсонесская батарея

Четыре 152/45-мм пушки Кане на бетонных основаниях. Построена в 1904 г. Высота над уровнем моря 6 саженей (12,8 м). Обстрел круговой. Расстояние между орудиями 15 саженей (32 м). Бруствер земляной толщиной 3 сажени (6,4 м). Батарея располагалась на обрывистом мысу.

Батарея № 17

Четыре 10/45-дюймовые пушки. Построена в 1910—1912 гг. в районе Стрелецкой бухты.

Батарея № 18

Четыре 152/45-мм пушки. Построена по Приказу Военного Совета от 14 апреля 1912 г. До конца батарею

не удалось достроить. Батарея располагалась между башенной 35-й (ранее батарея № 8) батареей и мысом Фиолент. Толщина бетонного покрытия 7 футов (2,13 м). В начале 1920-х годов получила № 7, там было две, а по другим данным, три 152/45-мм пушки.

Батарея № 19

Долговременная недостроенная батарея на четыре 152/45-мм пушки. Полностью достроен правый фас, где в 1923 г. установили две 6/45-дюймовые пушки. Толщина бетонного покрытия 7 футов. Батарея располагалась между башенной батареей № 25 и мысом Фиолент.

Батарея № 20

Четыре 152/45-мм пушки. Построена в 1913—1914 гг. у мыса Фиолент. К августу 1923 г. именовалась батареей № 9 и была вооружена четырьмя 152/45-мм пушками. Толщина бетонного покрытия 7 футов. Позже переименована в батарею № 18.

Батарея № 21

11-дюймовые пушки обр. 1877 г.

Батарея № 22 (Великого князя Николая Николаевича)

Четыре 152/45-мм пушки. Построена по Постановлению Военного Совета от 14 апреля 1912 г. юго-западнее Балаклавской бухты на высоте 56 м. Построена в 1913—1914 гг. полковником Петровым. В советское время называлась батареей № 10. К августу 1923 г. были установлены две 152/45-мм пушки, а вместо двух других пушек — деревянные макеты. Позже была переименована в № 19 и имела четыре 152/45-мм пушки. Немцы ее именовали «Кентавр-1».

Приложение 2

Таблица 1

ВООРУЖЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ КРЕПОСТИ В 1908—1917 ГГ.

Орудия и лафеты	1.07.08*	1.01.13	1.07.13	1.07.14	1.01.15	1.07.16	1.07. 17
ПУШКИ							
11-дм (280-мм) в 35 клб	8	12	12	12	12	12	12
11-дм обр. 1877 г. ОСЗ	—	8	8	8	8	4	4
11-дм обр. 1877 г. Круппа	3	3	3	3	3	3	3
11-дм обр. 1867 г. Круппа	10	11	11	11	11	11	11
10-дм (254-мм)	8	12	12	12	12	6	6
9-дм обр. 1867 г.	17	12	12	12	12	4	4
6/45-дм (152/45-мм) Кане	22	22	22	22	24	10	10
6-дм в 190 пуд.	20	19	19	19	23	—	—
120/50-мм (вместе с морскими)	—	—	8	8	8	8	12
Легкие клиновые (87-мм)	24	24	24	86	120	58	98
3-дм (76-мм) обр. 1900 г.	—	4	4	4	4	4	20
57-мм береговые	29	27	15	15	11	3	1
МОРТИРЫ							
11-дм (280-мм)	16	16	16	16	16	16	16
9-дм (229-мм) обр. 1877 г.	40	43	43	43	43	—	—
9-дм легкие	4	4	4	—	—	—	—
СТАНКИ и ЛАФЕТЫ ПУШЕЧНЫЕ							
11/35-дм	8	13	13	13	13	13	13
11-дм Дурляхера	—	—	6	8	11	7	7
11-дм обр. 1877 г. (переделанные для большего угла ВН)	6	3	3	3	3	3	3

Орудия и лафеты	1.07.08*	1.01.13	1.07.13	1.07.14	1.01.15	1.07.16	1.07. 17
11-дм Семенова (переделанные для большего угла ВН)	10	10	10	10	10	10	10
10-дм Дурляхера	13	13	13	13	13	6	6
9-дм (переделанные для большего угла ВН)	12	12	12	12	12	4	4
6-дм Кане	20	22	22	22	24	10	10
6-дм в 190 пуд. Дурляхера	14	14	14	10	10	—	—
Осадные обр. 1878 г.	3	3	3	3	8	—	—
Мортирные, приспособленные для 6-дм пушек в 190 пуд.	6	6	6	6	6	—	—
Осадные обр. 1877 г.	2	2	2	32	32	—	—
МОРТИРНЫЕ							
11-дм Разсказова	5	5	5	5	5	5	5
11-дм Кокорина	13	13	13	13	13	13	13
11-дм Дурляхера**	—	—	—	—	—	12	12
9-дм Дурляхера	40	44	44	44	44	4	4
9-дм для легких мортир	4	4	4	—	—	—	—

Примечание:

* Кроме того к 1.07.1908 г. на складе Севастопольской крепости находилось: 24-фунтовые медные пушки — 14 (12 длинных и 2 короткие), а также 6 — 12-фунтовых чугунных пушек. К ним 24 лафета Насветевича. Все эти пушки с лафетами сданы на лом в конце 1911 г.

** В документах за 1916—1917 гг. лафеты Дурляхера именуются уже лафетами Дурляхова, так как генерал-майор Дурляхер с личного соизволения Николая II поменял фамилию на Дурляхов, чем у артиллеристов породил массу анекдотов на тему, «как Дурляхер остался без хера».

Приложение 3

СНАБЖЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ

Таблица II

ДОСТАВЛЕНО ТРАНСПОРТАМИ И БОЕВЫМИ КОРАБЛЯМИ ФЛОТА В СЕВАСТОПОЛЬ (ЯНВАРЬ — МАЙ 1942 Г.)[1]

Наименование	Единица измерения	Месяц					Всего
		январь	февраль	март	апрель	май	
Военнослужащих	чел.	26323	16059	4524	8327	14973	70206
Боеприпасов	т	5969	3773	2388	1344	3607	17081
Минометов	шт.	—	90	270	—	19	379
Продфуража	т	9428	9149	2387	6009	5936	32909
Топлива жидкого	т	10470	8980	5268	4950	4976	34644
Грузов разных	т	1920	5830	2440	5807	930	16927

[1] РГА ВМФ. Ф. 10. Д. 1951. Ф. 3. Л. 21317.

Приложение 4

АВИАЦИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Таблица III

БОЕВОЙ СОСТАВ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ АВИАГРУППЫ (ЯНВАРЬ — ИЮНЬ 1942 Г.)[1]

Наименование самолетов	6 января	22 февраля	22 марта	22 апреля	1 мая	10 июня	25 июня
Як-1	15	14	9	9	15	10	8
МиГ-3	8	9	9	7	1	—	—
ЛаГГ-3	—	—	—	—	—	2	2
И-16	9	7	7	7	6	8	4
И-153	12	12	10	8	14	3	2
И-15	8	8	8	8	6	1	1
Ил-2	9	12	9	9	13	2	8
У-2	—	—	—	—	7	8	6
УТ-1б	—	—	—	—	6	6	1
ЛБ-3	2	6	6	6	7	1	—
СБ	—	—	3	4	3	2	—
Пе-2	8	10	9	10	7	—	—
ГСТ	3	3	3	3	—	—	—
МБР	21	22	19	13	6	—	—
Всего	95	103	92	84	91	43	32

[1] РГА ВМФ. Ф. 1080. Оп. 1. Д. 1.

Таблица IV

БОЕВОЙ СОСТАВ И ДИСЛОКАЦИЯ ВВС ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА НА 22 ИЮЛЯ 1942 Г.[1]

Наименование частей	Тип самолета	Количество самолетов	
		в строю	в ремонте
62-я авиабригада (3, 7, 32 и 62-й авиаполки)	Як-1	16	4
	МиГ-3	4	7
	ЛаГГ-3	27	16
	И-16	6	5
	И-15	11	4
	И-153	2	1
	Ути-4	2	1
	Ут-2	3	—
	Ут-1	3	1
	У-2	3	1
	Всего	77	40
63-я авиабригада (5-й гвардейский и 40-й авиаполки)	ДБ-3	11	1
	Пе-2	6	3
	СБ	7	2
	УСБ	1	—
	Ут-1	1	1
	У-2	2	3
	Всего	28	10
27-я разведывательная авиаэскадрилья	Пе-2	1	2
	Пе-3	1	1
	ДБ-3	2	1
	Всего	4	4
87-я авиаэскадрилья	И-16	8	—
	И-15	10	—
	Ут-2	1	—
	Ут-1	1	—
	У-2	1	—
	Всего	21	—
46-й авиаполк	Ут-16	2	14
18-й авиаполк	Ил-2	15	7
14-я авиаэскадрилья	Ил-2	5	4
119-й авиаполк	МБР-2	24	4
	У-2	1	—
	Всего	25	4
82-я авиаэскадрилья	МБР-2	7	—
80-я авиаэскадрилья	ГСТ	—	1
	МБР-2	1	—
60-я авиаэскадрилья	МБР-2	4	5
Отдельное корректировочное авиазвено	МБР-2	4	—
	КОР	—	2
Звено связи Управления ВВС Черноморского флота	Ут-2	2	1
	Ут-1	3	1
	У-2	1	3
	Всего	6	5
8-я учебная авиаэскадрилья	Разные	15	9
Особый Черноморский отряд	ПС-84	1	—
	ПР-5	3	1
	П-5	1	2
	С-2	3	—
	СП	6	2
	У-2	1	1
	Всего	15	6
18-й транспортный отряд	ТБ-3	1	1
Итого по ВВС Черноморского флота		230	112

[1] Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 3. С 4 июля по 31 декабря 1942 г., М., Воениздат, 1948. С. 399—400.

Список использованной литературы

Азаров И.И. Осажденная Одесса. М., Воениздат, 1962.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. I. М., Воениздат, 1958.

Балакин С.А. «Гремящий» и другие. Эскадренные миноносцы проекта 7. Морская коллекция № 2/1996.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. М., Наука, 1987.

Басов А.В. Флот в Великой Отечественной войне. М., Наука, 1980.

Батов П.И. В походах и боях. М., Издательство ДОСААФ СССР, 1984.

Боевая летопись Военно-морского флота. 1941—1942. М., Воениздат, 1983.

Боевой путь советского Военно-морского флота. М., Воениздат, 1974.

Боргезе В. Десятая флотилия. М., Издательство иностранной литературы, 1957.

Борьба за Севастополь. 1941—1942 гг. Дополнение к докладным запискам об иностранных укреплениях Инспектора инженерных и крепостных войск вермахта от 1 апреля 1943 г. Берлин, 1943.

Брагадин Марк-Антонио. Итальянский флот во Второй мировой войне, Екатеринбург. Зеркало, 1997.

В катакомбах Аджимушкая: Документы, воспоминания, статьи. 4-е изд. Симферополь, 1982.

Ванеев Г.И. Севастополь 1941—1942. В 2 кн. Киев, Украина, 1995.

Ванеев Г.И. Черноморцы в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1978.

Ванеев Г.И., Ермаш С.Л., Малаховский Н.Д., Стахно С.Т., Хренов А.Ф. Героическая оборона Севастополя. 1941—1942. М., Воениздат, 1969.

Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия/ Под ред. М.М. Козлова. М., Советская энциклопедия, 1985.

Вице-адмирал Корнилова / Под ред. Н.В. Новикова и П.Г. Софинова. М., Воениздат, 1947.

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др., в 18 томах. Петербург, 1911—1915.

Война в Корее 1950—1953 гг. СПб., 2000.

Вторая мировая война 1939—1945 / Под ред. С.П. Платонова. М., Воениздат, 1958.

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг. Том 3. От начала Восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941—24.09.1942). М., Воениздат, 1971.

Гибель линейного корабля «Новороссийск» / Состав. и автор коммент. Б.А. Каржавин. СПб., Политехника, 1992.

Горев Л. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. М., Воениздат, 1955.

Гребенщикова Г.А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853—1856 годов. Геополитика и стратегия. СПб., 2003.

Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860—1867. М., Изд-во «Новости», 1992.

Емельянов Л.А. Советские подводные лодки в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1981.

Известия таврической ученой архивной комиссии (год девятнадцатый) № 37 / Под редакцией правителя дел Арсения Маркевича. Симферополь, Типография Таврического Губернского Земства, 1905.

История бюро «Малахит» / Под ред. А.В. Кутейникова. СПб., СПОБМ «Малахит», 1995.

История Севастопольского арсенала. Севастополь, 1999.

Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны. Служебный отчет штаба Черноморского флота. Поти, 1943.

Карель П. Восточный фронт. Книга 1. Гитлер идет на Восток. 1941—1943. М., Изографус, ЭКСМО, 2003.

Каржавин Б.А. Гибель «Отважного». СПб., Корвет, 1994.

Каржавин Б.А. Тайна гибели линкора «Новороссийск». СПб., Политехника, 1991.

Касатонов И.В. Флот вышел в океан. М., Андреевский флаг, 1996.

Керсновский А.А. История русской армии, в 4-х т. Т. 2. От взятия Парижа до покорения Средней Азии. 1814—1881 гг. М., Голос, 1993.

Климов А.Д. Деятельность командования и политорганов Черноморского флота по укреплению береговой обороны в первые месяцы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Ленинград, 1967.

Крым в Великой Отечественной войне. Сборник документов и материалов./ Сост. И.П. Кондранов, А.А. Степанова. Симферополь, Таврия, 1973.

Крымъ. Историко-краеведческий альманах / Под ред. В.Ф. Козлова. М., 2004.

Маношин И.С. Героическая трагедия. Симферополь, Таврида, 2001.

Манштейн Э. Утерянные победы. М., АСТ, 1999.

Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. / Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872.

Морской атлас. Т. III. Описание к картам /Под ред. С.Г. Горшкова. М., Издание Главного штаба Военно-Морского флота, 1966.

Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым сентябрь 1941 — июль 1942 г. Военная летопись. ПКВ, 2002.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945. Т. III. М., Издательство иностранной литературы, 1976.

Научно-практическая конференция, посвященная 145-летию окончания первой героической обороны Севастополя. Симферополь, Таврия-Плюс, 2001.

Первушин А.Н. Дороги, которые мы не выбирали. М., 1974

Перечнев Ю.Г. Советская береговая артиллерия. М., Наука, 1976.

Платонов А.В. Советские боевые корабли 1941—1945 гг. Часть III. Подводные лодки. СПб., Альманах «Цитадель», 1996.

Платонов А.В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941—1945. СПб., Полигон, 2002.

Платонов А.В., Апальков Ю.В. Боевые корабли Германии 1939—1945. СПб., 1995.

Подводные силы Черноморского флота/Под ред. В.А. Кравченко. Симферополь, Таврида, 2004.

Развитие минного оружия в русском флоте/Под ред. А.А. Самарова и Ф.А. Петрова. М. Военно-морское издательство Военно-морского министерства Союза ССР, 1951.

Ричардс Д., Сондерс Х. Военно-воздушные силы Великобритании во Второй мировой войне (1939—1945). М., Воениздат, 1963.

Россия и черноморские проливы / Под ред. Л.Н. Нежинского, А.В. Игнатьева. М., Международные отношения, 1999.

Россия. XX век. Документы. 1941 год. В 2 кн. /Сост. Л.Е. Решин и др. М., Международный фонд «Демократия», 1998.

Сажин П.А. Севастопольская хроника. М., Советский писатель, 1975.

Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии 1939—1945. М., Наука, 1980.

Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., Стройиздат, 1997.

Справочник потерь военно-морского и торгового флотов Германии и ее союзников, нанесенных ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. М., Издание Генштаба, 1957.

Справочник потерь Военно-морского и торгового флотов Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1959.

Стогний Д.Ю. Германские укрепления в Крыму 1941—1944. Севастополь, 1996.

Сургучев М.Н. Корабли возвращаются в строй. Симферополь, Таврия, 1972.

Три века Российского флота / Под ред. И.В. Касатонова. СПб., LOGOS, 1996.

Хорьков Г.И. Советские надводные корабли в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1981.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С 21 июня по 31 декабря 1941 г. М. — Л., Управление военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С 1 января по 3 июля 1942 г. М., Воениздат, 1946.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 3. С 4 июля по 31 декабря 1942 г. М., Воениздат, 1948.

Шавшин В.Г. Балаклава. Исторические очерки. Симферополь, Базнес-Информ, 2004.

Широкорад А.Б. Оружие отечественного флота. Минск, Харвест, М., АСТ, 2001.

Широкорад А.Б. Бог войны Третьего рейха. М., АСТ, 2002.

Широкорад А.Б. Гений советской артиллерии. Триумф и трагедия В. Грабина. М., АСТ, 2002.

Широкорад А.Б. Корабли и катера ВМФ СССР 1939—1945 гг. Минск, Харвест, 2002.

Широкорад А.Б. Огненный меч Российского флота. М., Яуза, ЭКСМО, 2004.

Широкорад А.Б. Россия — Англия: неизвестная война 1857 — 1907. М., АСТ, 2003.

Широкорад А.Б. Русско-турецкие войны. Минск, Харвест; М., АСТ, 2000.

Широкорад А.Б. Тевтонский меч и русская броня (Русско-германское военное сотрудничество). М., Вече, 2003.

Широкорад А.Б. Энциклопедия отечественного ракетного оружия. 1817—2002. М., АСТ; Минск, Харвест, 2003.

Штаб Российского Черноморского флота (1831—2001) / Под ред. В.П. Комоедова. Симферополь, Таврида, 2002.

Штенцель А. История войн на море с древнейших времен до конца XIX века. В 2 т. М., Изографус, ЭКСМО-Пресс, 2002.

Яровицкий Д.И. История запорожских казаков. Киев, Наукова думка, 1990.

Оглавление

Вместо предисловия 5

Раздел I
ЧЕРНОМОРСКАЯ ТВЕРДЫНЯ ИМПЕРИИ

Глава 1. Присоединение Крыма и основание Севастополя 9
Глава 2. Фиаско Непобедимой армады 25
Глава 3. Разруха в головах. Или почему был сдан Севастополь 36
Глава 4. Севастопольская крепость в войну 1877—1878 гг. 57
Глава 5. Третье рождение крепости 66
Глава 6. Севастопольская крепость в войне и революции. 89

Раздел II
1941—1942 ГГ. СЛАВА И ТРАГЕДИЯ

Глава 1. Соотношение сил на Черном море 105
Глава 2. Норвегия и Крит. Шок — это по-нашему! . . . 123
Глава 3. 22 июня 1941 года 134
Глава 4. Филипп Октябрьский против Бенито Муссолини 141
Глава 5. Вторжение Манштейна, которого могло и не быть. 156
Глава 6. Взятие Перекопа 171
Глава 7. Был ли германский флот на Черном море? . . . 200
Глава 8. 10-я флотилия МАС осваивает Форос 210
Глава 9. Отражение первого штурма. 228
Глава 10. Забытые десанты — Евпатория, Судак, Алушта . 254
Глава 11. Тайны погибших кораблей 272
Глава 12. Танки в боях за Севастополь 294

Глава 13. Время больших пушек 304
Глава 14. Третий штурм Севастополя 344
Глава 15. Агония 363

Раздел III
ТАЙНЫ «ЗАКРЫТОГО» ГОРОДА

Глава 1. Наш «Бермудский треугольник» 391
Глава 2. «Бабье лето» Севастопольской крепости 415
Глава 3. Объект К-825 430
Глава 4. Секреты Балаклавского полигона 454
Крылатые ракеты 454
Ракеты стартуют из-под воды 470
Глава 5. Ракетная база — объект 100 508

Вместо заключения 514

Приложения

Приложение 1. Батареи Севастопольской крепости . . . 519
Приложение 2. Вооружение Севастопольской крепости в 1908—1917 гг. 526
Приложение 3. Снабжение Севастополя (январь — май 1942 г.) 528
Приложение 4. Авиация Черноморского флота 529

Список использованной литературы 532

Александр Широкорад

ТРАГЕДИИ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ КРЕПОСТИ

Редактор *И. Рудакова*
Художественный редактор *В. Щербаков*
Компьютерная верстка *И. Кондратюк*
Корректор *Е. Анищенко*

ЛР № 065715 от 05.03.1998. ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15
Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, к. 5.
Тел. (095) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.11.2005.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 28,56. Тираж 4 000 экз.
Зак. № 2354.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина,109 .

Английский флот в Балаклаве. 1854 г.

1855 г. На переднем плане русские батареи, захваченные союзниками. Дальше Северная сторона, оставшаяся под контролем русских.

Британские мортиры под Севастополем. 1855 г.

Русские укрепления под Севастополем после их захвата союзниками. 1855 г.

11-дюймовая мортирная батарея рядом с современным Херсонесским музеем. Мортиры не сохранились.

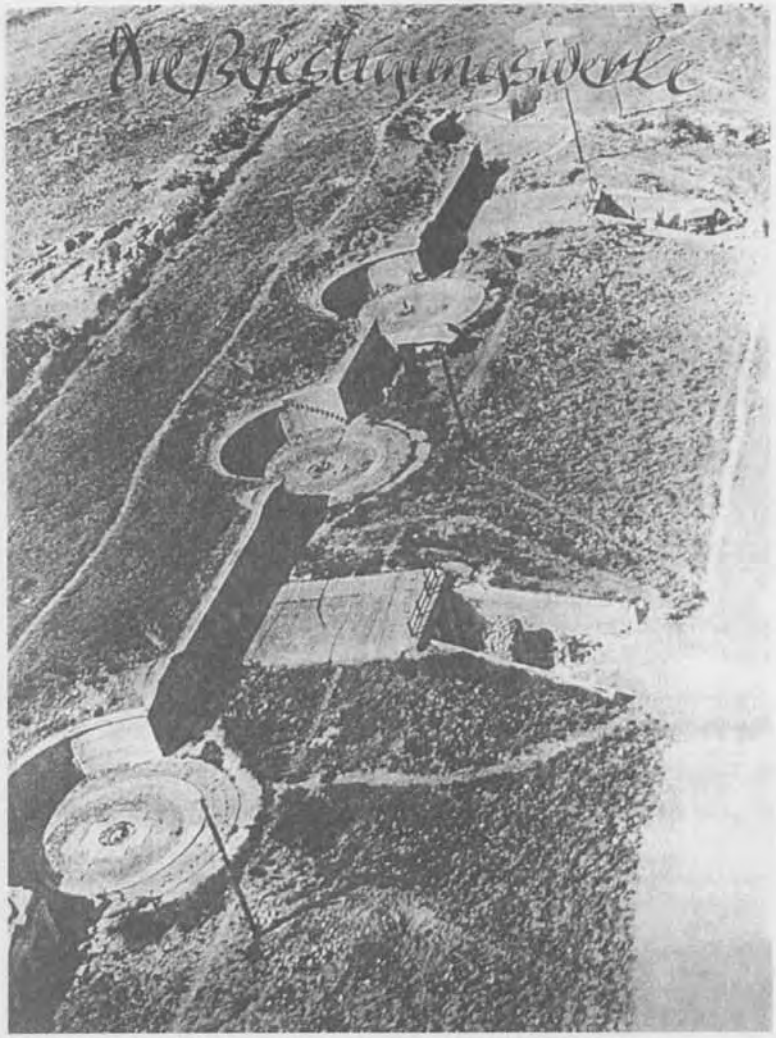
Лишь одна 11-дюймовая мортира сохранилась в Ивангородской крепости.

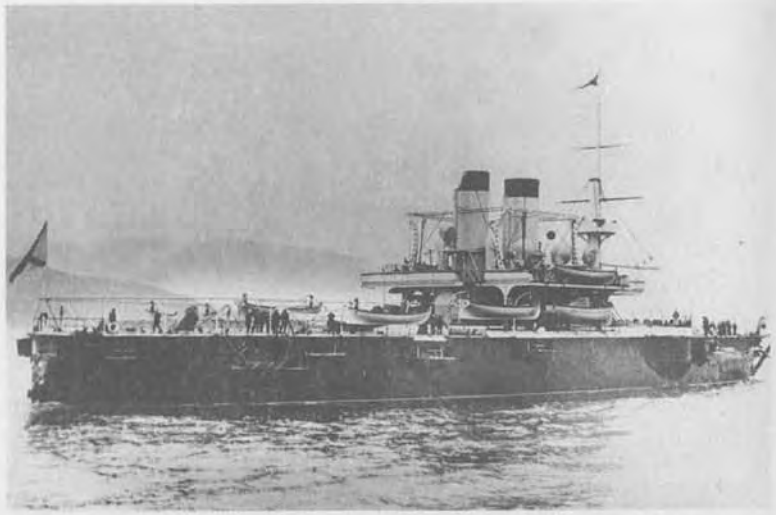
Михайловская батарея в Севастопольской бухте.

А.Б. Широкорад на развалинах 10-дюймовой батареи № 16.

Дореволюционная батарея 152/45-мм пушек Кане. Снимок сделан с германского бомбардировщика.

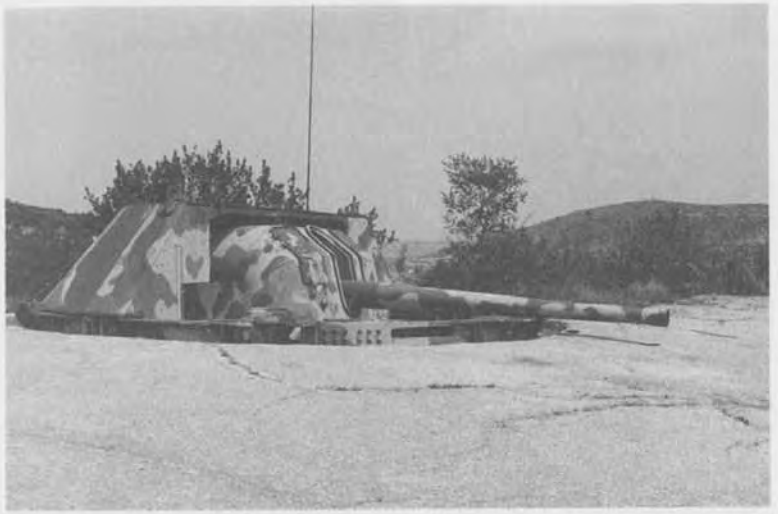
Броненосец «Екатерина II».

Башенная установка Б-13.

Эволюция 130-мм установок Б-13. Пушки Б-13 военного времени во дворике дореволюционной 152-мм батареи.

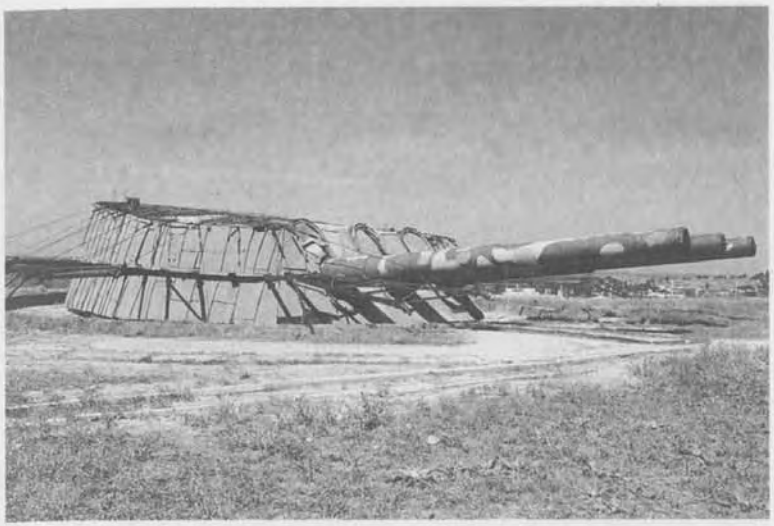
Послевоенная установка Б-13 в броневом куполе системы Вылкоста.

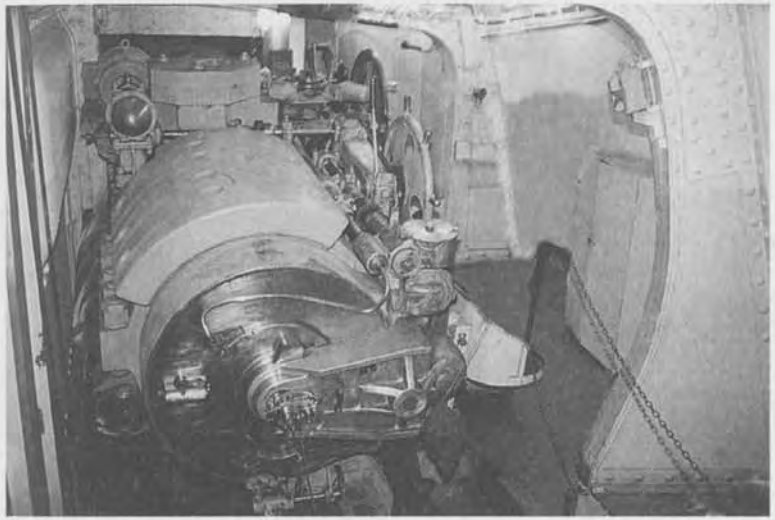
Немецкий вызов... Осколок 600-мм германского мортирного снаряда.

... и русский ответ. 305-мм снаряды 30-й батареи.

Новая 305-мм трехорудийная башня в колодце двухорудийной башни 30-й батареи.

Внутри 305-мм башни.

На переднем плане германский танк радиоуправления, сзади радиоуправляемые машины B-IV.

Танк Т-26, разбитый германской авиацией. Севастополь. Июль 1942 г.

Тяжелый танк «Климент Ворошилов». Танки КВ-1, взятые немцами на Керченском полуострове, участвовали в последнем штурме Севастополя.

130-мм установка на Малаховом кургане.

Германский реактивный 32-см снаряд.

Установка реактивных снарядов Nb.Wf.41 на позиции.

Немцы штурмуют 30-ю батарею.

Конец башенных батарей. Батарея № 30. 1942 г.

Батарея № 35. 2002 г.

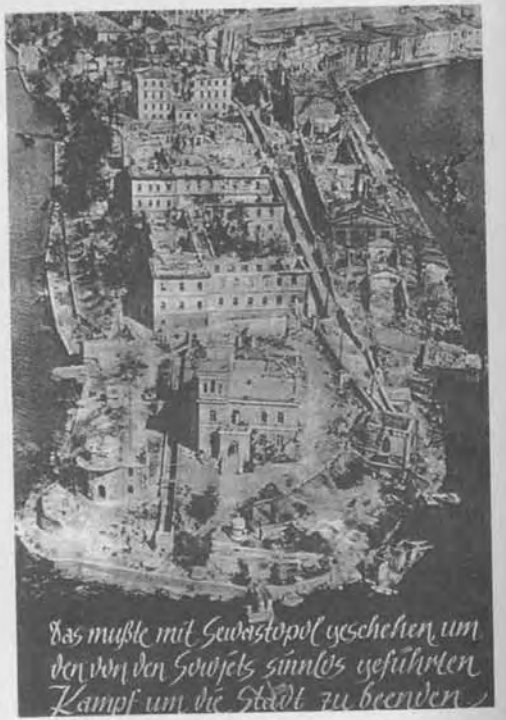
Румынский солдат у подбитого советского танка Т-26.
Июль 1942 г.

Разбитые орудия батареи № 30.

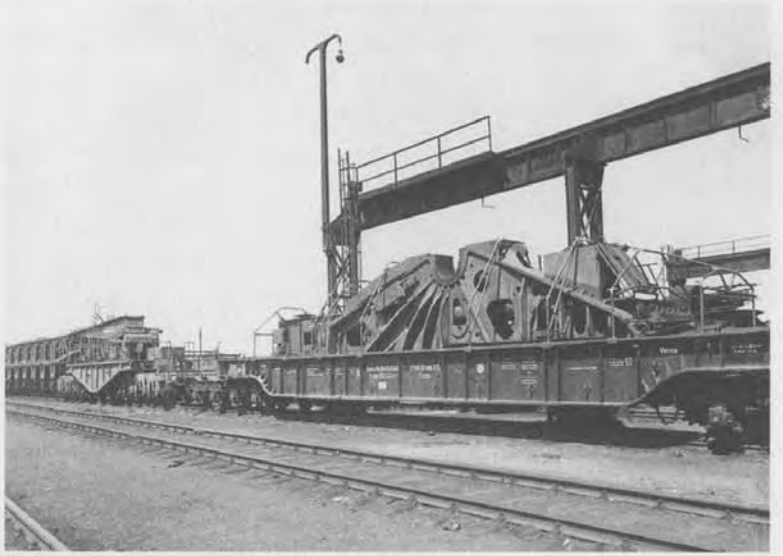

Таким Севастополь достался немцам.

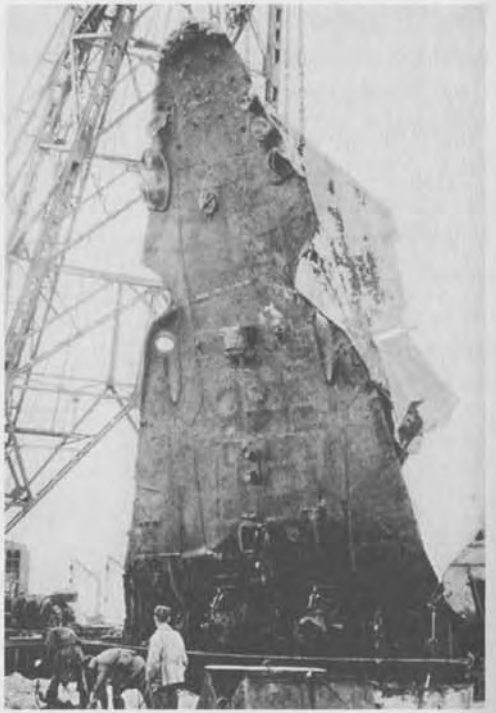
Последний путь 80-см железнодорожной установки «Дора» из Тюрингии в Сталинград. Ствол.

Лафет.

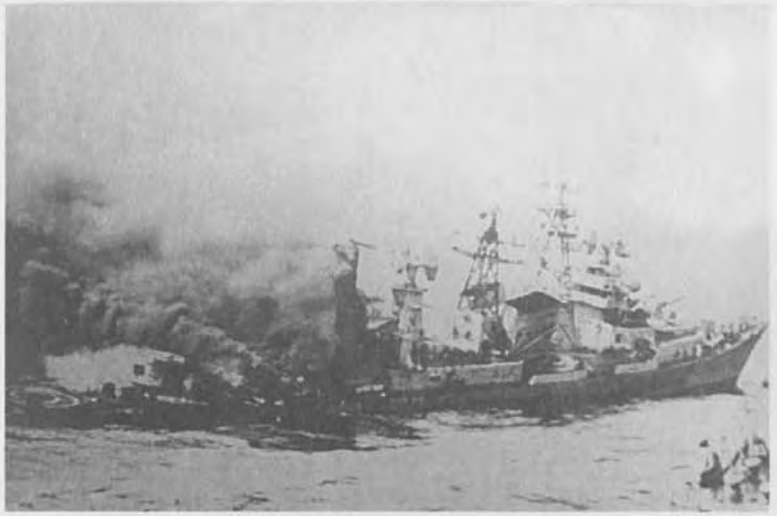

Линкор «Новороссийск».

Подъем носовой части линкора «Новороссийск».

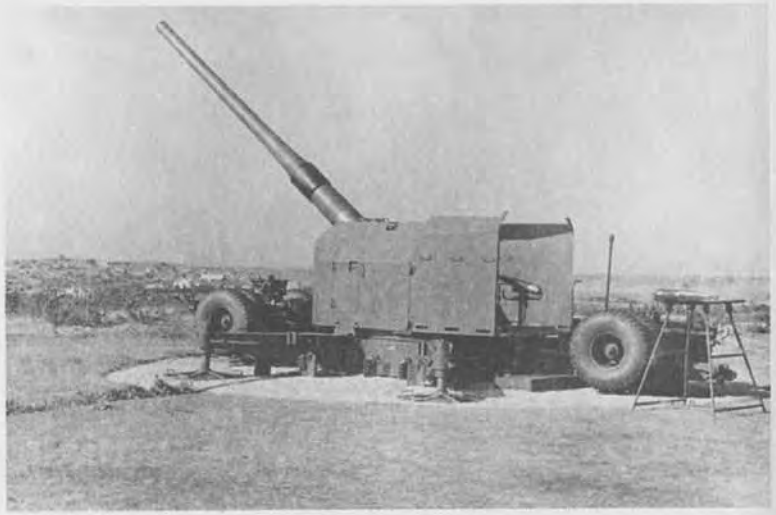

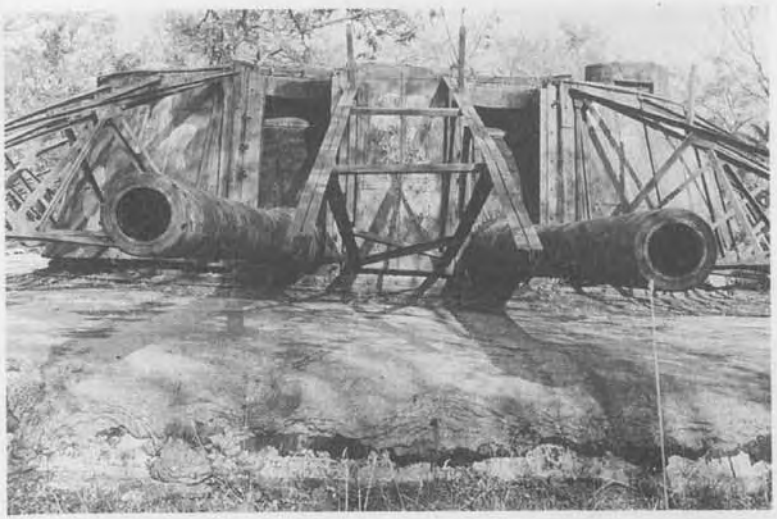
Пожар на БПК «Отважный».

Крылатая ракета «Малахит» на испытаниях.

152-мм подвижная береговая установка СМ-9.

180-мм башня МБ-2-180 на батарее № 330.

Укрепленный наблюдательный пункт постройки 1911 г.

Ракетная подводная лодка пр. 644 входит в Балаклаву.

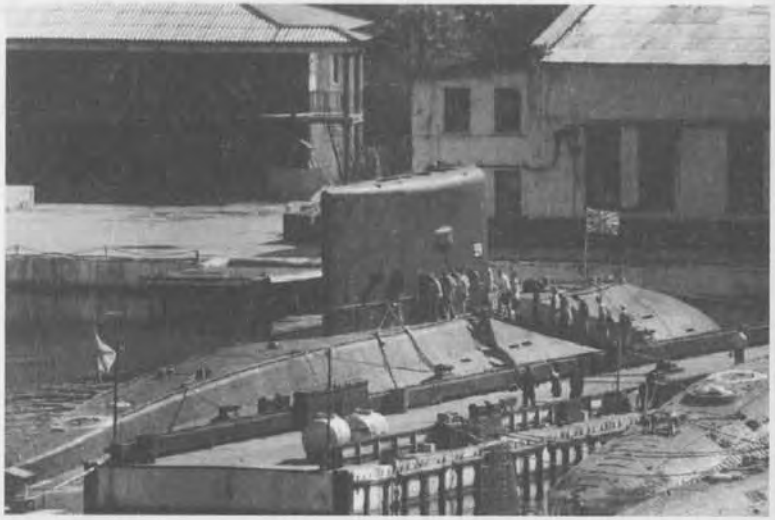
Подводная лодка С-158 идет по Балаклавской бухте.

Ракетная подводная лодка Б-67 пр. 651 в Балаклаве.

Подводная лодка Б-36 на своем последнем параде в Севастополе 29 июля 1992 г. Через несколько месяцев она пойдет на слом.

Последняя и единственная сейчас российская боевая подводная лодка на Черном море Б-871 пр. 877В.

Опытная подводная лодка СС-533 пр. 1710 в Севастополе.

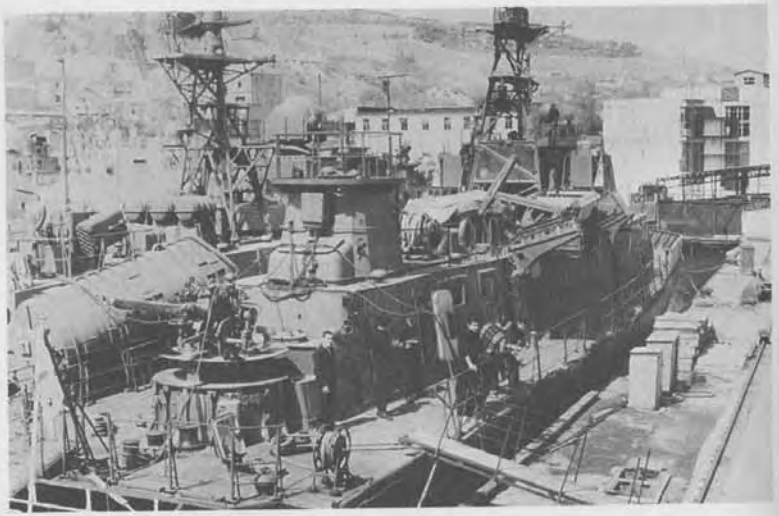

Инкерман. Кладбище подводных лодок.

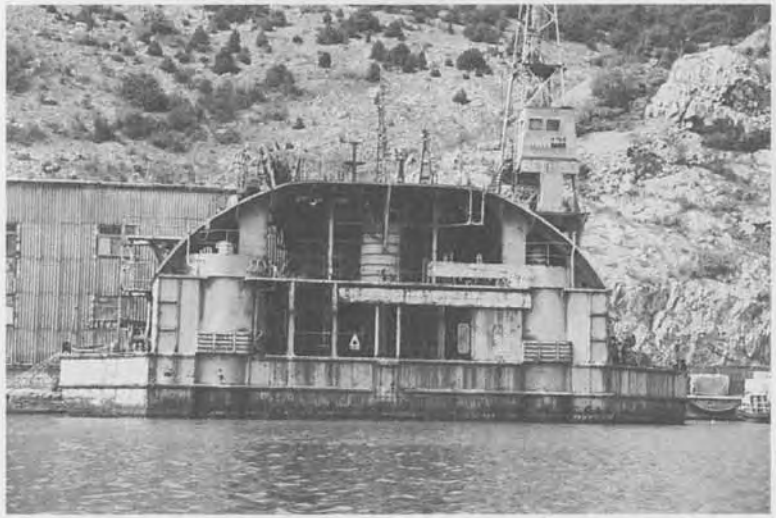

Вход в скальную базу подводных лодок в Балаклаве.

Грузинские военные катера, ремонтирующиеся в Балаклавской бухте. 2004 г.

Последний погружающийся стенд для испытаний ракет. Балаклава. 2002 г.

Мобильный комплекс береговой обороны «Сопка».

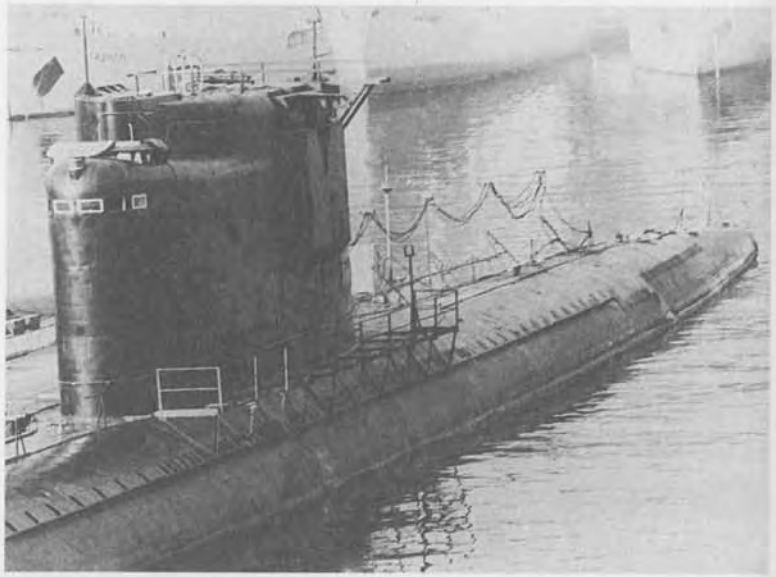
Пуск ракеты П-15М с мобильного комплекса береговой обороны «Рубеж».

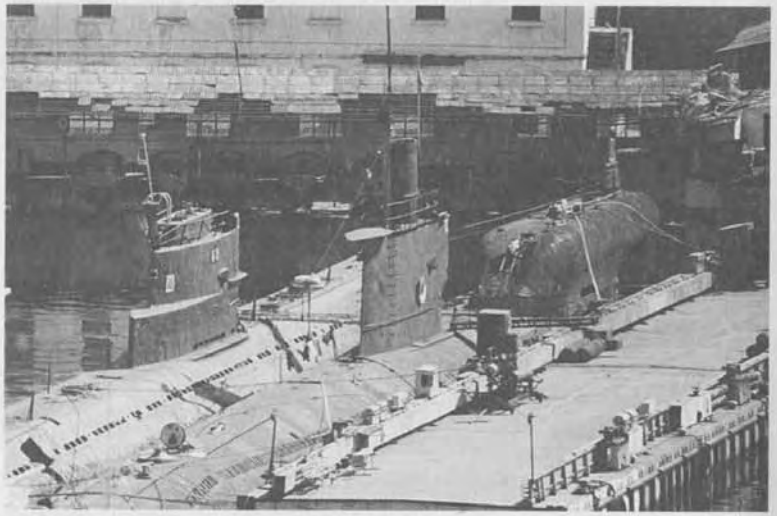
Пуск ракеты «Прогресс».

Пуск ракеты «Рубеж».

Подводная лодка БС-153 пр. 619 с шахтой для испытания комплекса Д-19.

Подводная лодка пр. 633РВ. На носу видны контейнеры, откуда производились пуски ракето-торпед «Водопад».

Подводные лодки в море. Проект 633.

Проект 641Б.

Севастополь. Ракетный крейсер «Грозный».